

IOANNIS SCHEFFERI

Argentoratensis

LAPPONIA

ЛЕГЕНДЫ
И МИФЫ
ДРЕВНЕЙ
ЛАПЛАНДИИ

JOANNIS SCHEFFERI
ARGENTORATENSIS
LAPPONIA

Id est,

REGIONIS LAPPONUM
ET GENTIS NOVA ET
VERISSIMA DESCRIPTIO.

In qua multa

**De origine, superstitione, sacris magicis,
victu, cultu, negotiis Lapponum, item Animalium, me-
tallorumque indole, quæ in terris eorum proveniunt,
hactenus incognita**

Produntur, & eiconibus adjectis cum cura illustrantur.

FRANCOFURTI

Ex Officina CHRISTIANI WOLFFII

Typis JOANNIS ANDREÆ.

ANNO M. DC. LXXIII.

Дорогие друзья!

Губернатор Мурманской области Юрий Евдокимов
с юным саамом Кольского полуострова

Предлагаемый вашему вниманию историко-культурный трактат увидел свет 335 лет тому назад, но на русском языке издается впервые. Возможность познакомиться с уникальным источником сведений о древней истории, природе, культуре и быте коренного населения Лапландии дорогого стоит. Но не менее важно для нас, жителей Кольского края, и то, что в этой книге описана история происхождения, культурного развития и способов совместного проживания четырех родственных этносов – саами на территории нынешних Норвегии, Финляндии, Швеции и России. И, несомненно, лучшее знание и понимание общности исторического прошлого может и должно способствовать еще большему сближению, развитию добрососедских, дружеских отношений между нашими регионами и странами, более эффективному совместному решению проблем коренных народов Севера.

Нельзя по-настоящему любить и беречь землю, на которой живешь, не зная, не интересуясь всем многообразием ее прошлого. Редакция альманаха "Живая Арктика" уже внесла огромный вклад в развитие краеведения на Российском Севере, и, уверен, новое подготовленное по ее инициативе издание вызовет немалый интерес и глубокую признательность наших земляков, всех, кому дорог Кольский Север.

Губернатор
Мурманской области

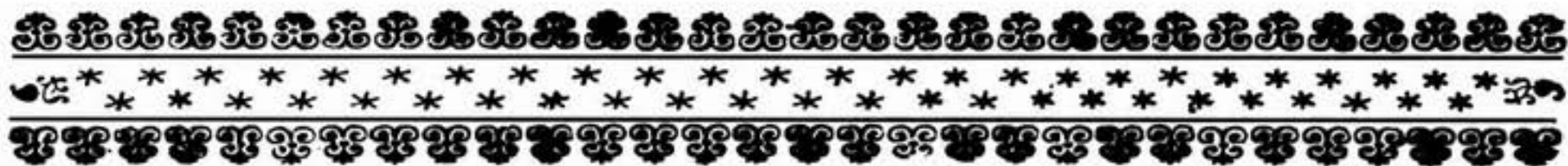
Ю. Евдокимов

И о а н н Ш Е Ф Ф Е Р
Л А П П О Н И Я
1673 Г О Д А,

или Новое и вернейшее описание
страны саамов
и самого саамского народа,
в котором излагается многое
еще никому неведомое
о его происхождении,
суевериях, колдовстве,
образе жизни, обычаях,
а также о природе, животных
и металлах, встречающихся
в Лапландии,
с приложением
подробных к тому рисунков

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Саамы, или в древнем прочтении – лопари, издревле обитающие на Крайнем Севере Европы, до сих пор таят в себе остатки древнейших представлений человека о природе. Несмотря на быстрое вовлечение этой древней народности в современную жизнь, на Кольском полуострове все еще можно найти остатки глубокой лопарской старины. И не должно казаться странным, что современные саамы до сих пор все еще пытаются находить те взаимоотношения с природой, в коих преуспели их отдаленные предки, обитавшие в древней Лапландии. В памяти народа все еще сохраняются своеобразные представления о мире, связанные с богами-покровителями их реальной жизни, промыслов и охоты. Но поступь цивилизации неумолима. И многое в культуре саамского народа уже исчезло, забыто и продолжает утрачиваться или в редких случаях сумело приспособиться к мировым социальным потрясениям.

Но саамская тема – это особая тема. И здесь обязательно следует подчеркнуть, что саамские сказания, мифы и исторические воспоминания имеют огромное значение для сравнительного анализа человеческой культуры. И с каждым годом ученым приходится все больше и больше торопиться, чтобы хоть как-то зафиксировать все эти древние осколки саамской этнографии и тем самым спасти от исчезновения из памяти человечества драгоценные перлы первобытной культуры Севера.

К примеру, скажем, одним из реликтов, ценнейшим для изучения первобытных верований саамов, является уже почти исчезнувший культ сейдов и уж тем более лабиринтов, известных в настоящее время исключительно в виде камней, с которыми связаны какие-то культовые или иные особые сказания.

Особое место в этом отношении представляет "LAPPONIA" – первая из печатных книг XVII века, из которой мир узнал об истории, природе, культуре и быте коренного населения Лапландии.

Ее автор, Иоанн Шеффер, родился в 1621 году в немецком городе Страсбурге, там же он окончил университет. В дальнейшем путешествовал и общался с ведущими учеными лингвистами того времени, совершенствуя свои знания.

В 1648 году Иоанн Шеффер, многосторонне обученный и обладающий прекрасными манерами юноша, был приглашен на должность профессора риторики и политики в Академию Упсалы. Сразу по прибытии в Швецию молодой ученый был с видимым интересом встречен королевой Кристиной и до конца жизни всегда пользовался

милостью королевской семьи, а его работа "Швеция литературы", в которой он обобщил все шведские печатные и рукописные источники, дала ему имя отца шведской литературы и истории. Все последующие труды принесли ему славу видного шведского землеписателя (географа).

В середине XVII века большая часть Лапландии административно входила в губернию Вестерботтен и приобретала важное значение для Швеции в спорах с соседом – королевством Дании-Норвегии.

В 1670 году губернатор Вестерботтена Йон Граан предлагает провести перепись населения этого района, чтобы лучше отслеживать хозяйственную жизнь в Лапландии. Доказывая значимость лапландцев для шведской короны, Граан, в частности, писал, что "необходимо иметь в лопарях союзников, поскольку они в состоянии помочь нашим врагам норвежцам подойти к Вестерботтену, перевезя их на своих оленях через горы". "Также нежелательно, чтобы лапландцы вытеснялись к югу, поскольку, не приспособленные к новым условиям жизни, они превратятся в нищих. Поэтому нужно помочь им с покупкой, например, лодок, чтобы они могли зарабатывать традиционными промыслами: рыболовством, оленеводством и охотой, и освободить их от налогов. То есть создать условия, чтобы они жили в этом районе и развивали столь стратегически важную часть страны".

Удивительно сегодня читать эти строки о том, как правительство может заботиться о своих отдаленных уголках и об аборигенном населении этих мест с целью усиления своей государственности.

А тем временем ученая коллегия по истории поручает профессору Иоанну Шефферу написать научный трактат о лапландцах и их стране, при этом Шефферу необходимо было:

- осветить исторические корни лапландцев и историю заселения Севера Европы;
- сделать описание природы всех частей Лапландии;
- рассказать, чем лапландцы могут быть полезны шведской короне и что шведское королевство должно для них сделать.

Особое внимание придавалось правдивому описанию возможностей боевой магии и колдовства лапландцев, прежде всего в русской части Лапландии.

И Шеффер восторженно пишет своим друзьям – голландским ученым Николаю Гейну и Георгу Грейву: "Получил задание описать лапландцев, чтобы народ сей стал известен всему миру".

Автор "Лаппонии" Иоанн Шеффер

В создании этого фундаментального труда Шефферу активно помогали губернатор Вестерботтена Йон Граан и священники северных приходов. Они присылали ему не только свои отчеты об обычаях и условиях жизни лапландцев, но и предметы их быта и культа. Так что впоследствии Шеффер мог похвастаться небольшим музеем "саамских редкостей" у себя дома. Собственноручные зарисовки Шеффера этих экспонатов войдут впоследствии и в его знаменитую книгу.

В 1673 году "Лаппония" на латинском языке была напечатана во Франкфурте, в лучшей в то время в Европе типографии. Через год в Великобритании появляется ее английский перевод. Впоследствии этот фолиант был переведен на все европейские языки, и до настоящего времени писатели и ученые всего мира используют его как основной первоисточник по истории народов, обитающих за полярным кругом.

К настоящему времени единственной европейской страной, где "Лаппония" еще не издана, является Россия. Правда, самом конце прошлого века, три небольшие главы из "Лаппонии" Шеффера – "О растительности", "О диких зверях, водящихся в Лапландии" и "О рудах и металлах" были опубликованы в альманахе "Живая Арктика" за 1999 год. К самому факту публикации Шеффера на русском языке весьма одобрительно отнесся и старейший мурманский историк, профессор Иван Ушаков. Сам участник этого номера, он пожелал редакции альманаха "Живая Арктика" когда-нибудь полностью опубликовать "Лаппонию" с современными комментариями и приложениями по древней истории Кольского полуострова.

История подготовки русского перевода "Лаппонии" изобилует поучительными и трагическими моментами. Первым небольшие отрывки из этого фолианта перевел в конце XIX века для своей книги "Русские лопари" молодой этнограф Николай Харузин. Сегодня эта книга – библиографическая редкость. В 1926 году на Мурмане было организовано общество краеведов. Одним из его организаторов был ветеран Севера, настоящий русский интеллигент, ученый-краевед, экономист и плановик, Василий Кондратьевич Алымов (в середине 20-х годов он возглавлял Мурманский губплан). В конце 1920-х годов, получив из Швеции экземпляр "Лаппонии" на латинском языке, Алымов заказывает ее перевод. Совместно с этнографом Владимиром Чарнолуским они готовят "Лаппонию" к печати. Но тут авторов перевода и комментариев накрыла зловещая тень 37-го года.

Одним из самых громких "преступлений", якобы выявленных и разоблаченных органами НКВД на Кольском

полуострове в те годы, было, так называемое, "саамское дело" или "дело Алымова и К°". Были расстреляны 15 человек, проходивших по этому делу. Вместе с Алымовым к ВМН были приговорены еще 14 представителей коренного населения – саамов. Самому старшему – знаменитому в Ловозерской тундре Ивану Артиеву – было 57 лет, младшему – Никону Герасимову, окончившему Институт народов Севера, – было всего 27.

Еще 13 человек получили, как тогда говорили, по "десятке".

Еще одним пострадавшим в саамском деле стал замечательный русский этнограф Владимир Владимирович Чарнолуский. Он был первым профессиональным этнографом, который изучал жизнь саамов Кольского полуострова после Октябрьской революции. Его наблюдения тем более ценны, что это было время (конец 1920-х годов) перед коллективизацией, когда хозяйство саамов, в частности оленеводство, и вся их культура еще сохраняли свои традиционные черты. С именем Чарнолуского связана целая эпоха в изучении саамов Кольского полуострова. Его фундаментальный труд "Материалы по быту лопарей" до сих пор не потерял своей актуальности. В 1938 году Чарнолуский был арестован, осужден по 58-й статье и отправлен в Каргопольлаг. Только в самом начале 1960-х он снова оказался

на Кольском полуострове по заданию Института этнографии. В последние годы жизни он работал над своей книгой "В краю летучего камня", но до ее издания в 1972 году Чарнолуский не дождался.

Удивительным образом в первом номере журнала "Советская этнография" за 1937 год публикуется последняя работа В.К. Алымова, посвященная вопросам шаманства и колдовства у северных народов. В качестве примеров он использует карельский эпос "Сампо" и отдельные куски из перевода с латинского "Лаппонии".

После выхода номера редактор был объявлен "врагом народа", а редакция расформирована. С тех пор русский текст "Лаппонии" надолго исчез из поля зрения краеведов. Лишь в начале 1970-х Северный филиал Географического общества СССР получил из архива Чарнолуского конспект перевода "Лаппонии" в редакции латиниста Владимира Золотилова.

С некоторыми сокращениями адаптированный вариант русского текста "Лаппонии" мы и представляем нашим читателям, в надежде, что академическое издание капитального труда И. Шеффера не за горами.

Редактор альманаха "Живая Арктика"
Валерий Берлин

Первое издание "Лаппонии" И. Шеффера на латинском языке, 1673

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕРМИНА "ЛАПЛАНДИЯ" (LAPRONIA)

LAPRONIA. Лапландия неодинаково называется различными авторами. Некоторые называют ее Лаппией (Lappia), в том числе Иоанн Магнус, как видно из предисловия к написанной им истории. "Наконец к северу, – говорит он, – простирается Лаппия (Lappia)".

По всей вероятности, он заимствовал это у Саксона Грамматика, который употребляет это наименование в 5-й книге "Истории Дании": "Области Гельсингов, Иарнбергов и Иамторов с обоими Лаппиями были отданы в управление некому Димару".

Другие же говорят о Лапландии (Lapponia); так, например, Олаф Магнус, брат Иоанна, в объяснении к составленной им географической карте Скандинавии дает такие пояснения: "Под буквою "С" значатся три крупные области – Скрифинния, Биармия и Лапландия". Еще ранее Яков Циглер в небольшой книжке о северных областях, перечисляя названия описанных в ней провинций, упоминает и о Лапландии, а в тексте говорит о "стремительнейших реках, несущихся среди лапландских гор".

То же самое встречаем у Эрика Версальского, предшественника вышеупомянутых авторов, который пишет: "Финляндия с примыкающими к ней областями, к которым относятся Тавастия, Карелия, Лапландия и т.д.", или у Андрея Буряя, выступившего в более позднюю эпоху: "Лапландия – самая северная из провинций..."

Судьбу географического термина, употребляемого для обозначения страны, разделяет и название обитающего в ней народа. Одни называют их лопарями (Lappi), например как Герберштейн в своем описании Московии: "Они более кротки, чем дикие лопари" и далее: "покинув земли лопарей..." и Вексионий в книге о "Швеции": "Лопари живут в тундре", другие – "лапландцами" (Lappones), как Иовий: "На самой окраине у побережья океана обитают лапландцы" или Циглер в вышеупомянутом сочинении: "лапландцы среднего роста".

Филипп Клюверий называет их обоими именами, например, во "Введении в географию": "Ближайшими соседями их к востоку являются лопари (Lappi), или лапландцы Lappiones)". Его примеру следует в своих путевых записках граф Ломений (Gomes Lomenius): "Вблизи Умео (Uma) начинается тракт, носящий название дороги лапландцев". Олаф Магнус в одном месте называет их Lapponienses, Герберштейн же иногда – лоппами (Lorpi), вероятно, потому, что ему приходилось слышать такое произношение от московитов, которые дают им именно это название – лопари.

Клюверий (sic!) в книге "О древней Германии" говорит: "Племена, живущие на границе с финнами русскими, зовутся лопарями (Lorpi), шведами же, датчанами и норвежцами – "Lapper". У Герберштейна встречается такая фраза: "Наконец пришли в область Diki Lorrogum,

что означает диких лопарей", и еще: "ими лопари (Lorpi) пользуются в качестве вьючных животных", а далее: "хотя лопари не имеют ни хлеба, ни соли, ни других съестных припасов..."

В заглавии послания к Иоанну Магнусу, приложенному к сочинению о посольстве индов (Delegatione Indorum), стоит "О Пилапах", а область называется Пилапиею. Дословно текст этот таков: "Я помню, что в ведении твоего архиепископства находится страна, именуемая Пилапией". Однако об этой Пилапии никому ничего неизвестно. Быть может, автор послания слышал когда-нибудь о Pitha Lappia и Pithalappis или Pithlapis, т.е. той части Лапландии, которая входит в округ Питео? Подозреваю, что это необычайное название возникло этим путем.

Этому словоупотреблению Дамиана, без достаточных оснований, как указано выше, последовал Пейцер в следующих строках: "Племена, живущие на самом северном побережье Скандинавского полуострова, у самого Ледовитого океана, называются пилапами (Pilapii)".

Шведы из народного термина lapper, уже отметил Клюверий, образовали название северной области "Лапмаркен", т.к. mark по-шведски означает "земля", датчане и норвежцы подобным же образом создали название Лапландия.

Впрочем, норвежцами эта же область называется еще и Финмаркен, что видно из описания Норвегии, сделанного Петром Клаудом (Petri Claudy): "В области Финмаркен громадные реки низвергаются с гор" и там же: "В области Финмаркен есть места, где ловится лосось". Что под именем Финмаркена здесь подразумевается та же страна, которую называют Лапландией, станет ясно каждому, кто потрудится прочесть эту главу в целом.

Оставив в стороне Финмаркен, я думаю заняться теперь выяснением происхождения термина "Лапландия" и названия народа лопари, или лапландцы. Вопрос этот еще недостаточно хорошо разъяснен учеными. Циглер полагает, что название лаппы (Lappi) создано в Германии потому, что народ этот глуп и неуклюж, а немцы этим словом зовут людей неспособных и ограниченных. Однако на это можно возразить, как могла эта страна получить название от немцев, когда она им почти совсем неизвестна. Ни один из древних писателей, занимавшихся изучением Германии, никогда не упоминал ни о какой Лаппии или Лапландии.

Кроме немцев она так называется и шведами, и финнами, языки которых значительно отличаются не только от немецкого, но сильно разнятся и между собой. Наконец, даже русские, или московиты, тем же именем называют этот народ, хотя русский язык еще меньше схож с уже упомянутыми языками.

Невероятно, чтобы это название могло прийти от немцев, народа очень отдаленного, и от них привиться в язы-

ках совершенно чуждым им народов, находящихся в гораздо более близком соседстве с лопарями, народов, с которыми немцы при том поддерживали очень слабые отношения.

Сверх того, лопарский народ, как, впрочем, признает далее в том же сочинении и сам Циглер, отнюдь не так глуп и неотесан. Он же пишет: "Некоторые из них занимаются ремеслами, рисуют, изготавливают одежды, вытканые золотом и серебром". Таким образом, его же собственное утверждение не выдерживает критики.

Я не могу согласиться и с Вексионием, полагающим, что слова "лаппы", "Лаппия" (Lappia) шведского происхождения, а именно жителей этой страны называют так будто бы потому, что они одеваются в меха. В действительности слова Lapper или Skinlapper в Швеции, откуда и народ лаппы, лопари и страна Лапландия, т.е. земля меховых людей, никогда не обозначают меха, а лишь полы меховых шуб или одежд.

Поэтому-то Олаф Петерсон Ниурений, писавший о Лапландии во времена Густава Адольфа, предполагал увидеть громадные толпы оборванцев, старающихся попасть на глаза крестьянам-земледельцам. Так как "все они покрыты лохмотьями (по-шведски "Lapp"), то потому и прозваны шведским народом вполне заслуженно лапландцами". Однако следует заметить, что, во-первых, не так уж часто совершаются эти набег, и, во-вторых, не так уж отличаются лопари своими лохмотьями от других племен, например финнов и им подобных, чтобы по этим причинам заслужить такое прозвище.

Притом совсем не всегда они одеты и в меха, как, видимо, этого хочется Вексионю, а чаще даже, напротив, носят одежду из шерсти, как будет мною указано ниже. Гроций предполагал, что имя лаппы (лопари) произошло от шведского глагола "бежать", а именно в его списке собственных имен, встречающихся у Прокопия и готских авторов, значится: "Лаппы, лоппы, лупианы в пейтингерианской таблице – бегуны, племя, способное к бегу". Но это предположение также неправдоподобно, т.к. слово, обозначающее бег, пишется иначе, чем термин, обозначающий этот народ. "Бежать" по-шведски – lora, а у немцев с более твердым произношением laufen, тогда как народ называется Lapp и Lappus. Кроме того, лапландцы не просто бегают, а лишь скользят по льду и по снегу на особых, для этой цели

устроенных приспособлениях (лыжах). Другие ученые думают, что не страна получила свое название от имени народа, а, наоборот, народ получил название от страны, как это, например, случилось с норвежцами, эстонцами и многими другими. Это как будто подтверждается тем, что Олаф Магнус называет их лаппоманнами (mann – человек), подобно тому как жителей севера называли норманнами (– северные люди), жителей западных провинций – вестманнами (west – запад) и южных – зудерманнами (sud – юг).

Во всех этих названиях окончание "манны" обозначает людей, населяющих ту или иную область, и поэтому лаппоманна значит "люди из Лаппии", а смысл этого последнего названия объясняют от слова lapp – край одежды, пола, придаток, т.к. она находится у крайних пределов Скандинавии.

Или еще исходят от финского слова "lo Lappi", обозначающего – "крайний, последний", почему и страна носит это название, как расположенная на самом крайнем севере Ботнического залива. Об этом пишет Иоанн Торней: "Правдоподобнее всего, что лопари получили это название от финского слова Lappi, которое обозначает край или конец какого-нибудь предмета, в том смысле, что лопари являются как бы концом и заключением, самым крайним из народов, живущих у пределов Севера".

Хотя это предположение и кажется мне довольно вероятным, но все же наиболее правильным я считаю исходить из того значения, которое имеет слово Lapp на языке самих лопарей, а там оно обозначает изгоев, изгнанников. Первым мне сообщил это ученейший и достойнейший муж Захария Плантин. "Я узнал, – говорит он, – что на лопарском языке глагол lappe обозначает "выбрасывать, изгонять".

Нет ничего удивительного в утверждении, что лопарский народ произошел от финнов и жил прежде среди них и лишь впоследствии был ими изгнан из их пределов, в силу чего и получил это название. Следует заметить, что сами лопари не называют себя так, для этого у них есть иной термин, о чем я скажу ниже, но так зовут их ближайшие их сородичи финны.

Сопоставляя с этим лопарским словом вышеприведенное финское значение слова lappi – крайний, конечный, удаленный к пределам, мы и тут видим подтверждение такого истолкования.

Поскольку слово *lapp* имеет такой обидный смысл (выброшенный на край, изгнанный), то становится понятным почему более зажиточные и видные лапландцы не выносят, когда их называют лопарями. Об этом говорит Олаф Петерсон Ниурений, а также и его сын г-н Плантин в предисловии к рукописному лопарскому словарю, который он мне недавно прислал.

В этом имени они усматривают оскорбительный намек на то, что они изгнанники, выброшенные со своей прежней родины. По этой причине и страна получила свое название, данное ей не по желанию самих лопарей, а по воле финских писателей, которые первыми и пустили в обиход этот термин. От них его позаимствовали не только шведы, а под их влиянием и немцы, но также и русские.

Сами же лопари называют свою страну *Sabmienladti* (самоядь), как говорят в этой части страны, которая примыкает к округу Умео, или *Smeednap*, в округе Торнео, от слова *Sabmi* или *Same*, которым они называют себя и свой народ. Каковы происхождение и значение этого слова, будет видно в дальнейшем.

С каких пор они стали называться лопарями, а страна их Лапландией, установить нелегко. Однако достоверно, что термины эти возникли в сравнительно недавнее время. Ни у кого из древних авторов они не встречаются. Их нет ни у Тацита, который, однако, упоминает о финнах (их ближайших соседях и племени, от которого они произошли, как будет выяснено ниже), ни у Птолемея, ни у Солона, Антония Августа, Рутилия, ни у кого-нибудь другого. Нет упоминаний о Лапландии и у старинных исландских, норвежских и готских писателей, относящихся к временам Бозы, Гетрика, Рольфа и короля Олафа. Ничего о ней нельзя найти даже у Адама Бременского, прилежно собиравшего все сведения о северных странах, о чем ярко свидетельствует его "Скандинавия", а также у Стурлесона, весьма тщательно описавшего все касающееся Севера. Я никак не могу согласиться с мнением ученойшего Клюверия, авторитет которого признает даже Гроций, желающего видеть упоминание о лапландцах в так называемой пейтингерианской таблице. Он так говорит об этом в книге "Древняя Германия": «В пейтингерианской таблице мы читаем следующее: "Сарматы – лупионы (*lupionts*), сарматы – венеты, бастарны"».

Последние из упомянутых здесь, а именно бастарны, жили в области, простиравшейся от Понта до истоков Вислы, их соседями были венеты, жившие до берегов Венедского залива, а далее финны. Из этого ясно, что вышеупомянутые лупионы не могут быть никем иным, кроме как нынешними соседями финнов, которых русские называют лопарями, датчане и норвежцы – *lapper*, а немцы – *lapper* (лапландцы).

Автор, которому приписывается пейтингерианская таблица, жил в эпоху, предшествовавшую Феодосию Великому, а следовательно, по крайней мере за 600 лет до Адама Бременского. Таким образом, представляется чрезвычайно неправдоподобным, что упоминание о лапландцах впервые встречается у этого древнего автора, весьма отдаленного от этой страны, географические познания которого, как показал в свое время Вельзер, очень поверхностны, и не встречается у Адама Бременского, гораздо более близкого нам по эпохе и по географическому положению своему к родине этого народа, сведения которого

о северных странах опираются на данные, добытые им от людей, непосредственно побывавших в них.

Притом в пейтингерианской таблице лупионы называются сарматами, лопари же с сарматами не имеют ничего общего. Нет ни одного древнего писателя, у которого бы где-нибудь можно было найти указания на то, что сарматы так далеко распространились к северу. Из всего этого ясно, что вышеупомянутые лупионы могли быть кем угодно, но только не лопарями, т.к. этот народ в эпоху, к которой относятся таблицы, не был известен даже ни одному готскому, норвианскому или датскому писателю, принадлежащему к тем народностям, которые находились в непосредственной близости к нынешней Лапландии.

(*Tabula Peatingirina* (пейтингерианская таблица) есть *itinerarium scriptum*, т.е. карта военных дорог Западной Римской империи, составленная, по-видимому, в III веке от Р. Х. Касторием (K. Miller). Затем в 1265 г. она была скопирована одним монахом из Кольмара и, наконец, попала к Конраду Цельтесу, передавшему ее немецкому гуманисту Конраду Пейтингеру (1465–1547). Оригинал ее хранится в Венской Императорской Библиотеке. Целиком она была издана впервые F. de Schyб (1753), последнее издание B. Desjardins (1869–1874) и K. Milnn (1888). – Прим. ред.).

Как уже указывалось в начале этой главы, первым, кто действительно впервые упомянул о Лапландии, был, по-видимому, Саксон Грамматик. В "Истории Дании" он говорит о провинциях нарнберов и ямптов с обоими Лаппиями и далее там же: "Поручил ему Гельсингию с обоими Лаппиями".

Саксон Грамматик жил и писал свою "Историю" около 1190 г. от Р. Х., т.е. почти на 113 лет позже Адама Бременского, процветавшего около 1077 г. Именно в этот промежуток времени, по всей вероятности, и стало входить в употребление современное нам название этой страны (*Lappia, Laponia*).

Если бы это было иначе, то, вне всякого сомнения, мы нашли бы упоминание о ней у Адама Бременского, отличавшегося тщательностью своих данных. Следующим после Саксона Грамматика упоминает о Лапландии Эрик Упсальский, писавший около 1470 г., т.е. почти через 300 лет после С. Грамматика и за 200 приблизительно лет до написания этой книги. В описании Швеции, предпосланном им его "Истории", мы читаем: "Первой страной, ближайшей к Швеции и России, была Финляндия с входящими в ее состав областями Тавастией, Карелией, Лапландией (*Lappia*) и Нюландией".

После Эрика не только упоминает о Лапландии, но и дает ее описание Яков Циглер, в своем сочинении о северных странах, о котором я уже отзывался с похвалой и уважением. Через него эта страна стала известной и всей остальной Европе, т.к., несмотря на упоминание о ней Саксоном Грамматиком, до появления в свет сочинения Циглера вне пределов Швеции и Финляндии никто о ней ничего даже и не слыхивал.

На этом я думаю покончить с вопросом о происхождении термина Лапландия.

О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ
ЛАПЛАНДИИ

Каково было географическое положение Лапландии в древности, представляется еще в значительной мере темным. Саксон Грамматик, еще в приведенной мною выше цитате считает ее прилегающей к области Ями (*Jamptia*, Ямь новгородцев область нынешнего Ямбурга – Кингисеппа. – Прим. ред.). "Области же Гельсингов, Нарнберов и Ямтов с обоими Лаппиями отдал в управление некоему Домару", – пишет Грамматик. Из чего можно заключить, что она простиралась до пределов Гельсингии или Финляндии. И далее он продолжает: "Кроме того передал ему право собирать ежегодную дань с Гельсингии, обоих Лапландий (*Lappia*), Финляндии (*Finnia*), а также Эстии (Эстонии)". Т. е. он как будто отводит ей место посередине между Гельсингией и Финляндией того времени (Финнией), делая соседками ее Эстию и Ямь.

Напротив, Эрик Олафсон, прозванный Упсальским, считает Лапландию частью Финляндии: "Ближайшей к Швеции и России страной была Финляндия, с входящими в ее состав областями: Тавастией, Карелией, Лапландией (*Lappia*) и Нюландией". При этом он, по-видимому, помещает ее между Карелией и Нюландией.

Олаф Магнус, как видно из составленной им карты, отводит место Лапландии над Западной Ботнией (Вестерботнией), а рядом с ней отмечает Скрикфиннию (*Skrikfinnia*) и Биармию. "Под буквою "С", – говорится у него в пояснении к карте, – значатся три крупных области: Скрикфинния, Биармия и Лапландия". При этом самой северной он считает Скрикфиннию, Биармию отводит место к востоку, а ниже их и на запад помещает Лапландию. Подобным же образом смотрит и его брат Иоанн Магнус, в предисловии к своим историческим сочинениям говоря: "На севере Швеции расположена полярная область Биармии, делящаяся на ближнюю и дальнюю, на восток от нее простирается обширнейшая Скрикфинния, о которой столько сказочного рассказывает Прокопий, и, наконец, к югу от них – Лапландия".

Многие совсем отрицают существование Скрикфиннии, как, например, Бурей: "Скрикфиннии же, о которой упоминает Саксон Сиеландец и другие древние авторы, нет никакой". И действительно, в наше время на северном побережье нет никакой страны, которая сохранила это название. Я лично не беру на себя смелости отвергать эти сообщения множества ученых авторов, и прежде всего Саксона Грамматика, весьма осведомленного обо всем, что касается северных стран, в особенности того, что они не только приводят одни названия, но также дают описание жителей этих стран, их обычаев, верований, государственного устройства и пр.

Однако приводимые Олафом и Иоганном Магнусами наименования скрикфинны (*Skritofinni* или *Skriefinni*), пожалуй, правильнее читать как скритофинны. Наоборот,

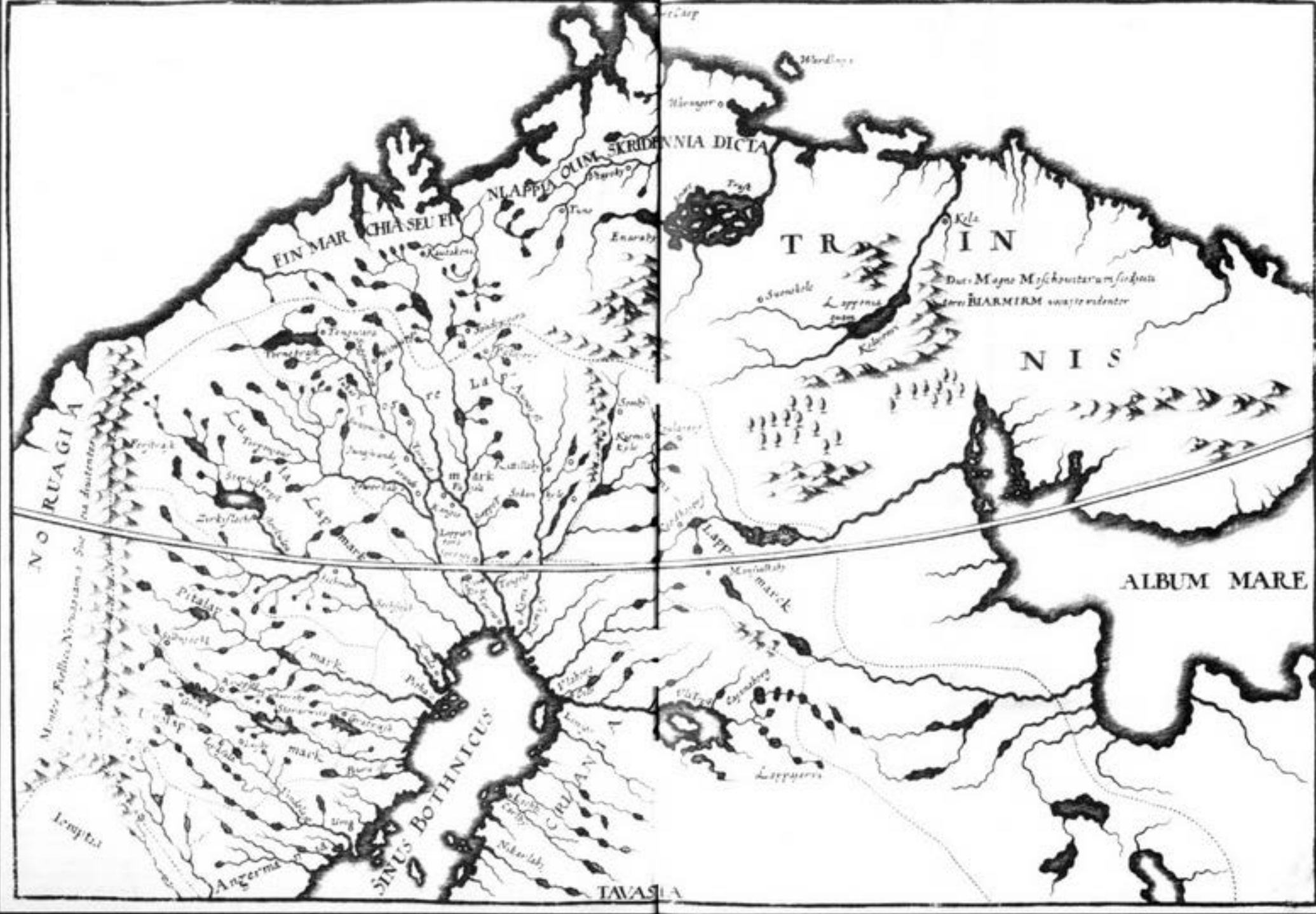
совершенно необоснованно предложение Андрея Бурей называть их скидфиннами, т.к. букву "р" в этом слове настойчиво удерживают все прочие авторы, хотя и различающиеся несколько между собой в других деталях. Иорнанд, например, пользуется термином скретефинны (*Skretefennae*), Павел Варнефрид – скритобини, изменяя "ф" в "б", о чем придется еще говорить в дальнейшем, Адам Бременский – скретефинны. То же мы видим и у греков, правописание которых не оставляет сомнения в правильности вышесказанного.

Но лучшим доказательством служит то, что скретефинны, представляют собой нечто иное, как финнов, которые, как говорит тот же Павел Варнефрид, "от варварского слова, обозначающего прыжки, получили свое название, ибо прыжками на длинных и наподобие лука загнутых плоских досках (лыжах) они преследуют диких зверей". Отсюда видно, что они получили свое название не от этих деревянных лыж (*Skidh*), которыми они постоянно пользуются, а именно от опаснейших прыжков, которые они на них выделывают, что и называлось в старину *skriida*.

Именно в таком смысле употреблено это слово в старинной цитате, приведенной тем же автором в его "Лексиконе" (*Specimen lexicæ runicæ obscuriorum quarundam vocum, collectum a Magno Olavio, redactum ab Olao Wormio. Hafnias, 1650*), где сообщается о клятве некоего Гафура, обязавшегося сохранять мир до тех пор, пока *Finnur skriidar* (прыгает финн).

Еще у древних писателей глаголом *skirida* обозначается змеиное движение, скольжение, что и соответствует передвижению финнов на лыжах, т.к. они не поднимают попеременно то одну, то другую ногу, как мы это делаем при ходьбе, а именно скользят, не отрываясь от ледяной или снежной поверхности и быстро продвигаясь вперед. В этом смысле следует понимать и слова Адама Бременского, несомненно имеющего в виду этот народ: "Это те, которых Солин называет гимантоподами, т.е. прыгающими одной ногой". У самого Солина это место читается так: "Гимантоподы движутся, приседая и сгибая колени, не шагая, и продвигаются вперед скорее наклоном, чем поступью". Это определение как нельзя лучше может быть применено к нашим скритофиннам, т.к. именно этот характер движения, напоминающий движение змеи, скользящей по поверхности, соответствует старинному смыслу слова *skirida*.

Впрочем, обо всем этом мне придется еще говорить в том месте, где я займусь описанием бега лапландцев по льду и по снежным равнинам. Я остановился на этих подробностях только для того, чтобы доказать, что термин скритофинны, приводимый авторами, совершенно правилен, точно так же, как название их страны Скриктофинния.

Поэтому нет никаких оснований говорить о том, что в северных областях нет возможности обнаружить какие бы то ни было следы страны, носящей подобное название, ведь и до сих пор там живут скритофинны, т.е. финские племена, скользящие на деревянных лыжах. Ввиду этого страна была названа вполне удачно.

Таково же должно быть наше отношение и к упоминаемой авторами Биармии. Некоторые ученые отрицают и ее существование, что явно противоречит фактам, которые можно почерпнуть у многих очень старинных авторов. В числе их, например, можно привести одного древнего историографа эпохи Герауда и короля Бозы, писавшего на древнем готском или исландском языке, у которого неоднократно встречается упоминание о "Земле Биармии" (Biarmland), он даже приводит имена короля этой страны – Herek и его сыновей Рюрика (Roerik) и Сиггейра (Siggeir). Точно так же Саксон Грамматик в IX кн. упоминает о другом короле той же страны, который царствовал там в эпоху датского короля Регнера.

Из этого сообщения выясняется, что Саксон Грамматик помещает Биармию вблизи Финляндии, т.к., по его словам, вышеупомянутый король, спасаясь бегством, укрылся у Матулла, предводителя финнов. Хотя и Биармия и Скритофинния доподлинно существовали, сомнительно, чтобы они составляли две разные страны. Только у Иоанна и Олафа Магнусов они обе упоминаются в таком смысле, что становится ясной их раздельность. У всех же других – Прокопия, Иорнанда, Павла Варнефрида и Адама Бременского, у которых встречаются упоминания о Скритофиннии, нет ни слова о Биармии. Наоборот, древние северные писатели, говорящие о Биармии, не упоминают о Скритофиннии. У Саксона Грамматика встречаются оба названия попеременно, так например, в одном из предисловий он говорит о Скритофиннии, не называя Биармии, а в других местах уже говорит лишь об этой последней.

Исходя из всего этого, я предполагаю, что оба названия относятся к одной и той же стране. Скандинавские писатели называли ее Биармией, иностранные – Скритофиннией. Это согласуется также и с тем, что Адам Бременский помещает свою Скритофиннию по соседству с Гельсингией, а летописец Герауда и Бозы говорит о громадных лесах Биармии и реках, впадающих в Гандуйский залив, называемый в наше время Ботническим, около которого расположена та же Гельсингия.

Кроме того, скритофинны, конечно, народ финского племени, что ясно как из самого названия, так и из свидетельства древнего хронографа, с похвалой упоминаемого Гроцием, который делит финнов на скритофиннов (Skritfenos) и редефиннов (Redefenos). То же можем утверждать и о биармцах, как исходя из вышеупомянутой географической близости их к Финляндии, так в особенности и потому, что, по свидетельству того же исландского летописца, Бога они называют Иомала, а слово это, несомненно, финское, т.к. и сейчас на финском языке оно обозначает Бога.

И во многом другом характерные особенности биармцев во всем напоминают обычаи финнов, как, например, стрельба их из лука, колдовство и тому подобное, о чем рассказывает Саксон Грамматик.

По-видимому, Биармия была колонией Финляндии, жителей которой иноземцы прозывали скритофиннами, от

их обычая бегать на лыжах по снегам и льдам. Таким образом, Биармия и Скритофинния древних авторов, по-видимому, были одной и той же страной, но представляли они собой то, что впоследствии стало называться Лапландией, хотя это еще подлежит сомнению.

Правда, это предположение находит подтверждение в географической карте, составленной Олафом и Иоанном Магнусами, и во всем изложенном выше.

Ибо если Скритофинния и Биармия, как сказано у этих авторов, простираются с одной стороны до Гельсингии и Ями (Jamptia), а с другой – до Финляндии (Finnoia) и лежат по соседству с этими странами, и притом еще достигают Ботнического залива, то для Лапландии больше не остается места. Совершенно неправильно Олаф и Иоанн Магнусы отводят ей место к югу от Скритофиннии и Биармии, т.к. древние авторы включают в пределы этих стран и область, оставленную ими для Лапландии.

Высказываемое некоторыми учеными мнение, что Биармией называлась лишь та область, которая у современных шведов известна под именем Треннес (Trennes), также ложно, что ясно из всего вышеизложенного.

Бурей в "Описании Швеции" говорит следующее: "Некоторые полагают, что Биармией (от испорченного финского слова *vaama* – горная страна) называлась та область, которая теперь называется по-шведски Треннес, по-лопарски Питиниени (Pythinienni), по-русски же Тарханна Волочь (Tarchana Voloch), что обозначает земля, освобожденная от уплаты налогов".

Если только одна эта область была всей Биармией древних, то спрашивается, откуда в ней реки, текущие в Ботнический залив, откуда ее пограничность с Финляндией? В результате всех этих данных я пришел к убеждению, что никакой третьей страны, отдельной от Биармии и Скритофиннии, которая теперь называется Лапландией, никогда не было. Это была одна и та же страна. Скандинавскими авторами она называлась в древности Биармией, иностранцами – Скритофиннией и, наконец, позднее, по известным причинам, получила свое нынешнее название Лапландии.

В наши дни, действительно, нигде на Севере нет следов ни Биармии, ни Скритофиннии, но все, что описано древними авторами под этими названиями, в наше время представляет собой Лапландию. На самом деле она начинается от границ Ями и Ингерманландии, доходит до Ботнического залива и оканчивается у границ Карелии и Финляндии, словом, занимает всю область, простирающуюся к северу до самых берегов Ледовитого океана, Белого моря и Ладожского озера.

Это и есть подлинная территория древних Биармии и Скритофиннии. Древним, однако, по-видимому, не было известно, что она доходит до самого Океана.

То же можно сказать и о Иоанне и Олафе Магнусах, нанесших на свою карту на самом севере Скритофиннию и Биармию отдельно от Лапландии. Ими был введен в заблуждение и Дамиан Гое (Goes), почерпнувший от них все свои сведения о Лапландии. В своем сочинении, озаглавленном "Испания", он пишет так: "Лапландия Ботническим заливом делится на две части – восточную и западную, между которыми лежит Торнео. На восток она тянется до Белого озера (моря), на севере, соприкасаясь с разными странами, теряется в неизвестности". Он употребляет выражение "теряется в неизвестности" по-

тому, что ему также не было известно, что тот же народ населяет всю страну до самого побережья Океана.

Кроме скритфиннов, древние авторы поместили там кинокефалов, бузиев, троглодитов, пигмеев, циклопов и некоторых других, считая гимантоподов, о которых я уже говорил. Но в наши дни уже никто не сомневается, что все это пространство заселено одними лопарями. Об этом же свидетельствуют и мореплаватели, огибавшие эти берега и не встретившие там другого населения, кроме лопарей, как видно из современных описаний морских путешествий.

Петр Клауд в своем "Описании Норвегии" подтверждает то же самое: "Приморские финны (так он называет эту часть лопарского народа) живут вдоль всего побережья до самого севера и далее на восток".

Наконец, такие же данные были собраны той экспедицией, которая была послана в 1600 г. королем Карлом, желавшим получить подробные сведения обо всей Лапландии, под руководством Арона Форсия и Иеронима Биркхольтена. Ниурений пишет: "Шведский король Карл IX, движимый жаждой познания истины, отправил на крайний север Скандинавии для исследования Лапландии двух ученейших математиков, шведа профессора Арона Форсия и немца Иеронима Биркхольтена, со всеми потребными к тому инструментами и продовольствием. Они благополучно совершили свое путешествие, достигнув 73° с.ш., и убедились, что к северу нет никакого континента, а лишь бесконечный Ледовитый океан. Самой крайней оконечностью твердой земли оказался мыс, называемый Нордкап, неподалеку от замка Варде".

Впрочем, в задачу мою не входит писать исследование о той части Лапландии, которая расположена по побережью Ледовитого океана. Больше внимания мне хочется уделить той ее части, которая находится в пределах Шведского королевства. Это – громадная область, по свидетельству Павлина (Paulinus) в его "Истории Арктики",

равная по величине самой Швеции. Андрей Бурей измеряет ее длину в 100 с лишком немецких миль, ширину немного меньше. "В длину, – говорит он, – Лапландия тянется более чем на сотню немецких миль, в ширину на девяносто".

Если это выразить в географических обозначениях, то она лежит между 64° и 71° с.ш. и в ширину простирается на 27°. Так считают Андрей Бурей и Вексионий. Положение страны относительно долготы они определяют между 38° и 65°, однако эти данные относятся то ко всему ее объему, то лишь к части ее, подчиненной шведскому владычеству.

Уже упоминавшийся выше португальский дворянин Дамиан Гоен в своем описании так определяет границы: "Лапландия, примыкая к Ботническому заливу, делится на две части – восточную и западную, посреди них протекает река Торнео. На восток она тянется до Белого озера (моря), на севере, соприкасаясь с разными областями, теряется в неизвестности. На западе обращена к Исландии и граничит с Норвегией, Швецией, Финляндией и Ботнией".

Против этого возражает Олаф Петерсон Ниурений: "Если бы в самом деле Лапландия примыкала к Ботническому заливу, то часть ее входила бы в Эстерботнию, а часть в Вестерботнию, что не соответствует действительности, т.к. всем известно, что она отстоит от Ботнического залива не менее чем на 18–20 миль". Впрочем, сам же он указывает в другом месте, что некогда лопари жили на берегах залива и лишь в позднейшую эпоху были отодвинуты к северу.

В заключение я привожу здесь таблицу главнейших пунктов Лапландии по данным вышеупомянутых математиков Зигфрида Арона и Иеронима Биркгольтена, относящимся к 1601 г.

Предпослав эти географические сведения, перехожу к описанию самой страны, ее природы и особенностей.

	Längd- grad	Bredd- grad		Längd- grad	Bredd- grad
Uma [Umeå]	38,0	65,11	Piala [Pajala]	41,40	60,15
Pitha [Piteå]	40,0	66,14	Siguar [Siggeväre]	38,35	68,59
Lula [Luleå]	40,30	66,30	Tingwar [Tingevare]	38,0	69,40
Torna [Torneå]	42,27	67,0	Rounula [Rounala]	39,30	69,47
Kimi [Kemi]	42,20	67,1	Koutokrine [Kautokeino] ...	42,0	69,17
Lappijärf [Lappojaure]	42,33	70,9	Waranger [Varanger]	45,0	71,35
Antoware [Aviovare]	44,4	70,26	Lanzord [Laksefjord]	45,35	71,26
Tenokiile [Teno kylä]	46,0	70,50	Hwalsund [Kvalsund]	42,40	71,12
Porsanger [Nordre.]	44,2	71,42	Skrisö [Skiervöy]	38,50	71,18
Porsanger [Söndre.]	43,35	71,35	Trumsö [Tromsö]	35,52	70,55
Lingen [Lyngen]	37,30	70,30	Andacäs [Andenes]	32,0	70,30
Trönees [Trondenes]	32,30	70,25	Sergen [Steigen]	32,20	69,3
Euvenes [Evenes]	33,35	70,0	Wardhuus [Vardöhus]	52,0	71,55
Titisare [Tilthorn?]	37,55	69,40	Norkaap [Nordkap]	45,30	72,30

Глава III

О КЛИМАТЕ И ПРИРОДЕ ЛАПЛАНДИИ

становив местоположение Лапландии, поговорим теперь о природе и особенностях этой страны. Уже из географического положения ее на Крайнем Севере можно сделать некоторые выводы. В летние месяцы солнце там совсем не заходит и, наоборот, в зимние не восходит вовсе. Это заметил еще Циглер в своей книге о северных странах: "Солнце заходит в этих местах, и наступает сплошная ночь, постоянная, вечная, длящаяся в течение трех зимних месяцев". В течение стольких же летних месяцев длится вечный день, т.к. причина обоих явлений одна и та же.

Петр Клауд в своем "Описании Норвегии" говорит об этом так: "У жителей этих стран летом в течение нескольких месяцев бывает постоянный день, и в ясную погоду днем и ночью они видят на небе солнце, зато зимой на такой же период времени наступает вечная ночь".

По словам Герберштейна, солнце не заходит только сорок дней: "Мне говорили, что в области, заселенной дикими лопарями, в летнее время солнце не заходит в течение сорока дней. В продолжение трех ночных часов солнце как бы окутано какой-то мглой, благодаря чему оно лишено лучей, но, несмотря на это, дает такое количество света, что всю ночь можно свободно работать".

Из этого ясно, что не по всей Лапландии это происходит одинаково, а в зависимости от того, насколько близко

к северу расположена та или иная часть ее. При этом в тех областях, где солнце не заходит летом, оно не поднимается над горизонтом высоко, а как бы скользит по его краю, излучая свет. То же имеет место и зимой, т.е. хотя и длится зимняя ночь несколько месяцев, но в дневное время чувствуется присутствие солнца ниже горизонта, так что эта пора суток скорее напоминает тусклые сумерки, а не черную ночь. Чем меньшее значение в это время имеет солнце, тем большее значение приобретает луна, светящая ярче, выше поднимающаяся над небом и освещающая всю окрестность.

"Лунное светило, – пишет Иоанн Магнус, – за исключением короткого промежутка времени, освещает это ночное царство наподобие солнца". А Петр Клауд замечает: "В зимнее время, когда по нескольку месяцев длится темная ночь, одна луна освещает окружающее и при свете ее они отправляются на рыбную ловлю, на охоту, словом, совершают все дела, ради которых им приходится выходить из дому". Но даже в те периоды, когда луны не бывает, они все же не все окутаны сплошной тьмой, т.к. благодаря чистоте и ясности воздуха звезды светят там несравненно ярче и свет их усиливается еще отражением и рассеиванием от снежной поверхности.

Об этом же свидетельствует Олаф Магнус: "В безлунные ночи, при невероятно ярком мерцании звезд, они

справляются со своими неотложными делами... Работают или при ярком свете луны, или мерцании звезд, отраженным снегом. Небо в Лапландии по большей части бывает ясным, воздух чист, прозрачен и здоров... Воздух в Финмаркене и соседних областях холоден и прозрачен, но не вреден для человеческого организма". В том же духе высказывается и Олаф Петерсон Ниурений: "Лапландцы пользуются чистейшим, целебнейшим воздухом, который на этих, со всех сторон открытых местах продувается постоянно сильнейшими ветрами".

К числу характерных особенностей климата Лапландии следует отнести его легкую изменчивость, происходящую с удивительной быстротой и неожиданностью в течение самого короткого времени. Ветры, как сказано, бывают там часто и отличаются значительной силой. "Велика острота и яркость ветров в областях Севера", – говорит тот же самый Олаф Петерсон.

Особенной силой обладает, как передавали мне, ветер, дующий с Ледовитого океана, который даже среди лета нагоняет массу густых и темных туч, совершенно закрывающих небо плотной пеленой. Если он дует зимой, то приносит с собой такой обильный и страшный снегопад, что тем, кого застает он на открытом месте, не остается ничего иного, как только броситься ничком на землю, прикрывшись одеждой и предоставив снегу засыпать себя, и лишь по мере прекращения метели, без дороги пробираться к какому-нибудь жилищу.

Однако ужаснее всего сила ветра в горах, где вихри нередко уносят все попавшееся им на пути, не оставляя даже никаких следов. От этого бедствия единственным спасением является укрытие в пещерах или в ущельях. Олаф Петерсон рисует такую картину: "Лапландцы говорят, что во время бури облака задевают самые горы и уносят с собой неведомо куда все, что на них копошится и движется. Поэтому люди со своим стадами, застигнутые бурей в горах, спешат укрыться в пещерах или под защиту утесов, пока она не промчится мимо".

Ясно, что сила, приписываемая лопарями тучам, должна быть отнесена к мощи ветра, который гонит эти низко нависающие облака. Количество дождей, выпадающих в Лапландии, отличается большой неравномерностью, зависит от года, как и в других местах, однако в разгар лета они сравнительно редки. Зато снега всегда обильны и в зимнее время плотным слоем покрывают землю. Это бесполезно для жителей, т.к. снега своим отражением усиливают в зимнее время свет луны и звезд, а также делают проходными дороги, идущие по топям.

"Отражение от снежного покрова, – говорит Олаф Петерсон, – усиливает свет луны, делая легко различимыми склоны равнин, горные пропасти и даже диких зверей... В зимнее время все становится ровным и гладким, дороги так хороши и легки, что, скользая по снежной поверхности, два выючных животных с легкостью могут везти груз, который под стать десяти лошадям, шагающим по

болотам". В некоторых местах, в особенности на горах, эти снега совсем не сходят даже летом. "На вершинах горных хребтов залегают вечные снега, – говорит Петр Клауд". У Самуила Реена читаем: "У крайних пределов Лапландии полого поднимаются высокие горы, покрытые вечными снегами, лежащими на них как зимой, так и летом и не тающими под солнечными лучами". Однако в других местах летом большая часть земли очищается от снега. Очень часты также в этой области плотные туманы. Это отметил еще Олаф Магнус: "В этих северных странах туманы так плотны, что в двух шагах ничего нельзя увидеть!, на дороге можно столкнуться с недругом или другом вплотную, не узнав их".

Морозы в Лапландии бывают так велики и ужасны, что, только привыкши к ним с самого детства, можно бес-

препятственно выносить их. Под их дыханием все замерзает. Самые быстрые реки застывают и покрываются толстым слоем льда, достигающим иногда двух, трех и более локтей. Самые обширнейшие озера, даже морские глубины, сковываются льдом такой толщины и твердости, что по нему можно возить громадные тяжести. Столь же силен и летний зной, чему, разумеется поверят лишь немногие. Хотя лучи солнца и падают наклонно и, следовательно, греют меньше, но их нагревательная сила значительно увеличивается благодаря тому, что это происходит непрерывно в течение

нескольких месяцев, без охлаждения ночными перерывами. У Иоанна Торнея читаем: "В летнее время, когда солнце находится в созвездии Рака, наступает сильнейший зной. Без сомнения, причина этого явления заключается в том, что солнце совсем не заходит и светит всю ночь, почему жара ни на миг не прекращается ни днем, ни ночью".

Лишь отчасти умеряется летний зной испарениями, поднимающимися с близлежащего моря и от тающих снегов, которые даже летом залегают в горах, как подтверждает это и сам Торней.

Весна и осень коротки, исчисляются несколькими неделями, зимние холода быстро сменяются летним зноем, что многим неопытным путешественникам кажется каким-то чудом. И действительно, странно видеть, как все зеленеет на тех самых местах, где несколько недель тому назад все было лишь снег да лед. "Среди гор, – пишет Самуил Реен, – есть долины, покрытые сочной растительностью, сохраняющейся на протяжении нескольких недель". О том же рассказывает Олаф Петерсон Ниурений: "24 июня 1616 года я вступил в управление храмом и приходом Торнео. В этот день на деревьях едва показывались почки и земля слегка зеленела побегами трав, но уже через две недели все: и земля, и деревья – покрылось пышной зеленью, как бы предчувствуя краткость лета и торопясь расцвести; все это произошло настолько быстро, что я и сам не поверил бы, если бы кто-нибудь стал мне рассказывать об этом". Почву в Лапландии, конечно, нельзя

назвать тучной, но она и не так скудна, как можно было бы ожидать, скорее можно сказать, что она среднего качества. Тем не менее она довольна камениста и на поверхности вся усеяна камнями и выступами гранитных скал.

Эти каменистые неровности портят весь остальной рельеф. "В Лапландии много скал и гор, изрезанных долинами", – говорит уже часто упоминавшийся Самуил Реен, а Иоанн Торней добавляет: "Лапландия гориста, усеяна камнями и ужасна".

Однако во многих местах почва может представлять собой мягкий суглинок, падающий уступами вследствие громадного количества болот, рек и оврагов. Поэтому земля эта едва ли удобна для обработки и разведения злаков. Впрочем, Олаф Петерсон придерживается противоположного мнения, в особенности относительно южной части Лапландии: "Мне хотелось бы доказать, – пишет он, – что южная часть Лапландии, примыкающая к Ботническому заливу и поэтому находящаяся в тех же климатических условиях, что и земля в Ботнии, хотя и не обрабатывается, но отнюдь не менее пригодна для земледелия, чем в Вестерботнии".

Однако его доказательства едва ли могут быть убедительны, т.к. кроме климатических условий важен также и характер почвы, а она, по отзывам других авторов, болотистая, песчаная и каменистая, в чем он и сам признается: "Летом Лапландия болотиста и непроходима, в других местах на много миль песчаная, далее покрыта соснами и вереском, местами камениста, покрыта то болотами, то горными кряжами".

На мой взгляд, такая страна едва ли удобна для земледелия, хотя местами и радует глаз зеленеющими пастбищами. Но это еще не дает оснований предполагать, что с таким же успехом, как эти травы, на ней могут произрастать злаки. Травы эти, пышно зеленеющие, представляют прекрасный корм для стад, и, как показывает опыт, там успешно могли бы произрастать разные овощи. Ведь растут же там в изобилии всевозможные ягоды. Густые, могучие леса покрывают подножия гор, в особенности в области, примыкающей к границам Норвегии. Впрочем, Самуил Реен так отзывается о лесах Лапландии: "От подножия этих гор начинается лесная область... Леса, однако, не густы, а редки".

В этой же пограничной с Норвегией области проходят величайшие горы Лапландии. "У северных границ Швеции и Норвегии, – пишет Олаф Магнус, – находятся высокие пограничные горы, называемые Доффринскими (Doffrini), и еще другие".

"Все горы Лапландии высоки и обрывисты, на удивление, – пишет Самуил Реен, – и на вершинах их нет лесов, они голы". Отсутствие растительности на этих голых вершинах подтверждает и Петр Клауд, объясняя это яростью ветров, которым они открыты со всех сторон: "На выдающихся вершинах гор лежат вечные снега и свиреп-

ствуют ветры такой силы, что ни одно дерево не в состоянии расти на них". Но вот горы сменяются живописными долинами, в которых звенят бесчисленные ручьи и бьют ключи. "Там бьют из скал бесчисленные ключи, – говорит Торней, – вода которых чиста и прозрачна". Превращаясь в реки, они образуют многочисленные озера и, наконец, устремляются в Ботнический залив. "Вода в них пресная, целебная, прозрачная, прекрасного качества", – замечает Олаф Петерсон.

В особенности много болот и озер в лесной области. Андрей Бурей в своем "Описании Швеции" посвящает Лапландии следующие строки: "Крайняя из северных провинций Лапландия занимает обширнейшую область, она изобилует лесами, горами, болотами, озерами и реками.

Полей в ней нет, одни только пастбища, кое-где раскинувшиеся широко".

Эта область изобилует также всякого рода зверем не только в летнюю, но и в зимнюю пору. Много птиц. Рыб такое множество, что во многих местах они одни составляют пищу жителей, лишенных всего прочего. Зверья, в особенности мелкого, такая масса, что его хватает жителям не только для удовлетворения своих потребностей, но и для оживленной и прибыльной торговли с соседями.

О всем этом мы подробнее поговорим в другом месте. Здесь же повторим лишь еще раз, что все встречающиеся у древних авторов описания Биармии и Скритофиннии целиком и полностью относятся к современной Лапландии, и это еще раз доказывает с очевидностью, что дело идет не о разных странах, отличных друг от друга природою и местоположением, а об одной и той же стране, изменившей лишь название.

Саксон Грамматик сообщает нам о Биармии: "Эта область речного холода, покрытая глубокими снегами, но знакомая и с летним зноем, изобилующая лесами, дикими плодами и животными, невиданными в других странах". А Павел Варнефрид так описывает Скритофиннию: "У скритофиннов даже летом не сходят снега. У них в летнее время в течение некоторого времени даже ночью не заходит солнце и светит, как днем. Дни там гораздо длиннее, чем в других местах, и, напротив, зимой, хотя днем появляется полусвет, но солнце не восходит, дни короткие, а ночи очень долги".

А еще раньше Прокопий писал о скритофиннах (в переводе Г. Гроция): "Скритофинны ведут звероподобный образ жизни. Мужчины не знают, что значит обрабатывать поля, женщинам неизвестен труд. Одной охотой занимаются оба пола, т.к. несметное количество домашних и диких животных дают им леса, громадные местами, и поднимающиеся над ними высочайшие горы". Как видно, все это вполне соответствует тому, что мы говорили здесь о Лапландии. Перейдем же теперь к подразделению ее на составные части.

А еще раньше Прокопий писал о скритофиннах (в переводе Г. Гроция): "Скритофинны ведут звероподобный образ жизни. Мужчины не знают, что значит обрабатывать поля, женщинам неизвестен труд. Одной охотой занимаются оба пола, т.к. несметное количество домашних и диких животных дают им леса, громадные местами, и поднимающиеся над ними высочайшие горы". Как видно, все это вполне соответствует тому, что мы говорили здесь о Лапландии. Перейдем же теперь к подразделению ее на составные части.

Глава IV

О ПОДРАЗДЕЛЕНИИ ЛАПЛАНДИИ

обычно Лапландию делят следующим образом: Саксон Грамматик, у которого, по-видимому, впервые встречается упоминание о ней, делит ее на две части, говоря попросту об "обоих Лаппиях (Lappia)". Таким же образом он говорит о ней и в других местах. Его примеру следует Иоанн Магнус в своем описании Севера: "Затем, южнее, смыкаются обе Лаппии..."

Но каковы эти "обе Лаппии"? Оба автора не дают этому никаких пояснений. Я подозреваю, однако, что в данном случае они подразумевали лишь восточную и западную ее части. Так именно делит ее Дамиан Гоен, по-видимому, черпавший материал у Иоанна Магнуса: "Лаппия разделяется Ботническим морем (заливом) на восточную и западную". Из этих слов ясна не только правильность моего предположения, но и понятна та естественная грань, которую подразумевали при таком делении, а именно Ботнический залив.

Кроме такого подразделения Лапландии в ходу еще и другое, основывающееся на природе тех областей, по которым кочуют ее жители. Различают часть страны, примыкающую к Океану, и другую, расположенную в глубине материка. Первую называют Sioefindmarken (Sioe – море, приморский Финдмаркен, т.е. земля финнов), вторую Fiaeldfindmaken (Fiaeld – плоскогорье, земля; плоскогорный, материковый Финдмаркен, т.е. земля финнов, Лапландия).

Точно в таком смысле различает эти части Петр Клауд: "Все побережье к северу до Финдмаркена и на восток населяют сиефинны (Sioefinni), т.е. поморские финны, а гористую и равнинную часть страны – лаппфинны (Lappfinni), которую называют также Лаппмаркией (Lappmarkia) или Вильдфиндландией (Widfinnlandia), т.е. дикой Финляндией.

Клауд, как видно, делает различие между Лаппмаркией и Финдмаркией, одну считая страной прибрежной, обращенной к морю, другую – гористой, лесистой, дикой, материковой. Следует заметить, что эту часть страны он называет Вильдфиндландией и Лаппмаркией. Можно предположить, что жители этой последней живут охотой на диких зверей (wild), в то время как первой, – очевидно, рыбной ловлей.

И действительно, тотчас вслед за вышеприведенной цитатой у него следуют слова: "Там живет много тысяч людей, питающихся мясом диких зверей". Поэтому многие относят это его описание к лопарям в собственном смысле слова, которые употребляют в пищу диких животных, и в особенности прирученных ими оленей.

Так, Самуил Реен пишет: "За исключением этих лапландцев или скрикфиннов (так называет он тех, кого Петр Клауд считает сиефиннами), все остальные, настоящие лапландцы, питаются главным образом олениной".

По-видимому, в основе названия вильдфинны (wild – дикий) именно и лежит указание на это обстоятельство. Хотя, с другой стороны, оно может указывать и на то, что эта часть Лапландии покрыта девственными лесами.

Олаф Магнус, например, неоднократно называет "лесными людьми". Одна из глав его книги так и называется "О дикости лесных людей", и говорится в ней о лапландцах, а в следующей главе еще яснее: "Лесные лапландцы одеваются в шкуры диких зверей".

Барон Герберштейн называет лесных жителей "дикими лопарями", в противоположность финлаппам (Finlappos), о которых говорит как о поморах, и которые соответствуют, таким образом, съефиннам, т.е. поморским финнам других авторов. Его слова таковы: "Он говорил, что дошел до народов Финлаппии, которые, живя в низменных лачугах вдоль берега моря, ведут почти звериный образ жизни, однако более кротки, чем дикие лопари".

Следовательно, дикие лопари живут не у моря, а в глубине материка и названы так, по его мнению, за дикость нравов. Далее о них же он говорит: "Привыкнув немного к виду чужеземцев, приходящих торговать с ними, они смягчили свою врожденную дикость и начали проявлять признаки человечности". А также: "Затем он сказал, что поплыл на корабле к месту Дронт, находящемуся в 200 милях к северу от устья Двины, в области диких лопарей (Diki Loppogum)". Здесь слово Diki Loppogum взято из языка московитов, которые и ныне так называют диких лопарей.

Но кроме того, встречается еще и третье подразделение Лапландии в зависимости от того, во власти какого государства находится та или иная ее часть. Об этом делении Андрей Бурей пишет следующее: "Большая часть Лапландии, а именно южная и материковая, вся принадлежит королевству Шведскому. К Норвегии относится только прибрежная полоса, идущая вдоль океана, называемая Финмаркен и жители которой съефинны, т.е. поморские финны, занимаются рыболовством.

Владычеству русских подчиняется остальная часть области, простирающейся на восток от замка Варде (Warhuus) до устья (входа) Белого моря. По-шведски эта область называется Треннёс (Trennes), по-лопарски – Пихиниени (Pihinienni), по-русски же – Тарханна Волочь (Tarchana Voloch)".

Впрочем, о том, чьей власти подчиняются лопари, мы скажем в другом месте в связи с описанием их общественного устройства, точно так же как и о тех частях Лапландии, которые принадлежат Норвегии (Дании) и России.

Здесь же остановимся несколько подробнее на подразделениях шведской ее части, т.е. именно той, которую Бурей называет южной и материковой, а Петр Клауд – Лаппмаркеном.

Шведскую Лапландию принято делить на шесть земель (Marker): Аонгерманландскую (Aongermanlands), Умеоскую, Питеоскую, Лулеоскую, Торнеоскую и Кемьскую (Kiemclapmark).

Каждая из вышеперечисленных провинций получила название от реки соответствующего имени, протекающей по ее территории. На это указывает Вексионий: "Лопари, подвластные шведскому королю, распределяются по пяти провинциям, получившим свои названия от протекающих по ним рек".

Порядок местоположения этих провинций таков, что ближайшей к шведским областям и Иемтии (Iemptiu) оказывается Аонгерманландская Лаппмаркия, затем идет примыкающая к ней Умеоская, за ней Питеоская и далее Лулеоская Лаппмаркии. Эти четыре провинции заключены между западным берегом Ботнического залива и горной цепью, отделяющей Швецию от Норвегии.

Далее следует Торнеоская Лаппмаркия, простирающаяся к северу от самого верхнего угла Ботнического залива на громадные расстояния по направлению к Ледовитому океану. Непосредственно к ней примыкает Кемьская Лапландия (Kiemclapmark), обращенная на северо-восток и идущая до границ той части Лапландии, которая принадлежит русским, на западе граничит с восточной Ботнией, на юге с Каяне (Sajania) и Карелией.

Вышеупомянутые области, или префектуры, на которые распадается находящаяся под шведским владычеством Лапландия, в свою очередь, делятся на более мелкие единицы, называемые по-шведски byag. Эти лапландские "биар" представляют собой нечто вроде уездов, подобно тому административно-территориальному делению, которое известно было и грекам, и римлянам, и даже в Древнем Египте.

Таких уездов обыкновенно довольно много входит в состав каждой из провинций. В пределах такого уезда на-

селение группируется по большим родам, соединяющим несколько отдельных семей, которые называются по-шведски goekaг и соответствуют тому, что римляне называли "facis" (facis – клан. – Прим. ред.).

Каждая такая семья имеет в пределах уезда отведенный ей вполне определенный земельный участок, на котором живет и пасет свои стада. Чтобы не ввести кого-нибудь в заблуждение, следует заметить, что этот участок ничего общего не имеет с обыкновенным крестьянским наделом, а представляет собой громадное свободное пространство, включающее в себя реки, леса, озера и т. п. (кочевые. – Прим. ред.), находящиеся в пользовании данной семьи.

Количество таких участков в границах уезда почти совпадает с числом крупных семей, ведущих самостоятельное хозяйство, а не служащих по бедности другим, более богатым семьям. В одних уездах таких участков (foci – кланы) около пятидесяти. В других их то больше, то меньше, в зависимости от величины уезда и густоты населения.

Эти родовые участки, или геокаг, как называют их шведы, в свою очередь, имеют свои собственные названия, приводить которые ввиду множества их я не считаю нужным.

Таково третье подразделение Лапландии, не в наши дни заведенное (за исключением участков, отведенных при Карле IX некоторым семьям), а идущее с давних времен, по-видимому, еще с той поры, когда лопари были вполне независимым народом.

Сами названия, в которых нет ничего современного или возбуждающего подозрение своей новизной, ясно показывают, что они были исстари таковы и теснейшим образом связаны с языком и древними природными свойствами этого народа.

О ФИЗИЧЕСКИХ И ПСИХИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЯХ ЛОПАРЕЙ

Лапландии, как уже было сказано, живет народ, называемый лапландцами или лопарями. От других северных народов лопари отличаются своим малым ростом. На эту особенность их указывали все исследователи. Павел Иовий в своем "Описании Московии" прямо говорит: "Лопари малого роста". Циглер в уже цитированном сочинении пишет: "Лопари среднего роста"; это же подтверждает и Дамиан Гоен: "Туземцы, населяющую эту область, среднего роста". К мнению этих иностранных авторов присоединяются и северные писатели. Олаф Магнус в кн. IV гл. 2 говорит: "Народ этот отличается малым ростом. Олаф Петерсон Ниурений: "Большинство лопарей среднего роста". В путевых записках Ломения, графа Бриенского, неоднократно говорится о "малорослом народе, живущем в Лапландии".

Исаак Фосс (Vossius) пишет об этом следующее: "Лопари, самоеды и другие северные племена отличаются нескладным, неуклюжим телосложением и малым ростом, и поэтому вынуждены влачить свое бедственное существование". Но, как мне кажется, люди, обладающие столь большими физическими недостатками, конечно, не могли бы делать то, что ежедневно совершается лопарями.

Наблюдая их, я лично не мог заметить ничего, что бы подтверждало мнение Ломения ("народ этот от природы уродлив"), – никакой диспропорции или уродства. По-видимому, не один я держусь этого мнения, кроме некоторых авторов, Олаф Магнус, например, даже считает красивыми лопарских девушек, в доказательство чего привожу следующую цитату из его сочинения: "Женщины и девушки этого народа отличаются плодовитостью и красотой, которую придают им природная белизна лица с живым и ярким румянцем". Близок к подобному описанию и Иоанн Торней: "Тело у лопарей белое, а женщины их довольно красивы". Не могу отрицать, что и мне самому часто приходилось видеть среди них женщин, привлекательной наружности.

Происходит это оттого, что женщины больше мужчин уделяют внимания уходу за своей внешностью, сохраняя таким образом свою природную красоту. Мужчины менее привлекательны не в силу природных особенностей, а из-за небрежности к себе и грубости своего образа жизни. На их наружность немало влияет необходимость подвергаться действию холода и непогоды чаще, чем женщины, бывать на открытом воздухе, неуменье надлежащим образом защитить себя подходящей одеждой от вредных внешних влияний, а также постоянное пребывание в дыму и чаду убогих жилищ, в которых они живут. Неудивительно, что все это заметно отражается на их внешнем облике. Я думаю, что именно поэтому цвет лица мужчин бывает часто желтовато-бурым, о чем говорит Павел Иовий в уже цитированном сочинении: "Лопари – среднего роста, с темными приплюснутыми лицами". Ему вторит и Петр Клауд

в "Описании Норвегии": "Цвет кожи – темный, буроватый".

Если принять во внимание, что с самого младенчества они живут в дымных и тесных жилищах, то неудивительно, что естественная окраска кожи со временем изменяется.

Будучи малого роста, лопари кроме того отличаются худобой, встретить среди них толстого человека – редкость. Петр Клауд говорит о них так: "Народ этот худощав, нет в них надлежащего соку (succus)". По причине того же холода, который мешает им развиться до надлежащей высоты, у них, вероятно, уменьшается и количество крови и жизненных соков. Кроме того, все отмечают у лопарей незначительный вес тела, связывая это обстоятельство с тем, что они употребляют в пищу очень мало соли.

"Они легче других, – говорит Олаф Петерсон, – потому что мало едят соли". Все эти основные физические особенности в равной мере присущи всему лопарскому народу.

Касаясь частных, следует указать, что головы у лопарей обыкновенно большие, лбы пологие, глаза голубые, впалые, носы короткие и плоские, отчего Иовий и говорит о "сплюсненном лице". Рот часто полуоткрытый и несколько выступающий вперед.

Иоанн Торней так описывает наружность лопарей: "Лица у них плоски, щеки худые, впалые, подбородок длинный. Головы большие с красными воспаленными глазами".

Волосы на голове короткие, прямые и редкие, борода тоже короткая и редкая, не вполне закрывающая подбородок. Цвет волос по большей части черный, не в пример прочим северным народам. "Волосы у обоего пола черны и жестки", – говорит Торней, а в другом месте замечает – волосы у большинства черны и редки, за все время я видел только одного лопаря со светло-русскими волосами".

Грудь у лопарей широкая, живот небольшой, бедра и голени стройны и удивительно быстры в беге, что как характерную особенность отмечает и Павел Иовий. Во всех членах чувствуется сила и мощь. Об этом пишет и Дамиан Гоен. А Петр Клауд говорит так: "Лопари гораздо сильнее других людей, особенно ясно видно из того, как они пользуются своими луками. Норвежец иногда натянет его с трудом едва лишь наполовину, они же делают это с легкостью и натягивают до самого конца".

Лопари отличаются не только силой, но и ловкостью, изворотливостью и быстротой в движениях. Еще Циглер рассказывал о том, что лопари настолько ловки, что, будучи опоясаны колчаном, с луком за плечами проскакивают через круг диаметром в один локоть. Впрочем, это относится, вероятно, лишь к каким-нибудь фокусникам, т.к. о подобной игре у этого народа мне не приходилось слышать. Зато состязания в беге, подъемы на недоступные скалы и на вершины высочайших деревьев представляют собой их ежедневные, излюбленные упражнения. Недаром

Иовий называет их быстроногими, и Скалигер в своих сочинениях говорит: "Мы знаем, что лапландцы отличаются большой силой и невероятной быстротой в беге".

Перейдем теперь от описания физических особенностей лопарей к описанию их душевных свойств, из которых станет понятной их склонность ко всевозможным суевериям и колдовству.

Когда мы увидим, как они живут в дремучих лесах, среди диких зверей, вне всякого общества, кроме лишь круга одной, замкнутой в себе семьи, удаленной от прочих, то не будем удивляться тому, что они прозябают в тьме диковинных суеверий (впрочем, о суевериях и обрядах лопарей мы еще поговорим в ином месте). Павел Иовий в своем "Описании Московии" говорит: "Лопари избегают столкновений с людьми из внешнего мира", а Олаф Магнус называет их малодушными: "Лопари малорослы и малодушны также".

Наконец, следует сказать, что народ этот пуглив и совсем не воинственен. Ежедневный опыт подтверждает это. Иоанн Торней, например, пишет: "Лопари всегда с отвращением и ужасом относились к военной службе", а Саму-

ил Реен добавляет: "Почти все лопари вовсе непригодны к военному делу. В них нет и следов воинственного мужества, а лишь трусость и малодушие". Причину такого малодушия многие видят в том, что вследствие холода и дурной пищи им не достает крови и жизненной силы (spirituum, духа), нужных для мужества. Это старая, всеми признанная истина: энергией и мужеством отличаются те, организм которых полон горячей крови и жизненного духа (жизненные силы у средневековых авторов), а у кого ощущается недостаток в них, тот легко поддается испугу и робости. Так говорит Варфоломей Коклес в сочинении под заглавием "Физиогномия": "Те, у которых тела от природы холодны, легко пугаются и робеют".

Вследствие этой трусости лопарского народа и в наше время ими не пользуются для военной службы. Лапландия не дает Швеции ни одного солдата, хотя они и вербуются по всем другим провинциям королевства. Так же обстояло дело и в прежние времена, как явствует из рекрутских списков за древние годы. Из этого видно, какую гнусную ложь представляет распущенная кем-то молва о том, что будто бы Густав Адольф в своих лагерях держал при себе силь-

ный отряд лапландцев, помогавших ему своими чарами одерживать победы над неприятелем.

Неудивительно, что тем, кто потерпел от него столько поражений, пришлось выдумать эту глупую басню для того, чтобы хоть чем-нибудь, кроме своей слабости, объяснить блестящие победы, одержанные над ними. Если бы в самом деле источником их были чары лопарей, как усиленно пытались эти люди уверить несведущих и легковверных, то неужто враги наши постеснялись бы войти в соглашение хотя бы с самим дьяволом и двинуть все адские силы против нас с большой готовностью, чем претерпеть те ужасные поражения, которые им были нанесены.

Еще раз повторяю, это – нелепейшая ложь, находящаяся в противоречии не только со всеми архивными документами и записями, из которых видно, какое количество, каких войск, из каких областей, под предводительством каких полководцев имел при себе Густав Адольф во время похода, но даже с самой природой лопарского народа, питающего отвращение к войне и не имеющего ничего общего с военным делом.

К этому следует еще прибавить, что они почти не способны жить вне пределов своей страны и, покинув ее, болеют, гаснут, не будучи в состоянии приспособиться к более мягкому климату и нашей пище, богатой солью, хлебом, всяким печеным и вареным, столь отличной от вяленой рыбы и сырого мяса.

Все это было неоднократно подтверждено повседневным опытом даже в нашей стране, в которую никто из лопарей не желает переселиться, каких бы благ ему не сулили, предпочитая жить у себя на родине, и если приходится ее покинуть, то очень скоро умирает. Тем более это относится к другим странам, еще сильнее отличающимся от Лапландии и местоположением и климатом.

Пример этого рода мы находим у Олафа Магнуса: "Однажды светлейший правитель Швеции Стен Стуре отправил в дар голштинскому герцогу Фридриху шесть северных оленей, приставив к ним для присмотра чету лапландцев, мужа и жену. Но люди и животные, перенесенные из привычных им условий и климата, лишенные возможности вести тот образ жизни, к которому они привыкли, захирели и умерли".

Правда, против моего утверждения о невоинственности лопарей мне могут возразить, приведя слова Циглера: "Этот народ очень силен и долго сохранял свою независимость, выдерживая натиск шведов и норвежцев", что повторил и Скалигер (Eхегс. 213), говоря о лапландцах как "о народе, упорно сопротивляющемся своим врагам". Как будто и у Петра Клауда есть указание на то, что "этот народ некогда был независим и не мог быть покорен норвежским королем Гаральдом Красивым, подчинившим своей власти все другие области" и что управлялась Лапландия в те времена неким королем Мотле.

Однако эта цитата из Петра Клауда, собственно, еще ничего не доказывает. По всей вероятности, он почерпнул свои сведения о древних временах из истории Снорре, который много говорит о Мотле и о его магическом искусстве, но ничего не упоминает о его воинской доблести, как видно из копенгагенского издания этой летописи, выпущенного в свет в 1633 г. Очевидно, и Циглер имел в виду тот же источник, т.к. других, относящихся к этой области, мы не знаем. В его (Циглера) время лопари уже были подчинены Швеции.

Мы можем еще обратиться к описанию войн, ведшихся в Биармии, считая биармийцев и лопарей одним и тем же народом. Описание их мы находим уже у Саксона Грамматика, но и в них мы не встретим указаний на особую воинственность и доблесть этого народа, скорее обратное.

Я приведу это место из сочинения Саксона Грамматика: "Биармцы, сменив силу оружия чарами, дикими песнями, ударили в свод небесный, и мигом на ясном до тех пор солнечном небе собрались тучи и полил проливной дождь". Из этого вовсе не видно, что народ этот долго сохранял свою независимость, которая давала бы право причислить его к воинственным народам.

Все, что сказано здесь о биармцах, с еще большим основанием может быть отнесено к лопарям, и утверждать противное мог бы лишь тот, кто счел бы возможным отвергнуть опыт столетий веков и извратить самую природу лопарского народа.

Кроме робости и трусости, присущей лопарям, они отличаются еще крайней подозрительностью. Это понятно: люди, осознающие свою слабость, готовы видеть опасность и козни всюду и поэтому с недоверием относятся ко всему окружающему. Об этом говорят Вексионий Гюльденстольне ("Описание Швеции") и Павел Иовий: "Лапландцы до крайности дики и подозрительны".

Из этой чрезмерной подозрительности проистекает другое их свойство, а именно склонность к действию исподтишка. Таким способом они стараются избавиться от грозящей, как им кажется, опасности путем нанесения вреда или уничтожения того, кто это воображаемое зло против них замышляет.

Отсюда их тайные искусства и скрытные махинации, связанные с колдовством и чарами, которые они напускают друг на друга по самому незначительному поводу.

"Часто случается, – говорит Петр Клауд, – что между ними возникают ссоры, во время которых каждый старается обойти другого". За этими словами у него следует удивительный рассказ о том, как один лопарь, долго и тщетно пытаясь повредить своему сопернику, владеющему такими же волшебными чарами, как и он сам, наконец, однажды сбросил на него громадную скалу, под которой тот уснул, оторвав ее от горы силою чародейского искусства.

Самуил Реен говорит о них: "Часть лопарей чрезвычайно склонна к тайным убийствам, которые и совершаются ими нередко с большой ловкостью". Вероятно, и Петр Клауд это имел в виду, говоря: "Они вспыльчивы и злопамятны, как будто унаследовали медвежьей природу". Под медвежьей природой он подразумевает не смелость и дерзость, а предательскую хитрость и упорство в желании отомстить за нанесенную обиду.

Это именно эти качества наблюдал у них и Иоанн Торней, в особенности же у женщин. Я приведу его собственные слова по этому поводу: "Лопарские женщины, особенно преклонного возраста, терпеть не могут всяких перемен, передвижений и потрясений. Но если кто-нибудь рассердит их грубыми ли словами, ткнет ли в них пальцем или станет передразнивать их слова и жесты, они внезапно приходят в такую ярость, что иступленно кидаются на обидчика, рвут его за волосы, бьют чем попало и, не стесняясь даже присутствия кого-нибудь, пользующегося всеобщим уважением, в бешенстве своем обнажают то, что самой природой предназначено быть скрытым, производя впечатление одержимых безумием, совершенно потеряв-

ших рассудок". Лопари также большие мастера обманывать и проводить своих ближних, что происходит по той же основной причине, ибо еще Аристотель доказал, что хитрость, лукавство и тайные происки не уживаются с мужественным и смелым духом.

Иоанн Торней так пишет об этих свойствах лопарей: "Они любят обманывать и утаивать истину..." и дальше: "Во всех своих делах они хитры и лукавы, в торговле охотно прибегают к мошенничеству". Так же аттестует их и Самуил Реен: "Лопари хитры в делах, осторожны и вероломны", а Дамиан Гоен говорит: "В сделках лопари очень ловки и хитроумны". Впрочем, по-видимому, они не всегда были таковы. Павел Иовий утверждает о них совершенно противоположное: "С незнакомыми им людьми они искренни и честны". В таком же духе отзывается о них и Олаф Магнус: "Этот народ живет без всякой хитрости, заботясь лишь о том, чтобы избежать нужды. Погоня за наживой им совсем неизвестна, и в сделках они не умеют обманывать".

Может быть, с тех пор, будучи обмануты другими, из боязни попасться они сами стали хитрить и обманывать. Это свойство часто встречается у боязливых и подозрительных людей, научившись однажды опасаться чего-нибудь, они уже все силы прилагают к тому, чтобы в другой раз избежать этого.

Дело в том, что они не только хитры, но и злорадно хитры. Самуил Реен сообщает, что, обманув кого-нибудь, они потом долго насмеются и издеваются над обманутым, радуясь своей победе. Им, видимо, доставляет удовольствие сознавать, что хотя они и ниже других во многих отношениях, но иногда в свою очередь могут торжествовать победу. Вероятно, такую же утеху дает им и злословие по чужому адресу, которым они охотно занимаются. Самуил Реен говорит: "Злословие процветает у них, чуть соберутся вместе два или три лопаря и тотчас начинают злословить на чей-нибудь счет, перетолковывая на все лады его поступки". Особенно любят осуждать и бранить чуждые им народы. Впрочем, это не удивительно, нет, кажется, страны, и Лапландия тут не является исключением, которая бы не считала себя лучшей и первой в мире, превосходящей все прочие мудростью или доблестью.

К вышеупомянутым качествам лопарей надо прибавить еще ненасытную жадность, происходящую опять же из страха перед бедностью, темные стороны которой им очень хорошо известны, т.к. часто им приходится испытывать нужду в самом необходимом. Иоанн Торней так и замечает, что "от природы присуща им безграничная жадность".

Наконец, лень и нерадивость также являются отличительным свойством лопарей. Опять же причиной их, мне кажется, можно признать недостаток жизненной энергии, происходящей от недостаточного и дурного питания, вследствие чего они берутся за работу с большой неохотой.

Олаф Петерсон обращает внимание на то, что хотя некоторые местности Лапландии и могли бы возделываться, но из-за лени жителей вся страна остается девственной и дикой, покрытой нетронутыми лесами. "Любовь к безде-

лю, — говорит он, — отвращает их от земледелия и правильного скотоводства, они даже не помышляют об обработке тех плодородных участков страны, которые попадаютя местами и, проводя жизнь в гнусной лени, предпочитают терпеть нужду и лишения, чем регулярно трудиться".

Даже к добыванию пищи, т.е. к ловле и охоте, и ее приготовлению, поскольку это связано с затратой труда, они приступают нехотя и только под давлением крайней необходимости. Этим, на мой взгляд, объясняется их грубое и непочтительное обращение с престарелыми родителями и вообще с немощными стариками и больными. Они относятся к ним не только с презрением и умышленной невнимательностью, но даже и с ненавистью отчасти потому, что предпочитают завладеть сразу же наследством, если его можно получить не дожидаясь их смерти, отчасти и потому, что считают несносным и скучным заботиться о про-

питании бесполезных людей, которые им в тягость. Так, по крайней мере, они сами объясняли мне свое поведение во время моих бесед с ними.

А вот Иоанн Торней, долгое время живший среди лопарей, указывает на совершенно обратное: "Родителей они чтят надлежащим образом и даже с приближением старости избавляют их от всяких работ и обязанностей и до самой смерти окружают величайшей заботливостью, кормят, поят и дают им пристанище". Эти наблюдения были сделаны им среди торнеоских лопарей, и, я думаю, такое поведение может быть скорее объяс-

нено хорошим влиянием, чем природными их качествами, потому что я сам наблюдал как раз обратное у других их сородичей.

Остается отметить еще сладострастие, о котором Самуил Реен говорит следующее: "Лопари имеют склонность и к другим порокам, но в особенности сильную страсть к чувственным наслаждениям". В данном случае он расходится с мнением Вексиония, который утверждает, что прелюбодеев и развратников лопари ненавидят и сурово карают за их пороки.

Я согласен с тем, что высказано последним автором относительно прелюбодеев, и в дальнейшем постараюсь доказать правильность его слов свидетельством других авторов, но не считаю возможным отказаться в достоверности и взгляду, высказанному Самуилом Рееном, человеком, долго жившим среди этого народа и живущим там до настоящего времени, тем более, что и Герберштейн в своем "Описании Московии" подтверждает слова Реена, говоря: "Хотя лопари и терпят нужду в соли, хлебе и других необходимейших для пропитания предметах, но тем не менее со страстью предаются чувственным наслаждениям".

К этому следует прибавить повсеместную и невероятную жадность лопарей во что бы то ни стало иметь потомство, затем совместную жизнь всей семьи без различия пола и возраста, мужчин и женщин, стариков, юношей и девушек в одном и том же тесном жилище, где все спят вповалку и валяются вместе днем и ночью, из чего возникает тысяча возможностей предаться сладострастию.

Примеры такой распушенности мы видим также среди тех немногочисленных лопарей, которые, оставив родину ради школьных занятий, не только не подавляли своей чувственности, но, видимо, даже не считали ее пороком. Конечно, не везде дело обстоит одинаково в силу различия климатических или бытовых условий. Так, например, относительно торнеоских лопарей и Иоанн Торней высказывается в весьма благожелательном смысле: "Распутство и тайные половые связи редко встречаются в их среде, так что иногда проходят годы без того, чтобы приносили крестить незаконнорожденных детей". Против этого, конечно, можно возразить, что нет ничего удивительного в том, что потомство от этих связей бывает малочисленным у народа, не отличающегося вообще плодovitостью.

Покончив с отрицательными качествами лопарского народа, остановимся и на положительных его чертах. Прежде всего повторим то, что уже было сказано выше о соблюдении ими святости брачного союза. Об этом говорит Вексионий, почерпнувший, по-видимому, свои сведения у Бурея, подлинные слова которого таковы: "Нарушения супружеской верности редко встречаются у лопарей. Брак считается священным и соблюдается ими нерушимо." Иоанн Торней подтверждает это: "Святость брака охраняют ревностно, как и другие христианские народы". Также и Дамиан Гоен: "Они ревностно охраняют святость и нерушимость брачных уз". Еще один очень важный факт, что среди лопарей почти неизвестны кражи. Каждый спокойно владеет своей собственностью. "Кражи, – говорит Бурея, – очень редки среди лопарей, о них почти никогда не приходится слышать". Это подтверждает и Вексионий, и Торней, и Олаф Магнус. "Не только у лопарей, – говорит по этому поводу Бурея, – но даже и у купцов, ведущих с ними торговлю и перевозящих какие-нибудь товары, вошло в обычай спокойно оставлять их, прикрыв чем-нибудь для защиты от снега, и отправляться куда-нибудь далеко, даже надолго, нисколько не сомневаясь в том, что никто не тронет вещей до их возвращения".

Так обстоит это дело у этих людей, не имеющих ни городов, ни домов. Этот обычай стал для них необходимостью. Разумеется, если бы кражи в их среде были дозволены, то, не имея ни запоров, ни замкнутых помещений, они не смогли бы поручиться за целостность своих вещей и жизнь стала бы для них совершенно невыносимой.

К числу хороших качеств лопарей следует отнести их гостеприимство по отношению к странникам и беднякам, которым они охотно дают пристанище и которых часто кормят у себя довольно долгое время. "Лопари охотно принимают бедных, – пишет Торней, – и кормят их иногда целый год, иногда менее, смотря по состоянию, и по истечению этого срока на своих оленях отвозят к соседям".

Самуил Реен останавливается на этом еще подробнее: "Некоторые из них так милосердны и полны участия по отношению к обедневшим сородичам, что в случае если

какой-нибудь разорившийся лопарь, лишившийся своих оленей, приходит к более богатому и просит у него одного или двух или даже двадцать оленей для какой-нибудь работы, он редко получает отказ".

Добавлю еще, что лопари гостеприимны и к приезжим чужестранцам, также охотно предлагают ему ночлег в своем доме, пищу, какая у них есть, и любые свои услуги. "Чужестранцев и путешественников, – отмечает Иоанн Торней, – лопари встречают гостеприимно, предоставляя им кров и пищу, – словом, все, чем сами в данный момент располагают".

В описаниях мореплавателей, посещавших северные побережья, можно найти немало примеров того, как радушно и ласково принимали лопари потерпевших кораблекрушение, блуждающих по их стране путешественников. Об этом качестве лопарей есть упоминание и у Скалигера (Exerc. 213): "Известно, что лопари не причиняют зла тем, кому оказывают гостеприимство".

Все вышеупомянутые качества должны почитаться похвальными добродетелями лопарей. В остальном, по сравнению с другими северными народами, лопари все же представляются наименее культурными и цивилизованными. Уже Павел Иовий назвал их "первобытным народом", так же и Вексионий в своем "Описании Швеции".

Но несмотря на некую "некультурность", лопари любят чистоту и часто моют водою лицо и руки. "Хотя они и живут в дымных шалашах, – говорит о них Самуил Реен, – но, несмотря на это, соблюдают чистоту, ежедневно тщательно умываясь водою, моют лицо и руки". А вот Иоанн Торней говорит прямо противоположное: "Многие лопари болеют чесоткой, т.к. редко умываются, волосы же на голове никогда не причесывают". Но это опять-таки относится лишь к торнеоским лопарям, среди которых он жил, что же касается других, то ничего подобного сказать о них нельзя.

Нельзя отказать лопарям и в умственных способностях, находящих применение в их повседневной жизни. Это особенно бросается в глаза, если учесть, что всю свою домашнюю утварь и орудия они изготавливают для себя сами, сами шьют себе одежду, делают обувь, изготавливают деревянные сосуды, орудия всякого рода, как для кочевья, так и для охоты, рыболовства и прочих промыслов. Некоторые из этих изделий не только хороши и полезны, но даже художественны, как будет видно из дальнейшего.

Кое-что они выделывают не только для себя, но и по заказам других людей. "Лодки, сети, всякую домашнюю утварь превосходно мастерят, – говорит о них Циглер, – и вывозят в соседние области".

Иоанн Торней говорит еще, что лопари отличаются прекрасной памятью и здравым смыслом. Впрочем, все эти качества лопарей выступают яснее при описании отдельных сторон их быта в тех главах, где мы подробнее остановимся на их промыслах, изделиях и т.п.

Глава VI

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛОПАРСКОГО НАРОДА

Откуда взялся лопарский народ и в силу каких причин поселился в тех областях, которые он в настоящее время занимает, мы не знаем и не находим ответа на эти вопросы и в исторических сочинениях. Предположить, что лопари произошли от шведов, совершенно невозможно, т.к. нет ничего общего между теми и другими ни в строении тела, ни в характере, ни в языке, ни в верованиях, ни в обычаях. Всякий, кто хоть раз видел лопаря, не сможет усомниться в том, что они принадлежат к какому-то совсем иному племени. Точно так же нельзя предположить, что они произошли от русских, или московитов, т.к. с ними у лопарей не больше сходства, чем со шведами. Русские в большинстве случаев отличаются высоким ростом, лопари же приземисты и малы, русские крепкого телосложения и часто полны, лопари же худощавы и мелки, волосы у русских густые, бороды окладистые, у лопарей – короткие и редкие, наконец, цвет лица у русских чаще румяный и здоровый, у лопарей же буроватый и землистый. Что касается языка лопарей, то в нем нет ни малейшего сходства с русским.

Иоанн Торней энергично подчеркивает различие между этими двумя народами. "Лопари не могут происходить от русских, – говорит он. – Русский строит себе дом, обрабатывает землю, имеет коров и лошадей, ничего этого нет у лопаря, этим он не занимается и не заботится об этом. Кроме того, между языками этих двух народов нет ничего общего". Из всех соседних народов, которым можно приписать родство с лопарями, остаются еще норвежцы и финны. Что касается норвежцев, то к ним можно отнести все сказанное уже о шведах в виду общности их происхождения. Таким образом, остается лишь единственная возможность предположить, что лопари происходят от финнов.

Такого же взгляда держался и Вексионий. "Лопари, по-видимому, являются отпрысками финнов", – говорит он в своем "Описании Швеции" и несколько далее: "Лопарский народ вышел, вероятно, из Финляндии, где один приход даже до сих пор называется Лаппио (Lappio). Эта последняя ссылка на будто бы существующий там приход, предполагаемую прародину лопарей, кажется мне лишеной серьезных оснований. Что же касается выказанного им мнения о родстве лопарей с финнами, то оно представляется весьма вероятным и разделяется большинством ученых. В числе этих последних следует особенно упомянуть Германа Конринга, который высказывается по этому вопросу следующим образом: "Лопари по всей вероятности пришли в Северную Европу из Азии, т.к., по-видимому, они одного происхождения с финнами и самоэдами".

Мне кажется, что это мнение может быть подтверж-

дено рядом доказательств. Начнем хотя бы с того, что сами лопари называют себя Sabmi или Same, финны же, как известно и как указывал уже Вексионий, называют себя Suomi. Очевидно, что между этими словами почти нет разницы и отличие сводится лишь к существованию двух диалектов.

Далее, у обоих народов сохранилось предание об общем родоначальнике, которого и те и другие называют Юми (Jumi). "Из рода в род, – говорит Иоанн Торней, – передается у них древнее предание о прародителе всего народа по имени Юми". То же самое он рассказывает о финнах: "В старину финны считали своим родоначальником некоего Юмо". Эти предания, сохранившиеся в народе с древнейших времен, как нельзя лучше подтверждают мысль об общем происхождении этих двух народов. Еще более доказывает это язык, который хотя и не совсем одинаков у обоих народов, но в смысле основных форм и корней представляет полное тождество. Так, например, Бог по-фински – Jumala, по-лопарски – Jubmal, огонь по-фински – tuli, по-лопарски – tolle, гора у одних – wuori, у других – watta и т. п.

Дальнейшие доказательства родства этих народов можно почерпнуть из наблюдения над их наружностью и обычаями. Финны, подобно лопарям, приземисты, черноволосы, с широкими скуластыми лицами. Отдельные мелкие различия легко объясняются разницей климатических и бытовых условий и ничуть не противоречат мнению об общности происхождения. Даже одежда финнов немногим отличается от костюмов лопарей. Для примера я помещаю здесь изображение финна древних времен в том виде, в каком он изображен на стене Сторекирской церкви в Эстерботнии, где запечатлена сцена убийства епископа Генриха язычниками – финнами. Если сравнивать его костюм с одеждой лопарей, которая подробно будет описана мною в главе 17-й, то будет ясно, что между ними почти нет никакой разницы.

Наконец, самый характер представителей обоих народностей имеет большое сходство. Финны, подобно лопарям, как говорит Вексионий, более трудолюбивы вне дома и за пределами своей земли, в домашней же обстановке любят предаваться безделью. Как уже было указано, лопари также принимаются за работу лишь под давлением крайней необходимости. Финны, по словам Вексиония, упрямы и упорны, точно таковы же и лопари, в особенности, когда что-нибудь возбуждает их подозрительность или жажду мести. Финны суеверны и склонны к колдовству, про лопарей это можно повторить в еще большей степени. Поэтому-то Олаф Магнус говорит сразу о двух этих народах: "Северные страны, Финляндия и Лапландия, некогда так погрязли в языческих суевериях и колдовстве, как будто самим персом Зороастром были наставлены в этой дьявольской науке".

Прибавлю к этому, что описание финнов, сделанное в древности Тацитом, вполне может быть отнесено к современным нам лопарям: "У них нет ни оружия, ни коней, ни домашних богов (пенатов), пищей им служат травы, одеждой – звериные шкуры, ложем – земля. Всю надежду свою возлагают на стрелы, наконечники которых за неимением железа делают из костей. Охотой занимаются и мужчины и женщины.

Для детей единственной защитой от диких зверей и дождя являются какие-нибудь дупла деревьев или сень ветвей. Туда же приходят юноши, тут же находят приют и старцы. Они считают себя счастливее тех, которые вздыхают над плугом, устают при постройке домов, мучаются страхом за свое имущество и жаждой чужого добра. Не боясь ни несправедливости людей, ни гнева богов, они достигли того, что более всего трудно: им ничего не нужно желать" ("Германия", гл. 46).

Почти теми же словами, как и современных нам лопарей, описывает финнов и Саксон Грамматик: "Финны, самый крайний из живущих на Севере народов, занимают области, почти непригодные для житья и обработки. Они пользуются с необычайным искусством метательным оружием, дротиками и стрелами, с необычайной ревностью занимаются колдовством, средства к жизни добывают охотой, ведя кочевой образ жизни, не имеют постоянных жилищ, а переходят с места на место вслед за дикими зверями, передвигаются на санях по снежной равнине, разбивая на ней свои остроконечные жилища". В этом описании древних финнов мы видим почти точное воспроизведение образа жизни современных лопарей, так что после этого почти не остается сомнений в тождестве их происхождения.

Сверх того, надо заметить, что датчане и норвежцы и поныне называют финнами живущих на севере Норвегии лопарей, почему, например, и в "Описании Норвегии" Петра Клауда заглавие 28-й главы, повествующей о норвежских лопарях, читается так: Om Finnerne, т.е. о финнах. Этих "финнов" он делит далее на Siofinnar, т.е. приморских финнов и Larrefinner – лаппофиннов, или лопарей. Там же встречаются у него следующие слова: "На горных хребтах, отделяющих Швецию от Норвегии, живут лаппофинны (Larropinnes), почему эта часть страны называется Лаппмаркен (Larremarkia)". Не ясно ли, что эти "лаппофинны" суть не кто иные, как лопари, названные так лишь потому, что они происходят от финнов.

Нечто подобное можно вывести и из принятого у русских названия этого народа. Дело в том, что кроме обычного у русских названия "лопари" (Lappi), или дикие лопари, они пользуются еще иногда термином "кайены" (Kajenni), а всю Лапландию зовут "Кайенскою землею"

(Kajenschaja semla). Смысл этого названия станет ясен, когда мы вспомним, что Кайене есть часть так называемой Великой Финляндии. Вексионий в своем "Описании Швеции" пишет: "Великое княжество Финляндское включает в себе меньшие княжества, или области, – Феннингию, Тавастию, обе части Карелии и Кайяну (Cajania)". Из этого видно, что и русские причисляют лопарей к финнам. Но, может быть, кто-нибудь возразит нам: "Как могут лопари происходить от финнов, когда они (лопари) трусливы и не воинственны, а финны известны своей храбростью и военными доблестями, кроме того, лопари худы и малокровны, а финны,

наоборот, крепки и часто даже толсты?" Однако, я думаю, это возражение легко опровергнуть. Разве неизвестно нам, что род и количество пищи могут значительно изменить внешний вид тела. В образе жизни финнов многое может способствовать развитию полноты, лопари не лишены всего этого. Поэтому я считаю это возражение неудачным.

Не большее значение имеет и указание на воинственность финнов. По видимому, они вовсе не отличались этим качеством в те древние времена, когда часть их отделилась для колонизации Лапландии. Недаром же Тацит называет их безоружными: "У них нет ни оружия, ни коней". Этим он как бы хочет сказать, что ведение войн не свойственно им. Да и теперь они вовсе не так уж воинственны, как думают.

Во время рекрутских наборов, как подтверждается ежедневным наблюдением и даже официальными актами, они скрываются и всяческими способами стараются уклониться от военной службы. Поэтому, я думаю они оказываются хорошими солдатами не столько благодаря природной склонности к военному делу и врожденной воинственности, сколько путем упражнения, обучения и дисциплины, которой они подчиняются действительно образцово.

В природных же склонностях между ними и лопарями нет существенной разницы.

В конце концов, следует отметить, что даже сами лопари, мнение которых

в данном случае заслуживает полного доверия, считают себя выходцами из Финляндии. Из поколения в поколение передается у них до наших дней это предание, подтверждаемое еще и тем, что в нем сохранились даже имена вождей, под предводительством которых совершился этот исход. Мы находим упоминание об этом у Олафа Петерсона Ниурения: "Сами лопари производят себя от некого Миескогисеке (Mieschogiesehe). На вопросы мои, кто он был и откуда появился, они могли лишь ответить, что из преданий отцов и дедов они ничего иного не знают об этом, кроме того, что некогда он переселился в эту область из Финляндии".

Аналогичное сообщение сделал недавно один гражданин города Питео Андрей Андерсон, бывший эконом лопарской школы, пользовавшийся исключительной любовью и уважением лопарей. В его рассказе лишь изменено имя вождя, он назван там Тинсом Когре (Thins Kogreh), факт же выхода из Финляндии остается неизменным. По этому поводу Захария Плантин в предисловии к своей рукописи пишет следующее: "Более развитые из лопарей сообщили ему (Андерсону), что некогда народ вышел из Финляндии под предводительством Тинса Когре". Это не встречавшееся мне до сих пор имя вождя представляется мне чем-то новым и едва ли приемлемым.

Вообще трудно поверить, чтобы имя древнего, полумифического вождя могло неприкосновенно сохраниться в памяти народа на протяжении целого ряда веков. Приходится предполагать, что он жил еще до Саксона Грамматика, который уже упоминает о лапландцах, а деятельность самого Саксона следует отнести ко времени, почти на 480 лет предшествующему написанию этих строк. Даже сами финны едва ли помнят с точностью, что происходило у них в эту отдаленнейшую эпоху, и тем более странно ожидать от лопарей сохранения в неприкосновенности относящихся к ней фактов. Наконец, и само имя Тинс (Thins) заставляет сомневаться в его подлинности, т.к. никто не сможет убедить меня в его древнефинском происхождении, несомненно, оно соответствует шведскому Thinis и голландскому Hunius, а это, как уже давно было доказано, обозначает не что иное, как Антоний (Anthonius). Но невозможно допустить, чтобы имя Антоний стало известно финнам до введения у них христианства.

С большим сомнением я отношусь также и к причине, вызвавшей выселение лопарей из Финляндии, которая приводится в наши дни некоторыми авторами.

Захария Плантин, например, говорит следующее: "По преданию, причиной переселения было недовольство властями. Измученные невыносимыми поборами и налогами, они оставили своих родичей в Тавастии около Броккарло (Brokarla) и Ренгоары (Reungoarius) и вступили в громадный лес, называемый Тавастским. Лишь позднее они добрались до дикого побережья Ботнического залива, примыкающего к Эстерботнии. Там после долгих блужданий они впервые осели".

Все это не согласуется со значением слова лопари (Lappi), означающего, как они сами говорят и что мы уже доказали ранее, изгоев, изгнанников. Этот термин едва ли приложим к тем, кто сам, по собственной воле бежал от тяжелых податей. Но, говорят, они были названы так потому, что впоследствии были согнаны с этих, занятых ими мест и оттеснены в более отдаленные. Так объясняет это далее в своей рукописи Плантин: "Их прежние земляки и сородичи, негодующие ли на бесчестное бегство их из родной страны или же движимые жадностью и завистью, напали на них под предводительством некоего Матвея Курка (Matthia Kurk) и завязали с ними ожесточеннейшую войну, убивая, грабя, оттеснили их с занятого ими побережья сперва к богатым рыбой рекам Торнео и Кими (Kimi), а затем и в те пустынные и гористые области, которые они теперь населяют".

Так описывает это Плантин со слов самих лопарей, прибавляя при этом, что вышеупомянутый Андрей Андерсон видел старинные документы, в которых один из лопарских начальников назывался Курк. Об этом упоминает также и его отец Олаф Петерсон Ниурений. Его рассказ, хотя и несколько длинен, но все же стоит того, чтобы быть приведенным здесь.

"Однажды несколько финских семей из Биркалы и

Ренго скрылись в Тавистском лесу и оттуда переселились на побережья Эстерботнии, где находились Нерпис и Мустасара, бывшие тогда еще никем не обитаемыми. Там, свободные от тягот и поборов, которые они терпели на родине, финны стали жить спокойно и счастливо, добывая много добычи, которую они ежегодно стали продавать своим прежним сородичам. Вследствие этого они сильно разбогатели, стали носить роскошное платье, изысканно питаться, обзавелись сокровищами и украшениями всякого рода, чтобы доказать сородичам, как счастливо и хорошо они зажили.

Видя все это, их прежние земляки тавасты, движимые завистью, избрали некоего Матвея Курка своим предводителем, громадной массой вторглись в области, занятые переселенцами, и принялись разорять их и грабить до тех пор, пока те не вынуждены были бежать из своих поселений на реки Торнео и Кими. Узнав, однако, через несколько лет, что беглецы недурно устроились в этой новой области, они снова напали на них и гнали их так бесчеловечно, что тем пришлось, бросив стада и захватив лишь сети, удалиться в те суровые и дикие пустыни, которые они сейчас населяют".

Прочитав это, всякий поймет, что этот рассказ создан в недавнее время, не говоря уже о фамилии Курк, которая отнюдь не древняя и не встречалась никогда среди старинной знати, само имя Матвей (Matthias) могло появиться только после введения в Финляндии христианства. Иначе откуда могло взяться такое имя. Оно не встречается нигде среди языческих имен, которых мы знаем множество, ни у древних историков, ни в каких-либо памятниках.

Допустить же, что лопари так поздно проникли в те земли, где мы их сейчас встречаем, совершенно невозможно. По рассказу выходит, что до их прихода эти земли были совершенно необитаемы, а нам известно, что еще в дохристианские времена там жили биармы и скридфинны, из которых последние, как видно из самого их имени, были выходцами из Финляндии.

Эти финны жили на Севере уже во времена норвежского короля Гаральда Красивого, или Гарфагара, и сына его – Эрика Блодоксе, т.е. задолго до введения христианства.

О походе этого последнего упоминает в своей "Истории" Стурлесон: "После того поплыл Эрик Блодоксе на север к Финмаркену и далее в Биармию, где сражался с биармцами, одержал над ними победу и взял богатую добычу".

Если он отплыл по морю из Норвегии к северу и прибыл в Финмаркен, то значит, что в ту эпоху Финмаркен, как и сейчас, находился к северу от Норвегии, на морском побережье, словом, это была та же самая область, которая и теперь носит это название. Так как и тогда она уже была населена, и притом именно финнами, как показывает ее название, то напрасно думать, что она была впервые заселена лишь лапландцами, выгнанными Матвеем Курком из Южной Ботнии. Очевидно, не это изгнание послужило причиной того, что они стали называться лопарями (Lappi – изгой), ведь уже во времена Саксона Грамматика они назывались так, доказать же мне, что поход Матвея Курка относится к более ранней эпохе, я думаю, никому не удастся.

Менее всего убедительны для меня те письменные документы, в которых будто бы упоминается имя Курка,

так как в те времена не могло быть и речи о каких бы то ни было записях таких событий. Поэтому следует искать иное начало этого переселения и другие причины изгнания лопарей, давшие им это имя, обозначающее отщепенцев, изгоев. Я думаю, что выселение финнов в Лапландию произошло не за один раз, а в несколько приемов. Это, между прочим, доказывается и тем, что в предании сохранилось не одно имя вождя, а несколько, как, например, Тинс Когре и Миескогиеске.

Первым и древнейшим выселением было, по-видимому, то, которое дало начало биармцам. Что биармцы были народом финского происхождения, не подлежит ни малейшему сомнению, это подтверждается тем, что они называли своих богов финскими именами, сходствовали в обычаях, в образе жизни и в национальных чертах с древними финнами и, наконец, для всех иностранцев были скридфиннами (skridfinni), т.е. финнами, скользящими по снежному покрову. Некоторые авторы и самих финнов называли биармцами. Впрочем, само имя Биармия, как указывает Иоанн Бурей, происходит от исковерканного финского слова varama, т.е. горная область, биармцы были прозваны так вследствие того, что были оттеснены на север в гористую местность.

Как было только что сказано, соседние народы чаще называли их скридфиннами (Skridfinni или Skriidfinni), зная, что они широко пользуются деревянными лыжами для бега по замерзшим снегам, что у шведов и их ближайших соседей передается словами attskriida (на лыжах). Поэтому они называли этот народ непонятным им термином скридфинны, а не биармцы, т.к. это название, будучи финского происхождения, не было им известно. Вследствие общности происхождения финны и биармцы в древности находились под властью одних и тех же правителей. Так, например, в эпоху короля Гольтера (Holteri Regis) Финляндией и Биармией правил некий Кузон (Cuso), как сообщает Саксон Грамматик.

Какова была причина этого выселения, нам, однако, не ясно. Можно лишь предположить, что оно было вызвано страхом перед шведами, начавшими наступление на финнов еще в царствование короля Агна (Agni Regis). В летописи исландца Стурлесона так описаны события той эпохи: "Король Агн отправился в поход на Финляндию и сразился с их королем Фросте (Froste), которого со всеми подвластными ему полчищами одолел в битве и, опустошив страну, вывез из нее богатейшую добычу".

Перейдем теперь ко второму переселению, которое я отношу к той эпохе, когда русские с оружием в руках покорили все восточные области вплоть до Ладожского озера. Нет сомнения, что именно тогда часть финнов, утраченная необычайной жестокостью, которая всегда отличала русских, покинула родные места и выселилась на север, в Лапландию. Это предположение кажется мне особенно правдоподобным, потому что лопари известны у русских еще под именем кайянов (Kajenni), о чем я уже говорил выше, а это можно себе объяснить лишь тем, что, по их сведениям, лопари вышли из области Кайяне.

Эти сведения русские могли почерпнуть только из своего собственного опыта, т.к., вообще говоря, они (русские) настолько несведущи в истории не только других народов, но даже и в своей собственной, что о всех маломальски древних событиях, происходящих в их стране, не имеют ни малейшего понятия.

Этот непосредственный опыт не могли дать именно войны, которые они вели с финскими племенами, главным образом, с кайянами. Все это могло произойти около VI века от Р.Х., т.к. именно в эту эпоху русские распространили свое влияние на вышеупомянутые области.

По той же причине шведами и датчанами все эти племена назывались собирательным именем финнов или, более точно, приморскими финнами (Sioefinni) и материковыми финнами (Feldfinni), т.к. более старое название "биармцы" постепенно вышло из употребления. Это случилось, вероятно, в эпоху норвежского короля Гаральда Гарфагара, который разбил биармцев в одной из битв и разгромил их настолько, что могущество их навсегда было подорвано.

В летописи Снорре так рассказывается об этом: "Оттуда он (Гаральд Гарфагер) поплыл по направлению к Финмаркену на север до самой Биармии, где произошло сражение, из которого он вышел победителем, захватив богатую добычу". Из этой цитаты можно заключить, что пострадали от набега Гаральда одни биармцы, финны же остались невредимыми в Финмаркене, после чего, по всей вероятности, биармцы захирели и само имя их было предано забвению.

Все это произошло еще задолго до того, как появилось в истории современное название народа – "лопари". В эту эпоху оно еще нигде не упоминается, вместо этого говорится лишь о финнах, скритофиннах и биармцах.

В последующую эпоху появляется, наконец, и термин "лопари". Правда, мы еще не находим его в трудах Адама Бременского (конец XII в.), но зато уже у Саксона Грамматика, жившего около 1200 г., оно впервые упоминается. Поэтому я считаю довольно правдоподобным, что третье переселение, после которого эти племена стали называться лопарями, произошло именно в промежуток времени, заключенный между двумя вышеприведенными датами.

Если внимательно вчитаться в историю этого периода, то едва ли можно остановиться на иной причине, которая могла бы послужить поводом к третьему выселению финнов, чем поход шведского короля Эрика Святого в Финляндию, подчинившего эту страну шведскому владычеству и способствовавшего распространению в ней христианства. Это событие произошло в 1150 г. и, наверно, побудило значительное количество финнов выселить-

ся на север в Лапландию, как для того, чтобы избежать чужеземного владычества, так и с целью уклониться от принятия новой религии, которая ничего общего не имела с их собственной – унаследованной от предков – и была поэтому им ненавистна. Нет ничего удивительного, что при таких обстоятельствах известная часть финнов была вынуждена искать спасения в выселении. Так же нетрудно понять, почему эти переселенцы получили от оставшихся имя "лопарей", т.е. изгоев, изгнанников.

Дело в том, что основное население Финляндии, принявшее христианство и подчинившееся власти шведов, стало считать их беглецами, которых боязнь шведского могущества и ненависть к христианству заставили бежать с родины и превратиться в изгнанников. К этому присоединился еще королевский эдикт, уже на самом деле осуждавший на изгнание и отлучение всех, кто не желал отречься от языческих суеверий.

Таким образом, они получили свое нынешнее имя (лопари, Lappi), которое и теперь еще они не могут равнодушно слышать, считая его оскорбительным.

Меня не убеждают теории некоторых ученых, пытающихся произвести их от татар, т.к. в истории до сих пор ничего неизвестно о переселениях татар на север, да и народ этот (татары) ведет воинственный и хищнический образ жизни, основанный на грабежах и набегах. В противоположность этому, лопари занимаются скотоводством и охотой и ко всякой войне относятся с отвращением.

От жителей Финляндии имя изгнанного народа переняли и шведы, и датчане, а следовательно, и Саксон Грамматик, затем Циглер, бывавший в Швеции, и Дамиан Гоен, заимствовавший его от Олафа и Иоанна Магнусов.

Таким образом, это имя стало относиться ко всему народу, обитающему в области, простирающейся на север от Ботнического залива, особенно когда она вся была подчинена Швеции, за исключением небольшой прибрежной части Северной Норвегии – Финмаркена, где сохранилось старинное наименование, и восточной области, прилегающей к Белому морю, жители которой москови́тами (русскими) зовутся каянами (Kajnni), хотя они называют их также и лопарями (Loppi), что, вне всякого сомнения, было позаимствовано ими от соседних финнов.

Таков мой взгляд на происхождение лопарского народа и на историю их переселения в Лапландию.

Глава VII

О ПЕРВОБЫТНОЙ РЕЛИГИИ ЛОПАРЕЙ

ознакомившись в предыдущей главе с историей происхождения лопарского народа, перейдем теперь к более подробному его описанию. Прежде всего остановимся на религии лопарей, и при этом не только в том ее виде, в каком она сохранилась до наших дней, а постараемся понять, какую она была до распространения среди лопарей христианства.

В дохристианскую эпоху нынешняя Лапландия, как видно из предыдущих глав, была населена финнами, лаппофиннами, скридфиннами, или биармцами, которые впоследствии стали называться лопарями, и все они, конечно, имели какую-то религию. Христианство распространилось среди лопарей сравнительно поздно. Какова же была эта первобытная религия лопарского народа и его предков?

Вне всякого сомнения, они были язычниками, подобно всем прочим народам севера той отдаленной эпохи, но т.к. языческие религии могут быть довольно разнообразны, то возникает вопрос, что из себя представляла языческая религия этого народа. По всей вероятности, она мало отличалась от религии финских племен, от которых произошли лопари. Сведения о древнейшей религии финнов весьма скудны, т.к. не сохранилось никаких памятников, проливающих свет на этот вопрос. Поэтому возможно лишь косвенно строить догадки о ней, основываясь на тех данных, которые мы имеем относительно биармцев и скридфиннов, а также на уцелевших остатках этих верований, живущих еще в наше время среди финнов и лопарей.

О биармцах, бывших, как нам удалось установить, древнейшими финскими выходцами в Лапландии, мы знаем, что они поклонялись богу, которого звали на своем языке Юмала (Jumala). В летописях, относящихся к царствованию норвежского короля святого Олафа, говорится: "В ковчеге стоял бог биармцев, называемый ими Юмала (Jumala)". У другого исландского летописца встречается описание храма биармцев, в котором они поклонялись своему главному богу Юмале. Из этих цитат видно, что имя бога Юмала и Иомала летописцами приводятся как бывшие в употреблении у этого народа и не совпадающие с названиями божества, знакомыми тем северным народам, к которым принадлежали сами летописцы, т.е. готам, норвежцам или исландцам.

Какому же другому народу могло быть свойственно это название, как не финнам, которые и сейчас пользуются этим словом для обозначения Господа Бога (Deus – римляне, Gott или Godh – шведы и готы, по-фински – Jumala), по старой привычке удерживающимся еще со времен язычества. Не подлежит сомнению, что это обозначение бога (Юмала) перешло к биармцам от финнов и удержалось впоследствии и среди лопарей,

пришедших также из Финляндии и перемешавшихся с более ранними выходцами, биармцами, образовавшими один народ.

Кроме Юмалы, лопари чтили еще бога, соответствовавшего шведскому Тору. Это явствует не только из того, что и поныне, как видно будет из дальнейшего, среди главнейших богов лопари чтут некоего Тора, но и из того, что у древних финнов, в особенности у тавастов, был бог, называвшийся ими Туррисас (Turrisas), что равносильно Тору.

Михаил Вексионий в своем "Описании Швеции" позаимствовал у Зигфрида Аро, написавшего поэму о финских богах, следующее сообщение: "Тавасты поклонялись богу войны и победы Туррису". Более правильное название этого бога не Туррис, а Туррисас, состоит из двух слов – Туррис, или Туррус, Торус (Тор) (так различно бывает его начертание, как я указывал в своих uppsalsких лекциях), и Ас, т.е. владыка асов или азов, азидов, ибо азами называются народы, в древнейшие времена пришедшие в эти области из Азии, предводителем которых и был Туррисас. Ему под этим именем и поклоняются финны.

Значительная древность его доказывается еще и тем, что старинный исландский писатель Арнгрим Ионас рассказывает о том, что в древности у финнов был царь по имени Торр, величайший из королей Нора (Nori), откуда, по мнению некоторых ученых, произошло и название Норвегии (по-норвежски – Norge или Norige) от Noririge, т.е. царство Нора (Nori). Подобное превращение родоначальников династии или основателей государства в богов часто бывало в языческой древности.

Таким образом, бог Тор получил название от какого-то древнего царя Торра или Турра и стал предметом поклонения у финнов и от них перешел и к лопарям вместе с языком, обрядами и обычаями.

К этим двум богам Юмале и Туррисасу, или Тору (если они не были одним и тем же богом), лопари присоединили третьего – Солнце. И заключаю я это из того, что они и поныне чтят Солнце в числе своих главнейших богов. Кроме того, культ Солнца является одним из самых распространенных среди почти всех диких языческих народов.

Легко понять, насколько большее значение, чем для народов, живущих в умеренных климатах, имел культ Солнца, подателя всеоживляющего тепла и света, для лопарей, пребывающих во власти темной ночи и страшнейшей стужи. В дальнейшем я подробнее остановлюсь на описании этого культа.

Таким образом, мы познакомились с главнейшими и древнейшими богами лопарей, с богами majorum gentium (старейшими), как говорили римляне. Несомненно, наряду с ними существовали и более мел-

кие боги. Это видно из того, что и сейчас лопари поклоняются им. Кроме того, и у финнов их было множество, по свидетельству Вексиония, основывающегося на вышеупомянутом Зигфриде Арс. Без сомнения, и этих богов лопари заимствовали от них же. "В старину у финнов были различные боги", – говорит он. – Так, например, у карелов Ронготе (Rongothaus) бог спорыньи, Пеллонпекс (Pellonpekko) – ячменя, Виераканис (Wierecannos) – бог, способствующий посевам овса, а также гороха, репы, льна и конопли. Уко (Uco) с супругою Руне (Roune) властвовал над бурями, Кэкре (Kaekre) защищал стада от диких зверей, Гизе (Huse) распоряжался волками и медведями, Нирке (Nyrcke) благоприятствовал охоте на белок, Гиттаванес (Hyttavanen) на зайцев".

Многих из числа этих богов почитали и лопари, в особенности тех, которые могли способствовать охоте и промыслам или защите стад от хищников. Что касается остальных, то, не имея вовсе посевов и не занимаясь обработкой земли, они, вероятно, скоро предали их забве-

нию. Утверждать, что лопари чтили этих богов под теми же именами в высшей степени затруднительно, т.к. никаких следов этого не сохранилось даже в древнейших преданиях, на основании же современных обрядов и обычаев лопарей тоже трудно ответить на этот вопрос.

Не менее затруднительно решить, в чем заключался культ вышеупомянутых богов в древние времена, если только не ограничиваться изложением того, что наблюдается в наше время. Об этом мы скажем в последующих главах, посвященных описанию современных обрядов и пережитков язычества у лопарей. Ввиду этого нам придется ограничиться здесь лишь сообщением некоторых подробностей о культе Юмалы, о чем упоминают старинные летописцы.

Юмала представлялся идолом, имевшим вид мужчины, сидящего на алтаре или на троне с короной на голове, украшенной двенадцатью драгоценными камнями, и золотой цепью на шее. По крайней мере, такое описание мы находим в летописи Геродота: "Тогда они подо-

шли к алтарю или трону, на котором восседал Юмала и содрали с него корону, украшенную двенадцатью драгоценными камнями, сорвали цепь, цена которой была не менее трехсот золотых марок".

В другой летописи (Св. Олафа) встречается подобное же упоминание о цепи: "Карл подбежал к Юмале, т.к. увидел на шее у него толстую цепь. Выхватив секиру, он разрубил запястье, с которым соединялась цепь лежащая на шее". Так переведен старинный текст, но значит ли употребленное в нем слово "men" – цепь, кажется мне сомнительным. Правильнее было бы перевести его "ожерелье". Однако как цепь, так и ожерелье одеваются на шею и скручиваются вокруг нее, предмет же, называемый словом men, лишь подвешивается на шее. Поэтому, чтобы снять его, надо было сперва разрубить секирой застежку, что было бы бессмысленно, если бы дело шло о цепи. Поэтому я думаю, что под словом "men" подразумевался золотой шар искусной работы, украшенный драгоценными камнями, почему в летописи и была указана лишь цена его, а не вес, как обыкновенно делается с цепочками. Этот шар, думается мне, прикрепленный застежкой к шее, свисал на грудь идола Юмалы, как часто бывает в подобных случаях и в наши дни.

Такое значение слову "men" придает и Ворм в своем словаре, говоря: "Men" – круглое, золотое украшение, подвешенное на ожерелье, от слова "mane", т.е. луна, форму которой оно напоминает своим шарообразным видом". Как бы то ни было, но Юмала изображался в виде идола, имеющего человеческий образ, с короной на голове, украшенной двенадцатью драгоценными камнями, в чем сходятся оба летописца. Вследствие этого он мало отличался от того, как обыкновенно у язычников-шведов изображался Тор. Как я подробно сообщал в своих упсальских лекциях, скандинавский Тор изображался обыкновенно сидящим на троне с короной на голове, украшенной двенадцатью звездами (у Юмалы – двенадцать драгоценных камней).

Все это заставляет меня предполагать, что биармы, а вслед за ними лопари под двумя различными именами поклонялись одному и тому же божеству или, по крайней мере, соединили воедино два разных божества. Юмалой они называли истинного Бога, до познания которого дошли отчасти руководствуясь естественным разумом, отчасти благодаря древним преданиям предков. Когда впоследствии вошел в славу Тор, то они стали и его (Юмалу) называть Тором или же Тору присвоили название Юмалы.

Я усматриваю это в том, что в настоящее время лопари приписывают Тору те качества, которые первоначально, по всей вероятности, принадлежали только Юмале, а именно верховную власть над всеми прочими богами, в особенности над дурными и зловредными, а также над жизнью и смертью людей, владычество над воздухом, громами и молниями и т.п. Возвращаясь к описанию внешнего вида идола, я предполагаю, что он был сделан из дерева, т.к. из продолжения рассказа летописца мы узнаем, что удар секирой, которым Карл хотел разрубить застежку был так силен, что им была отрублена голова Юмалы.

В летописи Герроды рассказывается о том, что Юмала был сожжен и превращен в пепел: "После того они вынесли из храма золото и все драгоценности, а затем

подожгли его, обратив все в пепел". Говоря в данном случае "все обратив в пепел", летописец подразумевает, что сгорел весь храм с богами, со всей священной утварью, кроме драгоценностей и золота. Золото, о котором упоминается здесь, специально приносилось в жертву Юмале. Биармцы наполняли его лоно золотом, насколько могли, на коленях у него помещалась кроме того тяжелая чаша громадной величины. В нее бросали золото в качестве священной дани и все приносимое в жертву богу.

"С колен его, – говорит тот же исландский летописец, – сняли золотую чашу такой величины, что четверо мужей вдоволь могли бы из нее напиться. Она была полна сверкающим золотом".

В летописи св. Олафа говорится, что чаша была не золотая, а серебряная: Торер вернулся к Юмале и унес серебряную чашу, стоявшую у него на коленях, полную до краев серебряными монетами". Следует заметить, что летописец говорит здесь не просто о серебре, а о серебряных монетах, что, по всей вероятности, относится также и к золоту. Его рассказ о серебряной чаше не противоречит предыдущему упоминанию о золотой, т.к. в эпоху св. Олафа золотая чаша уже была похищена и биармцы не успели еще восстановить прежнее величие, ограничившись серебряной.

Биармцы поклонялись Юмале не всюду, где придется, а лишь в немногих, определенных местах или, быть может, даже в одном единственном, где было выстроено нечто вроде храма. Такой вывод можно сделать из слов летописца, из которых видно, что этот особый храм был известен немногим и помещался в отдаленном, уединенном месте среди дремучего леса. Он приводит слова деревенской девушки: "В этом лесу есть красивый храм, принадлежащий королю Гаркеру (Harkker), а в нем бог, которого чтят все вокруг, по имени Юмала".

Я сказал "подобие храма", т.к. он не походил на обычные храмы, имеющие стены и крышу, а представлял собой лишь место, огражденное тыном (hoff – двор или menshoff – лат. habo, т.е. круг, охватывающий луну), подобно тому, как у древних забором окружались символы и статуи богов. Собственно, таковы же были древние римские храмы, не имеющие крыши. Недаром Фест (Festus) говорит: "Храмом называется открытое со всех сторон место, откуда можно смотреть в любом направлении. Если бы он имел крышу, то нельзя было бы смотреть в любом направлении".

Таким тыном и был окружен Юмала в дебрях девственного леса, по словам исландского летописца: "Среди леса вышли на поляну, на которой поднимался высокий тын с запертыми воротами". Тут и тын, тут и ворота, запирающиеся перед тем, кто не допускается к богу, тут среди леса hoff (двор), т.е. то же, что римляне называли templum (открытый храм).

Древние часто ставили своих богов в лесах и рощах и при этом старались, чтобы святое святых не замыкалось какими-нибудь видимыми гранями, а было открыто со всех сторон.

Вот и все, что можем сказать о Юмале и древнем культе его у биармцев; о Торе, Солнце и прочих богах; поскольку это относится к этой эпохе, у нас нет никаких сведений кроме того, что составляет предмет современного нам культа, о чем будет подробно сказано в следующих главах.

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ХРИСТИАНСТВА
СРЕДИ ЛОПАРЕЙ

Подобно другим народам, после веков языческой тьмы лопарей озарил, наконец, свет христианства. В этой главе мы постараемся выяснить, когда и при каких обстоятельствах это произошло, осознавая всю трудность точного ответа на данные вопросы ввиду отсутствия каких бы то ни было литературных памятников, относящихся к этому предмету.

Плантин утверждает со слов самих лопарей, что только в XVI в. они впервые услышали о христианстве, из чего он делает вывод, что они выселились из Финляндии еще до распространения в ней христианства. "По-видимому, – говорит он, – только в прошлом столетии среди лопарей впервые началась евангельская проповедь. До тех пор этот варварский народ ничего не знал о Спасителе и даже само имя Христа, по их словам, не было известно".

Однако этому утверждению лопарей едва ли можно поверить. На основании некоторых данных можно предполагать, что уже во времена Циглера христианская религия была им известна и даже исповедовалась некоторыми из лопарей. Циглер жил в самом начале XVI века, т.к. был очевидцем Стокгольмской резни, учиненной тираном Христианом датским, описание которой он нам оставил. Из слов Циглера можно заключить, что христианство было известно лопарям и ранее. "Христианство, – говорит он, – лопари принимают, желая угодить королям, которые властвуют над ними". Говоря во множественном числе о "королях", он, конечно, имеет в виду не одного Христиана, а и его предшественников, царствовавших в более раннюю эпоху.

Действительно, трудно было бы поверить, что целый ряд христианских королей, власти которых подчинялись лопари, мог спокойно допустить, чтобы этот народ коснел во тьме язычества, ничего не ведая о Христе и христианской религии. Уже король Эрик Померанский в одном из своих посланий напоминает Упсальской Консistorии о необходимости посылать священников для просвещения лопарей. Впоследствии король Карл IX обосновывает текстом этого письма свои претензии на владение Лапландией в споре с соседними государствами. "Уже Эрик Померанский, – пишет он, – хотя и бывший королем Дании, Норвегии и Швеции, обращается с посланием именно к Упсальской консистории с требованием о назначении священников для проповеди христианства в Лапландии". Да и могло ли быть иначе, когда их ближайшие соседи шведы и биркармейцы, давно уже принявшие христианство, находились с ними в постоянных торговых сношениях, брали с них дань еще со времен Магнуса Ладулая, как было сказано выше, король же Магнус жил почти четыре века тому назад.

Поэтому исходящее из уст самих лопарей признание, что с христианством они познакомились лишь какое-нибудь столетие назад, представляется мне невероятным.

Напротив, я склонен думать, что со времен Магнуса Ладулая лопари постоянно сталкивались с христианством и многие из них даже принимали его на самом деле или только притворно. Именно в эту эпоху Лапландия подпала под шведское владычество, как видно будет из дальнейшего, и вполне естественно предположить, что с распространением своей власти над лопарями шведы способствовали также и внедрению христианства. С другой стороны, если верно наше предположение относительно переселения лопарей из Финляндии вследствие войны Эрика Святого и распространения им христианства в этой стране, то надо думать, что уже тогда лопари могли познакомиться с христианской религией, хотя она и возбуждала в них ненависть. Главное же, имея соседями финнов, родственников им по происхождению, лопари не могли на протяжении ряда столетий ничего не слышать от них о Христе и его учении. Поэтому я настаиваю на том, что христианство стало известно лопарям уже со времен Эрика Святого, т.е. около пяти веков тому назад, но не имело у них успеха, пока они сохраняли свою независимость. Когда же они подчинились шведскому владычеству, то по собственной ли воле, желая угодить шведским королям, как говорит Циглер, или по другим причинам они стали массами принимать христианство.

Так как это событие произошло при короле Магнусе Ладулае, жившем около 1277 г., то к этому моменту и надо относить начало христианства в Лапландии.

Покончив с этим вопросом, попытаемся понять, каково было отношение лопарей к христианству. Циглер так характеризует его: "Они не стремятся ревностно к исповеданию христианства, но и не уклоняются от него с ненавистью, подобно иудеям, а просто принимают его в угоду королям, которые ими правят." Из этих слов совершенно ясно, что для лопарей принятие христианства было чем-то внешним, обусловленным не сознанием его превосходства над их прежней религией и необходимостью для спасения души, а лишь средством снискать королевские милости и избежать неприятности, которые могли бы повлечь за собой сопротивление его распространению. Поэтому они венчались перед христианским священником и приносили к нему крестить новорожденных. Но этим и ограничивалось проявление их христианских чувств, как говорил еще Олаф Магнус. Что же касается проповеди слова Божия и каких-нибудь наставлений в прочих правилах и истинах христианского вероучения, то о них и помину не было.

"Многие пастыри совсем отказались от забот о христианском наставлении этого народа", – говорит Циглер. Это же подтверждают нам и старинные списки епархий с указанием приписанного к ним населения. В числе их нет Лапландской епархии и нет даже упоминаний о каких-либо христианских храмах, находящихся в Лапландии, или све-

дений о том, к какой из прочих епархий они относятся. Понятно, что если бы дела в этом отношении обстояли благополучно, то Эрику Померанскому не было бы надобности в вышеупомянутом послании напоминать о необходимости посылать священников для просвещения лопарей.

Об этом скорбит и Олаф Магнус, а Циглер в IV книге своей истории замечает с горечью: "Народам, живущим на Крайнем Севере в течение стольких веков, не проповедовалось Евангелие, что они почти целиком остаются вне католической церкви" (это происходило в эпоху, предшествовавшую Реформации. – Прим. ред.). И дальше Циглер выражает лишь надежду, что со временем это изменится к лучшему: "Остается лишь надеяться, что когда-нибудь и они дождутся истинной проповеди слова Божия и тогда не замедлят приобщиться ко вселенскому общению верующих христиан".

Таково было состояние христианства у лопарей вплоть до царствования Густава Адольфа – состояние жалкое, почти ничем не отличающееся от прежнего языческого, выражающееся в одних лишь внешних обрядностях, ценою которых, прикрываясь христианским именем, они беспрепятственно сохраняли свои древние суеверия. Недаром современник и приятель Иоанна и Олафа Магнуса Дамиан Гоен жаловался в своем сочинении, "что в этих областях отсутствует познание истинного Бога и Христа".

Даже оптимистические слова Олафа Магнуса о том, "что благочестивыми трудами католических священников значительная часть лесных людей (так он называл лопарей) обратилась в христианство и можно надеяться, что, следуя их примеру, остальная часть жителей оставит свои языческие заблуждения", едва ли могут поколебать высказанное нами мнение, если вспомнить, в чем выразилось в те времена принятие христианства. С приходом к власти короля Густава Адольфа все изменилось коренным образом. Ревнуя о насаждении истинной веры по всей стране, не в пример прошлой эпохе, он не мог не остановить своего внимания и на лопарях. До него лопари были больше данниками биркармийцев, чем подданными шведских королей, и потому короли мало интересовались их судьбою. Этот порядок был изменен Густавом Адольфом, подчинившим их непосредственно королевской власти, о чем подробнее будет сказано ниже. С этого времени вошло в силу постановление о том, чтобы в определенные времена года они являлись для уплаты податей королевским чиновникам и, пользуясь этим случаем, выслушивали там же проповеди слова Божия.

Об этом нововведении так пишет Андрей Бурей: "Зимой в определенные сроки, к которым приурочено взимание с них податей, лопари целыми толпами сходятся в определенные, предназначенные для этой цели места. К этому моменту туда прибывают священники, которые крестят их детей и наставляют их в основных правилах христианской веры и нравственности, а на следующий год экзаменуют по поводу преподанных начатков христианского". Это вошло в обычай со времен Густава Адольфа, как было сказано выше, т.к. до него королевская власть не взимала с лопарей никаких податей и им незачем было собираться в определенные места в установленные сроки.

Если бы нечто подобное существовало уже раньше, скажем во времена Олафа Магнуса, то он, наверно, упомянул бы об этом, а между тем в приводимой ниже цита-

те из его сочинений сообщается о том, что лопари принуждены были везти своих детей в христианские церкви для крещения иногда за 200 и более итальянских миль (200 итальянских миль = 371 км): "Христианские церкви часто отстоят от них на двести и более итальянских миль, почему они редко посещают их. Однако некоторые из них настолько преданы христианскому вероисповеданию, что, не стесняясь вышеупомянутой дальностью расстояний, однажды или дважды в год присутствуют при богослужении и приводят крестить своих детей, привязанных у них за спиною в особых плетеных корзинах".

Из этого ясно, что в ту эпоху среди лопарей в их собственной стране не было никаких съездов, к ним не приезжали священники и детей приходилось крестить не у себя дома, а в отдаленных храмах Швеции, Ангерманландии и Гельсингии, которые были известны под именем церквей христиан или крещенских лопарских церквей (*Ecclesiae baptismales Lapponium*).

Посещать или не посещать эти храмы было вполне предоставлено их доброй воле, вследствие чего многие лопари и вовсе не были крещены, как видно из послания Густава I, написанного в Стокгольме 24 июля 1559 г., где говорится: "До нас дошли сведения, что многие из вас (т.е. лопарей) до сих пор не приняли крещения".

В свою очередь, это происходило еще и оттого, что среди лопарей был очень распространен предрассудок, будто крещение взрослых приносит им смерть. Об этом писал и Пейцер: "Лопари говорят, что, если люди более зрелого возраста принимают крещение, то они обыкновенно умирают от этого на седьмой или восьмой день после него".

Только со времен Густава Адольфа вместе с королевскими сборщиками податей и священники стали проникать в самую Лапландию и уже там, на месте, крестить детей и наставлять жителей в христианской вере. Священники теперь уже не ограничивались одними проповедями слова Божия, а заставляли паству относиться к ним со вниманием и отдавать им отчет в понимании и усвоении услышанного. Итак, только с этой эпохи стало надлежащим образом утверждаться среди лопарей христианское вероучение и истинное благочестие.

В этом смысле приведенные нами в начале главы слова лопарей о том, что они лишь в прошлом веке услышали о христианстве, могут быть приняты с полным основанием. Тогда же впервые были назначены специальные священники для наставления их в вере Христовой. Из приведенного выше послания Густава I от 1559 г. видно, что в Лапландию был послан с этой целью достопочтенный Михаил, который, по-видимому, был первым, по крайней мере после Реформации, священником, предназначенным специально для проповеди среди лопарей. Привожу подлинный текст этого королевского послания: "Итак, дабы лопари так же, как и все прочие, могли познать божественную истину и достигнуть вечного спасения, повелели мы и повелеваем настоящим верно нашему подданному достопочтенному Михаилу, чтобы он приложил все старания, на какие только окажется способным, благочестивыми христианскими увещаниями и беседами склонить вышеупомянутых лопарей к познанию истинного Бога, св. крещению и принятию христианской веры". В гораздо большей мере все это было достигнуто в последующую эпоху при королях Карле, Густаве Адольфе и королеве Христине.

При них проповедь христианства была подкреплена двумя установлениями, без которых религия не может развиваться и укрепляться в народе, а именно учреждением в Лапландии церквей и школ.

Первым позаботился о постройке церквей Карл IX, о котором Олаф Петерсон пишет следующее: "Этот король ревностно заботился о том, чтобы во всех округах были выстроены церкви и чтобы в каждом округе находились пастыри, получающие содержание из королевской казны, которые бы с кротостью и тщанием старались о просвещении народа".

Андрей Бурей в своем "Описании Швеции" говорит о том же: "Храмы, в которых совершается богослужение, построил в этих местах Карл IX". А Иоанн Торней сообщает: "Под конец царствования короля Карла IX впервые началась постройка храмов в Торнеоской Лапландии". Он же приводит названия этих храмов Тенотеки и Юкасъярви, из которых первый был построен в 1600 г., а второй тремя годами позже на средства королевской казны.

Его примеру последовала королева Христина, повелевшая специальной грамотой после открытия в этих местах серебряных копей выстроить четыре храма в Арвидцьярви, Ариеплоге, Сильбойоки и Насафьелль, как с точностью явствует из вышеупомянутой грамоты.

Таким образом, в настоящее время в самой Лапландии существуют следующие храмы: в Ангерманландской Лапландии – один в Аосало, в Умеоской Лапландии – один в Ликсале (Lyksala), четыре в Питеоской Лапландии, а именно в Градтреске (Graatraesk), Арвидцьярви (Aruitzjerfs), Страсавике (Stroraswawuxs), Ариеплоге (Arieplogs). Некогда был там еще и пятый, в Сильбойоки (Silbojochs), но много лет тому назад он был разрушен и сожжен датчанами.

В Лулеоской Лапландии остался только один храм – Иохмох (Jochmoch), второй, бывший в Нафрилохе (Nafrilocht), недавно сгорел во время случайного пожара. В Торнеоской Лапландии насчитывается три храма: Юкокъярви (Oschijofs), Роунала (Rounale) и Энотакес

(Enotaches). В Кемской Лапландии – только один, называемый Эйнаре (Enare). Таким образом, всего в Лапландии 13 церквей, включая две разрушенные, т.е. Сильбойоки и Нафрилох, которые часто посещаются лопарями.

Все эти сведения я почерпнул из неоднократно уже упоминавшейся мною рукописи Самуила Реена. Строителями этих церквей были шведские короли, в особенности Карл IX, как уже говорилось выше. Расходы по постройке осуществлялись за счет казны. Только один храм из всех вышеперечисленных, а именно Роунала, находящийся в гористой части Торнеоской Лапландии, был построен частными лицами – тремя братьями-лопарями и украшен колокольней. Благочестие этих троих строителей заслуживает тем большей похвалы, что все необходимые для строительства материалы им приходилось доставлять из Норвегии на оленях.

"В Торнеоской области, – рассказывает об этом Иоанн Торней, – есть округ Роунала, расположенный в гористой местности на границе Швеции и Норвегии, в котором в то время жили довольно зажиточные лопари. Среди них было трое братьев, честные и уважаемые всеми люди, которые видя, как по всей Лапландии сооружаются храмы, движимые ревностью к слову Божьему, решили сами построить храм в своем округе. Все необходимые для постройки материалы им пришлось везти из Норвегии труднейшим и дальнейшим путем, переваливая через горную цепь. Легко понять, каких усилий эти им стоило. Впоследствии они пристроили к храму еще и колокольню, отлив колокола из своей собственной меди". Этот пример тем более достоин упоминания, что даже в наши дни никто из лопарей, даже образованных и желающих казаться благочестивыми, не совершил ничего подобного подвигу троих братьев.

Внешний вид этих храмов, разумеется, очень прост и незатейлив, сообразно скромным потребностям народа. Они построены главным образом из толстых бревен, подобно тому, как строятся обыкновенно жилые дома в Шве-

ции. К церквям часто пристроены колокольни, а также жилые помещения для священников и приезжающих издалека прихожан, где бы они могли, в особенности в зимнее время, согреться у огня и отдохнуть.

Первый такой дом был, по-видимому, построен королевой Христиной около 1640 г., т.к. до этого священники не жили при храмах, а наезжали ежегодно. В ее рескрипте по этому поводу мы читаем: "Озаботились мы, чтобы при каждом храме были выстроены хорошие и удобные дома для священников, которым надлежит отныне постоянно пребывать при своем храме".

Первые школы были основаны Густавом Адольфом, как кажется впервые, в городе Питео в 1619 году. По крайней мере, этим годом помечено предисловие к одному требнику (Rutuale), составленному питеоским пастором Николаем Андреасом и посвященному им Густаву Адольфу в прославление его забот о просвещении лопарского народа.

Я привожу здесь текст этого предисловия, переведенного мною со шведского языка: "Дабы все сословия шведского королевства, как высшие, так и низшие, и весь мир христианский ведали, какое заботливое сочувствие проявляет Его Королевское Величество к этому народу (лопарскому), хотя и последним вошедшему в число его подданных, устройством по своей Монаршей милости школы для лопарских детей, в которой бы они наставлялись в слове Божиим и грамоте".

Об открытии Густавом Адольфом школ для лопарей пишет и Олаф Петерсон, который указывает и на причины, побудившие короля к этим начинаниям. Дело в том, что король убедился, как мало пользы приносят среди лопарей проповеди шведских проповедников, говорящих с народом на чужом для него языке. Не достигли цели также и попытки дать образование некоторым лопарям в Упсале, предпринятые его отцом Карлом, с тем чтобы создать из них в будущем надлежащих проповедников для лопарского народа.

Привожу подлинные слова этого автора: "Из посланных по повелению Карла в Упсалу лопарей большая часть умирала вследствие непривычных для них условий жизни, климата и пищи, остальные же, выжившие в новых условиях, привыкнув к лучшей пище, одежде и образу жизни, не желали возвращаться к себе на родину. Когда выяснилась никчемность этих мероприятий, король наш Густав Адольф по Божьему произволению обратился к более благоразумному и ревностному способу, а именно привлек некоторых из лопарей в школу ближайшего к Лапландии города Питео, учредив стипендию на обучение их в ней в течение нескольких лет".

Таким образом, школа в Питео была первой в Лапландии. Руководство ею было возложено на упоминавшегося уже нами питеоского пастора Николая Андреаса, как видно из написанного им посвящения. Впоследствии для большей успешности преподавания, по воле Густава Адольфа, ему же было поручено перевести на лопарский язык наиболее необходимые и полезные для просвещения юношества книги, о чем сам Андреас упоминает в том же предисловии: "Ваше Величество посланием своим возложили на меня обязанность перевести на лопарский язык слово Божие и отрывки из творений древних отцов церкви, чтобы чтение их могло содействовать наставлению лопарей в хри-

стианской вере и служить им к вечному спасению".

До этого лопари не знали грамоты, у них не было ни письменности, ни каких бы то ни было книг на их родном языке. Эта первая лопарская книга была, думается мне, обыкновенным букварем, каким обыкновенно пользуются дети, к которому были прибавлены основные истины христианского учения, десять заповедей, символ веры, молитва Господня и т. д. "Итак, во славу Божию и для спасения душ лопарей, — пишет Николай Андреас, — я составил и исправил букварь с обычными к нему дополнениями". Некоторым может показаться, что употребленное им здесь выражение "и исправил" (stielt och refomerat) дает основание думать, что до его работы уже существовала какая-то книга этого сорта, т.к. исправить можно лишь что-нибудь уже написанное. Однако, по-видимому, автором первой книги был он сам, и лишь перед сдачей в печать она была исправлена им в отношении чистоты лопарского языка.

Несомненно, он был автором первого лопарского молитвенника (Rituale — требник), эта книга уцелела до нашего времени и была напечатана в Стокгольме в 1619 г. у Игнатия Мейера (Ignatius Meurer) под следующим заглавием: "Книга песнопений, употребляющихся при служении обедни, в которой говорится, как надо молиться и петь на лопарском языке. Составлена Николаем Андреасом, пастором в Питео". Таковы были первые книги, написанные на лопарском языке, по которым народ мог с легкостью усвоить основные истины христианской веры.

За ними последовали и дальнейшие, составленные уже другими авторами, в том числе так называемое Руководство (Manuale), переведенное со шведского языка на лопарский торнеоским пастором и настоятелем Иоанном Торнеем. Эта книга включает в себе псалмы Давида, притчи Соломона, Екклесиаст, катехизис Лютера, церковные гимны, Евангелие, послания апостольские с торжественными молитвами, описание страстей Христовых, историю разрушения Иерусалима и разного рода молитвы, как он сам сообщает в своем описании Лапландии.

Третье из мероприятий Густава Адольфа, относящееся к просвещению лопарей, заключалось в том, что он назначил определенные суммы не только на содержание и одежду лопарских детей, обучающихся в школе, но и на удовлетворение всех прочих их потребностей, он также обеспечил жалованием лиц, занимавшихся преподаванием.

В результате всех этих мероприятий лопарский народ мог лучше узнать христианскую религию, тем более, что проповедь стала вестись на родном его языке. Прежде все обращавшиеся к лопарям с поучениями говорили на шведском языке, как свидетельствует в своей церковной истории Баазиус (Baazius): "Шведский король Карл IX заботился о сооружении храмов, но не находилось священников, которые бы могли проповедовать слово Божие на родном для лопарей языке, другого же они не знали".

Олаф Петерсон иронически замечает: "Духовенство, произнося постоянно проповеди не на лопарском языке, которого никто не знал, а на шведском, непонятном лопарям, считало тем не менее, что прекрасно выполняет свои обязанности". Многие лопари запоминали кое-что из наставлений таких священников, но совершенно не понимали смысла заученного. По словам Андерсона: "Многие из них, как юноши, так и взрослые, довольно хорошо зна-

ли молитвы на шведском языке, но сами не понимали, о чем молятся". Некоторые священники принуждены были прибегать к помощи переводчиков. Самуил Реен рассказывает: "Когда священник-швед произносит проповедь, он обыкновенно помещается у подножия кафедры переводчика, который переводит на лопарский язык содержание его проповеди.

С появлением упомянутых нами книг лопари смогли сами понимать смысл своих молитв и священники получили возможность совершать богослужение на их родном языке. Кроме того, некоторые из питомцев лопарских школ достигли таких значительных успехов, что сами могли стать священниками и наставниками своего народа.

Церковный историк Баазий так пишет об этом: "Великий государь Густав Адольф привлек лопарских детей в школы и назначил им определенное содержание на время обучения их наукам. Впоследствии некоторые из них были посланы в Упсальский университет, где, утвердившись в основах истинной веры и приобретя необходимые познания, были рукоположены в священники с тем, чтобы трудиться над спасением душ своих соплеменников и на родном языке поучать их слову Божию". Олаф Петерсон упоминает о троих подобных юношах, которые таким образом были первыми священниками-лопарями. Рассказав об учрежденной Густавом Адольфом питеоской школе, он говорит: "После того, как учащиеся постепенно привыкли к новым для них условиям жизни, некоторые из них были отправлены в Упсальский университет, где они пребывали до тех пор, пока трое из них не были признаны достойными священства. Все они были направлены потом в предназначенные им приходы Лапландии, где ревностно проповедуют на родном языке слово Божие и совершают надлежащим образом требы".

Так, наконец, свершилось то, о чем писал Николай Андерсон: лопари в самом деле начали понимать сущ-

ность христианства и многие с радостью и готовностью восприняли учение Христово, претворив в жизнь, таким образом, начинания, принятые Густавом Адольфом для распространения христианского просвещения.

Среди лопарей мы должны упомянуть также о тех трудностях и препятствиях, которые сопровождают обычно всякое новое начинание. Прежде всего, немалых трудов стоило сохранить питеоскую школу, находящуюся вне пределов Лапландии, и привлечь к ней лопарское юношество. Поэтому, продолжая дело великого государя Густава Адольфа и следуя его примеру, королевский сенатор светлейший барон Дудергофа Иоанн Шютте (Skytte) пошел далее, задумав учредить вторую школу уже в самой Лапландии, а именно в Умеоской области близ храма Ликсала (Lyksala), которая получила название Ликсальской (Lyksalensis).

"Густав Адольф, — пишет Олаф Петерсон, — счел нужным открыть еще одну школу и притом в пределах самой Лапландии, чтобы учащиеся в ней продолжали жить в привычном для них климате, не отвыкая от обычного для них образа жизни и не тоскуя по покинутой родине. По милости Божией это мудрое решение короля выполнил благороднейший и щедрейший сенатор королевства барон Иоанн Шютте". Эта вторая лопарская школа была основана в 1632 г. на основании рескрипта короля Густава Адольфа, бывшего в то время на войне в Германии и, несмотря на это, не оставлявшего своих забот о Лапландии и о распространении в ней христианства.

Мы приводим здесь текст королевского рескрипта: "Божиею милостью мы, Густав Адольф, король шведов, готов и вандалов и пр. и пр., сим объявляем, что, подобно в бозе почившему отцу нашему Карлу IX, королю Швеции, мы, как только по Божьему соизволению приняли бразды правления, прониклись заботою, дабы подданные наши, живущие в областях Крайнего Севера, именуемые лопарями, приобщились к наукам и искусствам и просве-

тились знаниями, необходимыми для спасения души, но ввиду тяжелой години непрерывных войн, разрушающих всякое мирное строительство, отвлечены были от нашего благочестивого намерения.

Дабы, однако, добрые намерения наши не остались втуне, повелеваем мы верному сенатору нашему и королевства Шведского, генерал-губернатору Лифляндии, Ингрии и Карелии, любезному нам светлейшему барону Дудергофа, господину Иоанну Шютте быть руководителем школы, которую надлежит открыть в Лапландской области Умео, понеже сам он пожелал взять на себя эту заботу и содействовать, если будет угодно Богу, успеху нашего замысла. Да будет руководство этой школой наследственным в роду Шютте.

Дабы, однако, обеспечить определенным жалованием преподавателя и доставить средства к существованию учащимся, повелеваем отдать на содержание школы всю сумму десятинной подати, которая ежегодно собирается прихожанами в умеоское зернохранилище. Десятиною этой со всеми дарственными приношениями, которые светлейший барон И. Шютте ревностью своей, стараниями сможет снискать, он будет распоряжаться по собственному разумению, обращая ее на нужды школы, с составлением за ними и наследниками лишь верховного надзора и наблюдения.

Подтверждаем сие собственноручною подписью нашей и приложением нашей королевской печати. Дано в старом Штетине, в Померании 20 июня 1631 года".

Этим рескриптом была утверждена новая школа, находящаяся в самой Лапландии, а именно в округе Умео, и, что особенно важно, во главе ее поставлен уже не пастор, а королевский сенатор с широчайшими полномочиями, а существование ее обеспечено определенным доходом – десятиной умеоского прихода.

Как видно из вышеизложенного, и раньше школам было назначено определенное содержание, но не указывались источники, из которых оно должно было получаться, вследствие чего часто бывали неприятные неожиданности от задержек в поступлении сумм и перерыва в занятиях и жизни учреждения.

Умеоская школа была избавлена от этих неприятностей еще и тем, что попечителю ее – барону Шютте были даны полномочия извлекать доходы на содержание школы в случае нужды и из других статей, что он не замедлил и сделать. Благодаря его общеизвестной ревности к делу Божьему и наукам, ему удалось собрать пять тысяч талеров серебром, частью из своих личных средств, частью из щедрых приношений его друзей, и вложить эту сумму в медные копи королевы Христины с тем, чтобы вместо процентов с нее в пользу Умеоской школы поступали все платежи по земельным налогам, принадлежащие Короне в приходе Умео. Благочестивая королева, желавшая продолжать благие начинания своего отца, короля Густава, подтвердила это соглашение, а равно и прежние права школы королевским рескриптом от 5 ноября 1634 года.

Из этой школы, ставшей источником просвещения в Лапландии, вышли многие деятели, благодаря которым лопарский народ все больше и больше приобщается к христианской религии. Многие лопарские юноши получили в ней начатки образования, как видно из сохранившегося экзаменационного свидетельства, под-

писанного Андреем Буреом, Олафом Олафсоном и другими. Из него видно, что лопарские юноши проявляли во время обучения большие способности. По-видимому, школа приобрела симпатии и взрослой части населения, т.к. в противном случае лопари не отдавали бы в нее с такой готовностью своих детей.

Из всего этого можно заключить, что отношение к христианству со стороны лопарей за последнее время значительно изменилось к лучшему. Это объясняется тем, что благодаря заботам королей они теперь лучше снабжены церквями, школами, книгами, по которым могут учиться, учителями и священниками, чем было раньше. Нет надобности приводить доказательства этому.

По словам Реена, в Умеоской Лапландии есть один пастор-лопарь, хорошо обслуживающий свою паству, в Питеоской Лапландии – трое, в Лулеоской – один, также лопарь по происхождению, разрывающийся на части из-за громадной величины своего прихода. В Торнеоской и Кемской Лапландии есть также священники-лопари, совместно с которыми пасторы-шведы совершают ежегодные объезды дальних участков области для проповеди слова Божия живущим там лопарям.

Таковы труды священников в этой области, за которые они получают и некоторую награду, обеспечивающую существование им и их семьям. Из десятой части оленей, которую лопари обязаны сдавать в виде налога казне, третья часть предназначается священникам. Самуил Реен так говорит об этом: "Олени, которыми они уплачивают дань казне, делятся ими так, что две части идут в ее пользу, а третья часть остается священнику". Точно так же он получает часть дани, уплачиваемой лопарями казне одеждой и рыбой: "Лопари под названием десятины дают казне и священнику или две пары башмаков, или белую лисицу, или полпуда рыбы, разделяя все это поровну между ними".

Эти и другие установленные королевской властью доходы делают священников более деятельными и побуждают их еще больше заботиться о преуспевании лопарского народа в вере и благочестии. Первыми признаками этого является уже то, что к священникам лопари относятся с большим почтением, при встрече с ними низко кланяются, ведут в свои жилища, угощают их лучшей пищей, оказывая всяческие знаки внимания и гостеприимства и называют их "господами" (Herrai). "Назначенных к ним учителей слова Божия, – говорит Реен, – они любят и почитают, называя их не иначе как "Herrai", т.е. "господами".

Подобным же образом рисует отношение лопарей к священникам и Вексионий в своем "Описании Швеции": "Лопарский народ выезжает на оленях навстречу священникам, посещающим их на праздник Рождества Христова, и торжественно везет их к себе. Там их принимают в домах, украшенных оленьими шкурами и устланных березовыми ветками. Со всех сторон сбегается народ, низко кланяясь священникам в пояс по русскому обычаю и приветствуя их такими словами: "Saa terwe turemast Larinmaa", т.е. поздравляем с приездом в Лапландию. Столом служит колода, положенная на землю, угощением – сушеная рыба и оленье мясо, а также олений язык, изжаренный на огне, и нагретые у очага кости, из которых, разрезав их, добывают мозг. Все это подается без соли и хлеба, которые духовные привозят с собой, так же как и вино (пиво при царящем там холоде бесполез-

но), лопари же предлагают в качестве напитка одну только воду в берестовой посуде".

Кроме того, лопари соблюдают праздничные и воскресные дни, воздерживаясь в них от работы, как сообщает Иоанн Торней. Мало того, они даже своим домашним животным предоставляют праздничный отдых. Многие из них прекращают работы уже в канун воскресенья. Самуил Реен так рассказывает об этих обычаях: "Лопари свято соблюдают праздники, воздерживаясь в них от тяжелой работы, в особенности в то время, когда, как им известно, служится обедня. Это относится не только к воскресным дням, но также и к субботам. По воскресеньям они дают отдохнуть даже своим выючным и домашним животным".

Некоторые лопари считают грехом даже доить самок оленей в эти дни и пускают всех своих оленей свободно и празднично пастись на воле. Во время церковной службы они внимательно слушают проповеди, поют псалмы и замечательно, что при этом, как рассказывает Торней, стараются превзойти друг друга. С благочестивым трепетом приступают к христианским таинствам. Самуил Реен говорит, что таинство крещения пользуется у них особенным почетом. Поэтому они не медлят с ним, а обыкновенно уже на восьмой или четырнадцатый день рождения ребенка, не стесняясь дальностью расстояния, везут новорожденных к священнику. "Лопари спешат как можно скорее окрестить своих детей, – пишет Реен. – Мать-лопарка, едва оправившись от родов, уже на восьмой или самое позднее четырнадцатый день спешит со своим младенцем к священнику, пробираясь через высочайшие горы, громадные озера, дремучие леса, не страшась долгого и трудного пути".

С не меньшим благоговением приступают они к причастию и к предшествующей ему исповеди и отпущению грехов. Олаф Петерсон говорит по этому поводу: "Насколько можно судить по внешним признакам, лопари с глубоким благоговением приступают к исповеди и причастию". Это происходит, вероятно, оттого, что теперь они чувствуют себя настоящими соучастниками этого великого таинства наравне со всеми прочими христианами, чего не было в прежнее время. Дело в том, что, насколько можно судить из слов Петра Клауда, относящихся к норвежским лопарям, а это, вероятно, одинаково касалось и шведских, во времена католичества лопарям, по-видимому, давали в виде причастия неосвященные дары.

И Самуил Реен и Иоанн Торней одинаково лестно отзываются о благочестии современных лопарей. "К исповеди приступают с величайшим благоговением, а равно и к причащению святых тайн... Св. причастие и таинство крещения пользуются в их среде глубоким уважением". Но не только это, а и другие христианские обычаи постепенно прививаются среди лопарского народа. Так например, они стараются воздерживаться от клятв, божбы, проклятий, богохульства и тому подобного: "Постоянно внушавшееся им воздержание от ужасных клятв, проклятий, богохульства и т.п. принесло свои плоды, и теперь в общепитии их почти не слышно у лопарей".

Они милосердны и щедры к беднякам, как я уже указывал в другом месте, где упоминал также, что воровство среди лопарей почти совсем не встречается. В общении друг с другом они проявляют добродушие, любят дружески поболтать и пошутить, особенно в среде ближайших

соплеменников или родственников. "Они любят ходить друг к другу в гости, – говорит Самуил Реен, – и радушно принимать у себя своих друзей и соседей". Во всем этом, я думаю, также немалую роль сыграло христианство, научившее их, что сущность его заключается не в одной только вере, но и в жизни, соответствующей его учению.

Стараясь соблюдать все заветы христианства, лопари, с другой стороны, приучаются постепенно избегать всего, что связано с их прежними суевериями. Они бросают понемногу свои волшебные барабаны, жгут и выкидывают идолов, пни и камни, которым раньше поклонялись, как богам.

Иоанн Торней приводит прекрасный пример обращения подобного рода. В одном из округов Торнеоской Лапландии, называвшемся Пэльдоярви (Paeldojaorvi), жил некий лопарь по имени Пейве, который со всеми своими близкими поклонялся идолу Сейту. Случилось как-то, что его олени стали падать в громадном количестве. Тщетно он молился Сейту, прося его смилостивиться и отвести беду, мор все продолжался. Тогда он предпринял паломничество со всей своей семьей туда, где стоял сам Сейт в виде массы сухих деревьев. Он устлал подножие идола зелеными сосновыми ветвями и принес ему в жертву оленьи шкуры, черепа и со всей своей семьей валялся ниц перед идолом, умоляя его сжалиться и каким-нибудь знаком показать, что он истинный бог.

Не получив, конечно, никакого ответа, несмотря на то, что целый день со всей своей семьей горячо молил идола о помощи, он встал в гневе, развел костер и сжег, таким образом, главного Сейта всего этого округа. Когда же все окрестные жители накинулись на него и хотели убить его за это кощунство, он яростно вопрошал их: "Почему вы не дадите мне отомстить этому богу так, как он этого заслужил?"

С тех пор Пейве стал ревностным христианином, и когда его соплеменники грозили ему какими-нибудь волшебными чарами, он отвечал им пением символа веры, молитвы Господней и т.п. Сам же он сжигал всех Сейтов, где только мог, и под конец послал своего старшего сына в Эйнарэбю (Epnareby), чтобы он и там уничтожил всех идолов. Выполнив это, его сын Буоллаба должен был бежать в Норвегию, опасаясь злобных козней жителей Эйнаре.

Так же как и Пейве, сжегший своего Сейта, другой лопарь Клеммет из Теннобю уничтожил свой волшебный барабан, который он упорно отказывался бросить, несмотря на неоднократные убеждения священника, как рассказывает Торней. Мать Клеммета заболела однажды какой-то тяжелой болезнью и, несмотря на все лекарства и средства, указанные барабаном, вскоре умерла. Тогда, видя всю бесполезность своего инструмента, Клеммет уничтожил его.

Из всего этого видим, что христианская религия несомненно делает большие успехи среди лопарей, проникая гораздо глубже в их повседневную жизнь, чем это было раньше. Понятно также, каких громадных трудов, усилий, убеждений и стараний стоило просветителям лопарского народа. Однако, несмотря на достигнутые уже успехи, не следует думать, что можно почивать на лаврах, гордясь полным искоренением всех древних языческих суеверий и нечестивых обычаев, как мы увидим сейчас из содержания следующей главы.

О НЕКОТОРЫХ ПЕРЕЖИТКАХ ЯЗЫЧЕСТВА У ЛОПАРЕЙ

В предыдущей главе мы с достаточной полнотой оттенили значение христианства для лопарей. Вне всякого сомнения, распространение его среди этого народа неусыпными трудами благочестивых государей и священников принесло уже большую пользу в деле искоренения их древних языческих суеверий и проистекающего от них зла.

Тем не менее, сохранилось еще немало пережитков язычества, борьба с которыми потребует еще много забот и сил. Об этом красноречиво говорит не раз цитировавшийся нами Самуил Реен: "Даже и теперь еще сохранилось в народе множество суеверий и грубейших заблуждений". Ввиду этого не лишено оснований разделяемое многими мнение, что большая часть лопарей только внешне исповедует христианство, в глубине же души остается преданной язычеству. Хотя им и хочется казаться праведными, набожными, истинными христианами, – добавляет Реен, – но в действительности дороже всего для них заблуждения их предков".

Подобным же образом еще за много лет до нашего времени отзывался о лопарях и Петр Клауд: "Хотя они и приносят своих детей к священникам и хлопочут о том, чтобы они были крещены, посещают в определенные дни года храмы, где они слушают проповеди и причащаются, но во всем прочем настолько ясно показывают свою преданность язычеству, что все это кажется одним притворством".

Я считаю, что несправедливо обвинять в этом всех лопарей, т.к. житейский опыт сплошь и рядом доказывает обратное, но то, что многие из них действительно лишь прикрываются христианской религией, оставаясь по существу чуждыми ей, не подлежит сомнению.

Причин того, что они с таким трудом отрываются от своих суеверий и нечестия, не одна, а целое множество. Самая главная из них та, о которой писал еще Циглер: "Вина в том, что немногие из лопарей охотно принимают христианство, лежит на представителях церкви, которые или мало заботятся о христианском просвещении народа, или же еще юную в этой стране веру Христову заставляют тотчас вянуть, пытаясь под ее покровом навязать народу поборы и подати". Смысл этих слов ясен: лопари, прежде не отличавшиеся богатством, вследствие подобных требований священников становятся еще беднее, к чему они, естественно, не могут относиться равнодушно.

Олаф Магнус пытается умалить значение этого объяснения, называя его "нечестивым и лживым", но своим опровержением лишь подтверждает обратное. Он указывает на то, что священники заняты паствой главным образом в южных провинциях, что, например, брат его Иоанн доходил в своих объездах до самой Ями (Jemtiea), собрав для бедняков этих областей много соли и других припасов в северных приходах. Все это лишь подтверждает мнение, высказанное Циглером.

Впрочем, эта причина, благодаря заботам и щедрости Его Королевского Величества, в настоящее время почти устранена, как будет видно из дальнейшего повествования. Остается еще одна причина – дальность расстояний, о чем на этот раз с большим основанием говорит Олаф Магнус: "Причина того, что лопари медлят воспринять христианство, и притом самая очевидная, заключается в громадности расстояний в этой стране, где сплошь и рядом они бываюот удалены от христианских церквей более чем на двести итальянских миль" (294,5 km (1 italiensk mil = 5 000 romerska gamla fot.)).

Хотя значение и этого обстоятельства несколько ослаблено в наши дни тем, что в самой Лапландии выстроено несколько храмов, но все-таки из-за дальности расстояний священники редко могут объезжать свою паству. Так, например, мы уже упоминали о настоятеле из Лулео, который лишь с величайшим трудом и лишениями мог выполнять свои обязанности на громадной территории, которую ему приходилось обслуживать.

Это, с одной стороны, с другой – необходимо помнить, что этот народ отличается врожденной склонностью к суеверию. Об этом уже много говорилось выше, да и ежедневное наблюдение лишь подтверждает сказанное. Происходит это, главным образом, потому, что лопари живут в самых диких и пустынных местах, среди лесов, полных дикими зверями, вдали от человеческого общества, одиноко, лишь в кругу замкнутой в себе семьи, отделенной от других семей громадными пространствами, порой в несколько десятков миль.

Кроме того, их главным занятием является охота, а этому охотничьему образу жизни почему-то всегда присуща какая-то удивительная склонность ко всяческим суевериям и легкость общения с демонами.

Вероятно, люди, ведущие такую одинокую жизнь, будучи лишены поддержки и помощи со стороны людей, с легкостью обращаются к недозволенному и нечестивому, к содействию злых духов, не надеясь получить его от себе подобных.

Одиночество делает их более смелыми в этом отношении, т.к., не видя вокруг себя никого, кто бы мог осудить их, они не опасаются наказания. Все эти обстоятельства и Самуил Реен выдвигает в качестве одной из причин, заставляющей лопарей так упорно держаться за свои древние предрассудки: "...потому, что живут среди горных круч и в диких местах, далеко от человеческого общества".

Вторая причина заключается в высоком мнении об уме и способностях своих предков, прекрасно знавших, как им кажется, каким божествам и какими способами следует поклоняться. Без уважения их памяти лопари не считают возможным отступать от завещанных ими обычаев и обрядов и таким отречением как бы бросают им упрек в невежестве или нечестии.

Подобные взгляды присущи всем языческим народам, о чем упоминает даже Цицерон, говоря: "Они считают своим долгом сохранять всех богов, которых получили по наследству от отцов, и ревностно поклоняться им". Об этом же говорит и Самуил Реен: "Превыше всего они ценят суеверие своих предков и указывают при этом, что так, мол, жили и предки, которых они называют "древними родителями" (antiquos), такие, мол, у них были обряды и обычаи".

Наконец, следует третья причина – укоренившаяся привычка, она с трудом забывается, превратившись в своего рода закон. Отвращая их от понимания истинного благочестия, она окутывает их разум такою мглою, что они теряют способность отличать ложь от истины. И на это указывает Реен как на причину их упорства: "...потому что с древнейших времен они жили в страшной тьме и грубейшем невежестве".

Учитывая все эти причины, мы поймем, почему так много еще сохранилось у лопарей языческих суеверий, остатков идолопоклонства и нечестивых заблуждений, для искоренения которых потребуется еще много времени. Нечто подобное мы видим у многих крестьян и вообще у простонародья не только в Швеции, но и в Германии, Франции, Московии и в других странах – массу вздорных суеверий и предрассудков, удержавшихся еще со времен язычества.

Сохранившиеся у лопарей пережитки этой древней эпохи можно разделить на две большие группы: во-первых, нечестивые, языческие суеверия и обычаи; во-вторых, дьявольские занятия магией, колдовством и чародейством. Многие из отнесенного нами к первой группе просто, незначительно и неважно, кое-что явно нечестиво и пахнет подлинным язычеством. К пустякам мы относим их обычаи считать одни дни светлыми, другие черными (счастливыми и несчастливыми), так, например, черными днями они считают Екатеринбург день, Марков день, который они называют и Климентовым днем. В эти дни они воздерживаются от всякой работы и даже не охотятся. Они объясняют это тем, что если пойти в этот день на охоту, то обязательно порвешь лук или переломашь стрелы, а кроме того на весь год потеряешь удачу в охоте. (Об этом рассказывает Самуил Реен.)

Подобным же образом они считают несчастным первый день Рождества Христова, в который отцы семей ни под каким видом не выходят из своего жилища и даже не ходят в церковь, а лишь посылают туда своих сыновей и дочерей со слугами и родственниками. Они боятся увидеть толпы привидений и всяких чудовищ, которые, по их поверью, в этот день массами носятся по воздуху и которых

они должны умиловить особыми жертвоприношениями, как увидим ниже.

Я подозреваю, что источником этого суеверия, послужили плохо понятые ими рассказы священников, что в ту ночь, когда родился Спаситель, на землю спустились сонмы ангелов, испугавшие находившихся в поле пастухов.

Помимо этого они верят в разные предзнаменования. Циглер, например, сообщает, что они делают разные предположения относительно событий наступающего дня в зависимости от того, какого зверя встретят утром на дороге. Или, например, следят за тем, чтобы женщина не вышла через ту же дверь, через которую вошел охотник, т.к. это будто бы приносит неудачу.

Подобных мелких суеверий у них великое множество. К числу более серьезных, нечестивых и языческих, относится, например, то, что они лишь с большой неохотой и по принуждению посещают церкви, как сообщает Самуил Реен, а также упорно отказываются признать некоторые учения христианской церкви, в особенности, например, догмат о воскресении из мертвых, о загробной жизни и о бессмертии души. У них распространен взгляд, что души людей и животных одинаково умирают и убедить их в том, что после этой жизни наступает другая, почти невозможно.

В доказательство привожу слова Реена: "Лопари до того еще грубы, что не желают верить в воскресение из мертвых, в существование души и в загробную жизнь. Они считают, что между душой животных и человека нет разницы".

Иоанн Торней рассказывает, что в Торнеоской Лапмаркии один старый священник по имени Георгий, сам лопарь по происхождению, завещал, чтобы его похоронили среди лопарей с целью укрепить их веру в воскресение из мертвых. Я привожу подлинные слова Торней: "В этом храме (Раунала) я отпевал одного старого священника – лопаря, который перед смертью завещал, чтобы его похоронили среди лопарей, желая утвердить их веру в воскресение из мертвых тем, что они должны будут воскреснуть вместе с ним в день Страшного суда."

При жизни в своих проповедях он часто говорил им о загробной жизни". Однако к приведенным ранее сообщениям Самуила Реена он сам прибавляет, что лопари все-таки верят, что после смерти человека от него останется нечто, они лишь не знают, каково оно и что из себя представляет.

Это совершенно языческим взгляд, который и поро-

дил их веру в манов (Manes), т.е. в тех домашних духов, которые остаются (manent) после смерти человека. Я уверен, что таким образом и возникло это слово, а не иным путем, как многие предполагают.

Наряду с истинным Богом и Христом они чтят еще и своих языческих богов, как будто можно одновременно служить Богу и дьяволу и угодить тому и другому таким половинчатым поклонением.

Лопари Питеоского и Лулеоского округов имеют много главных и второстепенных богов. К числу первых относятся три наиболее почитаемых божества: Тор, или Торден (Thorus s Thordoen), Сторюнкар и солнечный бог (Солнце). "Главные боги у них, – говорит Самуил Реен, – Тор, или Торден, Сторюнкар и Солнце".

Дамиан Гоен утверждает, что лопари поклоняются огню и каменным идолам, но эти каменные идолы являются лишь изображением Сторюнкара, как будет видно из дальнейшего, что же касается огня, то в данном случае его можно рассматривать лишь как символ Солнца, ибо огонь как таковой никем из них не признается за божество, и в этом отношении утверждение Гоена не соответствует действительности.

Иоанн Торней так разъясняет это недоразумение: "Среди ученых богословов нашей церкви весьма распространен взгляд, что лопари, подобно прочим восточным народам, поклоняются огню. Мне, однако, не удалось усмотреть этого, несмотря на тщательнейшие исследования, ни из дошедших до нас древних преданий народа, ни из каких-либо других источников".

Мне лично неизвестны богословы, высказывавшие подобные взгляды, кроме разве одного Павлина (Paulinus), да и он мог прийти к таким выводам, единственно лишь основываясь на показаниях Дамиана Гоена. Пейцер добавляет к каменным идолам лопарей еще и деревянных, говоря на страницах своего сочинения "О волхвовании" следующее: "Лопари воздавали божеские почести камню и дереву". Опять-таки, как будет видно из последующего, это можно отнести к деревянным идолам, изображающим у них Тора, и в конце концов, по крайней мере у питеоских и лулеоских лопарей, в центре культа остаются лишь три вышеупомянутые божества. Торнеоские и кемские лопари, по-видимому, ничего не знают о них и взамен этого поклоняются другим богам, известным у них под именем Сейтов (Seitae).

Приведем относящиеся к этому слова И. Торнея: "Торнеоские и кемские лопари не знают Сторюнкаров... Они поклоняются камням и пням. Каждая семья имеет своих идолов, не считая множества других, которые стоят в определенных местах у озер. Но среди всех этих божеств у них есть один главный бог, которого чтит весь округ, его,

как, впрочем, и других мелких, они называют Сейтом (Seitae). Хотя это имя, Сейт, у лопарей, по-видимому, обозначает всякое вообще божество, но есть основание думать, что, в частности, под ним подразумевается тот бог, который соответствует Тиермесу (Tiernus) или Айке (Auke) лулеоских лопарей, т.е. Громовержцу, называемому иначе Тором, в особенности это относится к тому главному Сейту, которого они считают владыкой других богов".

Другие мелкие божества, которых лулеоские лопари называют Сторюнкарами, совсем не являются какими-либо новыми божествами, а теми же самыми, что и перечисленные выше, различие заключается лишь в том, что торнеоские лопари, в отличие от прочих, предпочитают родовые названия богов более индивидуальным. Так, например, они одинаково называют Сейтами всех богов, для которых у лулеоских и питеоских лопарей есть специальные названия Тиермес, Айке или Сторюнкары. Если внимательнее присмотреться к культуре и к связанным с ним представлениям, то легко убедиться, что между торнеоскими лопарями и другими их сородичами нет в этом отношении никакой разницы. Кроме перечисленных выше трех главных богов, питеоские и лулеоские лопари имеют также много мелких, что мы видим и в области Торнео с той лишь разницей, что там не делают различий между главными и второстепенными, называя их одними и теми же именами. Исключение представляет лишь одно божество, известное под названием Виру Акха (Wiru Accha).

По моему мнению, это тот самый бог, о котором Олаф Петерсон Ниурений пишет: "У кемских лопарей есть бог Виресака (Viresaka), который имеет человеческое лицо на вершине обрубленного дерева". Его кемские и торнеоские лопари называют также Виресака, Вирку и Виру Акка.

У Торнея встречаются такие слова: "В центре Торнеоской области некогда большой славой пользовался Сейт, называющийся Виру Акха.

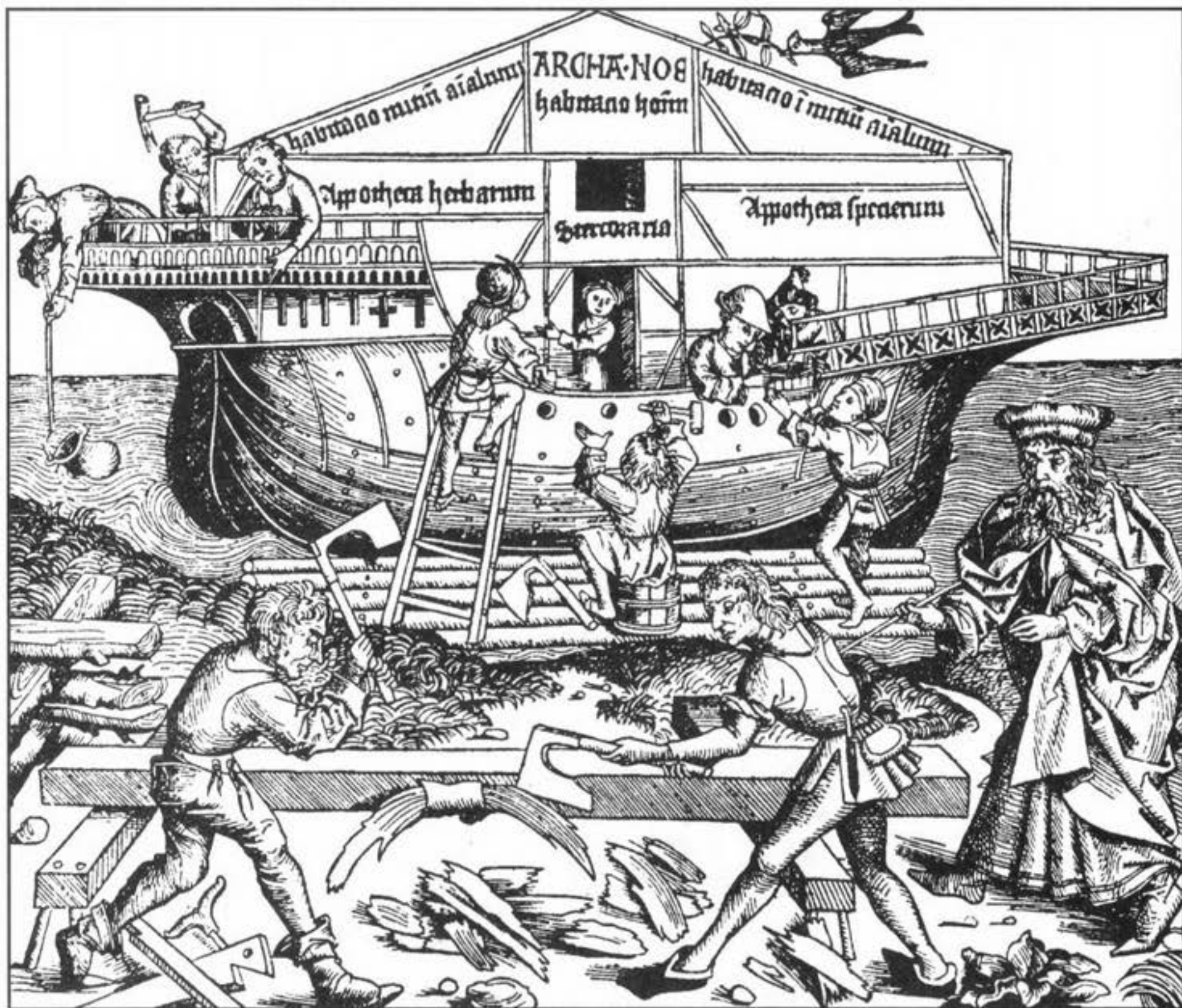
Ему поклонялись все окрестные лопари и долгое время приносили ему жертвы до тех пор, пока торнеоские биркарлийцы (из прихода Birkarli), которые как раз получили тогда разрешение вести торговлю с лопарями, не повергли его на землю. Однако, несмотря на то, что они повалили его и оттащили очень далеко от того места, где он прежде стоял, лопари скоро нашли его и вновь водрузили идола. Теперь он уже почти сгнил, но и раньше никогда не имел человеческого облика, а представлял собой простой обрубок, какими обыкновенно бывают и другие идолы". Итак, этот единственный бог, который носил специальное имя и был предметом поклонения у торнеоских лопарей, теперь уже полуразрушен и предан забвению. Названия прочих

ских лопарей есть бог Виресака (Viresaka), который имеет человеческое лицо на вершине обрубленного дерева". Его кемские и торнеоские лопари называют также Виресака, Вирку и Виру Акка.

У Торнея встречаются такие слова: "В центре Торнеоской области некогда большой славой пользовался Сейт, называющийся Виру Акха.

Ему поклонялись все окрестные лопари и долгое время приносили ему жертвы до тех пор, пока торнеоские биркарлийцы (из прихода Birkarli), которые как раз получили тогда разрешение вести торговлю с лопарями, не повергли его на землю. Однако, несмотря на то, что они повалили его и оттащили очень далеко от того места, где он прежде стоял, лопари скоро нашли его и вновь водрузили идола. Теперь он уже почти сгнил, но и раньше никогда не имел человеческого облика, а представлял собой простой обрубок, какими обыкновенно бывают и другие идолы". Итак, этот единственный бог, который носил специальное имя и был предметом поклонения у торнеоских лопарей, теперь уже полуразрушен и предан забвению. Названия прочих

идолов те же, что и главных богов. Хотя Торней не указывает, что представляли из себя более мелкие боги и для какой цели поклонялись им в старину или даже и теперь, но можно предположить, что они в одинаковой степени характерны были для всех лопарей, а не только для торнеоских. В числе этих мелких богов они прежде всего поклоняются самим себе – в том смысле, что именно к этому виду божеств следует отнести то, что мы назвали выше манами. Они, несомненно, представляют собой особый вид богов, души умерших, это видно из того, что лопари боятся мертвых и считают, что нечто, остающееся после смерти, может причинять вред окружающим.

Приблизительно таким образом и древние римляне смотрели на манов. Например, у Сервия читаем: "Маны – это души, вышедшие из тела умершего и еще не вселившиеся в другие тела. Они опасны". Напомним, кстати, слова Реена: "Они верят, что после смерти остается нечто, и поэтому очень боятся мертвых", а также и Пейцера: "Особенно их пугают и волнуют маны умерших родственников".

Наше мнение о том, что маны у лопарей представляют собой особые божества, подтверждается и тем, что они приносят им жертвы. В находящейся в моем распоряжении анонимной рукописи прямо говорится: "Они приносят жертвы умершему и умершим".

Кроме манов они верят еще в разные привидения или демонов, которые блуждают по склонам, горам и озерам, рекам, воздавая им божеские почести, подобно тому как римляне приносили жертвы фавнам, сільванам и тритонам. "Они думают, – говорит Самуил Реен, – что повсюду: на высоких скалах, в горах и болотах – водятся нечистые духи, тролли (Troll)".

Наконец, они признают еще и третий вид – гениев, добрых и злых, носящихся по воздуху, в особенности на Рождество, как было уже сказано выше. Им они также приносят жертвы, по словам того же Самуила Реена, который говорит по этому поводу следующее: "Такие жертвы они приносят блуждающим полчищам Юхлио (Juhlio), которые в это время носятся по воздуху". Эти полчища Юхлио названы так от слова Juhl, которым они обозначают праздник Рождества. В древние времена оно относилось к Новому году, как я доказал в своих упсальских лекциях. Т.к. лопари считают, что в этот день особенно большие полчища этих привидений, или гениев, носятся по воздуху, то они и называли их этим именем.

Таковы многочисленные божества, которым лопари поклоняются одновременно с истинным Богом и Спасителем. В дальнейшем мы уже специально займемся ими и теми обрядами, которые связаны с их культом.

О ЯЗЫЧЕСКИХ БОГАХ ЛОПАРЕЙ И О ПОКЛОНЕНИИ ИМ

В предыдущей главе мы узнали, что в наши дни особым почетом у лопарей пользуются три главных божества, не считая множества более мелких.

Первый из них Тор, или Торден (Thorden), соответствует шведскому Тору или Громовержцу. На языке самих лопарей он называется чаще Тирм (Tiermes), что обозначает у них "все, производящее шум и грохот". Таким образом, по самому смыслу туземного названия этого божества имя его тождественно древнеримскому Юпитеру Громовержцу. Тем же словом "тирм" лопари обозначают также и гром, который они считают проявлением особой небесной силы.

Самуил Реен говорит: "Тора, Тордена, или Громовержца, они считают живым существом, гремящим в небесах". Он же известен у них и под другим именем Айке (Aijeke), что по-лопарски значит "дед, прадед, предок". В данном случае они следуют примеру других народов, дающих это имя богу, например римлян, называвших Юпитера отцом, шведов, у которых есть слово "gubba", т.е. благой отец, прародитель. Когда он гремит в небесах, они называют его Тирм – словом, близким к скифскому Тарам и скандинавскому Тору, или Громовержцу. Этот Тирм или Айке (Aijeke), вера в мощь которого родилась из наблюдения грома и молнии, получил свое название от грохота, сопровождающего это явление. Поклоняясь ему, лопари верят, что от его воли зависят жизнь и смерть людей, здоровье и болезни, как сообщает Самуил Реен. Кроме того, они приписывают ему власть над злыми демонами скал, гор и озер, которых он может карать, поражая их молниями, подобно римлянам, которые также считали Юпитера владыкой всех прочих богов: "Они думают, что гром и молния предназначены для того, чтобы убивать злых духов, троллей".

Атрибутом Тора и Тирма является лук со стрелами, которые они мечут в дьяволов; радугу они считают этим луком: "Радугу лопари называют луком Тора, из которого он поражает злых духов и всех, кто делает зло их народу".

Радуга на их языке – айке дауге (Aijeke dauge) – обозначает собственно лук благого отца, прародителя, который охраняет их, своих детей от злых духов и всяких врагов. Его изображают также с молотом, известным у них под названием Айке ветшера (Aijeke wetschera), которым он бьет по головам демонов, как сообщил мне Олаф Магнус, родившийся в Торнеоской Лапландии.

Кульм Тирма и Тиорма (Thiogmes), естественно, стоит у лопарей на первом месте, т.к. от него зависят, по их представлениям, столько неисчислимых милостей, здоровье и сама жизнь человеческая; даже смерть не приходит без воли Тирма, он отгоняет злых духов, мешающих им во время охоты, рыбной ловли и других промыслов, наказывая их за причиненное зло.

Вторым из важнейших богов является Сторюнкар. Хотя это слово не лопарского, а норвежского происхождения, но тем не менее все лопари пользуются им, как видно из следующих слов Самуила Реена: "Имя Сторюнкар взято лопарями с норвежского. Словом Юнкар (Junkar) норвежцы обозначают своих правителей провинций, откуда и лопари стали применять это название к своим богам, именуя их Сторюнкарами". Здесь он достаточно ясно говорит о том, что лопари повсеместно пользуются этим именем, однако мне кажется, что оно вошло в употребление лишь в более позднюю эпоху, когда некоторые из них подпали под владычество Норвегии. Несомненно, что кроме этого имени для обозначения этого божества у них есть и другое, а именно Стурра Пасце (Stourte Passe), т.е. Великий Святой, как видно из обрядовых песен, поющих ими при жертвоприношениях этому божеству, о чем я скажу ниже.

Этот бог также пользуется величайшим уважением, ему воздают большие почести и обращаются к нему чаще, чем к другим богам. Лопари считают его ближайшим помощником своего Айке или Тирма, как бы наместником его. "Сторюнкара, – говорит Реен, – они считают заместителем или наместником Бога". Этим объясняется и происхождение самого имени Сторюнкар (Stoere – большой; junkare – начальник, наместник), т.е. больший, чем все другие начальники или наместники.

Особенно почитают его и за то, что, по их взглядам, главным образом через его руки изливаются на людей всевозможные милости. Они верят, что его власти подчинены все животные и дикие звери; Айке и Тирм управляют богами, демонами и людьми, а Сторюнкар – животными. Поэтому от его воли зависит дать их тому, кому он захочет, а без его соизволения невозможно овладеть ни одним зверем. "Сторюнкару в качестве божьего наместника, – говорит Самуил Реен, – они приписывают верховную власть над всеми животными, например, над медведями, волками, лисами, куницами, оленями, рыбами и птицами. От него же зависит успех охоты".

Из всего этого ясно: поскольку охота служит лопарям основным и единственным средством к жизни, источником пищи и одежды, постольку культ Сторюнкара представляется им самой существенной обязанностью". Эти два божества, из которых одно правит людьми, другое животными и всем необходимым для поддержания жизни, являются самыми основными и характерными для лопарей. Так говорит о Сторюнкаре Самуил Реен.

Несколько иное сообщает И. Торней, хотя при внимательном рассмотрении можно убедиться, что он не так уж сильно расходится с Рееном: "Лопари рассказывают, что Сторюнкар часто показывается рыбакам и охотникам в виде рослого и видного мужчины, одетого в черное платье того покроя, который носят благородные, с пращой

(Bombarda) в руке и только ноги его похожи на птички.

Каждый раз, когда видели его стоящим на берегу в челноке, улов бывал богатейшим. Пролетающих мимо птиц он бил свинцовыми шариками из своей пращи и дарил охотникам. Они рассказывают также, что все прочие, не лопари, узнали о Сторюнкаре лишь потому, что во время объезда области королевским наместником лопарь, указывавший путь, останавливался всякий раз, когда приходилось вступать в горную местность, где, по преданию, жил Сторюнкар, и клал на лед топориче, описывая самим топором круг в честь владыки горной области Сторюнкара, чтобы снискать этим его милости".

Как видно из вышеприведенной цитаты, Торней, в сущности, не расходится существенно с Рееном. Так же как и Реен, он говорит о нем как о владыке над рыбами, птицами, дикими зверями и ставит в зависимость от его милости успех охоты. Не противоречит изложенному нами выше и то, что местопребыванием Сторюнкара Торней считает только горные области. Это можно объяснить тем, что наместник не проехал по стране достаточно далеко для того, чтоб лопарь смог указать ему и на другие места, где живет Сторюнкар. Что касается внешнего облика Сторюнкара в этом описании, то в нем чувствуется близость и влияние Норвегии, что видно и из самого имени. Это касается в особенности лулеоских лопарей, т.к. в таком виде он не являлся торнеоским и кемским лопарям, то возможно, что у них он даже известен под другим именем и называется просто Сейтом, от которого зависят рыбная ловля и охота.

Теперь я перейду к третьему богу, общему для лопарей и почти для всех языческих народов. Они называют

его Байве (Baiwe), что значит Солнце. Его чтят как подателя тепла и света.

"Солнце, светящее им в течение целого лета, — пишет Олаф Магнус, — они весьма почитают и поклоняются ему, принося ему жертвы за то, что оно отгоняет от них мрачную тьму и укрощает свирепые морозы". Они считают его также и источником всякого произрастания. "Они называют солнце матерью всего живого", — говорит тот же автор. В особенности они приписывают ему заботу об оленях, которых оно согревает, наделяет потомством и способствует тому, чтобы оно быстро росло и крепло: "Они думают, что Солнце способствует размножению оленей, своими лучами увеличивая их животную теплоту, и ускоряет рост телят".

Приписывая такие свойства Солнцу и его теплу, особенно необходимому жителям холодных стран, где естественная животная теплота почти гаснет, а также питаясь и одеваясь благодаря оленям, они, конечно, считают нужным воздавать должные почести этому могущественному божеству.

К этому надо добавить, что с его возвращением они вновь получают возможность наслаждаться дневным светом и не только в течение дня, а целыми неделями. Утрата солнца на долгие зимние месяцы делает его возвращение особенно чувствительным и приятным.

Итак, всех этих главнейших богов, о которых мы только что говорили, лопари чтут каждого в отдельности особым культом. Это выражается в том, что каждому из них посвящаются особые места, где воздвигаются специальные символы и изображения, соответствующие их особенностям.

Место, на котором поклоняются Тору или Тирму, обыкновенно бывает расположено позади шалаша того лопаря, который предан этому суеверию, на довольно значительном расстоянии, которое можно определить как дальность полета дротика. На этом месте воздвигается нечто, напоминающее большой постамент на ножках, на котором расставляются идолы. Этот постамент служит чем-то вроде алтаря и бывает окружен ветками деревьев, березы и сосны.

Точно так же лопари украшают и дорожку от шалаша к этому капищу Тора, устилая ее ветвями, листьями и хвоей деревьев. "Позади своего жилища, – пишет Самуил Реен, – они строят стол вышиною около трех локтей, который кругом украшают березовыми и сосновыми ветвями, точно так же и дорожку к нему устилают березовыми ветками". Таким образом, стол этот служит им алтарем, ветви же, воткнутые вокруг него, образуют как бы храм, в котором стоит идол Тора.

Почти так же описывает капище Сейта торнеоских и кемских лопарей Иоанн Торней. Там все устроено так же, за исключением постамента. Не возникает сомнений, что это тот же самый бог, отличающийся именем. "Своих богов, называемых Сейтами, – пишет он, – они помещают в определенных местах около озер или болот. При этом заботятся о том, чтобы это место было красиво покрыто зеленеющей травой. Летом все вокруг украшается зелеными ветвями деревьев, а зимой мелко искрошенными сосновыми ветвями. Когда хвоя поблекнет и пожелтеет, она тотчас же заменяется свежей".

Впрочем, некоторые могут предположить, что это относится к Сторюнкарам, т.к. озера считаются их местами, о чем я скоро буду говорить. Я думаю, однако, что жертвенники Сейтов располагаются не только у озер и болот, а и в других местах, так что под одним и тем же именем здесь, может быть, говорится о различных богах. Торней, видимо, не особенно заботился о проведении между ними строгого различия. Можно думать, что Солнцу устраиваются такие же капища, как и Тору или Тирму. По крайней мере, такой вывод можно сделать из слов того же автора в том месте, где он говорит о жертвоприношении Солнцу: "Жертву подвешивают позади шалаша там же, где приносят жертвы и Тору". Солнцу поклоняются на том же месте, где и Тору, и обоим приносят жертвы на таком же постаменте.

Из всего этого у меня возникает подозрение, не являются ли эти два бога лишь разными именами одного и того же, которого называют Айке или Тирм, когда обращаются к нему с мольбами о жизни и здравии или за помощью против демонов, и Бойве, когда молят о тепле и свете и о всем том, что также согревает и оживляет тело. Это предположение несколько подкрепляется тем, что Сторюнкару, например, отводятся совершенно особые места специально предназначенные ему горы или берега болот. Почти каждая семья имеет свои особые скалы, где поклоняется Сторюнкару.

"Каждая семья имеет своих Сторюнкаров в той местности, где она живет", – говорит по этому поводу анонимный автор уже упоминавшейся мною рукописи. То же говорит и Самуил Реен: "Каждый род или семья имеют свою особую священную гору" и далее: "Сторюнкаров они помещают на скалах или в пещерах, причем для этой цели иногда избираются самые недоступные скалы, куда ник-

то почти не может забраться. Некоторые места считаются у лопарей жилищем Сторюнкара, но иногда они до того недоступны, что сами они не в состоянии туда добраться".

Из этих слов ясно, почему лопари стремятся чтить Сторюнкара именно на скалах, это, по их мнению, его обычное местопребывание. Впрочем, не одни скалы пользуются этой славой, а также берега болот и рек, где тоже отводятся специальные места, посвященные культу Сторюнкара. Самуил Реен подтверждает это: "Лопари воздвигают Сторюнкаров не только на скалах и в пещерах, но также поблизости рек и болот". Кроме того, они иногда определяют местонахождение Сторюнкара по тому, где появилось привидение, замеченное кем-нибудь в горах, на скалах и болотах.

Приведенный нами выше рассказ Торнея о явлении Сторюнкара в костюме знатного человека и с пращей в руке относится к области таких фантазий. Самуил Реен подтверждает сказанное нами, заканчивая перечисление мест, где ставятся идолы Сторюнкара, словами: "И в тех местах, где что-нибудь было слышно о являвшихся там привидениях". Лопари считают, что именно этим способом Сторюнкар открывает им свое присутствие и любовь свою к данному месту, почему оно и становится священным местом поклонения. Для обозначения этих мест в их языке есть специальные слова. Если это скала или гора – они называют ее Пассеварра, т.е. священная гора. "Все утесы, где обитают Сторюнкары, они называют Пассавари, – говорит анонимный автор моей рукописи, – что значит "священная гора" или "гора, имеющая отношение к Сторюнкару".

Из всего вышеизложенного ясно, почему такие места они считают наиболее подходящими для поклонения этому божеству. "Такие места, – говорит Реен, – они особенно охотно избирают для поклонения своим идолам".

Кроме того, лопари обыкновенно стараются какими-нибудь знаками точно определить границы такого участка, посвященного Сторюнкару, чтобы кто-нибудь по неосторожности не осквернил священное место и не навлек тем гнев Сторюнкара. "Ставят на этих местах вехи, чтобы всем было заметно, в каких границах заключена земля Сторюнкара". Так как такие места есть почти у каждой семьи, преданной этому языческому суеверию, то их, конечно, великое множество во всей Лапландии. Самуил Реен считает, что в одной Лулеоской области их более тридцати.

Есть еще множество и других, потаенных мест, т.к. преданные этому идолопоклонству по мере сил стараются скрыть свои капища, чтобы не подпасть под подозрение в нечестии и не понести заслуженной кары. Еще несравненно большее число их по всей Лапландии, что, думаю, ясно каждому. Бесконечным перечислением их я не стану нагонять скуку на читателя. Все эти места посвящены или Тору и Солнцу, или Сторюнкару.

Заслуживает упоминания, что у лопарей строжайше возбраняется женщинам посещать эти священные места. Точно так же им запрещается ходить сзади своего жилища, т.е. в том направлении, где находится священное место Тора. "Ни одна женщина у них не смеет проходить за жилища", – подчеркивает Самуил Реен. В случае нарушения этого запрета женщина, по их поверьям, подвергает себя опасности навлечь на себя всякие беды и даже быть умерщвленной демонами. Поэтому

му они не смеют даже близко подходить к границам этих священных участков.

Причиной этих ограничений является то, что женщины считаются у них нечистыми, в особенности во время месячных очищений. В данном случае я основываюсь на том, что подвергаются запрету, главным образом, зрелые в половом отношении женщины (*tubiles*, дословно – способные к браку), т.к. именно в том возрасте, когда у них начинаются менструации, они уже могут вступать в брак. Т.к. никто не может сказать наперед, находится ли данная женщина в периоде менструаций или нет, то лопари считают более осторожным вообще запретить всему женскому полу соприкосновение со святынями во избежание осквернений и мести разгневанного бога.

Мое предположение подтверждается и сообщением Дамиана Гоена о том, что, по-лопарским поверьям, демоны не выносят менструальной крови. Напомню по этому поводу его слова, в которых он указывает, что единственным средством избавить карбас от напущенных на него чар безветрия, является следующее: "вымазать нос и корму судна выделениями (месячными) девушки, которых демоны не выносят". Гоен добавляет, что узнал это средство от самих лопарей.

Перехожу наконец к описанию изображений богов или идолов, т.к. обычно каждому из них у лопарей соответствуют определенные символы или знаки. Тор, например, или Тормез обязательно выделяются ими из дерева, почему и называется *Muoga Jubmel*, т.е. деревянный бог. Это соблюдается по всей Лапландии, а не в одной лишь Торнеоской области, несмотря на то, что в других местах он носит имя Сейта, что, в сущности, не имеет значения. Об этом рассказывает и Петр Клауд в своем "Описании Норвегии": "Некоторые из них делают себе довольно больших деревянных идолов и ставят их где-нибудь под горою или в пещере". Материалом для этого обыкновенно служит береза.

"Они делают идолов, – говорит Самуил Реен, – по числу убитых ими жертвенных животных и при этом выделывают идолов обязательно из березы". Внешний вид идола обыкновенно бывает очень грубым и неуклюжим, но верхней части его все-таки придается некоторое подобие человеческой головы.

В письме, адресованном мне Матвеем Стеухом (*Steuchius*), говорится: "Отец мой рассказывал, что эти идолы (речь идет об идолах Тора) представляют собой громадные обрубки, на которые насажено грубое подобие головы с намеком на человеческое лицо". Отец Стеуха, на слова которого он ссылается, был суперинтендантом Гернозандской епархии (*Hernosandensis*), духовному попечению которого подлежала большая часть Лапландии, вследствие чего он не мог не иметь точных сведений по этому вопросу. Самуил Реен еще подробнее говорит об этих идолах, сделанных из древесного пня: "Идолов этих они делают из березы, а именно корень служит головой, остающаяся же часть ствола – туловищем".

Березы, растущие на болотистой почве, часто имеют главный корень наподобие шара, от которого уже расходятся в разные стороны корневые отростки, так что не представляет особого труда придать такому корню сходство с человеческой головой. Так как идол должен изображать Тора, то его снабжают еще молотом. Этим признаком Тора отличается от прочих.

Вот как рассказывает мой анонимный автор: "В голову идола они вбивают железный гвоздь и втыкают в нее кусочек кремня, из которого Тор высекает огонь". Впрочем, по-видимому, эти атрибуты появились уже в более позднюю эпоху и являются символом огня, общим для Тора и Солнца. Хотя обыкновенно идол соответствует по внешнему виду вышеописанному, но в Торнеоской Лапландии местами поклоняются просто пню. "Сейты, – говорит Торней, – не имеют никакого вида, часто это просто обрубки дерева, воткнутые в землю, или даже пни, держащиеся в ней корнями.

Для Солнца у лопарей нет никаких специальных изображений потому ли, что его они и так непосредственно видят, или потому, что это божество в тайниках их поверий отождествляется с Тором.

Сторюнкар делается обыкновенно из камня. "Идолы Сторюнкара всегда каменные", – замечает Реен, а в моей анонимной рукописи читаем: "На этих местах они воздвигают каменные глыбы и называют их Сторюнкарами". Именно к идолам, изображающим этого бога, можно отнести слова Петра Клауда в его "Описании Норвегии", где он говорит о лаппофиннах: "Они помещают своих идолов в лесах и в уединенных местах, часто это просто громадные камни".

Камни, о которых он здесь говорит, не могут иметь отношения ни к Тору, т.к. его изображения делаются из дерева, ни к какому-либо другому богу, кроме Сторюнкара. В этом смысле следует понимать и Дамиана Гоена, пишущего о лопарях: "Они считают за богов каменные статуи". Так же и у Циглера: "Воздвигнутые на горах каменные статуи они почитают за богов". Именно на горах, как наиболее удобном Сторюнкару месте, и должны находиться эти идолы. Но какого они вида? Если верить Олафу Петерсону Ниурению, они походят на птиц: "Каменные боги лопарей напоминают каких-то птиц". Самуил Реен говорит, что эти изображения иногда походят на человека, иногда на какое-нибудь животное.

Однако сходство это настолько отдаленно, благодаря необычайной грубости форм идола, что его едва можно уловить, и лопарям легче самим верить в него, чем убедить в нем кого-нибудь другого. Несмотря на это, а может быть именно поэтому, они считают своих Сторюнкаров священными, стараясь уловить в них желательный образ. Дело в том, что они сами этих идолов совсем не отделяют какими-нибудь искусными способами, а просто находят на берегах рек или болот каменные глыбы причудливой формы, ставят их как символ Сторюнкара и поклоняются им. Их воображение поражает странная форма этих каменных глыб, которую они приписывают не игре природы или случаю, а сознательной воле божества, пожелавшего облечься в такую форму и стать предметом поклонения. Поэтому Сторюнкара называют еще и *Kied Kie Jubmal* – каменный бог.

Грубость форм этого сорта идолов, понятная, и то с трудом, лишь самим лопарям, была, вероятно, причиной того, что Торней совершенно отрицал наличие ее у каменных идолов. "Сейты не имеют никакого вида, – говорит он, – ни приданного им человеческими руками, ни созданного природой. Эти каменные идолы, в сущности, самые обыкновенные камни, грубые, черные, отвратительные, выщербленные и разъеденные потоками воды". Но именно эта шероховатость и выветренность камней, вероятно, и привлекала к ним внимание, создавая возможность угадывать в них какую-то таинственную форму. Только в одном месте Торней упоминает о каменных идолах, имеющих человеческий облик: "В том месте, где из озера Торнеотреск вытекает река, на одном островке посреди водопада Дарра (*Daarra*) находятся каменные Сейты, имеющие человеческий вид и расположенные в ряд. Первый из них величиной с рослого мужчину, рядом с ним четверо других несколько меньших, головы всех украшены чем-то вроде колонн. Из-за необычайной стремительности водопада в этом месте доступ на остров со-

пряжен с величайшими трудностями и опасностями, поэтому лопари уже перестали посещать это место, вследствие чего нельзя дознаться, как попали сюда эти идолы и в чем заключалось поклонение им".

Часто бывает, что к одному идолу присоединяют другого, третьего и так далее. Таким образом, нередко их бывает довольно много. В таких случаях первого лопари называют Сторюнкаром, второго – его женой, третьего – сыном или дочерью, прочих – родственниками или слугами. Об этом рассказывает Самуил Реен: "Кое-где в горах попадаются два, три и более каменных идолов, из которых первого называют Сторюнкар, второго Акте (*Akte*), т.е. супругой, третьего сыном или дочерью, остальные камни родственниками и слугами". В этом они следуют человеческим обычаям, помня, что и королевские наместники бывают окружены женами, детьми, слугами, своего же Сторюнкара они почитают как наместника самого Тора. Поэтому иногда и ему дается такая свита.

Привожу здесь изображение Сторюнкара (изображен на пригорке камень, окруженный оленьими рогами, перед ним распростертый лопарь).

Перехожу, наконец, к третьему, т.е. к описанию самих жертвоприношений и прочих обрядов. Прежде всего следует заметить, что они могут совершаться лишь одними мужчинами, женщины исключаются из всего, связанного с культом. "Женщинам не разрешается совершать жертвоприношений", – пишет Самуил Реен.

Следует заметить, что ни одно жертвоприношение не совершается без предварительного осведомления путем гадания о том, будут ли они угодны или не угодны боже-ству. Для этой цели пользуются инструментом, называемым ими "Каннус" (*Kannus*), имеющим сходство с барабаном (тимпаном) древних и потому более известным у нас под названием лопарского барабана, описанию которого в следующей главе будет уделено достаточно места. Ударяя в этот барабан, под пение священных песен, они сперва подносят Тору то, что намереваются принести ему в жертву, и, если получают знак по движению медного кольца на барабане, что жертва угодна богу, то совершают жертвоприношения согласно торжественному ритуалу. Если оказывается, что она не угодна Тору, то предлагают ее Солнцу, затем Сторюнкару в установленном порядке, пока не найдут кого-нибудь, кто пожелает ее принять. Несколько другой порядок описывает нам автор анонимной рукописи: "Когда лопари соберутся совершать жертвоприношение, – пишет он, – то сперва предлагают жертвы Сторюнкару, при этом один из них бьет в барабан, а все остальные мужчины и женщины поют все вместе в таком роде: *Maiide fioelkaatum stourra passe seide*, т.е. что ты скажешь, великий и святой бог, примешь ли жертву, которую я собираюсь принести тебе. Продолжая петь таким образом, они прибавляют еще название той горы, где собираются совершить жертвоприношение. Если Сторюнкар отвечает утвердительно, то колечко остается неподвижным на том месте барабана, где сделано изображение Сторюнкара. Если и Сторюнкар отказывается, то жертву предлагают Тору таким же способом, как и раньше, и при этом поют: *Maiide fioelkaktum stourra passe seide*", т.е. что же, может быть, ты, добрый отец (т.е. Тор), желаешь принять мою жертву? После этого, если колечко стоит неподвижно на изображении Тора, в его честь и закалывают жертву". Таким же образом поступают и в других случаях.

Самуил Реен прибавляет к этому, что обыкновенно вырывают волос из шерсти жертвы и повязывают его на кольцо, которым гадают на барабане. Я приведу его слова: "Желая узнать, кому следует принести жертву – Тору, Стюрюнкару или Солнцу, поступают следующим образом: связав жертвенное животное позади жилища, куда не разрешается ходить женщинам, выдергивают у него волос из нижней части шеи и привязывают его к одному из той связки колечек, которыми всегда пользуются при гадании на барабане. После этого ударяют в барабан и связка колечек с привязанным к ним волосом двигается по нему до тех пор, пока не остановится на нарисованном на нем изображении Тора, Стюрюнкара или Солнца. Если колечки остаются все на том же месте, то это служит знаком, что жертва угодна тому или иному богу".

В своем сочинении "О волхвовании" Пейцер описывает гадание при помощи барабана несколько иначе, вероятно будучи введен в заблуждение неточностью чьего-либо рассказа или придав ему ложное истолкование. Привожу его слова: "Барабаны у них медные, – говорит он, – на них нарисованы разные виды четвероногих, птиц, рыб и пр., которые водятся в Лапландии. На барабан кладут медную лягушку, подвязанную к нему железной цепочкой. После этого, произнося заклинания, бьют в барабан, при издаваемых им звуках лягушка прыгает на какое-нибудь из нарисованных на нем животных. Его и приносят в жертву богам".

Обыкновенно в жертву приносят оленей, но, по словам лопаря Спирри Нильса, иногда и других животных, как, например, кошек, собак, овец или кур. "В Лулеоской Лаппмаркии, – рассказывает он, – приносят в жертву Стюрюнкарам разных животных, как, например, кошек, собак, овец или даже кур". Этому нисколько не противоречит то, что многих из этих животных совсем нет в самой Лаппмаркии, т.к. лопари достают их специально для жертвоприношения из Норвегии. По крайней мере, это утверждает вышеупомянутый Спирри Нильс, добавляя к приведенному выше перечислению животных, "которых они покупают в Норвегии".

Об этом же говорит и Самуил Реен: "В Норвегии лопари покупают главным образом тех животных, которых

они пообещали осенью принести в жертву богам". В последних словах Реена мы находим указание на то, что жертвоприношения совершаются, главным образом, именно в осеннее время. Это объясняется, я думаю, тем, что близость надвигающейся зимы с ее продолжительной ночью делает для них в это время помощь богов особенно нужной.

Поэтому же, вероятно, ежегодно осенью они подновляют изображение Тора, о чем я скажу ниже. Наряду с тем, что уже было рассказано мною о поклонении Тору, характерною особенностью его культа является то, что ежегодно за 40 дней до Михайлова дня они делают нового деревянного идола, изображающего это божество. Об этом мне говорил Спирри Нильс. За этим следует освящение его по установленному обряду, для чего идол об-

мазывается кровью и жиром убитой в честь него жертвы: "Перед деревянным идолом закалывают оленя, вынимают из него все кости, а кровью и жиром смазывают всего идола. После этого оленя вместе с его костями зарывают в землю". В этом и состоит торжественное освящение идола Тора, которое повторяется ежегодно. Кроме этого идола, Тору воздвигаются потом и другие: каждый раз, когда в жертву приносится олень. "Каждый раз, когда лопарь приносит в жертву оленя, – говорит Самуил Реен, – он ставит нового идола в честь Тора".

Их расставляют в ряд на жертвеннике позади своего жилища на том священном месте, о котором мы уже говорили, и там поклоняются им, принося им жертвы. Это делается обыкновенно следующим образом: узнав описанным выше способом (гаданием на барабане), какая жертва будет угодна Тору, привязывают ее позади шалаша. Обыкновенно в жертву ему предназначаются самцы-олени. Связанного таким образом оленя закалывают, вонзая ему в сердце острие отточенного ножа, затем тщательно собирают кровь, вытекшую из сердца в особый сосуд, чтобы тотчас же вымазать ею идола. Поставив идола, которого заготавливают к этому случаю, как и вообще при каждом таком жертвоприношении, обмазывают ему кровью голову и спину, а на груди его проводят кровью же отдельные пересекающиеся линии наподобие крестов.

Позади жертвенника кладут рога убитого оленя и главные кости черепа, а также ноги, перед ним – в берестовой посудине – куски мяса от всех частей тела животного, залитые жиром. "Рога и главные кости кладут на алтарь Тору", – кратко замечает автор анонимной рукописи. Все остальное мясо убитого оленя идет в пищу семье лопаря. Таков обряд жертвоприношения Тору.

Когда жертва приносится Сторюнкару, обыкновенно это бывает самец-олень, то прежде всего (как говорит Самуил Реен, сообщение которого мы излагаем здесь почти дословно) сквозь его правое ухо продевают нить красного цвета, затем вяжут его позади шалаша, как и жертву Тора, и таким же способом убирают кровь из области, ближайшей к сердцу. После этого лопарь, совершающий жертвоприношение, уносит рога жертвы вместе с костями черепа и шеи, копытами и ногами на священную гору того Сторюнкара, в честь которого была принесена жертва.

Придя на это место и приближаясь к камню, лопарь почтительно обнажает голову, наклоняется к земле, преклоняет колени и всячески проявляет свое уважение к идолу, затем смазывает камень принесенными с собой кровью и жиром жертвы. За спиной идола ставят рога. Так описывает это Самуил Реен.

Анонимный автор к этому добавляет, что к правому рогу оленя привязывают его половой член, а к левому ту красную нить, перевитую серебром, о которой мы уже упоминали: "Рога и главные кости головы и шеи относят к Сторюнкару и вооружают их там в знак почтения. К правому рогу привязывают член, которым олень продолжает свой род, на левый рог наматывают красную нить, обвитую серебром".

Все, что соблюдается при жертвоприношении Сторюнкару, соблюдается также и по отношению к Сейтам, из чего видно, что божество торнеоских лопарей только именем отличается от того же бога лулеоских и питеоских лопарей.

Иоанн Торней описывает культ Сейтов следующим образом: "В определенное время лопари собираются около Сейтов, особенно в праздники или в случае какого-нибудь тяжелого бедствия. Нарядившись в свое лучшее платье, подходят к идолу, молятся ему и вообще всячески выражают ему свою преданность и уважение. При этом приносят им всевозможные жертвы, в частности все самое лучшее, что есть в олене: жирное мясо и пр., а также шкуру с рогами и копытами. Из всего этого образуются целые груды в тех местах, где развит культ Сейтов".

Из этого видно, что жертвоприношения Сейтам ничем не отличаются от описанных выше жертв Сторюнкарам. Оленьи рога, которыми они окружают каменных идолов, иногда находятся в таком громадном количестве и так навалены друг на друга, что образуется как бы непроходимый вал вокруг идола.

Они называют его *Tiorfwigard*, что значит "полоса, усеянная рогами". По словам Реена, число их иногда превышает тысячу. Он же рассказывает, что лопари имеют обыкновение подвешивать на эти рога колечки из березовых прутьев с нацепленными на них кусками оленьего мяса: "Берут куски мяса от какой-нибудь части тела убитого животного и нацепляют его на березовый пруттик, который сгибают колечком и вешают на рога".

Этот обычай, думается мне, и дал повод ошибочно

предполагать, что в числе богов лопари чтут также оленьи рога. Об этом подробно говорит Торней: "Некоторые плохо осведомленные люди рассказывают, что лопари поклоняются также оленьим рогам. Это заблуждение я объясняю себе тем, что и в наше время кое-где наталкиваешься на настоящие курганы, сделанные из оленьих рогов. Как они возникли, вполне понятно тем, кто помнит, что они представляют собой остатки жертв, приносимых лопарями Сейтам. При этом в жертву приносятся обыкновенно и оленьи рога и шкура с копытами.

Все остальное идет в пищу. Тут тоже полная аналогия с тем, что обычно и при других жертвоприношениях. Два других вида несколько отличаются от прочих и встречаются реже: первый – когда жертву ведут на гору, где стоит идол, второй – когда желают совершить жертвоприношение в таком месте, куда из-за страшной высоты его или непроходимости дорог не могут добраться.

В первом случае жертву режут перед самым идолом и затем, проделав все, что предписано обрядами, тотчас же жарят мясо жертвы и тут же съедают его вместе с приглашенными друзьями, в особенности куски, вырезанные из головы и шеи. Это называется у них "пиром Сторюнкара". Шкуру жертвы при этом оставляют на месте. Такого рода жертвоприношение совершается не повсюду, а только на некоторых горах, посвященных Сторюнкару, где этот вид культа считается ему угодным.

Во втором случае, относящемся к недоступным для человека местам, обмазывают кровью жертвы камень и бросают его на недосыгаемую священную скалу или "горную вершину, на которой, по их представлениям, живет Сторюнкар, и таким образом выполняют свой обет.

Подобно тому как, помимо жертв, чтят Тора ежегодным приготовлением новых идолов, так точно перестилают свежими березовыми или сосновыми ветвями подножие священного камня, изображающего Сторюнкара. Это делается дважды в год: первый раз летом, когда земля устилается березовыми ветвями, второй раз зимой – сосновыми ветвями.

Все это согласуется с сообщениями Торнея о Сейтах, которые мы привели выше. Украшая таким образом капище, они стараются при этом угадать, милостиво ли настроен бог или чем-нибудь недоволен. Если камень кажется им легким в то время, когда они приподнимают его, чтобы подстлать под него траву и свежие ветки, то это считается благоприятным предзнаменованием, если же он тяжелее, чем обыкновенно, то полагают, что бог разгневан и недоволен ими, почему в таких случаях стараются умиловить его жертвами или обещаниями.

Нечто подобное мы находим у Пейцера на страницах его сочинения "О волхвовании": "Отправляясь на охоту или рыбную ловлю и вообще при начале какого-нибудь предприятия, лопари, произнеся заклинания, пытаются узнать волю богов, пробуя сдвинуть их с места. Если это им легко удастся, то они принимают это за одобрение и предвещание успеха, если боги поддаются с трудом, то это сулит неудачу, если же их совсем не удастся сдвинуть, то это обозначает, что они разгневаны".

Я не думаю, что это могло бы относиться ко всем случаям, но при перестилке травы и ветвей это обыкновенно практикуется. В иных случаях для этой же цели прибегают к гаданию при помощи волшебного барабана, о чем мы уже говорили.

Остается еще сказать несколько слов о принесении жертв Солнцу. При этом пользуются не самцами, а самками оленей, притом взрослым животным предпочитают молодых телушек. Из всех ученых, писавших о Лапландии, сообщение об этом можно найти у одного только Самуила Реена. Обряд жертвоприношения Солнцу остается почти таким же, как и при уже описанных нами, с той лишь разницей, что через правое ухо оленя продевают белую, а не красную, как у Сторюнкара, нить в знак того, что он посвящается Солнцу.

Колечко, на котором подвешивается кусок мяса, делают при этом из ивового, а не березового прутика и помещают его на жертвеннике, сходном с Торovým, позади своего жилища: "Убив оленя, берут маленький кусочек мяса из какой-нибудь части тела и подвешивают на кольцо, сделанном из ивового прута, над жертвенным столом позади жилища в том же месте, где приносят жертвы Тору". По-видимому, это не тот же самый алтарь, но сходный с ним, как мы уже говорили раньше.

Различие их состоит в том, что на алтаре Солнца не бывает никаких идолов и нет также и оленьих рогов. Отчасти это объясняется, конечно, тем, что у молодых жертвенных животных они еще не успевают отрасти. Но для того чтобы жертвенник не казался пустым, на нем раскладывают в кружок кости жертвы: "Все крупнейшие кости жертвы раскладывают на алтаре таким образом, чтобы из них образовался круг". В этом заключается обряд жертвоприношения Солнцу.

Кроме перечисленных нами главных богов, лопари имеют еще много мелких, о которых мы уже говорили выше, как, например, маны – души умерших и полчища привидений – Юлей (Juhl).

Манам они не дают какого-нибудь определенного названия, мертвецов же вообще называют на своем языке "sitte". Им не ставят идолов, как Тору или Сторюнкару, а только приносят иногда особого рода жертвы. При этом, прежде всего при помощи барабана, узнают волю покойного относительно угодного ему вида жертвы. Во время этого, обычным путем идущего гаданья поют песнь: "Maiite wetto jabmina site?", т.е. "Какой жертвы вы хотите, мертвецы (маны)?" После того как кольцо на барабане укажет желаемую жертву, через правое ухо ее продевают черную нить.

Анонимный автор, у которого я заимствовал и слова вышеприведенной песни, говорит об этом следующее: "Олени и другие животные, приносимые в жертву умершим, должны иметь на рогах шерстяную нить черного цвета". Отмеченное таким способом животное приносится затем в жертву. Мясо его съедается, за исключением частицы сердца и легких, каждую из которых разделяют на три части, прикрепляют к трем палочкам и, смочив их в крови жертвы, зарывают в землю. Уже упоминавшийся мною анонимный автор так пишет об этом: "Они берут

кусочки сердца и легкого, разрезают их на три части, привязывают к трем палочкам, пропитывают кровью и затем таким же образом закапывают в землю, положив их вместе в ящичек, напоминающий с виду лопарские сани".

Говоря здесь "таким же образом закапывают в землю", автор имеет в виду кости, о которых он упоминает выше. Дело в том, что все кости из убитого животного обыкновенно вынимаются и закапываются в землю. Самуил Реен подтверждает это: "Под конец собирают все кости, складывают их в особый ящичек и закапывают в землю". Подробнее об этом я намерен поговорить при описании погребальных обрядов лопарей.

Остается сказать еще несколько слов о полчищах привидений Юлей (Juhl), которых называют еще Juhlafolnet. Они также не имеют ни идолов, ни каких-либо других изображений, как и маны.

Местом поклонения им обыкновенно бывает какое-нибудь дерево, растущее позади шалаша на расстоянии полета дротика. Культ их состоит в следующем, как видно из описания Самуила Реена: "Накануне праздника Юлей, что у лопарей обозначает Рождество, и в самый день праздника они

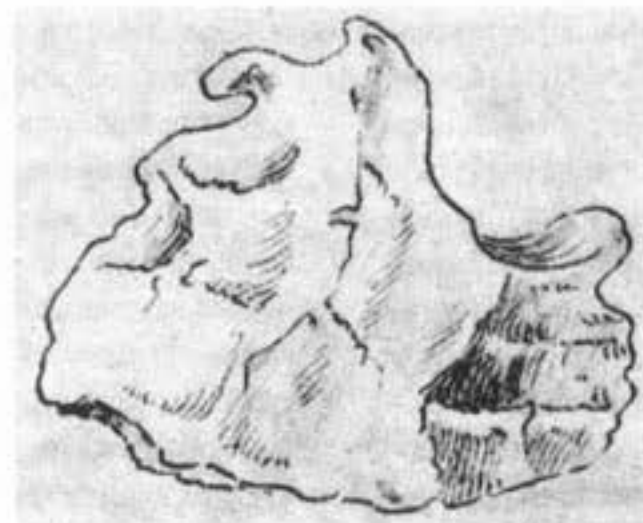
совершают суеверный обряд в честь блуждающих по воздуху Юлей (Juhl), которые в эти дни, по их поверию, носятся по соседним лесам и горам. Обряд этот заключается в следующем: в сочельник лопари постятся или, вернее, воздерживаются от всякой мясной пищи, от каждого же другого кушанья берут кусочек и тщательно его сохраняют, то же самое делают и в самый день праздника. Собранные таким образом в течение этих двух дней частицы они складывают в ковчежец, сделанный из бересты, напоминающий корабль с парусами и веслами, и доливают туда

немного жира. Затем такой корабль, наполненный кусочками, подвешивают на дереве позади своего жилища в некотором отдалении для удовлетворения толпы носящихся по воздуху, по лесам и горам Юлей". Этот новый для нас вид жертвоприношения напоминает (воздаяния) древних, предназначавшихся гениям. Почему все это укладывается в корабль, они и сами не знают и не могут объяснить этого. Мне кажется, что это чуждый религиозный обычай, в особенности еще и потому,

что раньше вместо Юлей они чтили полчища ангелов, благовествовавших Рождество Христово, как было уже сказано в начале этой главы.

Это предание могло дойти до них только с введением христианства, которое, по всей вероятности, впервые было занесено приплывшими на кораблях, что, быть может, и отразилось в этих обрядах.

Вот все, что мы намеревались сказать об идолопоклонстве и языческом суеверном культе у лопарей, который удержался до наших дней, хотя и не повсюду, но еще достаточно широко распространен, о чем свидетельствует повседневное наблюдение.

ЧАРОДЕЙСТВО И КОЛДОВСТВО ЛОПАРЕЙ

давних пор повсюду, куда проникли сведения о лопарях, они пользуются дурной славой благодаря крайнему пристрастию ко всевозможным магическим действиям, волшебству и чародейству. Поэтому, изложив в предыдущей главе все, относящееся к еще крепко укоренившимся среди них пережиткам язычества, я считаю не лишним остановиться и на столь широко прославивших их суеверных обычаях и нечестивых обрядах.

Из старинных авторов, писавших о лапландцах, уже Яков Циглер называет их "искуснейшими волшебниками", а португалец Дамиан Гоен уверяет, что "народ этот до того пропитан всякими невероятнейшими чародействами, что даже умеет своими заклинаниями останавливать бег морских судов, идущих под всеми парусами". В таком же духе отзывается о лапландцах, живущих на севере Норвегии, и Петр Клауд: "Все они такие колдуны и волшебники, каких в наши дни, да и в прошлом, едва ли можно встретить. Самые худшие из них лаппофинны, еще более преданные суеверию, чем приморские финны".

Не менее определенны отзывы древних писателей о предках нынешних лапландцев, жителях древней Биармии: "Жители Биармии, – пишет Олаф Магнус, – искусны в чаровании людей. Взглядом, словами или какими-нибудь другими действиями они умеют так связывать людей, что те лишаются здравого рассудка, теряют свободу воли и часто совершают непонятные поступки". Саксон Грамматик приводит такой пример волшебства биармцев в описании одной битвы: "Тогда биармцы сменили силу оружия на искусство своего волшебства, дикими песнями наполнили они свод небесный, и мигом на ясном до тех пор солнечном небе собрались тучи и полил проливной дождь, придавая печальный облик всей лучезарной еще недавно окрестности".

Совершенно подобный рассказ мы находим и у древнего исландского летописца Стурлесона, что не оставляет места сомнениям в истинности этих невероятных явлений. Правда, в наше время лапландцы уже не так часто и не так явно пользуются своими сверхъестественными способностями, почему Андрей Бурей и пишет вполне резонно, что "лапландцы в старину больше были преданы чародействам, чем ныне" и далее: "Большая часть лапландцев уже не обладает магической силою". На это же указывает и Пейцер: "В наше время уже реже встречается колдовство среди этого народа, т.к. шведский король пригрозил суровыми карами всем, кто станет им заниматься". Тем не менее немалое число лапландцев и поныне упражняется в этом искусстве.

Как на причину этого явления, кроме уже указанной мною основной, заключающейся в прочных еще пережитках у этого народа языческих верований, следует указать и на то, что многим приходится изучать чародейство и

кудесничество, хотя бы для того, чтобы защитить себя от козней и ухищрений других колдунов и волшебников.

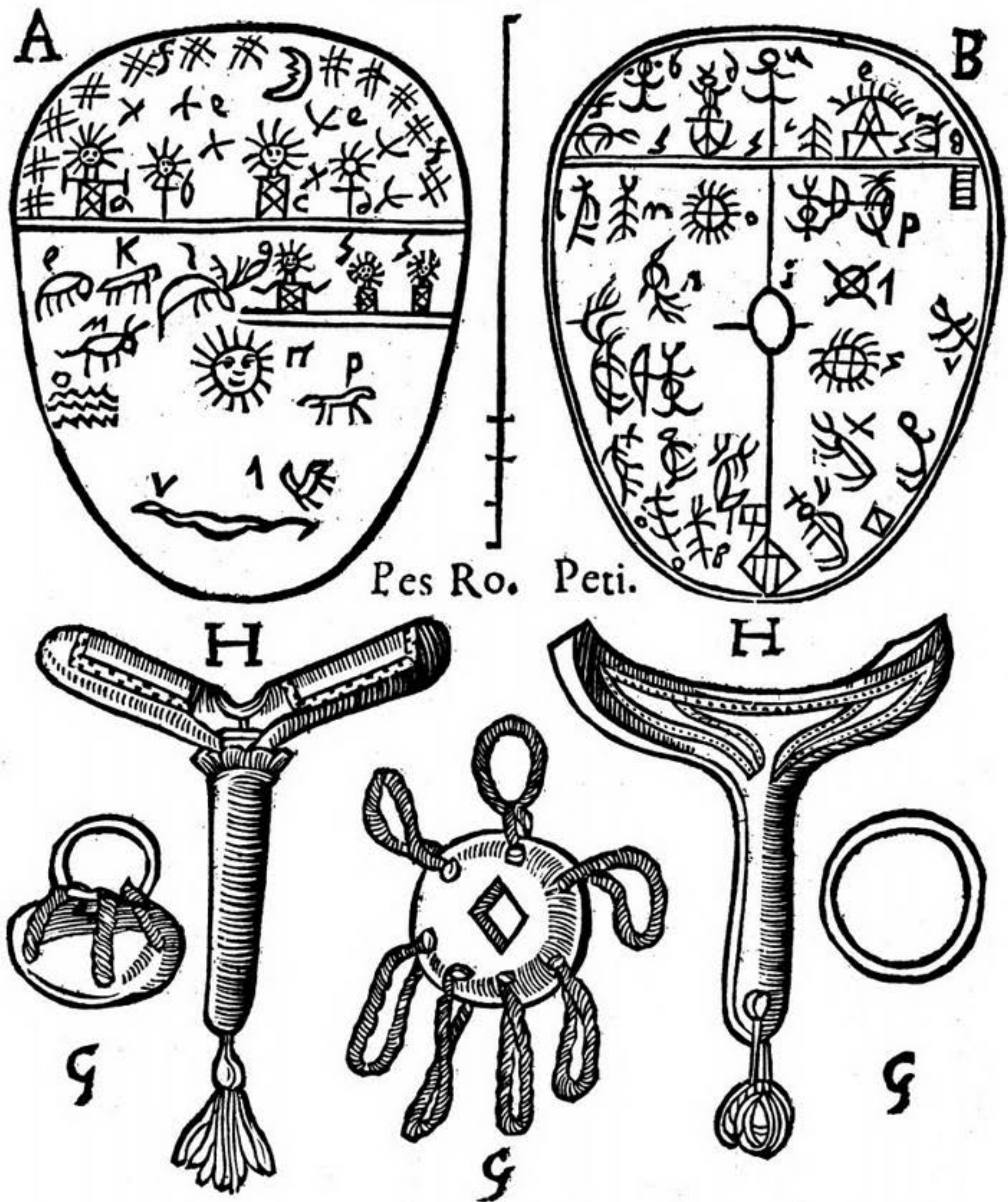
Сами лапландцы часто ссылаются на эти соображения. К этому же склоняются и многие авторы, как, например, вышеупомянутый Петр Клауд, сообщая следующее: "Знание этого искусства для них совершенно необходимо, т.к. иначе они терпели бы неисчислимые бедствия от своих же земляков". По этой причине среди лапландцев встречаются настоящие учителя и знатоки этого дела; родители, в свою очередь, по наследству передают своим детям приобретенные ими самими знания в этой области и власть над злыми духами и демонами, подчиняющимися их заклинаниям. Это подтверждает Иоанн Торней: "Есть у них знатоки и учителя этого искусства" и Петр Клауд: "Некоторые отдают своих детей в выучку лопарям". Есть и другие примеры.

Исландский летописец Стурлесон упоминает об одной девушке по имени Гунильде, посланной своим отцом Одзоаром Хюиде – жителем острова Гельгоlanda (Halogoland) на воспитание в Финмаркен, т.е. на север норвежской Лапландии "к королю лапландцев Мотле для изучения чародейского искусства финнов".

Многоуважаемый И. Торней рассказывает, что они приобретают эти знания или от специальных учителей, или от родителей, или же в дальнейшем путем упражнения и наблюдения над тем, как магические действия совершаются другими, более опытными, и, таким образом, сами становятся колдунами, если имеют к тому еще и врожденные задатки. Дело в том, что отнюдь не все почитаются одинаково способными этому искусству, некоторые, например, несмотря на обучение и большой опыт, оказываются совершенно к нему негодными, как произошло мне слышать от многих, достойных доверия людей. И. Торней по этому поводу справедливо замечает: "Подобно тому как не все лапландцы одинаковы по натуре, точно так же и в могуществе волхвований они обладают далеко не равными силами". Далее тот же автор делает любопытное замечание: "Демоны у этого народа составляют часть наследства, и бывает так, что одна семья кичится перед другой тем, что имеет более могущественных".

Из этих слов, а также из других сообщений выясняется, что отдельные семьи имеют своих собственных демонов, отличных от тех, которыми пользуются другие семьи, и сплошь и рядом им враждебных. Идя в этом направлении еще далее, уже не только семья, но даже отдельные люди имеют своих собственных демонов, иногда одного, иногда многих, из которых одни защищают их от козней чужих демонов, другие же сами употребляются ими во вред прочим людям.

Олаф Петерсон Ниурений так пишет об этом: "Лапландцы кичатся числом преданных им демонов, одни,

Рес Ро. Рети.

имея одного, другие – двух, трех и более. Особенно могущественные чародеи верят, что могут, пользуясь их услугами, защитить себя от нападений и беспрепятственно причинять вред другим людям, не могущим сопротивляться их власти". Одни приобретают это могущество упорными трудами и многолетними упражнениями, другие же как будто владеют им с самого рождения.

Иоанн Торней подробно останавливается на этом вопросе: "Есть люди, которые обладают магической силой как будто с самого раннего детства, об этом даже ужасно подумать. По-видимому, дьявол с самых юных лет уже чувствует в них своих верных и покорных слуг, в будущем и в самом детстве поражает их странной болезнью,

под влиянием которой им показываются различные видения и образы, дающие им, сообразно их возрасту и степени умственного развития, нужный материал для дальнейшего успеха в чародействе. Когда болезнь охватывает их вторично, они уже видят несравненно большее количество образов и картин, черпая из них еще более глубокие и опасные познания, чем в первый раз. Если же, наконец, и в третий раз они подвергаются этому припадку, который уже обыкновенно так бывает силен, что представляет опасность для жизни, то пред ними раскрываются уже все дьявольские видения и откровения, из которых они узнают все, что только пожелают, все, что необходимо для достижения полного совершенства в магии.

Люди, достигшие этой ступени, уже не нуждаются в волшебном барабане, которым пользуются при чародействе лопари, для того чтобы видеть вещи, отдаленные пространством и временем, дьявол уже настолько владеет ими, что даже помимо собственного желания они видят и слышат это. Так, например, один лапландец недавно принес мне свой барабан, которого я раньше тщетно от него добивался, и печально сознался мне, что, хотя он и оставил его и не заводил себе другого, несмотря на это, продолжает видеть вещи, происходящие в других местах точно также, как он раньше видел их с помощью барабана. Для доказательства истины своих слов он подробно и точно описал мне все, что произошло со мной во время моего путешествия в Лапландию (чего он не мог знать), и тут же стал просить совета, что бы сделать ему со своими глазами, перед которыми все время теснятся эти дальние образы".

Перейдем теперь к самому описанию чародейства лопарей, все виды которого можно разделить на две группы по характеру тех инструментов, которые употребляются для их осуществления: во время первого лопари пользуются особым волшебным барабаном, при втором – уже узлами, метательными снарядами, заклинаниями и прочим.

Прежде всего поговорим о барабане, так как он является особенно характерным для лапландцев. Сами они называют его Каннус (Kannus), как сообщает уважаемый и достопочтенный Иоанн Торней, пастор и настоятель прихода в Торнео, в своей книжечке о лопарях. "Свои волшебные обряды, – пишет он, – лопари совершают при помощи материального инструмента (на их языке Kannus), сработанного наподобие барабана... Предмет этот носит название Квобдас (Quobdas) или Каннус (Kannus), у нас же – лопарский или, вернее, волшебный барабан". Барабан лопари делают из выдолбленного дерева, по преимуществу из сосны, ели или березы, растущих в особых священных местах и обращенных к солнцу, как свидетельствуют Самуил Реен (Rheen) и Олаф Петерсон Ниурений. Каспар Пейцер, в свою очередь, предполагал, что барабаны делаются из меди, и ошибался.

Под деревом, обращенным к солнцу, подразумевается такое дерево, пучки древесины которого, идущие вдоль ствола, обращаются справа налево. Из этой особенности строения лопари заключают, что данное дерево находится в соответствии с направлением движения солнца, а следовательно, угодно солнцу. В области Торнео эти деревья служат предметами тайного культа как священные. Из стволов таких вот именно деревьев изготавливается барабан. Ствол дерева должен быть цельным. С одной стороны он выдалбливается и по выступающему краю этого углубления затягивается кожей, нижняя же, выпуклая часть, устраивается так, чтобы за нее можно было держаться.

Для этой цели выпуклая сторона снабжается двумя резными продолговатыми отверстиями таким образом, чтобы остающаяся между ними часть дерева выступала наподобие кия. Остальная часть, боковая, на которой закрепляется натянутая сверху кожа, имеет форму продолговатого овала, диаметр которого равняется половине локтя, а то и меньше. Кожа, которая натягивается на барабан, тоже обязательно должна быть цельной. Она закрепляется по краям деревянными клинышками (гвоздя-

ми) или же швом из оленьих жил.

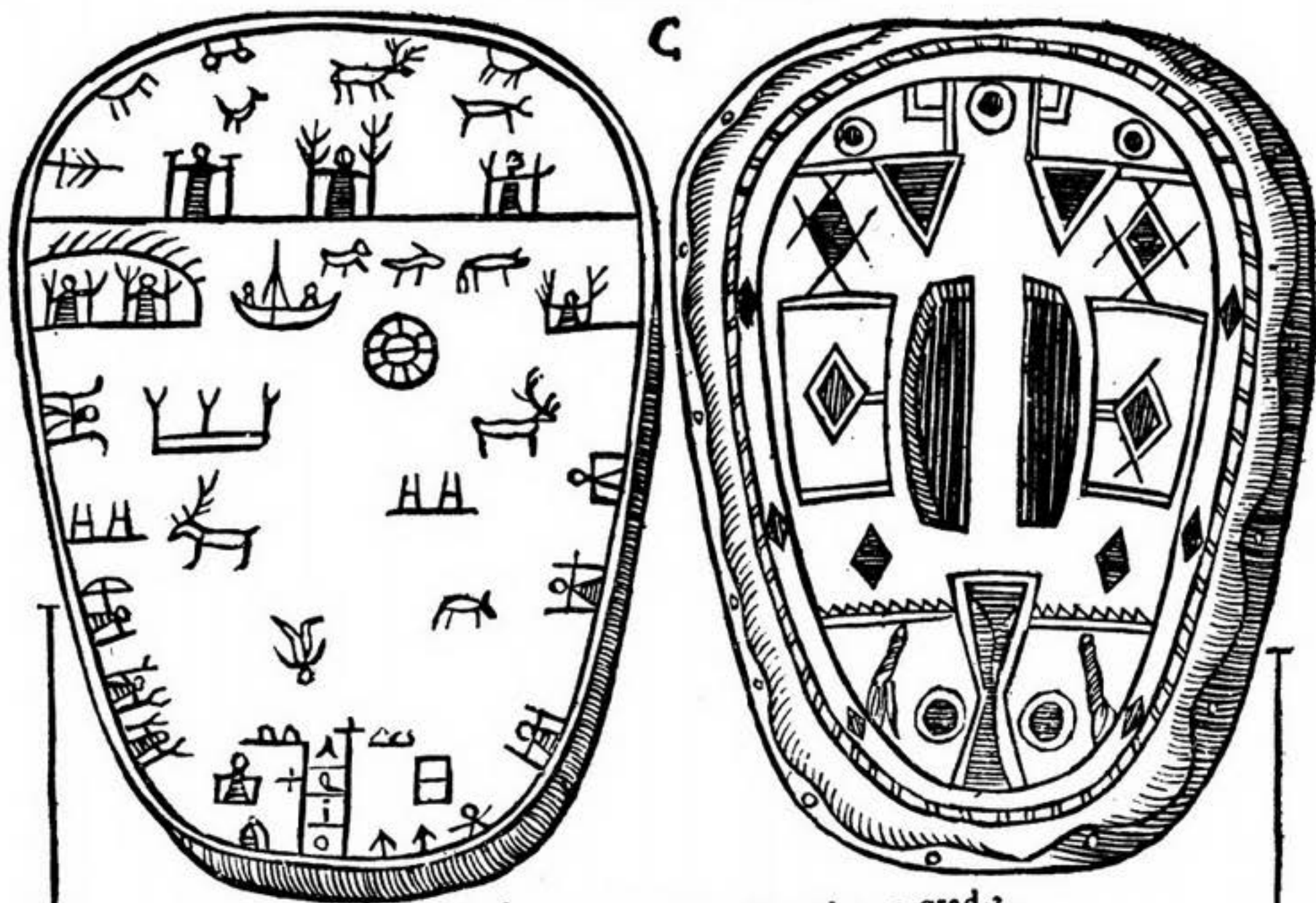
Олаф Магнус, говоря о способе употребления барабана, называет весь инструмент наковальней: "Медную лягушку или змею он потрясал размеренными ударами молота по этой наковальне". Это фигуральное выражение дало повод плохо разбирающемуся в предмете художнику, иллюстрировавшему книгу Магнуса, нарисовать тут кузнечную наковальню со змеёй на ней и скачущей лягушкой под большим кузнечным молотом. Все это смешно человеку, хоть раз видевшему лопарский барабан. Олаф Магнус сравнил его с наковальней только потому, что лапландцы ударяют в него молоточком, как будет видно из дальнейшего.

Натянутую на барабан кожу, они расписывают разными изображениями, сделанными красной краской, приготовляемой из толченой и вываренной ольховой коры (Иоанн Торней и Самуил Реен). Этот последний дает подробное описание того, что обыкновенно изображается на коже барабана. "Приблизительно посередине барабана, – указывает он, – они проводят две поперечные линии, а над ними изображают своих наиболее чтимых богов, как, например, Тор (Thoronet) – владыка над прочими, – с его слугами, а также Сторюнкара (Stoorjunkarem) с такими же. Затем ниже проводится еще две линии, параллельные верхним, но доходящие лишь до середины барабана, над ними изображается Христос с некоторыми апостолами. То, что нарисовано над всеми этими линиями, должно обозначать птиц, звезды и луну. Ниже, в самом центре, изображается солнце, на которое кладут связку медных колец каждый раз, когда бьют в барабан. Ниже солнца рисуют уже всевозможные земные предметы, разных животных, как, например, медведи, волки, олени, лисицы, змеи, а также леса, болота, реки, и т.п."

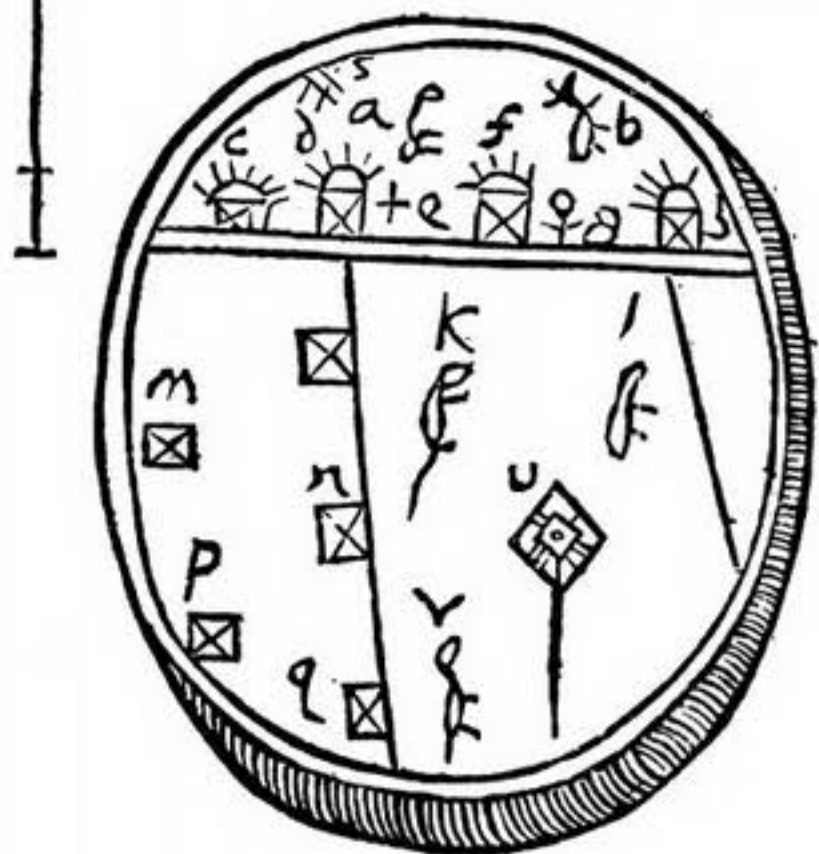
Однако на основании своих собственных наблюдений я должен признать, что не все барабаны расписываются подобным образом. Я сам имел в качестве образцов три таких предмета в своем личном собрании.

Один из них изображен в моем труде под литерою "В" рядом с барабаном, описанным Самуилом Рееном. Несколько отличается от вышеприведенного и описание барабана, сделанное Иоанном Торнеем. "Все фигуры, – пишет он, – разделяются на несколько сфер или областей, главнейшие из них три. Первая изображает Норландию и многие области Швеции и помещается в южной части барабана, отделяясь от остальных чертой. На ней обыкновенно нарисован ближайший город, с которым лопарями ведутся ежегодные торговые сношения. Так, например, на одном барабане из Торнеоского округа изображен город Торнео с церковью, с пастором и начальником округа – словом, со всеми теми людьми, с которыми им приходится иметь дело. Далее – дорога, идущая от Торнео к их области, по которой они следят во время гаданий, не едет ли к ним священник, начальник или кто-либо другой из представителей власти.

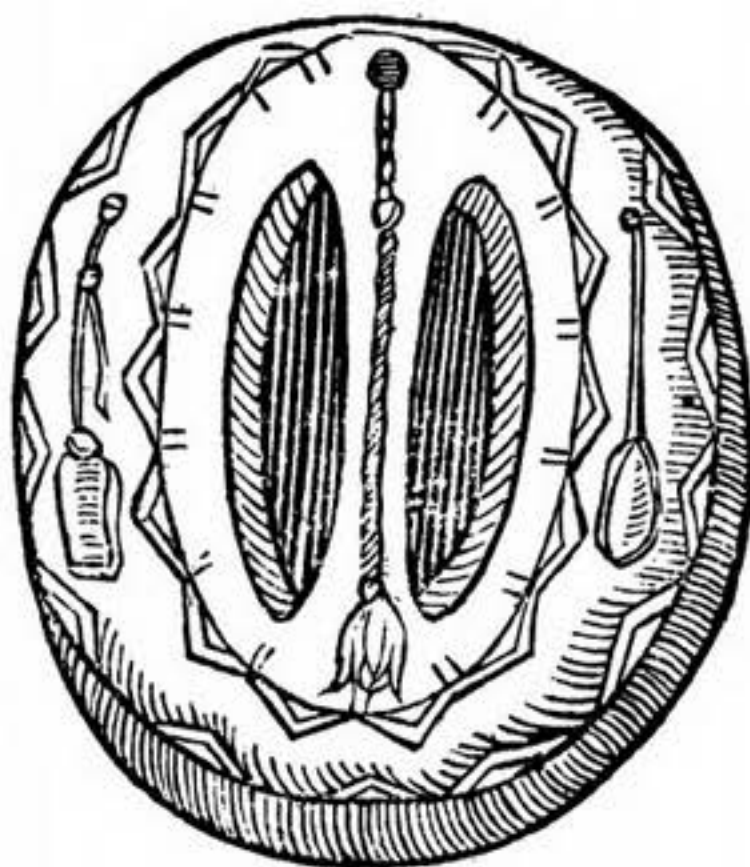
В северной части изображена подобным же образом Норвегия с разными свойственными ей подробностями. Среднюю же и большую часть барабана занимает их собственная страна. В ней изображены различные животные, которые водятся в Лапландии. Тут стоят целые стада оленьих медведей, лисицы, волки, дикие звери всякого сорта, все это для того, чтобы при волхвовании можно было определить, где они в данный момент находятся.

А. Infernus. e. gradus. 1. i. grad. 2. o. grad. 3.

В

Когда потерялся, например, олень, его ищут при помощи барабана. По нему же смотрят, выживут ли олени телята, удачен ли будет улов рыбы, охота, выздоровеет ли больной или умрет, легко ли пройдут роды у беременной, где и когда приключится кому-нибудь смерть и от каких причин. Словом, на все, что волнует и заботит лапландца, должен дать ответ барабан".

В чем причина такого различия в расписывании барабанов, я не знаю и могу лишь повторить слышанное мною мнение о том, что барабаны, служащие для волхвований, каждый расписывает сообразно своим чародейским способностям и намерениям.

Ввиду этого многообразия считаю нужным к уже описанным прибавить изображение еще двух барабанов, позаимствованных мною из Музея светлейшего королевского канцлера. На рисунке изображена как верхняя, так и обратная сторона. На обоих главный интерес представляют не столько сами фигуры, сколько их истолкование, приложенное к ним в объяснительных примечаниях, так же как и в рисунке (В).

Не ограничиваясь этим, светлейший канцлер по своей неоценимой щедрости разрешил мне воспользоваться и третьим барабаном (обозначаемым здесь литерой "Е") такой громадной величины, что другого подобного

едва ли можно где-либо еще найти. Кроме того, я привожу здесь еще изображение четвертого барабана под литерой "F", любезно подаренного мне светлейшим бароном Генриком Флеммингом. Для пользования этими барабанами необходимы два вспомогательные орудия: это указка и молоточек. Первая служит для фиксации той из нарисованных на барабане фигур, которая является предметом гадания, второй – для ударов по натянутой коже. В большинстве случаев указкой служит именно та связка медных колечек, о которой упоминает Самуил Реен. Для этой цели берется обычно медное кольцо, на которое нанизываются уже более мелкие колечки так, что в целом это напоминает гроздь.

Впрочем, и этот предмет имеет по временам совсем другую форму. Так, например, в моем личном собрании есть одна указка, сделанная из грубой меди, имеющая форму талера с квадратным отверстием посередине и вместо нанизанных колечек снабженная связанными радиусами тонкими медными цепочками; другая представляет собой стальное кольцо с подвешенной к нему на тонких цепочках круглой медной пластинкой. Я видел также еще и другие, сделанные из кости, в форме греческой буквы дельта, с подвешенными к ней колечками и т.д. Изображение этих предметов из моей коллекции я прилагаю к рисункам А и В под литерой "G".

Так как, однако, кольца составляют, по-видимому, основную часть этого предмета (что подтверждается и видом указок из собрания светлейшего канцлера), то прав был анонимный автор, на которого я уже неоднократно ссылался, говоря: "Кольцо, лежащее на барабане, не остается неподвижным". Олаф Магнус называл их змеями или медными жабами. Это название дано им не потому, чтобы лапландцы действительно пользовались когда-нибудь змеями или жабами или чтобы эти предметы походили на названных животных, а скорее в силу обычая считать змею и жабу излюбленными Сатаною существами, которыми они охотно пользуются в своих нечестивых обрядах. Сами лопари называют этот предмет арпой (Агра). "Указка, – сообщает Иоанн Торней, – которую они называют арпой, состоит из сцепленных вместе колечек – медных, железных, стальных или серебряных".

Из этих слов мы вправе заключить, что не одна только медь, но и другие металлы могут служить материалом для изготовления этих предметов. Молотком называется инструмент, которым колдуны бьют в барабан. Олаф и Иоанн Магнусы рассказывают, как "лопари вызывают семейных духов (*genios familiare*), ударяя по барабану молотком". Это, конечно, не кузнечный молот, как представлял себе неудачный иллюстратор книги Олафа Магнуса, а своеобразный инструмент, сделанный из оленьего рога таким образом, что два расходящиеся разветвления служат для удара, а главный ствол – рукояткой, что изображено на прилагаемых рисунках А и В под литерой "H".

Этим молотком лопари бьют по натянутой на барабан коже не с целью произвести громкий звук, а лишь для того, чтобы сотрясением мембраны вызвать перемещение положенной на какой-нибудь рисунок указки в желательном направлении к другим фигурам, что и служит основой для дальнейшего гадания.

Такой вид имеет волшебный барабан со всеми своими принадлежностями у лопарей, платящих дань Швеции.

Отчасти он вошел в употребление и у так называемых финлаппов (*Finnlappi*), финно-лапландцев, живущих на севере Норвегии и входящих в состав королевства Датского. Однако там он несколько отличается от описанного нами, как видно из рисунков, сделанных Олафом Вормием – ученым и пытливейшим исследователем, опубликованных им в описании его "Музея" (*Museum Wormianum*). Несмотря на это, я не думаю, чтобы это различие зависело от того, что те племена пользуются другими барабанами, которые отличаются от наших, а полагаю, что особый вид придается им в зависимости от тех целей, для которых изготавливается тот или иной вид инструмента.

Чтобы не заслужить упрека в умышленном умолчании о чем-нибудь существенном, я привожу здесь подлинное слово Олафа Вормия. "Лопарский барабан, – пишет он, – в который, ударяя, они гадают и колдуют, сделан из овального куска дерева, выдолбленного внутри, длиной около фута, шириной около десяти дюймов, с шестью резными отверстиями и рукояткой, за которую они держатся левой рукой в то время, когда правой бьют в барабан. Жилами к нему прикреплен мембрана, расписанная разными нелепыми фигурами, намазанными кровью или какой-нибудь красной краской. К этому присоединяется слегка выпуклое медное тело, имеющее форму ромба, диаметром около двух дюймов, отмеченное по углам медными цепочками. Барабанная палочка, сделанная из рога, которою бьют в барабан, имеет форму большого латинского "Т" длиной в шесть дюймов и толщиной в мизинец".

Этим барабаном лопари пользуются в разных случаях жизни и многое получают благодаря ему, по крайней мере таково их мнение на этот счет. Поэтому он окружен в их среде почетом и служит предметом забот и бережного ухода. Его хранят завернутым в овечью шерсть вместе с указкой и молоточком (Самуил Реен).

В другом издании сочинения Самуила Реена есть упоминание о том, что эти инструменты завертываются не в овечью шерсть, а в *Loomskin*, что обозначает не шерсть, а пух особого вида водяных птиц, которых в этой стране называют *Loom*. Одна из них описана Вормием в его "Музее" и, может быть, еще более подробно будет описана мною, если когда-нибудь мне удастся опубликовать материалы моего собственного собрания редкостей.

Барабан считается у лопарей священным предметом, относящимся к религиозному культу, и поэтому строжайше возбраняется прикасаться к нему какой бы то ни было женщине, достигшей половой зрелости (*nubili, manvuxne*). Поэтому же в случае перевода или перехода на другие места барабан переносится последним, обязательно самим мужчиной, а не женщинами, и притом иногда такими путями, которыми еще никто не ходил.

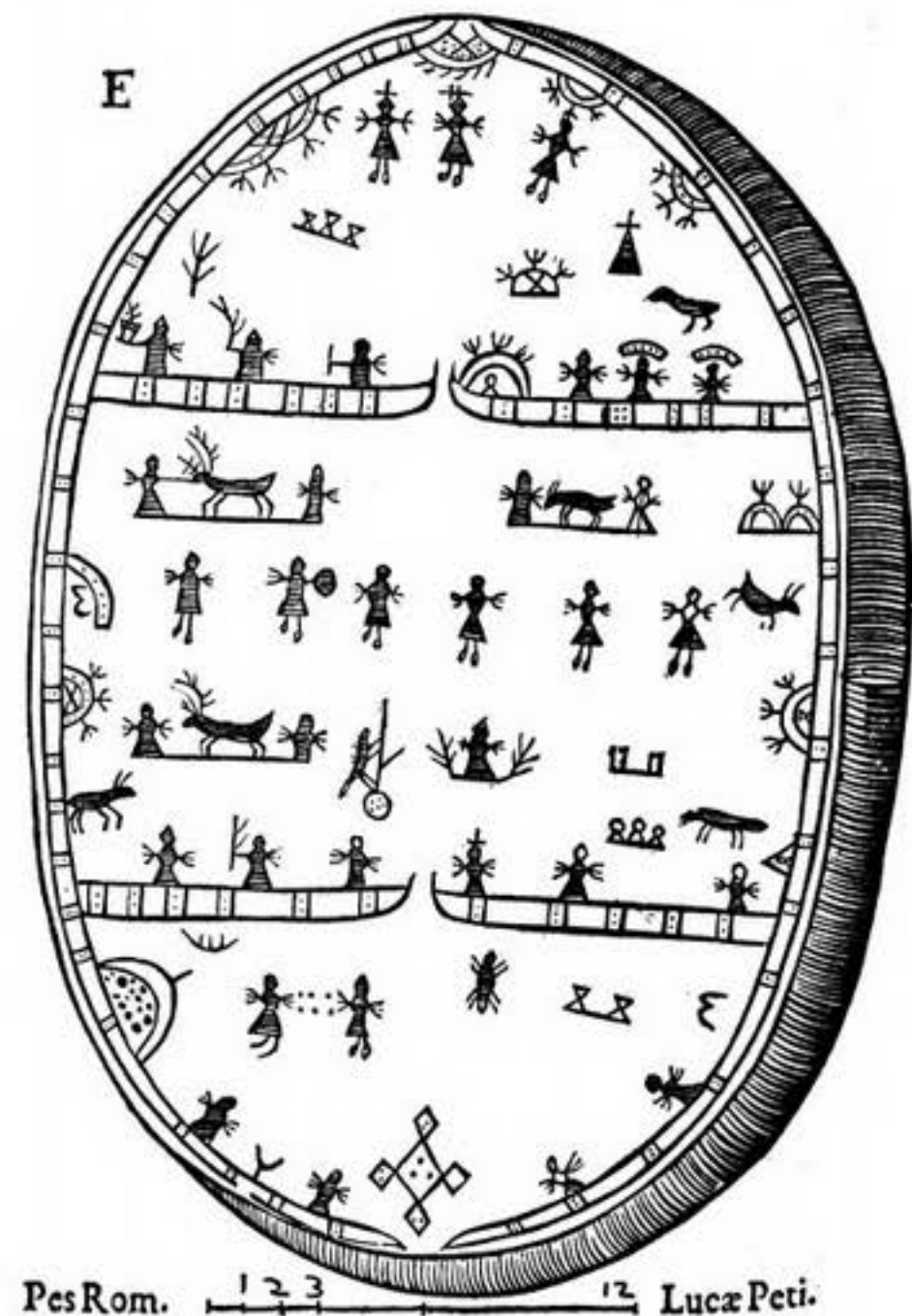
Эту странность они объясняют опасением, чтобы кто-нибудь, а в особенности взрослая женщина, идущая по пути, по которому несли барабан, не подверглась из-за этого опасности потери здоровья или даже смерти. По их словам, подобные случаи бывали неоднократно и опасность их наступления длится около трех дней. Как ни странны эти слова, но сомневаться в них нет оснований, т.к. дьявол также требует уважения к своему культу и строгими карами обеспечивает подчинение своим законам в пределах, допущенных Господом Богом.

Но если все же случится, что женщина прошла по тому

пути, по которому несли барабан, то она должна немедленно принести в жертву барабану медное колечко во избежание гибельных последствий.

В дальнейшем мы рассмотрим, каким образом и при совершении каких обрядов, связанных с волшебным барабаном, получают лопари те многочисленные блага, о которых они говорят.

Олаф Петерсон насчитывает три вида случаев, служащих предметом волхвований; они относятся или к охо-

те и промыслам, или к религиозному культу, или к откровению того, что скрыто далью пространства и времени.

Самуил Реен различает четыре вида пользования волшебным барабаном в зависимости от различия преследуемых колдуном целей. Во-первых, познание того, что происходит в отдельных местах (ясновидение), во-вторых, гадание о грядущем успехе или неудаче начатых дел, а также о судьбе человека, впавшего в тяжкую болезнь, в-третьих, волхвования для излечения болезней, в-четвертых, познание того, какими жертвами умиловать богов и какой вид животных наиболее угоден им при жертвоприношении.

Ритуал волхвований во всех перечисленных здесь случаях далеко не одинаков. Тем не менее, при начале каких бы то ни было действий с волшебным барабаном прежде всего заботятся о том, чтобы кожа на нем была хорошо натянута и напряжена. Это достигается поднесением его к огню. Во-вторых, в барабан стараются ударять поближе к положенной на него указке и, наконец, начинают всегда с очень слабых ударов, постепенно увеличивая их силу до тех пор, пока не будет выполнено задуманное.

Иоанн Торней так описывает действие колдуна с ба-

рабаном: "Он понемногу приподнимает барабан, затем вдруг ударяет в него поблизости от лежащей на нем указки, сперва очень легко, пока указка не сдвинется с места; когда она переменит свое положение уже довольно значительно, удары становятся сильнее, продолжаясь до тех пор, пока она не достигнет какой-нибудь из начертанных на барабане фигур, дающих ответ на вопрос гадателя". Кроме того, обязательно соблюдается правило: чтобы не бить в барабан стоя, колдун должен стоять или, скорее, сидеть перед ним с согнутыми коленями. Такую же позу принимают и все присутствующие при волхвовании.

Что касается предмета чародейских волхвований, перечисленных выше, то прежде всего остановимся на успехах, достигнутых лопарями в ясновидении, т.е. в видении того, что происходит в отдаленных от места гадания странах. "Желая знать что-нибудь о своих друзьях или недругах, — говорит Олаф Магнус, — отделенных от них громадными пространствами в 500 или даже 1000 миль, люди обращаются к опытному в этих делах финну или лапландцу, делая ему приношение платьем или деньгами, и узнают от них, где находятся и что в данный момент делают их друзья или недруги".

То же говорит Петр Клауд в своем "Описании Норвегии" о живущих в Финмаркене финнолапландцах (Finnolappis): "Они умеют показать желающим, что происходит в местах отдаленных". В дальнейшем так же, как и Олаф Магнус, он рассказывает, как это делается, но мы изложим это ниже, а здесь приведем сообщенный им рассказ о происшествии этого порядка, имевшем место в Бергене, в Норвегии, и засвидетельствованном общественной властью в торговых книгах немецких купцов этого города. "В Бергене жил некий Иоанн Деллинг, — рассказывает он, — представитель одного богатого немецкого купца. Его знакомый Яков Смаозюнд (Smaosüend) привел к нему однажды одного финнолапландца, жителя северной Норвегии, к которому Деллинг обратился с просьбой открыть ему, что делает в данный момент его хозяин в Германии. Лапландец согласился удовлетворить его любопытство и внезапно начал вопить, как пьяный, подпрыгивая и кружась, и, наконец, упал замертво на землю. Пролетав так некоторое время, он как будто очнулся и, поднявшись на ноги, сообщил ему, что происходит в доме купца в Германии.

Привлеченные странностью этого происшествия, другие купцы немедленно записали сообщение лапландца в официальную торговую книгу с целью проверить сказанное. Впоследствии по наведению справок действительность вполне совпала с показаниями лапландца".

Этот факт интересен, как подтвержденный свидетельством общественности и официальными документами. Не менее интересен, на мой взгляд, и факт, сообщаемый Иоанном Торнеем, почтенным пастором и настоятелем прихода в Торнео, заключающийся в том, что пришедший к нему лапландец с совершенной точностью сообщил ему все подробности его путешествия по Лапландии, до тех пор никогда в глаза не видав самого Торнея. "Подробнейшим и точнейшим образом, — рассказывает Иоанн Торней, — он изложил все, что произошло во время моего пути в Лапландию. И хотя все, что он говорил, до мелочей совпадало с действительностью, я сказал ему, что все это ложь и обман, чтобы не дать ему возможности хвастать своей прозорливостью, данной ему дьяволом, и, следова-

тельно, верить в его силу и могущество".

У меня нет опасений подвергать сомнению слова такого почтенного, всеми уважаемого и благочестивого человека, притом несколько не отличавшегося суеверием. Что касается способа, которым пользуются при данных обстоятельствах, то описания его весьма различны у разных авторов.

Олаф Магнус в цитированном мною выше месте изображает это таким образом: "Он приходит на собрание в сопровождении одного только спутника и жены, затем потрясает молотком медную лягушку (указку из колец) или змеи на наковальне (барабан) и качается то в одну, то в другую сторону под монотонное пение и, поминутно падая, наконец, приходит в экстаз. Некоторое время он лежит, как мертвый. В это время его спутник тщательно охраняет его от какого бы то ни было прикосновения, следит, чтобы даже блоха или муха, или какое-нибудь другое животное не коснулось его, ибо в этот момент дух его, ведомый дьяволом и очарованный властью песен и заклинаний, издалека приносит знаки (кольцо или нож и т.п.) в доказательство выполнения поручения. Через некоторое время, очнувшись, он встает и сообщает о виденном всем окружающим и своему спутнику".

Петр Клауд описывает это несколько иначе: "Колдун бросается на землю и, теряя сознание, лежит замертво с почерневшим искаженным лицом. Так он лежит час или два – в зависимости от того, как далеко то место, откуда он должен принести вести. Когда же он пробуждается от своего оцепенения, то может подробно рассказать обо всем, что происходит в том отдаленном месте". Как видите, Петр Клауд ничего не упоминает ни о барабане, ни о пении, ни о спутниках, ни о внешних знаках выполненного поручения. Но нет ничего удивительного в том, что один изображает события так, другой иначе, в зависимости от того, что он считает самым существенным и важным, упуская, по его мнению, второстепенное. О роли барабана в этих волхвованиях не приходится сомневаться, если учесть все предыдущее.

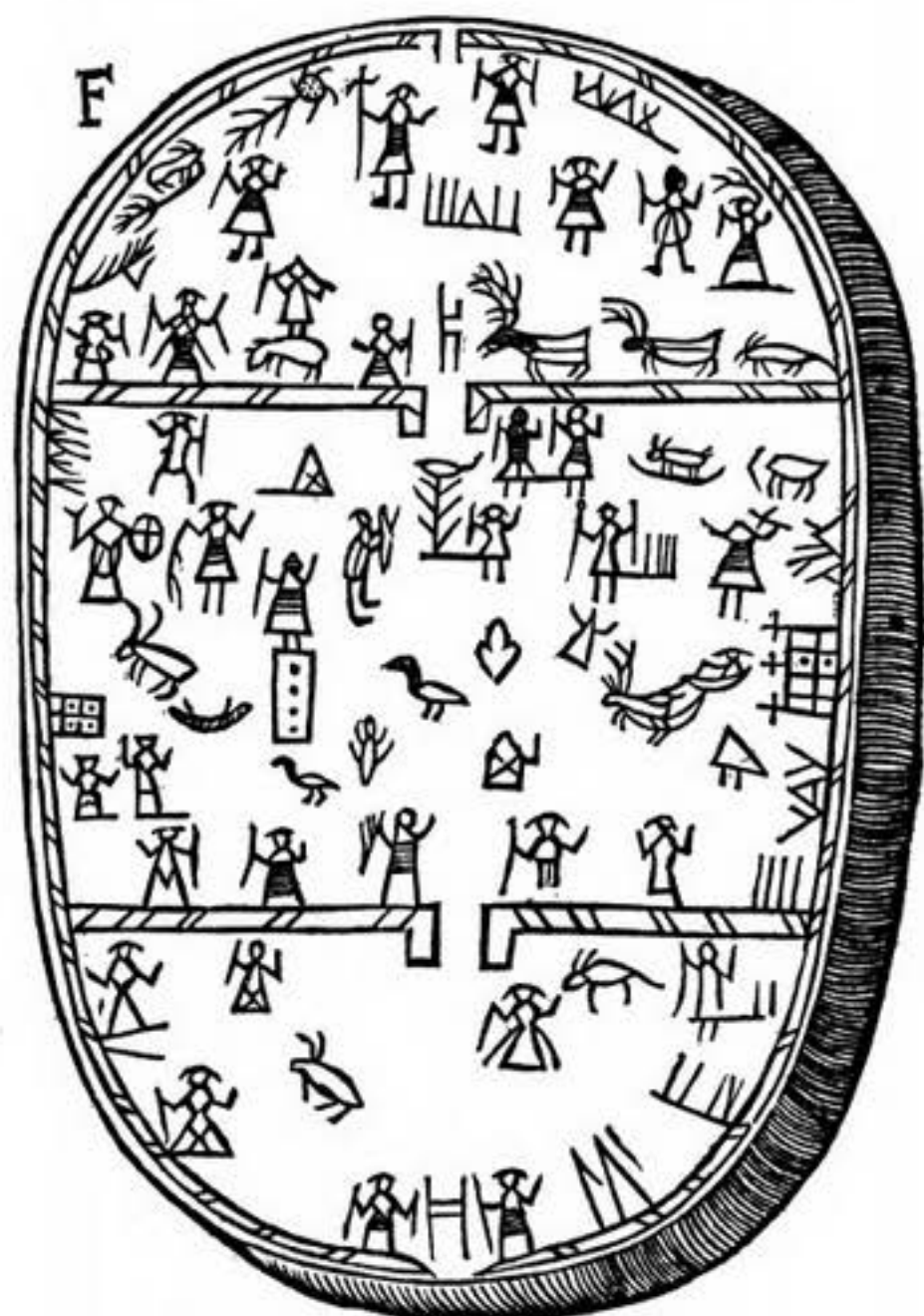
Олаф Петерсон дает описание еще одного барабана, своеобразной формы, а именно с рукояткой в форме креста на его нижней поверхности, за которую заклинатель держится левой рукой. Подобной же особенностью отличается один из барабанов, полученных мною благодаря неоценимой щедрости светлейшего барона Генрика Флеминга, командира пехотного полка в Финляндии, изображение которого я помещаю в книге. Олаф Петерсон прибавляет также, что к инструменту иногда подвешиваются рога и кости животных, убитых лопарями на охоте.

Что касается спутников, сопровождающих колдуна, а равно и всех присутствующих при волхвовании, то мы имеем по этому предмету свидетельство Самуила Реена, который пишет: "Желая узнать, что происходит в далеких странах, лопари следующим образом пользуются своим волшебным барабаном: на него кладут медные кольца, связанные вместе медной цепочкой, на то место, где на нем нарисовано солнце; после этого раздвоенным молотком, сделанным из рога, ударяют в него таким образом, чтобы кольца от сотрясения пришли в движение. Прodelывая это, лопарь поет особенно высоким голосом, который у них называется "юке" (Jouke). Все остальные присутствующие при этом мужчины и женщины присоединяются к пению со своими песнями, которые поются бо-

лее низким голосом и называются "дуура" (Duura). Слова их определены и имеют отношение к тому месту, откуда желают получить сведения".

Как видно, здесь несомненно указывается на участие барабана в подобных волхвованиях, а также на роль присутствующих не одного только спутника и жены, как сообщает Олаф, но и многих мужчин и женщин, поддерживающих колдуна своим пением.

Тот же автор далее говорит о том, как колдун в изне-

Pes Romanus Lucæ Peti.

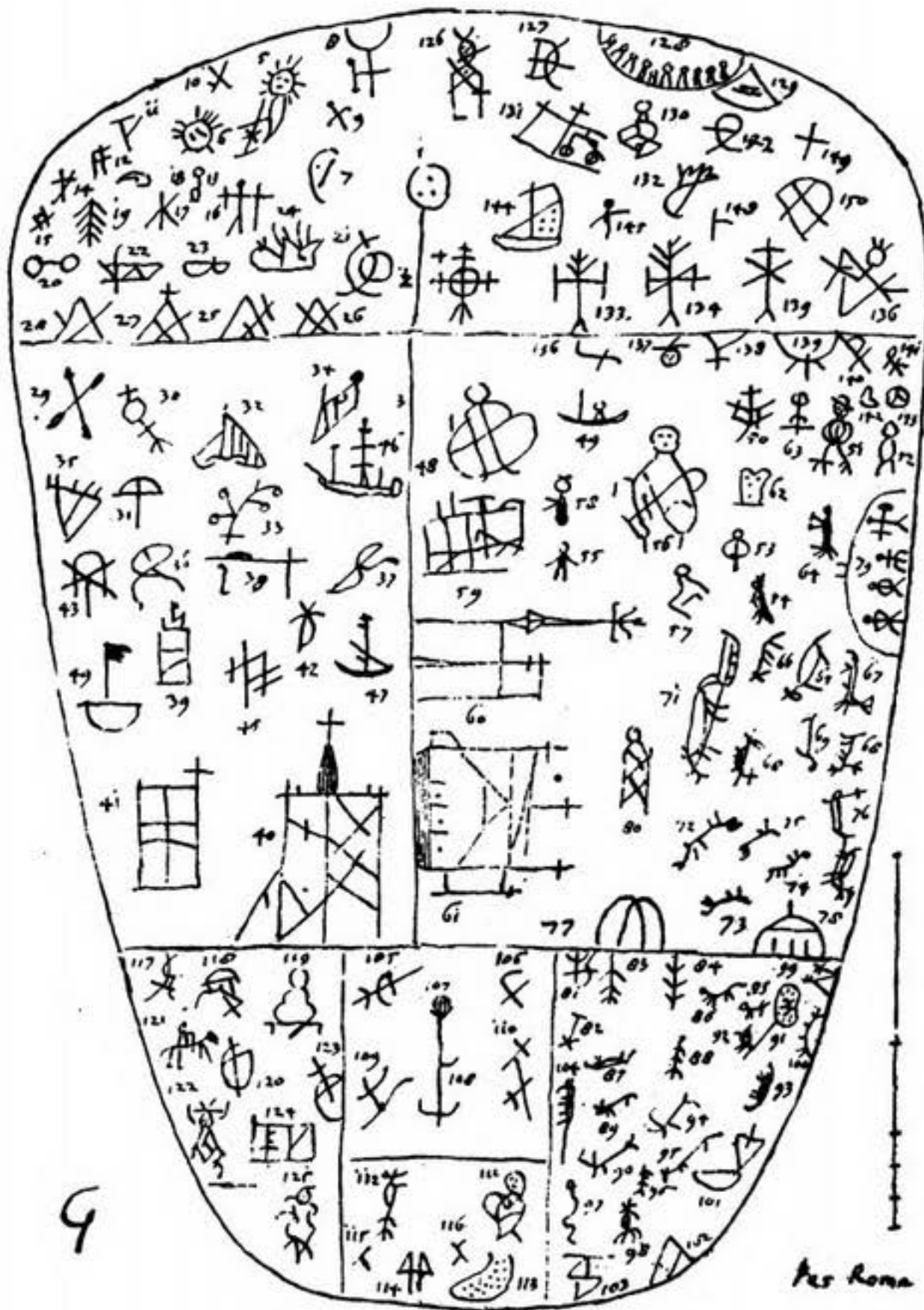
можении падает на землю. "После того, как он бьет в барабан вышеуказанным образом в течение более или менее долгого времени, – говорит Реен, – он падает на землю, как сонный". А многократно цитировавшийся мной анонимный автор, видимо, весьма осведомленный в этих вопросах, пишет: "Падает на землю и испускает дух, как бы гаснет".

Пейцер в книге своей "О волхвовании" сообщает нам следующее: "После того, как обычными церемониями заклинатель вызовет своих богов, он внезапно падает и становится бездыханным, как будто действительно душа его выделилась из тела". Так же говорит и Петр Клауд: "Он высыласт из себя душу", откуда и следуют слова Олафа: "Дух его, ведомый дьяволом, издалека приносит знаки".

Все это показывает, что многие действительно верили в возможность выделения души колдуна из тела и в последующее возвращение ее туда после посещения дальней страны, откуда колдун желал получить требуемые вести.

Однако предположение это ложно и нечестиво, т.к. душа, вышедшая из тела, уже никакими силами не может

быть возвращена в него и сам дьявол в этом не властен. Заклинатель в действительности лежит на земле вовсе не бездыханным, а со всеми внешними проявлениями чувств, подавленными и как бы уничтоженными влияниями злого духа, с изменившимся и обезображенным лицом, о чем, кроме Петра Клауда, свидетельствует и тот же анонимный автор: "Долго поют заклинания, пока не потеряют сознание и не упадут, как мертвые. При этом, по-видимому, страдают мучительно от сильнейшего напряжения, так

как не только лицо их, но и все тело покрывается обильным потом". Итак, бьют в барабан и, наконец, падают с ним навзничь, прикрывая им голову, как показано на рисунке.

Самуил Реен прибавляет к этому, что остальные присутствующие при заклинании мужчины и женщины не прекращают своего пения в то время, когда колдун лежит без сознания, а, наоборот, усиленно повторяют свои заклинания, чтобы он в этом бесчувственном состоянии не забыл о том, для чего он послан.

Анонимный автор замечает, что в противном случае он мог бы на самом деле умереть и никогда уже не пробудиться от своего странного сна: "Все остальные присутствующие при заклинании обязательно должны продол-

жать свое пение все время, пока он лежит в обмороке, и беспрестанно напоминать ему о том, что они желают узнать, иначе он может вовсе не вернуться к жизни".

Точно так же это состояние может окончиться смертью, если кто-нибудь попробует коснуться лежащего рукой или ногой, чтобы внезапно разбудить его. Именно с целью оберечь его от такой случайности на спутника его возлагается обязанность отгонять от него мух и мелких животных, а также заботиться о том, чтобы никто не кос-

нулся его, как уже упомянуто Олафом Магнусом. Я помню, что у Пейцера есть указание на это: "Необходимо, чтобы при лежащем в забытьи всегда находился кто-нибудь, кто бы охранял его, иначе демоны могут его окончательно похитить".

Что касается похищения тела демонами, то это неверно, может случиться лишь, что он совсем не проснется. "Сторож, охраняющий простертое на земле тело от малейших случайных прикосновений, необходим, так как в противном случае тело может вовсе не вернуться к жизни", — говорит Олаф Петерсон.

Итак, по истечении некоторого времени колдун приходит в себя и начинает отвечать на задаваемые ему вопросы. Он припоминает все, что узнал из ударов по барабану, а также и то, что происходит в отдаленных местностях. Пейцер говорит, что это происходит лишь через 24 часа, но этот срок слишком долгий и не может быть определен с точностью; одни пробуждаются раньше, другие позже, в зависимости от того, как далеко расстояние до интересующего колдуна места. Срок в 24 часа скорее можно рассматривать как максимум для самых дальних расстояний.

Олаф Петерсон также считает, что "они умеют отвечать на любые вопросы и, как бы далеко ни отстояло данное место, хотя бы на сотни миль, ответ получается не позже, чем через 24 часа". Наконец, для того, чтобы не оставалось ни малейшего сомнения в истине того, что сообщает заклинатель, они, по желанию, доставляют издалека какие-нибудь хорошо известные вопрошающему предметы, как, например, кольцо, башмак, нож и т.п. Об этом свидетельствует Олаф Петерсон, как

уже было сказано выше.

Таково главнейшее применение волшебного барабана у лопарей, но они пользуются им и для других надобностей. На втором месте можно поставить гадания о грядущей удаче или неудаче каких-нибудь событий, как, например, охота, хозяйственные планы и т.п. При этом гадании также возлагают на барабан кольца, поют заклинания и, потрясая его ударами, следят, в каком направлении передвигаются кольца. Если они движутся вправо, т.е. по солнцу, то это принимается за благоприятное предзнаменование; если же влево, т.е. в направлении, обратном движению солнца, то ждут неудачи и несчастья.

Самуил Реен подробно говорит об этом: "Желая уз-

нать, удачны или неудачны будут какие-нибудь начинания, они гадают подобным же образом: кладут на барабан кольца в том месте, где на нем изображено солнце, и бьют в барабан. Если кольца движутся вправо, по направлению движения солнца, то это служит им знаком грядущей удачи, выздоровления от болезни и приятных радостных событий, как для людей, так и для их домашних животных; если же наоборот, т.е. в направлении, обратном движению солнца, то ждут неудачи, болезни и всякие бедствия". Смысл такого истолкования ясен для тех, кто уже знает, что солнце лопари почитают за первопричину всего живого. Поэтому, когда колечки движутся согласно с его бегом, все живое радуется и ликует, следуя как бы по стопам солнца.

Лопари прибегают к этим гаданиям по поводу самых незначительных мелочей своей повседневной жизни, например, пускаясь в путь, отправляясь на охоту, перекочевывая на новое место и т.п., как будет видно из дальнейшего. Гадая об успехе охоты, они обращают еще внимание на то, в какую сторону обращено колечко – на восток или на запад, стараясь извлечь из этого более точные указания о направлении, которого им следует держаться.

"Собираясь на охоту, – говорит Олаф Петерсон, – они подносят натянутую на барабане кожу к огню, кладут "лягушку" (указку, кольца) на то место, где на нем нарисовано солнце, и бьют в барабан короткими и легкими ударами до тех пор, пока она не остановится на каком-нибудь из нарисованных на барабане животных, стараясь уловить направление: на восток или на запад, на север или на юг, прямо или между этими направлениями. Все это говорит охотнику, в какую сторону ему надлежит сегодня отправиться или на какого зверя, птицу или рыбу лучше охотиться, чтобы иметь успех".

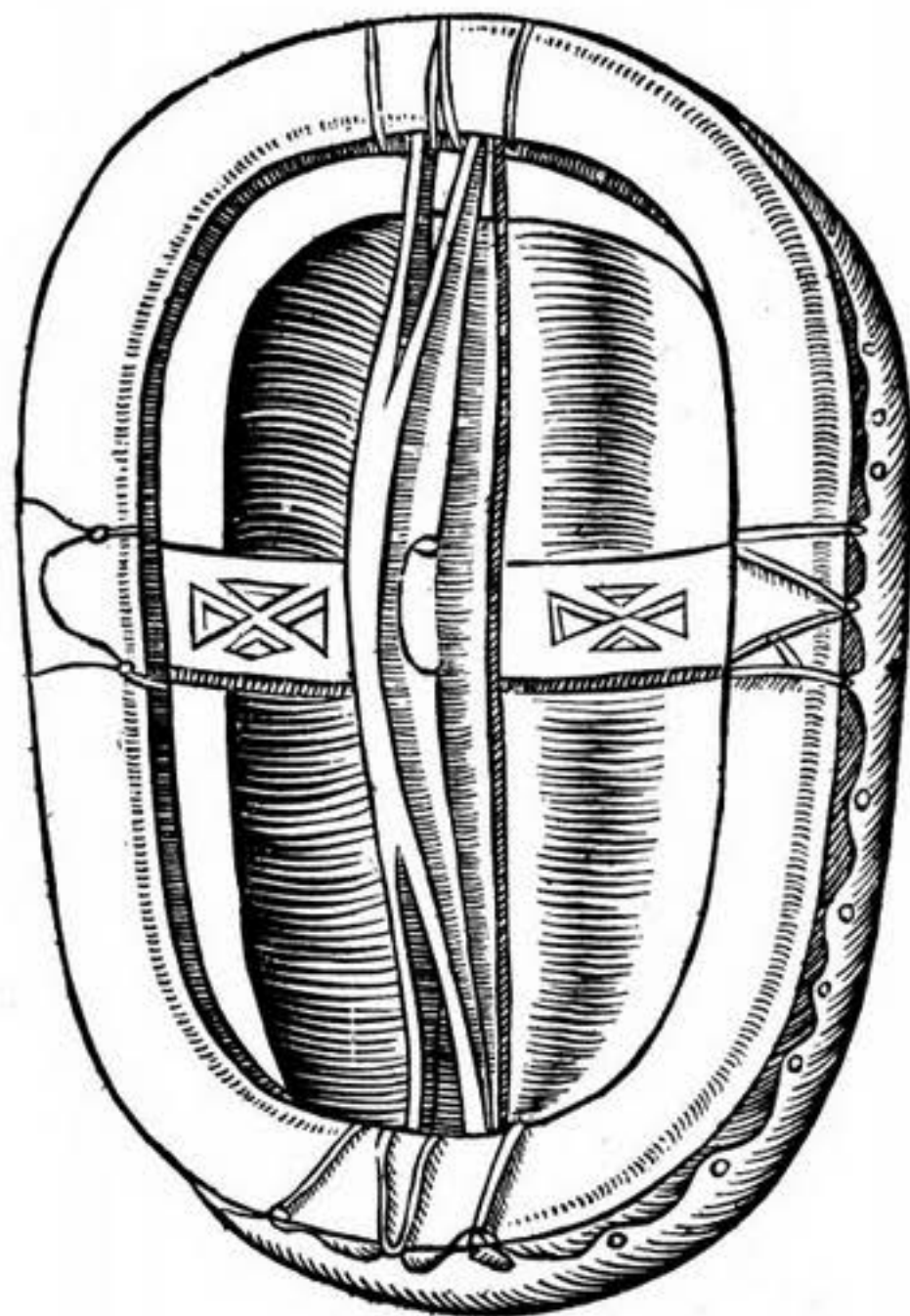
Теперь я перехожу к третьему виду пользования барабаном, а именно к его употреблению во время болезни. В этом случае смысл его может быть двойным: во-первых, при помощи барабана стараются разгадать причину болезни, произошла ли она естественным путем или напущена чьими-нибудь чарами. Затем выспрашивают о средствах, могущих излечить болезнь, ища указаний на какое-нибудь определенное, угодное богам жертвоприношение, желая узнать, какому богу следует его сделать, в особенности же какому Сторюнкару, без воли которого, по их представлению, никто не может излечиться от хвори. На все это должен дать ответ не сам больной, а тот, кто бьет в барабан. Он же указывает, что следует делать. "Все, что предпишет барабанщик (*tympanista*), больной обязан или немедленно выполнить, или же принести обет, что требуемое жертвоприношение будет им совершено к определенному сроку".

Обряды, совершаемые при этом действии, описаны Самуилом Рееном: "Когда собираются лечить болезнь при помощи барабана, то поступают следующим образом: прежде всего больной должен дать тому, кто бьет в барабан, два кольца – одно медное, другое серебряное, которые он привязывает к его правой руке. Оба эти кольца переходят потом в собственность чародея в награду за понесенные труды. Впоследствии колдун подвязывает их к пучку тех колец, которыми он пользуется при волхвовании с барабаном. Сделав это, он ударяет в барабан, затягивая торжественную песнь. К его пению присоединяются окружающие больного мужчины и женщины: первые –

низкими, вторые же – высокими голосами". Так из движения колец на барабане чародей делает те выводы, о которых мы уже говорили выше.

Нами изложены здесь наиболее обычные виды пользования барабаном. Остается еще один, не столь распространенный, при помощи которого совершаются всякие злодеяния, насылаются на людей беды, болезни и даже смерть. К счастью, не все умеют им пользоваться.

Самуил Реен прямо говорит: "Многие лопари, но да-

леко не все, пользуются барабаном для злодеяний", а Иоанн Торней справедливо замечает: "Лопари, гадающие с помощью барабана лишь описанными выше способами, протестуют, когда их причисляют к тем людям, которые волхвованием причиняют другим вред, так как эти последние делают злое дело, они же – обратное". И хотя использование волшебного барабана для таких дьявольских замыслов не для всех приемлемо, однако, среди лопарей все же многие занимаются этим злым промыслом.

Иоанн Торней в 1671 году в Кемской (*Kiemenensis*) Лапландии захватил много людей подобного рода с барабанами такой громадной величины, что не мог вывезти оттуда и принужден был сжечь на месте. Он же приводит пример одного из злодеяний, совершенного при помощи волшебного барабана: "Среди этих лопарей (кемских) был один восьмидесятилетний старик, который хвалился тем, что еще ребенком изучил под руководством отца это искусство. В 1670 году он своими чарами утопил в водопаде одного кемского крестьянина. За это злодеяние он был приговорен к смертной казни и в кандалах отправлен в ближайший город Ботнии. Однако находясь в пути, он сам себе причинил смерть при помощи своего магическо-

го искусства, а именно умер внезапно, выполняя этим свою угрозу скорее умереть, чем попасть в руки палача".

Какими обрядами сопровождаются эти чародейства с волшебным барабаном, какие при этом употребляются слова, движения, знаки, нам неизвестно, так же как и тем ученым, которые писали по этому вопросу. Я думаю, это и понятно, так как, конечно, подобные вещи сохраняются в глубочайшей тайне и даже заняться изучением и исследованием их нельзя без того, чтобы не навлечь на себя подозрения в гнуснейшей нечестивости.

На этом, мне кажется, можно покончить с описанием волшебного барабана лопарей, которому мы посвятили достаточно внимания, и перейти теперь к следующей группе искусств, осуществляемых при помощи своеобразных магических инструментов. Среди них прежде всего упомянем о веревке с завязанными на ней узлами, которая употребляется при заклинании ветров.

Циглер так говорит об этом: "На шнуре они завязывают три магических узла. Когда, произнося заклинания, развязывают первый узел, поднимается небольшой ветер, за развязыванием второго узла следует уже сильный ветер, если же дойдут до третьего, то поднимается настоящая буря, подобно тому как и древние умели вызывать гром и молнию".

Олаф Магнус приписывает этот вид колдовства финнам: "В ряде пережитков язычества, сохранившихся у финнов, до сих пор в ходу заклинание ветров. Купеческим кораблям, задержавшимся у их берегов вследствие противных ветров, они предлагают за определенное вознаграждение вызвать желательный ветер. С этой целью они передают мореходцам магический шнур с завязанными на нем особым образом тремя узлами, предупреждая их, однако, что, если развяжут один узел, будут иметь приятный попутный ветер не очень сильный, развязав второй – уже более свежий, а развязав третий – такую сильную бурю, что в вихре ее ничего нельзя будет увидеть впереди ни с рулем, ни с парусами".

То, что здесь относится к финнам, Циглер приписывает лопарям. Однако никто из других авторов, писавших об этом народе, ни о чем подобном не упоминает. Мы не находим никаких указаний на это ни у Самуила Реена, ни у Иоанна Торнея. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что лопари народ сухопутный, живущий вдали

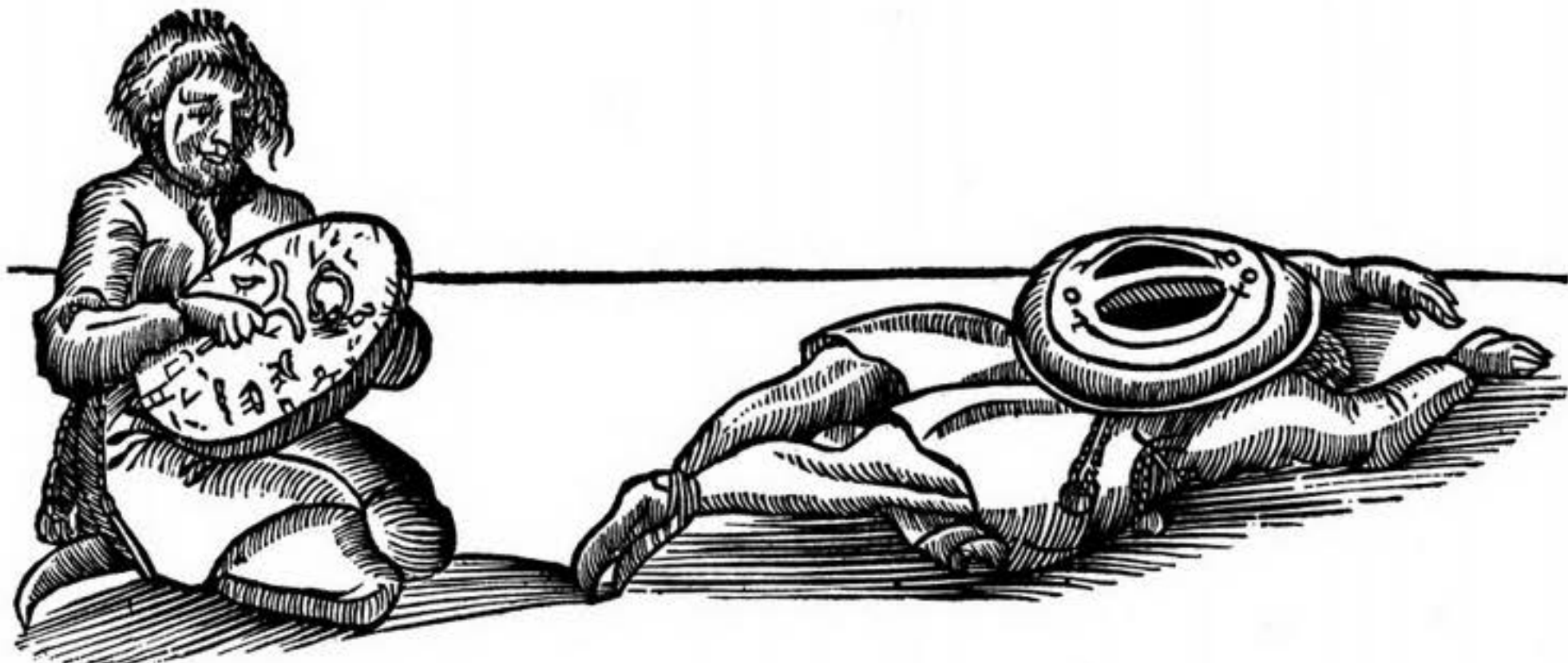
от моря. Поэтому все сказанное Циглером скорее может иметь отношение к финнолапландцам (Finnlappi), живущим в Финмаркене, на севере Норвегии, и по океанскому побережью.

Петр Клауд подтверждает эту мысль, говоря, что эти племена владеют искусством вызывать какие угодно ветры. При этом он сообщает любопытную деталь, заключающуюся в том, что заклинатель с особым успехом может вызвать тот ветер, который дул в момент его появления на свет. Что касается способа заклинания ветров, то описание Петра Клауда совпадает с только что изложенным нами со слов других авторов.

Подобно тому, как этот вид колдовства, по-видимому, более свойствен финнолапландцам северной прибрежной полосы, им же может быть приписан и другой сходный вид чародейства – умение остановить бег корабля, идущего под всеми парусами, и сделать его неподвижным среди моря. Впрочем, и это некоторые авторы приписывают лапландцам, как, например, уже упоминавшийся Дамиан Гоен: "Они останавливают бег морских судов, – говорит он, – идущих под всеми парусами так, что никакая сила ветра не может сдвинуть их с места". А Циглер добавляет: "Владеют чародейским искусством, дающим власть над мореходами, по желанию то содействуют их плаванию, то чинят им препятствия, научившись управлять движением морей и рек".

Единственным средством избавиться от этих могущественных чар являются выделения (excrementa) девственниц, как утверждает Дамиан Гоен: "Против этого зла есть только одно средство – вымазать нос и корму корабля выделениями девственницы. Этого не выносят злые духи, насылаемые на корабль лапландцами". Какого рода эти выделения (excrementa), я думаю, ясно всякому. Несомненно дело идет о менструальной крови девушек, т.к. она исстари считается вернейшим средством против всевозможных магических чар. Об этом упоминает еще Плиний: "Весьма вероятно, с чем и я готов согласиться, что месячные крови женщины разрушают волшебные чары".

Перейдем теперь к третьему виду волхвований, распространенных среди лопарского народа, а именно к тому, что Циглер называет метательным снарядом (jacula), при помощи которого насылаются болезни, страдания и всякие несчастья на людей, хотя бы и находящихся очень далеко

от чародея. Слова Циглера таковы: "Они делают магические снаряды для метания из свинца – короткие, величиной с палец, и кидают их через любое расстояние на тех, которым желают отомстить за что-либо. Эти люди заболевают злокачественной (carcinomate) опухолью рук или ног и умирают в течение трех дней в тягчайших муках".

Это сообщение Циглера почти дословно повторяет и Олаф Магнус, но, принимая во внимание, что в своем сочинении он в одном месте упоминает о Циглере, можно думать с известной долей уверенности, что свои сведения по этому вопросу он непосредственно и почерпнул из только что цитированного места сочинений Циглера.

Несмотря на все это, я серьезно опасаясь, что оба они были введены в заблуждение касательно описанных ими свинцовых метательных снарядов, и в дальнейшем постараюсь доказать это.

Дело в том, что в настоящее время нет никого, кто бы знал что-нибудь о подобных предметах. О них нет ни малейшего упоминания ни у Самуила Реена, ни у других писателей, и даже в устных преданиях не сохранилось и следа чего-либо подобного, что представляется в высшей степени странным, так как о многом, уже исчезнувшем, дошли до наших дней отчетливые и точные сведения.

Ввиду всего этого я склонен думать, что Циглер был введен в заблуждение толкованием слова *skott* (порча), которым пользуются и поныне для обозначения описанных им результатов зловредного колдовства. Когда человек или животное, бывшие до тех пор вполне здоровыми, внезапно и тяжело заболевают или даже умирают, то просто-народе приписывает это действию волшебных чар и называет это словом *skott* (порча), т.е. накинутае, выброшенное, наведенное (*jaculum*), что и дало повод Циглеру предположить участие в этом метательного снаряда, обладающего волшебной силой, и описать его подробно, добавив для полноты, что он изготовляется из свинца. В действительности трудно поверить, что существует нечто соответствующее сделанному им описанию, и что наведение порчи совершается таким способом.

Между тем еще одна загадка волнует меня. Еще один метательный предмет, наводящий порчу, Петр Клауд называет словом "ган" (*gan*). "То, что испускается для этой цели, – говорит он, – имеет вид мухи, а в действительности это есть не что иное, как сам демон. Большое количество этих существ норвежские финны, запятнавшие себя этим нечестивым искусством, хранят в кожаном мешке и ежедневно их оттуда выпускают".

В пояснение этих слов он приводит пример, удержавшийся в его собственной памяти: "Несколько лет тому назад один человек, который жив и поныне, предпринял путешествие в горы Северной Норвегии, думая поохотиться там на медведей, и зашел в пещеру, расположенную у подножья скалы. В этой пещере он нашел грубо сделанного идола, принадлежавшего некоему финну. Неподдалеку от финна стояла "ганеска" (*ganeska*) этого финна или волшебный мешочек. Когда он открыл его и заглянул

внутри, то увидел, что он полон копошившимися синеватыми мухами, которые были "ганом" (*gan*) этого финна, т.е. злыми духами, подчинявшимся его влиянию, которых он и посылал ежедневно в разные стороны".

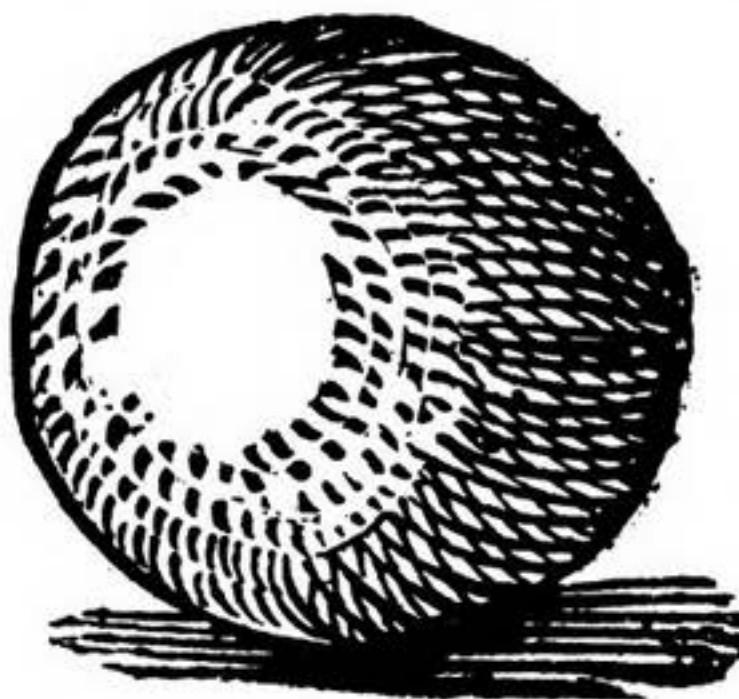
Нет сомнения, что эти "ган" были именно тем, при посредстве чего и наводилась порча на людей и на животных, как это и видно из дальнейшего рассказа. Петр Клауд описывает еще, как один человек извергает или насыляет своего "гана" на другого, а тот отгоняет его своими чарами. Далее он сообщает любопытную подробность, которая подтверждается сведениями, полученными мною и из других источников: "Они верят, что никакого зла не может причинить "ган", кем-нибудь посланный на человека, если посылающему неизвестно имя отца того, кому он намеревается причинить вред".

В заключение следует заметить, что все описанное Петром Клаудом о наведении порчи посредством "гана" среди финнов и финнолапландцев в Северной Норвегии у некоторых лопарей может быть достигнуто еще при помощи того, что они называют "тире" (*Tyre*).

Это "тире" представляет собой не что иное, как круглый мячик величиною с грецкий орех или небольшое яблоко, сделанный из нежного пуха, легкий, ровный, почти невесомый, по-видимому, полый внутри, неопределенного цвета, составленного из смешения желтого, зеленого и голубого, с незначительным преобладанием желтого.

Я имею один экземпляр такого "тире" в своей коллекции благодаря любезности благороднейшего Иоанна Оттона Сильверштрема, ассесора металлических дел коллегии и Правителя Сальбергенских и Фалунских копий. Так как предмет этот никем еще не был описан и знаком весьма немногим, то я прилагаю ниже его изображение, сделанное мной самим насколько возможно точно. Говорят, что это "тире" может быть оживлено особыми чарами и сделано подвижным. Такое волшебное "тире" лапландцы продают тому, кто хочет им воспользоваться, при этом они убеждены сами и стараются убедить других, что послав кому-нибудь это "тире", они могут навести на него змей, жаб, мышей и прочих гадов, которые будут ему досаждать нещадно.

Сверх того, они полагают, что это "тире" мчится по пути к тому, кому оно предназначено, наподобие вихря, дротика или шара, и в случае, если в этом полете встретится с чем-нибудь живым, причинит ему тот вред, который предназначался другому, и таким образом легко может отклониться от своей первоначальной цели и повредить совершенно невинной жертве. По-видимому, даже в наше время можно привести немало примеров случаев такого рода, но так как слишком долго было бы рассказывать о них, то я остановлюсь на этом, закончив изложение, если не всего, то хотя бы наиболее важного из относящегося к религии, культу, обрядам и суевериям лопарей, для того, чтобы перейти к описанию дальнейшего.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ЛОПАРЕЙ

осле трех глав, посвященных духовной жизни лопарей, перейдем теперь к описанию их общественного устройства, как в частной, так и в государственной жизни.

По-видимому, в более древнюю эпоху, предшествовавшую той, когда народ получил свое настоящее имя лопарей, они были вполне независимы от своих соседей и представляли самостоятельное государство под властью своего собственного правителя, избиравшегося из среды своего народа. По крайней мере, так обстояло дело во времена норвежского короля Гаральда Гарфагара, современника Эрика Шведского, т.е. в IX веке от Р. Х., поскольку это касается той части лопарского народа, которая обитала на севере Норвегии по океанскому побережью и которую обычно называют финнами и лаппофиннами. Об этом говорится в "Описании Норвегии" Петра Клауда: "Лаппофинны, или сиефинны (Sioefinni), т.е. поморские финны в древние времена имели своего собственного правителя, а именно – в эпоху короля Гаральда Гарфагора, подчинившего своей власти всю Норвегию, кроме этих областей, королем у них был некий Моттле".

Без сомнения, Петр Клауд почерпнул эти сведения из летописи исландца Стурлесона, в которой имеется описание похода Гаральда в Биармию и войны его с населением этой области, сохранившей, однако, независимость, или же из цитировавшегося уже рассказа этого летописца о деве Гунильде, посланной отцом на воспитание к финскому королю Моттле.

Как уже было сказано мною в первых главах этого сочинения, названия "лопари" и "Лапландия" еще не вошли в употребление в ту эпоху, хотя и нет сомнений, что эти последние являются прямыми наследниками того народа, язык и обычаи которого они сохранили и до настоящего времени. По-видимому, они не утратили независимости и в более позднюю эпоху, когда уже стали называться лапландцами, т.е., иначе говоря, когда ими началось заселение обширной области, расположенной к югу от побережья Ледовитого океана, по ту сторону гор, отделяющих Норвегию от Швеции, к берегам Ботнического залива. Несомненно, они имели своего собственного предводителя во время этого переселения на новые места, который в дальнейшем играл у них роль короля. Имея своего правителя, они еще долго сохраняли независимость, т.к. по соседству не было никого, кто пожелал бы вести войну с этой массой бедных племен, ведущих кочевой образ жизни среди девственных лесов, болот и вечных снегов. Об этом свидетельствует нам Павел Иовий в своей "Московии", приводя подобное высказанному мнению москвитов (русских) о лопарях: "Даже ближе других живущие к лопарям москвиты, которые с небольшими силами могли бы легко покорить их, считали

величайшей глупостью вести войну с этим убогим, лишенным самого необходимого, кочевым народом, т.к. это не принесло бы им ни пользы, ни славы".

Благодаря этому лопарский народ еще долго сохранял свою независимость. Первые попытки подчинить его своему влиянию сделал шведский король Магнус Ладулай, живший около 1277 г. Собственноручная запись Андрея Бурея, найденная мною в одной из его книг, гласит следующее: "Во времена Магнуса Ладулая (Ladulaos) лопари еще сохраняли независимость. Так как этот король не мог подчинить их власти шведской короны, то он предложил любому, кто отважится на это предприятие, взять эту страну в полное владение".

Правдоподобнее будет предположить, что король обратился с таким предложением к своим подданным не потому, что действительно не мог справиться с этим народом, а скорее потому, что не желал вести планомерную и дорогостоящую войну с племенами, преследование которых имело бы те же трудности, что и погоня за дикими зверями, убегающими в свои дебри, с другой же стороны, не мог допустить, чтобы рядом с его владениями и даже посередине (поскольку они населяли и побережье Ботнического залива) существовал народ, не подчиняющийся его королевской власти.

Этот призыв не остался без ответа, и ближайшие соседи лапландцев – биркарлийцы, привлеченные связанными с этим предприятием выгодами, взялись за дело и выполнили его с большим успехом. Особенно отличился при этом один смелый и предприимчивый биркарлиец, о котором, со слов пастора и настоятеля прихода в Питео, рассказывает некий Эрик, золотых дел мастер и почтенный гражданин города Лулео, а также упоминает и Андрея Бурея. Покорив лопарских старейшин, биркарлийцы уже без труда подчинили своей власти остальных лопарей до побережья Северного и Западного моря.

По-видимому, этому подвигу биркарлийцев предшествовали длительные военные действия против лопарей со стороны Швеции и короля Магнуса, которому, как видно из вышеупомянутых цитат, не удалось подчинить их своей власти. Именно это упорное сопротивление лопарей имел в виду и Циглер, писавший о них: "Этот упорнейший народ долго сохранял свою независимость, сражаясь против Швеции и Норвегии до тех пор, пока, наконец, не был вынужден подчиниться им".

Нам кажется, однако, что Циглер ошибался, приписывая это воинской доблести лопарей. Вернее предположить, что война велась шведами недостаточно энергично по тем же причинам, на которые указывали и москвиты, считавшие не стоящим и недостойным делом завоевывать этот совсем не воинственный народ. Это тем более вероятно, что, как видно, впоследствии один лишь приход биркарлийцев без особенного труда подчинил их своей влас-

ти. Таким образом, лопари были покорены усилиями частных лиц около 1277 года и через биркарлийцев стали подданными Шведского королевства. Были ли, однако, тогда же покорены и те лопарские племена, которые жили по ту сторону норвежских гор по океанскому побережью и назывались финнами, или лаппофиннами, представляется сомнительным, несмотря на то, что Бурей утверждает это. Несомненно лишь, что почин в деле покорения лопарей принадлежал шведам, их примеру вскоре последовали и другие соседние народы: часть Лапландии отошла к норвежцам, часть к москвитам (русским). В своем "Описании Норвегии" Петр Клауд пишет: "В наше время приморские финны подчиняются Норвегии, другие же племена, живущие в горной области, платят дань трем повелителям."

Как видно из грамот, данных шведским королем Карлом IX его посланнику при Датском королевском дворе, Швеции принадлежала издревле половина прав даже и на так называемых лаппофиннов, или приморских лопарей: "Легко доказать, что издревле шведской короне принадлежала половина прав, как в смысле дани, так и в отношении судебной власти, распоряжения рыболовством и прочими промыслами по отношению к жителям области, заключенной между Титисфиордом (Titisfioerden) и Валангером (Walanger)".

Область от Малангера (Malanger) до Варангера (Waranger) подчинялась власти трех государств – Шведского, Норвежского и Московского до 1595 года, когда москвиты по договору уступили свою часть Швеции. Вся остальная часть Лапландии, как горные области, так и расположенные к югу, издавна, со времен короля Магнуса Ладулая, т.е. около 400 лет, со всем своим населением принадлежат Швеции.

Первоначально зависимость лопарей от Швеции выражалась в том, что они платили дань биркарлийцам, которые имели исключительное право торговли с ними на основании эдикта короля Магнуса Ладулая. В знак верно-

подданических чувств биркарлийцы ежегодно посылали шведскому королю определенное количество мехов. "Биркарлийцы, – читаем мы в рукописи Иоанна Бурея, – исходатайствовали себе грамоту от короля, на основании которой им передавались все права на лопарей, живших тогда близ Ботнического залива, право собирать с них дань, распоряжаться рыбными промыслами, вести с ними торговлю с тем, однако, чтобы королю ежегодно доставлялось определенное количество шкурок серебристой белки". В таком же духе звучат и слова Олафа Магнуса: "Правителей своих они называют (bergchaga), т.е. мужи гор, относятся к ним с большим почтением и приносят им в дар драгоценные меха, разные сорта рыб и т.п., отчасти в виде дани шведскому королю, отчасти же как приношение им самим". Эти bergchaga, конечно, те же биркарлийцы. О них же говорит и Циглер: "Начальника они избирают сами и называют его королем, хотя полномочие на управление ими он получает от шведского короля. Внешним признаком его сана является красная одежда".

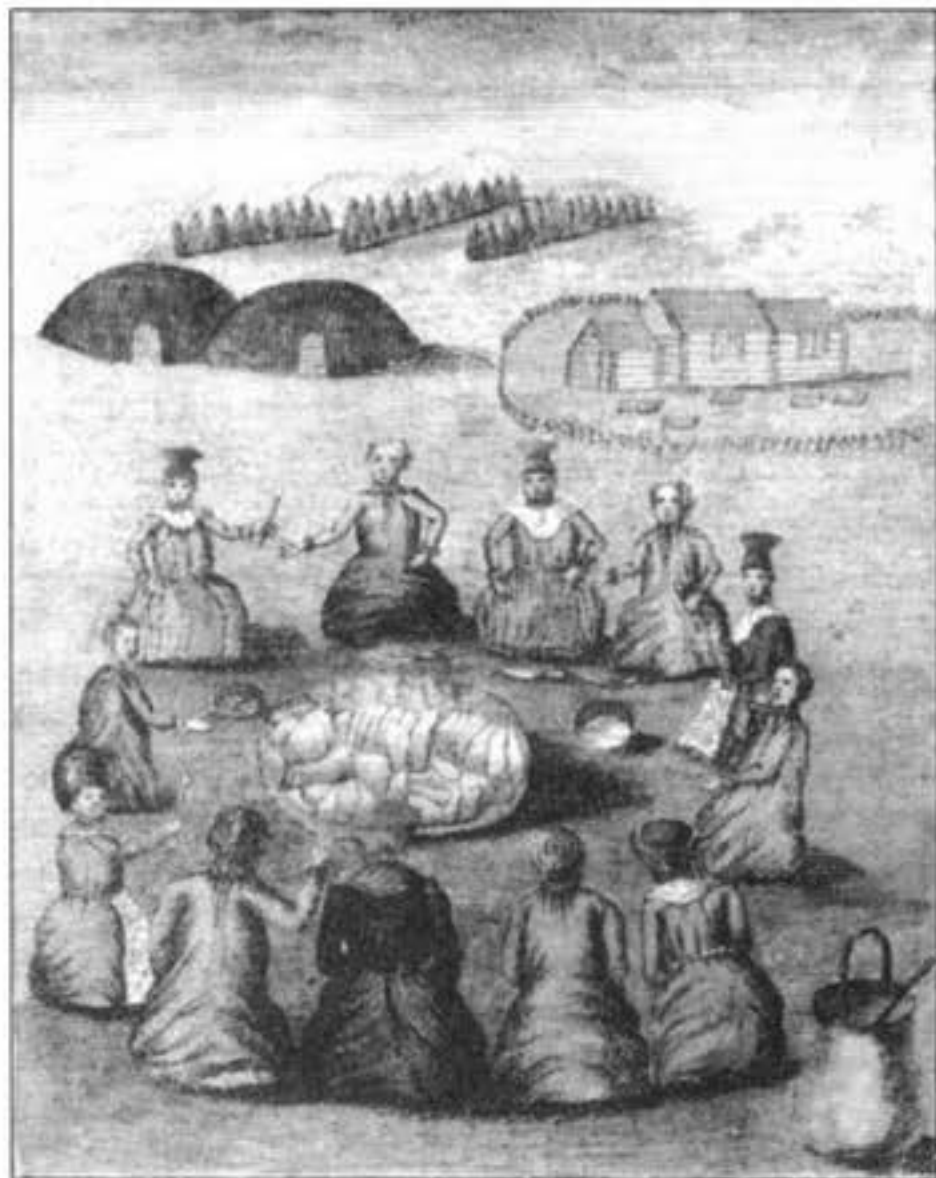
Этим начальником был, конечно, один из биркарлийцев, пользовавшийся среди них значительным влиянием и осуществлявший свою власть над лопарским народом. Сперва, когда еще лопари жили около Ботнического залива, он был единственным, потом же по мере дальнейшего расселения их, когда Лапландия была разбита на области, таких начальников стало несколько, по одному в каждой из них.

Такой вывод невольно напрашивается при чтении послания короля Густава I к лопарям, в котором говорится о лулеоских, питеоских и торнеоских биркарлийцах, следовательно, во главе каждой из этих провинций стоял биркарлиец, которого лопари называли королем и который в знак своей власти над ними носил пурпурную одежду.

Начальники эти, по-видимому, всенародно избирались лопарями, затем утверждались в своей должности шведским королем и становились как бы вассалами его, что видно из вышеприведенных слов Бурея и Циглера.

Кто же были эти биркарлийцы, силами которых Лапландия была подчинена власти шведских королей? Иоанн Бурей, называющий их по-шведски *birkarlarna* говорит, что это были жители прихода Биркала (*Birkala*). Олаф Магнус, называя их *bergechara*, переводит это наименование как "мужи гор", (от слов *berg* – гора и *charar*, или *karar* – муж). Но смысл такого термина отнюдь неясен. Непонятно, о каких горах может быть речь, т.к. это не относится к Норвежским горам, никем не заселенным в ту эпоху, а других гор, от которых люди могли получить такое название, там

не было. Кроме того, биркарлийцы были подданными шведского короля и проникли в Лапландию из Швеции.

В старинном послании шведского канцлера Конута Иогансона, относящемся к 1318 г., биркарлийцы названы *birkarlaboa*: "В народном собрании в Тельге, на котором присутствовали с одной стороны гельсинги, с другой – *birkarlaloo*, заключено было следующее соглашение: не чинить препятствий в охоте и промыслах лесному кочевому народу, попросту называемому *lappa* (лопари), не мешать также в этом и вышеупомянутым *birkarlaboa*, когда они проникают в лопарские области". Из этой цитаты не видно, чтобы биркарлийцы были горными жителями, как того хочется Олафу Магнусу. Происхождение их из прихода Биркала кажется нам гораздо более правдоподобным тем более, что Олаф Петерсон Ниурений упоминает о существовании такого прихода в Тавастии, где он действительно нанесен даже на современные нам географические карты.

Что же касается того, что в вышеприведенном послании Густава I говорится о лулеоских, питеоских и торнеоских биркарлийцах, то это объясняется тем, что они расселились по этим областям по мере дальнейшего распространения их владычества над лопарями в связи с принадлежавшим им исключительным правом торговли с ними. Ниурений прямо называет их купцами: "Жители

Ботнии, в особенности те, которых зовут биркарлийцами, покупают все необходимое для лопарей у приезжающих морем купцов, а зимой, когда озера и реки покрываются льдом, перевозят свои товары в Лапландию". Здесь биркарлийцами названы не только жители Тавастского прихода Биркала, а также и все вообще жители Ботнии, вероятно, потому, что биркарлийцы постепенно расселились по всем городам и округам, осуществляя свои права, дарованные им королем Магнусом Ладулаем, и следя за тем, чтобы никто другой не нарушал их привилегий. В таком исключительном положении они находились до царствования Густава I, который заключил с ними подписанный в Упсале 1 апреля 1528 года договор "О дани, следуемой ежегодно королевской казне с тех, кто пользуется правами на извлечение выгод и прибылей с лопарей".

Под этими выгодами и прибылями подразумевались именно те права, наследственно передававшиеся среди биркарлийцев от отцов к детям, на дань с лопарей и торговлю с ними, которые были дарованы им Магнусом Ладулаем. Вышеупомянутый договор подтверждал древние права биркарлийцев, но при условии увеличения вдвое дани, вносимой ими в королевскую казну, с чем биркарлийцы категорически не согласились.

Так кончилось владычество биркарлийцев, властвовавших над лопарями в качестве начальников отдельных провинций Лапландии и привыкших получать от них королевские почести. Вместо них король Густав I послал своих наместников для сбора дани и управления страной именем короля. Они получили у шведов лопарских старост (*Lappfouger*), сами же лопари звали их *Kopunga olmai*, т.е. королевскими людьми. Упоминание о них впервые встречается в послании короля Густава I к первому лопарскому священнику, достопочтенному Михаилу: "Предписываем всем находящимся в Лапландии, – говорится в этой грамоте, – как лопарским старостам, так и всем прочим".

Вначале, по-видимому, они были единственными представителями королевской власти в Лапландии, осуществлявшими не только сбор податей, но также и административные и судебные функции, но впоследствии, с разделением Лапландии на отдельные области при Карле IX и дальнейшим укреплением государственного строя, число их увеличилось, они получили помощников, из которых одни должны были ведать разбором судебных дел, другие – прочими отраслями управления. Постепенно эти должности приблизились к тому виду, какой они имеют в настоящее время.

Высшей властью после королевской в Лапландии является лицо сенаторского сословия – провинциальный судья (по-шведски *Lagman*) со своим помощником (*Underlagman*), затем следуют референдарий (*Laglaesamt* – истолкователь законов) и некоторые другие лица судебного ведомства. За ними следуют начальники округов (провинций) (*Laundhoeftingh*) с лопарскими старостами (*Lappafongten*) и их служителями (*Landerman*), на которых лежат всевозможные обязанности по сбору податей, взысканию штрафов и пени, охране общественного порядка и безопасности и т.п.

Таково общественное устройство Лапландии, управляемой по шведским законам верховной властью короля, сохранившееся до нашего времени.

О СУДЕБНЫХ УСТАНОВЛЕНИЯХ И ПОДАТЯХ, ПЛАТИМЫХ ЛОПАРЯМИ

В предыдущей главе мы обрисовали государственное устройство Лапландии, организацию властей, управляющих лопарями, и теперь переходим к описанию того, что составляет главный объект их деятельности в этой стране, т.е. судебных установлений и податей.

В литературных памятниках мне удалось найти весьма скудный материал по этому вопросу. По-видимому, в эпоху независимости судебные дела между лопарями решались их собственными правителями или королями. Попав в зависимость от биркарлийцев, они долгое время подчинялись их юрисдикции. Циглер не нашел у них ни судов, ни судей: "За решением своих споров, — пишет он, — эти племена обращаются в Швецию". Я думаю, однако, что это могло относиться лишь к серьезным тяжбам, по которым биркарлийцы или не умели, или не смели вынести определенного решения.

Вообще говоря, таких дел бывало, вероятно, очень мало, так как такие тяжкие преступления, как кражи, грабежи, убийства, прелюбодеяния и т.п., представляют величайшую редкость среди лопарей; с другой стороны, они не занимаются ссудами под проценты, так как все живут, довольствуясь своим достатком, а все вышеупомянутое ведь и составляет главную массу дел, загромождающих суды в других странах.

Единственный вид правонарушений у них представляют их нечестивые занятия чародейством всякого рода которые уже издавна были запрещены законом и сурово карались. Такой вывод можно сделать из слов Олафа Магнуса: "Этот северный народ после принятия христианства никогда не занимается открыто своими магическими искусствами, запрещенными законом, и не смеет обучать им кого-либо другого под страхом смертной казни".

После того, как Густав, устранив биркарлийцев, подчинил лопарей непосредственно королевской власти и назначил к ним собственных наместников, судебные установления и разрешение тяжб были поставлены с большим знанием дела, с тщательностью и справедливостью. Но главную роль сыграл король Карл IX, больше других заботившийся о распространении на лопарей шведских законов и добивавшийся проникновения их в жизнь и быт лопарей. Это отчетливо звучит в инструкции, данной королем 10 октября 1610 года в Стокгольме лапландскому наместнику Ларсу Ларсону, которую мы здесь приводим: "Мы, Карл и т.д., повелеваем верноподданному народу нашему Ларсу Ларсону быть наместником над подданными нам лопарями в областях Умео, Питео и Лулео и править ими по законам Королевства Шведского, изложенным в печатном своде законов, который мы ему вручаем, дабы не было им никаких обид и притеснений".

В настоящее время в Лапландии имеется 3 судилища, во главе которых поставлено трое начальников, верша-

щих в них все дела, как об этом сообщает Иоанн Торней: "Вся Лапландия разделена на три судебных округа: Анундсиенский, или Ангерманландский, Умеооский, Питеоский и Лулеоский (вместе) и Торнеоский с Кемским. Во главе каждого стоит начальник, который именем короля, при участии судей и священников обязан чинить суд и расправу".

Здесь следует отметить привлечение к участию в судебных заседаниях священников, авторитет которых, думается мне, должен удерживать суд от каких-нибудь пристрастных и несправедливых решений. Старинные памятники не говорят, в какое время года заседал суд, и можно предположить, что судебные заседания были приурочены к ежегодным ярмаркам, на которые со всех сторон съезжались лопари для торговли и прочих дел. По декрету Карла IX суд должен был открываться дважды в год — зимой и летом, теперь же это происходит в январе и феврале, как сообщает Торней, притом именно в тех пунктах, определенных в каждом округе Лапландии, где устраиваются большие ярмарки.

Перейдем теперь к податям, уплачиваемым лопарями. В древности это были меха и шкуры диких зверей, которые вносились в казну не столько самими лопарями, сколько биркарлийцами в знак покорности этих последних шведскому королю.

Табличка, составленная Иоанном Буреом, говорит лишь о "naogra timber graoskin" — это беличьи шкурки серого цвета, какими они всегда бывают зимой, "timber" обозначает количество этих шкурок, а именно 40 шкурок, связанных вместе. Сколько таких связок обязаны были вносить биркарлийцы, Бурей не указывает. Зато в соглашении, заключенном между ними и Густавом I, говорится о восьми связках, т.е. о 320 беличьих шкурках и еще о 2 шкурках куниц: "Лулеоские и питеоские биркарлийцы в прежние времена платили дань королевской казне не свыше восьми связок беличьих шкурок, которые они называли timber и еще двух шкурок куниц, подобным же образом и торнеоские биркарлийцы добывали это от находящихся в зависимости от них лопарей".

Об этом виде податей упоминает Циглер, говоря: "Лопарский народ уплачивает дань драгоценными мехами". Так обстояло дело и позже, до царствования Густава I, который увеличил это количество вдвое, как видно из текста договора, заключенного им с биркарлийцами: "Лулеоские и питеоские биркарлийцы будут впредь давать ежегодно 16 связок беличьих шкурок, называемых ими timber, и 4 куны шкурки, точно так же и торнеоские биркарлийцы, чтобы общее количество составляло 37 связок беличьих и 8 куньих шкурок". Этот договор был подписан в 1528 году, с которого и началось удвоенное поступление дани.

После того, как биркарлийцы были лишены своих прав на лопарей и эти последние попали в непосредственную зависимость от королевской власти, дань эта стала взиматься с лопарей королевскими наместниками. В результате этого с течением времени в характере ее произошли некоторые изменения. Так, в 1602 году последовало распоряжение вместо беличьих шкурок взимать с лопарей дань оленями и рыбой, а именно брать каждого десятого оленя и десятую часть по весу сушеной рыбы.

Как видно из текста этого рескрипта, данного королем Карлом IX в Стокгольме 21 июля 1602 года лапландским наместникам Олафу Бурману и Гиндрику Бенгтсону, это было сделано с тем, чтобы подданные наши в Лапландии, которые до сей поры не имели точного закона о причитающихся с них королевской казне податях, впредь знали и могли рассчитать, сколько каждый из них должен уплатить дани". По-видимому, до этого распоряжения наместники требовали от лопарей то меха, то шкурки, то еще что-нибудь другое, что в данный момент могло быть более полезным казне. Вследствие этого тяжесть налогов усиливалась и создавалась возможность для широчайших злоупотреблений со стороны наместников, т.к. ничего не понимающие лопари не могли даже знать, что они обязаны давать, а чего с них не имеют права требовать.

Рескрипт, данный вышеупомянутым префектам, устанавливал в этом отношении полную определенность: "Впредь брать с лопарей каждого десятого оленя и десятую часть по весу сушеной рыбы, которую они заготавливают впрок, дабы эти олени и рыба были отныне их постоянной ежегодной данью и сверх того ничего бы с них больше не взималось – ни мехов, ни шкур и ничего другого под строжайшим запретом". Однако и эта дань недолго удержалась, так как была очень тяжела для лопарей, не-

померно опустошая их стада, и через четыре года, т.е. с 1606 года, была заменена другою: "С каждого заливночного лопаря, достигшего 17 лет от роду, брать или двух самцов оленей, или трех самок, или 8 пудов (*pondo major*) сушеной рыбы, а также каждого десятого двухгодовалого теленка и десятую часть улова рыбы". В том же году была установлена подобная же дань и с биркарлийцев, являющихся на лопарские ярмарки: "Десятая часть шкурок и рыбы", а с имеющих оленьи стада – "еще и десятую часть оленей".

Эта дань долго удерживалась и была подтверждена Карлом IX еще и в 1610 году. В наше время подати лопарей состоят из денег, оленей и мехов. Величина подати зависит от качества и величины земельного участка, на котором они кочуют; владельцы лучших и обширнейших называются *een heelskatt*, т.е. полноценные, платящие полный оклад подати; похуже – *een half skatt* – половина подати и т.д.

Лопари, принадлежащие к первой группе, обязаны ежегодно вносить в казну два имперIALа (*nimmos imperiales*), называемые иначе *skattadahler* (податные талеры), принадлежащие ко второй – один имперIAL.

Так как, однако, нередко бывает, что у лопарей нет денег, то взамен денежных взносов они уплачивают дань мехами или рыбой. Меха, обыкновенно лисьи или беличьи. 50 таких мехов считаются равноценными имперИАЛУ, одна шкурка – паре лопарской обуви. Рыба обыкновенно бывает сушеная, два пуда ее также соответствует имперИАЛУ. Правда, при этом к обычному весу накидывается еще по 5 фунтов на пуд, так как почти настолько они теряют в весе при дальнейшем высыхании. Такую меру веса лопари называют *skattpund*, т.е. пуд, уплачиваемый в подати.

Из оленей уплачивают десятину не по отдельным семьям, а с целой округи (pagus). Часто восхвалявшийся мною автор анонимной рукописи пишет по этому поводу: "Они уплачивают десятую часть оленьих стад, причем каждый олень оценивается в три серебряных талера. Эту десятину вносят не по отдельным семьям, а со всей округи по определенной разверстке. Указание на цену оленя имеет тот смысл, что по желанию дань натурой может быть заменена денежным взносом". Третий вид подати представляют меха. Каждый глава семьи должен внести или одну шкурку песца или пару лопарской обуви или, если у него нет этого, пол пуда щуки.

Таковы подати, ежегодно платимые лопарями королевской казне; часть их, однако, по милостивому соизволению короля поступает на содержание священников, живущих среди лопарей, как уже было сказано выше.

Ввиду того, что лопари рассеяны по громадному пространству до самых берегов Ледовитого океана и полученную с них дань приходится вести далеко в те места, где она собирается королевскими чиновниками, давно постановлено, чтобы к обычной дани каждый из них добавлял еще пару лыж, называемых в этом случае Наха ра́са, т.е. ценою провоза, как бы в возмещение расходов по перевозке дани.

Чиновники, собирающие дань с лопарей, называются по-шведски Lappfougdar, т.е. лопарскими старостами. Должность эта была учреждена Густавом I после отстранения им биркарлийцев от монопольной власти над лопарями, как было уже сказано выше. Упоминание об этой должности встречается в уже приведенном нами в начале этой главы рескрипте, данном Карлом IX в 1602 г. Олафу Бурману и Гиндрику Бенгтсону и позднее в 1610 г. Ларсу Ларсону. В нем говорится: "А также поручаем им собирать дань с лопарей по всем вышеупомянутым округам Лапландии согласно нормам, указанным нами в статуте 1606 г."

Мы описали здесь подати, уплачиваемые лопарями в шведскую королевскую казну, но некоторые лопари платят дань еще и датскому королю и великому князю Московскому. Это не значит, что они считают себя подданными всех трех государей, но вызывается тем, что, ведя кочевой образ жизни, они часто пользуются территориями, принадлежащими этим монархам.

Торней пишет об этом следующее: "Подвластные Швеции лопари не ограничиваются упомянутой данью шведскому королю, но принуждены иногда платить ее двум, а то и трем государям. Это происходит не потому, что всех трех они считают своими повелителями и одинаково подчиняются их власти, но потому, что они пользуются правом свободной охоты и рыбной ловли на принадлежащих им территориях. К числу таких относятся почти все лопари Торнеоского прихода, живущие по ту сторону гор, так как летом из-за сильной жары на их возвышенностях им приходится сгонять свои стада в долины и к морскому побережью, где они попутно занимаются и рыболовством. За это они платят дань датскому королю, но лишь в половинном размере по сравнению с той, которая уплачивается ими шведской короне".

Эти приходы, расположенные за горами, носят название Коутокейне (Koutokeine), Ауюра (Aujouga), Тено (Тено) и Утцийоки (Utzijocki), как видно из предшествующих строк его сочинения. В подобном же положении

оказываются кемские лопари, живущие в приходе Эйнаре (Enare), так как им приходится постоянно охотиться и заниматься рыбной ловлей в землях, принадлежащих частью датскому королю, частью Великому князю Московскому. Поэтому и они вынуждены платить дань не только шведскому королю, но и этим двум государям; датскому королю они платят половину, а Великому князю Московскому четверть того, что вносится ими в шведскую казну.

В прежнее время дань собиралась с лопарей королевскими старостами в любое время и повсюду, где им заблагорассудится. Позднее они стали собираться для этого в определенные места, большей частью зимою. "Зимой, — говорит Самуил Реен, — когда обыкновенно наступает время сбора податей, они целыми ордами собираются в определенные места в назначенное время. В каждом округе были такие сборные пункты. Так обстояло дело, пока не были установлены определенные места, где находились склады и велась торговля, а впоследствии стали устраиваться также и торжественные ярмарки. Постепенно к моменту их и была приурочена уплата лопарями и своих податей королевским чиновникам, что продолжается и до нашего времени. Лопари вносят свою дань во время больших ярмарок, на которые для сбора податей приезжает обыкновенно королевский чиновник".

В какое время года это бывает и как происходят эти ярмарки, мы увидим в следующей главе.

Глава XIV

О ЯРМАРКАХ И ТОРГОВЛЕ

области общественных установлений относится также организация торговых сношений с соседними народами, о которой мы теперь поговорим в этой главе. Какова была их форма в древние времена, нам в точности неизвестно. Павел Иовий рассказывает, что приезжие купцы раскладывали на берегу свои товары, предназначавшиеся для продажи, и сами затем уходили. Лопари брали из них то, что им нравилось, и оставляли взамен меха, производя самым добросовестным образом обмен каждой взятой ими вещи без каких бы-то ни было переговоров или торга с продающими.

Я приведу подлинные слова Иовия: "Лопари обменивают на разные товары белоснежные меха горноста, избегая при этом не только переговоров, но даже и встречи с торгующими. Это достигается тем, что поочередно каждая сторона раскладывает свои товары, а затем в отсутствии продающих лопари сами честнейшим образом совершают мену".

В объяснение такой странной боязни встречи с посторонними людьми он приводит их застенчивость и дикость: "Народ этот дик и застенчив до невероятности, пуглив и подозрителен. Они бегут от следов иноземного пришельца или даже вида его корабля".

Циглер объясняет это иначе. Он говорит, что лопари совершают мену без всяких переговоров вследствие незнания языка других народов: "Меновую или денежную торговлю они ведут знаками (кивками), выражая ими только свое согласие или несогласие, и делают это вовсе не по умышленному убожеству или грубости нравов, а вследствие того, что язык их отличается значительно от языка их соседей и незнаком этим последним". К этому объяснению Циглера присоединяется и Гербертштейн: "Им неизвестно применение золотых или серебряных денег, они ведут меновую торговлю и кажутся немymi посторонним людям вследствие незнания других языков, кроме своего собственного". Подобным же образом рисует торговые сношения с лопарями Дамиан Гоен: "Торговля происходит путем мены, молча, без всяких переговоров, которые заменяются жестами и знаками, по причине варварского характера их грубого языка".

Возвращаясь к торговле лопарей, мы видим, что по единодушному мнению старинных авторов им была известна лишь меновая торговля, т.к. в древние времена не только у них, но и у соседних народов почти не было денежного обращения. Примером этого может служить древняя Швеция, в которой совершенно не было серебряной монеты, кроме привозимой из Англии или Шотландии, т.к. чеканка монеты не была еще известна шведам в ту отдаленную эпоху.

Тем менее удивительно, что и лопари не знали денег. В таком же положении оставалось дело и в период влас-

ти над лопарями биркарлийцев, также предпочитавших вести с ними меновую торговлю. Даже еще позднее, вплоть до нашего времени, лопари не научились различать деньги и знают только империалы и полуимпериалы, которыми уплачиваются подати. Иоанн Торней пишет по этому поводу: "Лопарь не знает и не принимает иной монеты, кроме империала или полуимпериала; все прочие виды денег – медные ли, серебряные, или золотые – не имеют в его глазах никакой цены". Из этого ясно, что денежное обращение началось в Лапландии сравнительно совсем недавно, т.к. империалы появились в Швеции лишь после открытия Иохимсдальских копей.

"Лопари не знают других денег, кроме империалов, – пишет Самуил Реен. – Каждый империал они ценят в две унции серебра". Из этого следует еще и то, что ценность монеты в глазах лопарей исчерпывается весом заключенного в ней металла.

Все это вместе взятое подкрепляет высказанное нами мнение о позднем появлении денег в торговом обиходе лопарского народа и незначительной роли их в нем до настоящего времени. Даже и теперь они совсем не стремятся к приобретению и накоплению денег в количестве, превышающем то, которое необходимо им для уплаты податей, а предпочитают выменивать свои товары непосредственно на нужные им предметы. К денежной уплате они прибегают только в редких случаях, когда среди товаров заезжих купцов или самих лопарей оказываются какие-нибудь очень редкие или ценные предметы. Торговые сделки в наше время заключаются уже не при помощи жестов и знаков, а словесно, т.к. многие лопари говорят на языках соседних народов, или же при содействии переводчика.

Этими соседними народами, с которыми лопарям приходится иметь дело, являются, с одной стороны, шведы и норвежцы, с другой – финны и московиты, или русские. С этими же народностями они вели торговлю и в древности, за исключением того периода времени, когда биркарлийцы пытались монополизировать в своих руках всю торговлю с лопарями, что им удалось, конечно, лишь относительно лопарей, живших поблизости от Швеции.

Основываясь на привилегиях, дарованных им королем Маркусом Ладулаем, они долгое время отстраняли от выгод торговли с лопарями всех прочих до тех пор, пока Густав I не отнял у них наследственно передававшиеся из рода в род преимущества, как уже было сказано выше.

Несомненно, биркарлийцы извлекали значительные прибыли из этой торговли, предметом которой были, главным образом, ценные меха, объезжая всю Лапландию со своими товарами и пользуясь своим исключительным положением. Даже потеря наследственных привилегий и власти над лопарями в царствование Густава I не сразу ли-

шила их преимущественного положения в Лапландии, т.к. еще долго они с успехом пользовались своим близким знакомством с этой страной и ее особенностями. Лишь в 1602 году был положен конец этой торговле указом короля Карла IX, который запрещал биркарлийцам и другим купцам разъезды по Лапландии, оставляя право на покупку мехов за одной королевской казной, устанавливая при этом твердые цены на разные сорта мехов и на те товары, которые предлагались лопарям в обмен за них.

Подлинные слова указа гласят следующее: "Поручаем лопарским старостам скупать в нашу пользу все проданные меха, согласно нашего устава и по установленной нами росписи цен".

В 1610 году это постановление было еще раз подтверждено королем, и лишь лосиные шкуры были впредь выделены особо, как подлежащие безденежному обращению в пользу королевской казны: "Лопари обязуются доставлять нашему старосте, действующему от нашего имени, все продажные меха по установленной нами цене. Шкуры же лосей, которые будут пойманы в Лапландии, безнадежно должны быть обращаемы в нашу пользу. Охотник, убивший этого зверя, может получить его мясо, шкура же принадлежит короне".

В наше время торговля в Лапландии не так стеснена и свободно ведется также и частными лицами. Так, например, лопари, живущие в горах, отделяющих Швецию от Норвегии, ведут торговые сношения и со шведами и с норвежцами, жители северо-восточной части Лапландии – с финнами и русскими.

Перейдем теперь в описанию товаров, составляющих предмет меновой торговли лопарей. Иовий упоминает о "белоснежных мехах горностаев", Циглер – о рыбе: "Улов рыбы часто бывает настолько велик, что рыбой набивают бочки и вывозят ее в Северную Ботнию и в русское Беломорье (*Russia alba*).

Однако этим далеко не исчерпывается перечень лопарских богатств, Олаф Магнус с большим основанием

говорит о "ценных мехах", не ограничивая это определение одними горностаевыми мехами, а Самуил Реен дает подробный перечень лопарских товаров: "Лопари торгуют оленями, оленьими шкурами, мехами чернобурых, рыжих, голубых и белых лисиц (песцов), выдр, куниц, росомах, рысей, бобров, белок, волков, медведей, лопарскими малицами (*togae lapponicae*), оленьими сапогами, рукавицами, набедренниками, оленьим сыром и т.п." Эти товары лопари охотно обменивают на серебро, имперялы, шерстяные и полотняные ткани, медь, чугун (*aurichalcum*), соль, муку, кожу, серу, ножи, водку (*spiritus vini*) и, наконец, удивительнее всего, на табак, к которому они имеют немалое пристрастие.

Установленные королем Карлом IX твердые цены на все эти товары для регулирования меновой торговли удержались и до настоящего времени, исходя из положенной в основу этой расценки единицы – имперяла, который лопари считают равноценным двум унциям серебра, они и поныне производят оценку своих товаров как в сделках с посторонними купцами, так и между собой.

Так, например:

обыкновенные олени расцениваются у них по два имперяла или четыре унции серебра за голову;

шкура дикого оленя – полтора имперяла или три унции серебра;

шкура домашнего оленя-самца – один имперял, охолощенного три четверти имперяла;

шкура важенки – пол-имперяла;

шкурки обыкновенной лисицы – один имперял;

сорок шкурок так называемых *timber*, серых белок – один имперял;

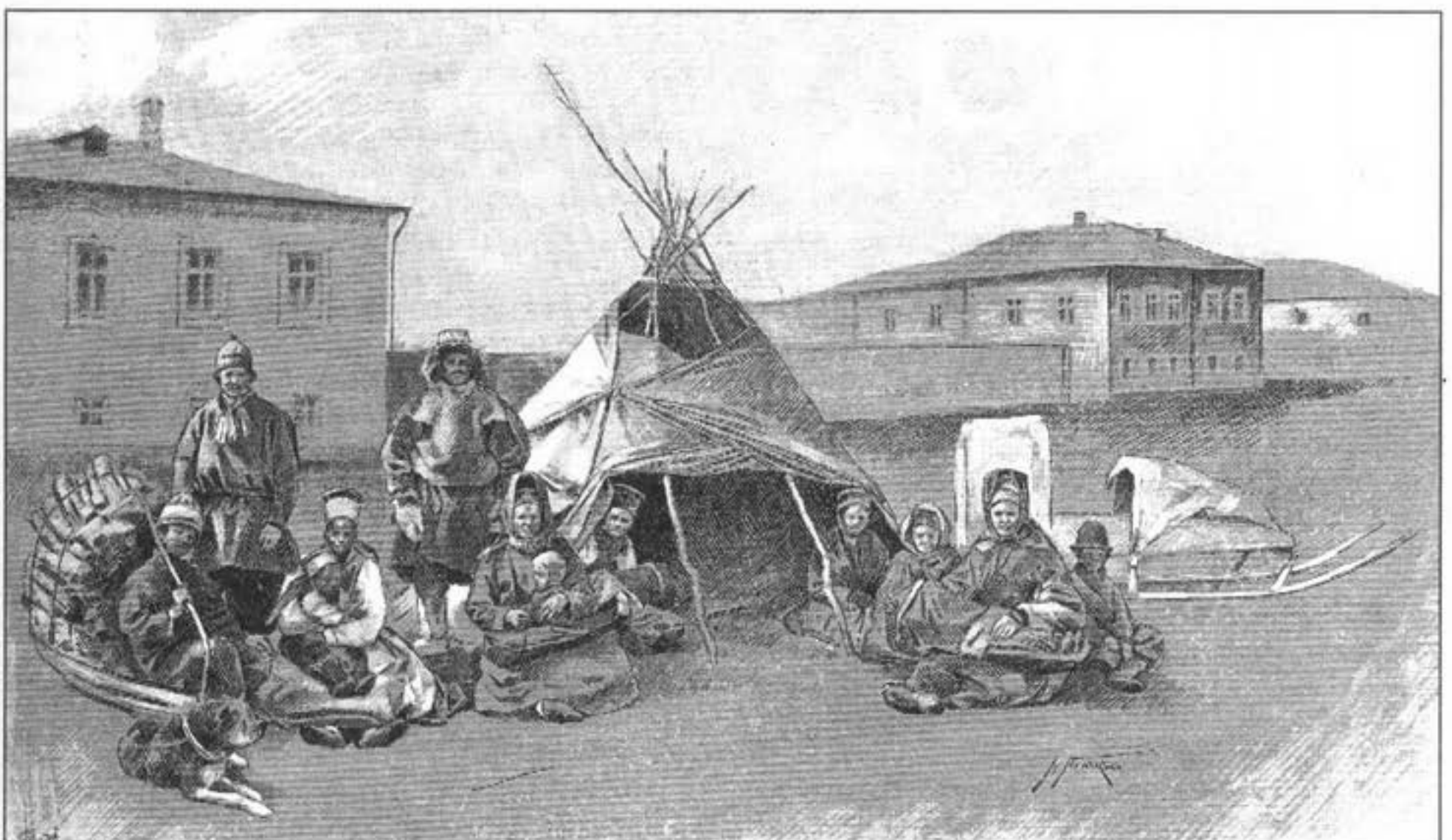
три шкурки песца – один имперял;

медвежья шкура – два имперяла;

волчья – также два;

лопарская малица, называемая ими *mudd*, – три имперяла;

пара лопарских набедренников – пол-имперяла.

Подобным же образом расцениваются и ввозимые в Лапландию товары:

аршин (локоть) шерстяной материи, известной в продаже под названием силезской или тангерминденской, стоит один империаля;

три фунта меди тоже один империаля;

тонна муки – два с половиной империаля;

два фунта соли – пол-империаля;

десять аршинов грубого, так называемого, домотканого полотна – один империаля;

четверть водки – пол-империаля.

Более дешевые товары расцениваются, исходя из стоимости одной, двух, трех и т.д. беличьих шкурок, цена в десять шкурок называется у лопарей *artog* и приравнивается к четверти империаля.

Все перечисленные выше товары составляют предмет меновой торговли лопарей со шведами. В Норвегии они выменивают одеяла из оленьих шкур или дубленые кожи, живых оленей, оленьи сыры, птичий пух, приобретенную у шведов медную посуду, дешевые полотна, вытканые шведскими крестьянами, и взамен этого получают коров, молоком которых питаются летом, убивая их зимой на мясо, коз, овец, из шерсти которых делают себе теплые одеяла, серебро, меха чернобурых лисиц, выдр, шерстяную одежду, рыбу, которую, в свою очередь, перепродают шведам и т.п.

Иоанн Торней кратко перечисляет все это: "Лопари ведут торговлю с норвежцами и жителями Ботнии, подданными Шведского королевства. Они покупают у них шерстяные и полотняные ткани, лен, коноплю, муку, хлеб, овес, железные изделия и всякие орудия".

Но главным образом, по словам Самуила Реена, в Норвегии они покупают животных, предназначенных для принесения в жертву идолам: "В первую очередь лопари покупают в Норвегии животных, которых осенью приносят в жертву богам".

Происходила ли в старину эта меновая торговля в определенных местах и в какое-нибудь определенное время года, неизвестно. Олаф Магнус, по-видимому, склонен утверждать это: "Они собираются для торговых сделок на равнинах или покрытых льдом болотах, устраивая там ярмарки, где выставляются все продукты их хозяйственной деятельности и те предметы, которыми они желают обменяться".

Однако более точных указаний на место и время этих сходбищ мы у него не находим. Лишь указ короля Карла IX от 1606 г. впервые установил в этом отношении определенный порядок: "Понеже запретили мы биркарлийцам вести торговлю в Лапландии, разъезжая по всей стране со своими товарами. А посему, повелеваем, чтобы в каждой Лаппмаркии (округе) учреждены были ярмарки, по две в году – зимою и летом – в наиболее подходящее время. Нашим лопарским старостам поручаем выбрать для ярмарок наиболее удобные места и установить время их открытия, сообразуясь с тем, чтобы это соответствовало интересам как самих лопарей, так и биркарлийцев и московитов, которые пожелали бы принять в них участие. Повелеваем, чтобы ярмарки эти были открыты в течение 2 или 3 недель, а также чтобы лопарские старосты озаботились постройкой там ларей и лавок для удобства торгующих".

Тон этого указа дает основание предполагать, что ничего подобного не существовало еще в Лапландии,

вследствие чего король и не указывает точно времени и места ярмарок, предоставляя разработку дальнейших деталей лопарским старостам.

Из приводимых нами ниже слов Андрея Бурея, мы видим, что королевский указ был вскоре приведен в жизнь: "Зимой, во время сбора с лопарей податей, они собираются толпами в определенные места, куда к этому времени приезжают также со своими товарами купцы, названные нами биркарлийцами". Хотя и этот автор не сообщает нам особых подробностей о ходе этих ежегодных торжищ, но есть основание подозревать, что в первое время они не имели того успеха, на который рассчитывали их учредители.

Королева Христина, продолжавшая заботиться об организации этих ярмарок, точно определила место и время их в одном сохранившемся до нашего времени указе, относящемся к 1640 г. "Настоящим указом нашим повелеваем быть двум торжественным ярмаркам, первой в Арфвисярви, в день св. Павла, т.е. 25 января, второй в Ариеплоге, в день Сретения Господня, т.е. 2 февраля; ярмаркам этим быть ежегодно в течение трех дней, в каковое время всем жителям Питеоской провинции с лопарями позволяем вести торг невозбранно, и быть тем ярмаркам с будущего 1641 года". С этого времени ярмарки начали развиваться успешнее, число их увеличилось и население Лапландии охотнее стало посещать их.

"Во всех округах Лапландии (в Лаппмаркиях), – пишет Самуил Реен, – в определенных местах, в установленные дни устраиваются ярмарки: в Умеоской Лаппмаркии – в Крещение, в Лулеоской – в день обращения св. Павла, в Питеоской, Торнеоской и Кемской – в Сретение Господне".

Как видно из этой цитаты, ярмарки в этих округах приурочены как раз к тем самым дням, которые были назначены указом королевы Христины, исключая лишь Умеоскую Лаппмаркию, в которой, как расположенной ближе к Швеции, ярмарки ведут свое начало еще со времен Карла IX. Торговля с Норвегией ведется на двух ярмарках, летней – в Иванов день и осенней – в День Всех Святых (1 ноября). "Лопари, живущие в горных областях, ведут торговлю с Норвегией, для чего устраиваются две знаменитые ярмарки: одна – в Иванов день, известная у них под названием *Hansmaessa*, другая – в день Симона Иуды, в День Всех Святых".

В торговых сделках, как отмечал еще Иовий, лопари отличаются честностью и добросовестностью. То же подтверждает и Олаф Магнус. Дамиан Гоен говорит о большой ловкости лопарей и умении вести торговые дела. Но Самуил Реен держится иного мнения: "В торговых делах лопари такие ловкачи и обманщики, что всякий, не знакомый еще с их уловками, становится жертвой их мошеннических проделок".

Мне кажется, что объяснить это противоречие нетрудно. Пока чужестранцы вели с лопарями дела по чести и совести, они видели и с их стороны честное отношение. Ставши впоследствии жертвами обмана, лопари из боязни вновь быть обманутыми сами пустились на всякие ухищрения и научились обманывать других. В главе о природных достоинствах лопарей мы уже достаточно говорили на эту тему.

Заканчивая на этом главу о ярмарках и торговле, мы переходим к следующей.

О ЛОПАРСКОМ ЯЗЫКЕ

предыдущей главе мы говорили, что лопарский язык значительно отличается от языков соседних с ними народов. Теперь мы постараемся выяснить его характерные особенности. Еще Циглер писал, что язык лопарей своеобразен и непонятен их соседям. Дамиан Гоен называл его варварским и грубым, а некоторые современные нам писатели утверждают, что он представляет собою смесь из наречий живущих по соседству с лопарями народностей.

"Лопарский язык, – пишет Торней, – многое заимствовал из других языков; некоторые даже думают, что поэтому он и назван лопарским, eet lappatsprock (лопочущий. – Прим. пер.).

"Лопарский язык, по-видимому, состоит из смеси многих языков", – говорит по этому поводу Самуил Реен. В доказательство этого он приводит целый ряд финских слов, некоторые шведские выражения, как, например, stoug (по-шведски stoog), salug (по-шведски saligh) и даже кое-какие латинские, как rogeus, ogieus и т.п.

Тем не менее, все признают, что, несмотря на ряд заимствований, он заключает в себе немало слов, выражений и сочетаний, которые представляются вполне своеобразными и не встречаются в других языках. По мнению других ученых, лопарский язык произошел от финского. Даже и те авторы, которые не разделяют этого взгляда, единогласно признают, что в лопарском языке есть множество финских слов и выражений.

Еще Мюнстер в своей "Космографии" писал: "Финский язык в том его виде, в каком он существует в центральной части Финляндии, не имеет ничего общего ни со шведским, ни с русским языком, но родствен языку лопарских племен, живущих на Крайнем Севере". "Лопарский язык имеет ближайшее родство с финским языком", – замечает Самуил Реен. А Захарий Плантин в предисловии к рукописному словарю лопарского языка говорит следующее: "Оба языка – лопарский и финский – очень близки друг к другу, что подтверждается целым рядом корней и слов. Тому, кто хорошо знаком с обоими языками, не представляет труда доказать это".

Вышесказанное здесь мнение относительно происхождения лопарского языка представляется мне наиболее справедливым и веским. Чтобы не оставалось ни малейшего сомнения в истинности вышесказанного, я привожу здесь ряд наиболее употребительных финских и лопарских слов сопоставляя их между собой.

Эти примеры с достаточной убедительностью доказывают правильность взгляда о близком родстве обоих языков.

Так как при этом все приведенные здесь слова служат для обозначения самых насущнейших предметов и понятий, данных как бы самой природой и бывших в повседневном обиходе лопарского народа с самых первых

дней его существования, то и сам я склоняюсь к тому мнению, что лопарский язык не представлял никогда какого-то особого самостоятельного языка, коренным образом отличающегося от финского, а является лишь его ветвью. Ни один народ не пользовался для обозначения этих первичных основных понятий словами, заимствованными из другого языка; заимствования относятся всегда лишь к предметам чуждого происхождения, принесенным извне и постепенно вошедшим в обиход данного народа. Исчерпывающие примеры этого мы можем привести из языков древних германцев и галлов, а также из испанского, латинского, греческого и т.п. Очень уместно вспомнить здесь уже высказанный нами взгляд о происхождении лопарей от финнов. Каким же другим языком, кроме унаследованного от предков, должен был говорить этот народ? Вексионий приводит указание на общность языков этих двух народов, как на доказательство общности их происхождения.

"Язык лопарей, – говорит Вексионий, – убедительно доказывает, что лопари – выходцы из Финляндии".

Бог по-лопарски – Jubmel или Jmmel,
по-фински – Jumala
и соответственно:

Огонь	tolle	tuli
День	paiwe	paiwa
Ночь	ii	joe
Река	ocke	jocke
Озеро	jaur	jarwi
Лед	jenga	jacae
Гора	warra	wuori
Лес	medz	medza
Глаз	sibmai	silmai
Нос	niuna	nенае
Рука	ketawerth	kasiwersi
Нога	ialk	ialka
Сыр	jost	junsto
Набедренники	sappad	saapas
Хижина	kamath	kamdett
Стрела	niaola	nuoli
Война	tziaod	sotae
Король	konnagas	cunongas
Отец	atkia	aja
Мать	am	ama
Брат	welje	weli
Невестка	morswi	morslan
Собака	piednax	peinika
Белка	orre	orawa
Птица	lodo	linfa
Рыба	gwaelie	cala
Сосна	guaosa	cuusi

Для него одно непосредственно вытекает из другого, сходство языка является естественным последствием происхождения от общего корня.

Мне могут возразить, что мнение тех ученых, которые считают лопарский язык своеобразным и самостоятельным образованием, не может не иметь каких-либо оснований, дающих право отстаивать эту точку зрения. Такие основания, несомненно, есть, и нельзя отрицать, что в лопарском языке встречаются порой слова, ничего общего как будто не имеющие с финскими. Чтобы отклонить от себя упрек в пристрастном изложении вопроса, я привожу здесь некоторые из них в качестве примера.

Это различие, без сомнения, и является причиной того, что некоторые ученые считают лопарский язык за нечто совершенно самостоятельное, по крайней мере в своем первоначальном виде, и усматривают в приведенных здесь словах его утраченные следы.

Нет недостатка в различных соображениях по поводу причин такого отличия его от финского языка. Так, некоторые думают, что лопари сами создали себе нарочно особый язык из страха перед финнами, чтобы те не могли понять их переговоров между собой и проникнуть таким образом в их замыслы.

Олаф Петерсон высказывает подобное предположение в своем повествовании о бегстве лопарей от преследования тавастов, предводимых Матвеем Курком: "Лопари заметили, что часто по ночам к их шалашам подкрадываются лазутчики тавастов и подслушивают их разговоры, желая узнать, что они замышляют делать в будущем. Поэтому лопари, жившие в приходе Ренго Нольнской области, по взаимному соглашению придумали себе новый условный язык, почти ничего общего не имеющий с финским и непонятный непосвященным".

Другие ученые предполагают, что эти несхожие с финским языком слова представляют собой остатки того первоначального, первобытного языка, который лопари принесли с собой в Лапландию, и полагают, что это был татарский язык. Но это предположение совершенно вздорно, т.к. татарский язык не имеет ни малейшего сходства с лопарским. В подтверждение своих слов я привожу здесь

несколько взятых наугад сопоставлений.

Этот список можно было бы продолжать и далее с таким же успехом, т.к. предположение о связи лопарского языка с татарским не имеет под собой никаких здравых оснований.

Не менее неправдоподобны рассказы об искусственно выдуманном лопарями условном языке. Если верить им, то непонятно, почему изменены были не все слова, а лишь некоторые, причем остались совпадающими с финским языком как раз названия тех предметов, которые далеко не безразличны лопарям и которые, казалось бы, в первую очередь должны были быть заменены новыми, непонятными. Поэтому я не могу принять этой теории и склонен думать, что эти сравнительно немногочисленные, на первый взгляд непохожие на финские слова тоже финского происхождения, как и прочие.

Удивительно, что лица, выдвигающие теорию об особом языке на основании лишь этого частичного несходства некоторых слов, забывают, какие глубокие изменения происходят с течением времени в языках, особенно под влиянием общения с другими народами. Для примера обратимся хотя бы к норвежцам и исландцам, которые, как всем известно из несомненной и ясной истории их, произошли от норвежцев, а тем не менее в исландском языке встречается много слов, уже совершенно непонятных норвежцам. Несмотря на это, никому не приходит в голову говорить об исландском языке, как о чем-то самостоятельном и отдельном от норвежского.

Всякому ясно, что различие, о котором мы только что упомянули, произошло вследствие того, что исландцы жили изолированно, вдали от чуждых влияний, и потому сохранили в неприкосновенности тот старинный язык, который унаследовали от предков, первых норвежских поселенцев. Судьба норвежцев была иная: вместе с государственной самостоятельностью они в значительной мере утратили свой древний язык.

По-видимому, нечто подобное произошло и с финнами, точно так же подчинившимися власти другого народа и завязавшими с ними тесные сношения. Вследствие этого они утратили многое из своего первоначального языка, изменив многие старинные слова и выражения. Напротив, лопари, по всей вероятности, сохранили свой древний язык в большей чистоте, т.к. долгое время жили совершенно в стороне от чуждых влияний.

Немудрено, что в их языке удержалось до наших дней много слов, не совпадающих с современными нам финс-

Солнце по-лопарски – *beiwe*
по-фински – *auringa*
и соответственно:

Небо	<i>albme</i>	<i>tailmas</i>
Вода	<i>kietze</i>	<i>wesi</i>
Дождь	<i>abrae</i>	<i>sade</i>
Иней	<i>mota</i>	<i>lumi</i>
Человек	<i>olmugd</i>	<i>ihminen</i>
Мужчина	<i>albmai; olma</i>	<i>mies</i>
Женщина	<i>nissum</i>	<i>waimo</i>
Волос	<i>maopt</i>	<i>hiuxi</i>
Кость	<i>nialbme</i>	<i>suu</i>
Подбородок	<i>kaig</i>	<i>leuca</i>
Сердце	<i>waibmi</i>	<i>sydaon</i>
Тело	<i>ogge</i>	<i>liba</i>
Волк	<i>selbik</i>	<i>susi</i>
Медведь	<i>muriet</i>	<i>karhu</i>
Лиса	<i>riemnes</i>	<i>kettu</i>

кими. Помимо того, я думаю, что лицу, хорошо знакомому со всеми диалектами финского языка, и теперь удалось бы проследить связь этих отдельно стоящих слов с какими-нибудь малоупотребительными и полузабытыми корнями.

Это же мы видим и в других языках, и в частности в недостаточно обдуманном, как нам кажется, суждении ученейшего Олафа Вормия в его труде "Руническая письменность", где он отмечает большие различия в германских языках. Он забывает, что в наши дни у немцев употребляются в одинаковом смысле и такие слова, как *effter*, и *nach*, что видно из таких, например, сложных форм, как *afftered*, *affterdarm* и т.п. Точно так немцы говорят *gesicht* и *antlitz*, *verstand* и *vernunft*, *essen*, *anfangen*, *schuss*, *alter*, *gefangniss*, *auffthun*, *bett*, *beginnen*, *keimen*, *uralt*, *haffte*, *entdecken*, *Lagerstad*, *locken* и т.п., т.к. и то и другое вполне совпадает с древнегерманскими корнями.

Исходя из всех этих соображений, я прихожу к выводу, что существование этой небольшой группы как бы отдельно стоящих слов, не совпадающих с финскими, не дает основания говорить о каком-то особом древнем языке лопарей, отличном от старинного финского, а скорее, наоборот, подтверждает наше мнение о том, что лопари выселились из Финляндии не в одно время, а в разные эпохи, причем, естественно, более ранние поселенцы унесли с собой язык, полный утраченных в наши дни и устаревших слов; более поздние – язык, приближающийся к современному финскому.

Таков мой взгляд на происхождение лопарского языка. К этому следует добавить, что и сам лопарский язык отнюдь не однороден на всем протяжении Лапландии, а, в свою очередь, распадается на отдельные наречия и диалекты. Некоторые из них довольно значительно отличаются друг от друга. "По всей Лапландии, – пишет Самуил Реен, – распространен один и тот же лопарский язык, имеющий, однако, столько различных наречий и диалектов, что нередко лопарь, происходящий из одного округа, едва понимает лопаря из другого".

Он же различает три основных диалекта лопарского языка: западный (умеоских и питеоских лопарей), северный (лулеоских) и восточный (торнеоских и кемских). Несомненно, что происхождение этих диалектов связано с разновременностью переселения лопарей в ту или иную область, как мы уже указывали выше.

Грубым и несовершенным считается северный диа-

Бог по-татарски – Allah,
по-лопарски – Jubmel
и соответственно:

Солнце	gynesch	beime
Небо	gioech	alm
Огонь	atasch	tulla
Воздух	jusger	biaegga
Вода	sauf	kietze
Озеро	dannis	jauur
Лед	buu	jenga
Земля	iep, toprak	aennam
Гора	dagda	ware
Человек	adam	aolmaitz
Волос	sadsch	waopta
Глаз	gios	tzialme
Нос	burnum	nierune
Борода	beichlar	saemao
Рука	ache	kietawerth
Нога	ajach	iwobge
Сердце	jurek	waimao
Лук	jay	taugh
Стрела	och	niaela
Отец	babam	atziae
Мать	anasse	aenne
Брат	cardasch	wiaelae
Сестра	kiskardasche	aobbe
Волк	sirma	kurt
Медведь	ajuf	kwoptza
Рыба	balich	kwelle

лект, на котором говорят лулеоские лопари. "Лулеоские лопари, – пишет Самуил Реен, – отличающиеся от прочих наиболее грубыми и дикими нравами и образом жизни, говорят также на самом грубом из лопарских диалектов". Для того, чтобы дать представление о степени различия между собой этих наречий, я привожу здесь несколько примеров. Бог на языке питеоских лопарей *jubmel*, у торнеоских *jimmel*, в Питеоской Лаппмаркии говорят *jocki wara*, *olbma*, *nisw skaigk kttst pardei*, *seibig*, *mariet*, *gepp*, а в Торнеоской вместо этого – *virte*, *taodar*, *almakab*, *kawtza*, *gappa*, *kaap*, *alick owre*, *kops*, *riemnes*.

Подобные же различия диалектов и говора мы видим и в других европейских языках, например в германских языках, где шведский значительно отличается от саксонского или фламандского, в зависимости от того, каким влияниям была подвержена та или иная часть народа благодаря своему географическому положению.

Поэтому же диалекты Торнеоской и Кемской Лапландии ближе к финскому, чем другие лопарские наречия.

Самуил Реен говорит об этом следующее: "Так как торнеоские и кемские лопари являются ближайшими соседями финнов, то и язык их имеет большое сходство с финским". Кроме того, почти все жители этой части Лапландии умеют говорить по-фински точно так же, как умеоские и питеоские лопари – по-шведски и по-норвежски. Несмотря на это, те из них, которые в совершенстве владеют шведским или норвежским языком, пользуются среди своих соплеменников большим уважением и влиянием. Немудрено, что таким путем в их язык проникают постепенно некоторые шведские слова и выражения. Иначе и быть не может, так

как любой народ, заимствуя от другого какие-нибудь незнакомые ему до тех пор предметы или понятия, усваивает обыкновенно и названия их на языке того народа, от которого их принял.

Это может быть подтверждено множеством примеров. Так, например, лопарское слово *salug* — блаженный явно взято от шведского *saligh*; *puf* — нож от шведского *knuif* и т.д. Обо всем этом ученейший и достойный глубокого уважения Иоанн Торней считает, что, "заимствования из других языков были вызваны частью необходимостью, частью общением с иностранцами. Поэтому лопари, имеющие дело главным образом со шведами, употребляют в разговоре много шведских слов, живущие по соседству с финнами — финских, а сталкивающиеся в Норвегии с немцами — еще и немецких. В этом я вижу причину того, что одна и та же вещь часто имеет у них несколько различных названий. Так, например, конь по-шведски — *haest*, по-фински — *hapoitz*, по-немецки — *goss*, лопари же употребляют все три названия, хотя в самой Лапландии вовсе нет лошадей, т.е. именно поэтому как нечто чужое, называемое чужим же словом. Похоже, что они приобретают новые для них предметы вместе с обозначающими их словами".

Замечание, сделанное Торнеем относительно немецкого слова *goss*, я думаю, можно отнести и к слову *rogeus*, заимствованному лопарями будто бы с латинского. Я считаю гораздо более правдоподобным предположить, что оно, так же как и *goss*, немецкого происхождения, а именно возникло от слова *borch* — боров, проникшего к лопарям через Норвегию.

Подобные же соображения могут быть приложимы и к целому ряду других лопарских слов, заимствованных из языков соседних народов.

Оставив их в покое, обратимся теперь к основным и природным словам и формам лопарского языка, являющегося, как мы с достаточной убедительностью установили, не смесью из латинских, германских, шведских и прочих слов, не особым, отдельно от всех прочих стоящим языком, а ветвью древнего финского языка, в силу своей древности в наше время порой едва внятной самим финнам.

В лопарском языке, как и в других известных нам языках, существует склонение, спряжение и изменение прилагательных по степеням.

Мне кажется небезынтересным дать здесь несколько образчиков этих грамматических форм, сопоставляя их с современными финскими. Берем для этой цели слово Бог — *Jmmel*, как произносится оно торнеоскими лопарями, и

соответствующее ему финское слово *jumala*.

Ед. число

	по-лопарски	по-фински
Именительный	Jmmel	Jumala
Родительный	Jmmele	Jmmeleig
Дательный	Jmmela	Jumalalle
Винительный	Jmmel	Jumalaa
Творительный	Jumalast	Jumalasta
Звательный	o Jmmel	o Jumala

Мн. число

	по-лопарски	по-фински
Именительный	Jmmeleck	Jumalat
Родительный	Jmmeliig	Jumalden
Дательный	Jmmelwoth	Jumalille
Винительный	Jmmeliidh	Jumalat
Творительный	Jmmaejjie	Jumalilda
Звательный	o Jmmaleck	o Jumalat

Возьмем еще для большей ясности другое слово *olmai* — мужчина.

	Ед. число	Мн. число
Именительный	olmai	olmack
Родительный	olma	olmaig
Дательный	oltas	olmaig
Винительный	olma	o lmaig
Творительный	olmast	olmaiija
Звательный	oolmai	o olmack

Подобным же образом склоняются и другие слова. Приведу примеры сравнения прилагательных и наречий:

<i>stoure</i>	— большой
<i>stourapo</i>	— больший
<i>atouramus</i>	— величайший
<i>enack</i>	— много
<i>enaro</i>	— больше
<i>enamus</i>	— больше всего
<i>utze</i>	— мало
<i>utzapo</i>	— меньше
<i>utzamus</i>	— меньше всего

Как видно из этого примера, сравнительная степень образуется прибавлением частицы "po", а превосходная — "mus".

В лопарском языке встречается также и член (артикль), но он употребляется реже, чем в других языках.

Мужской и женский род имеет одинаковые окончания, средний — особое.

Так, например, *tott* обозначает этот и эта, а *towt* — это. Личные местоимения таковы:

<i>mup</i>	— я	<i>tun</i>	— ты	<i>sun</i>	— он
<i>mii</i>	— мы	<i>sii</i>	— вы	<i>tack</i>	— они

Глаголы спрягаются по временам и лицам. Привожу для примера глагол "любить" в настоящем времени изъявительного наклонения:

Ед. число	
<i>Mun puuorastam</i>	— я люблю
<i>Tun puuoraatack</i>	— ты любишь
<i>Sun puuorasta</i>	— он любит

Мн. число

Mii puuorastor – мы любим

Sii puuorost – вы любите

Task puurost – они любят

Подобным же образом спрягаются и другие глаголы.

Ед. число Мн. число

Mun laem – я есмь

Tun latsk – ты еси

Sun lia – он есть

Mii – мы есмь

Sii lae – вы есте

Tack lae – они суть

И думаю, что этих примеров достаточно для уразумения основной природы и особенностей лопарского языка; я не могу углубляться далее в этот пример, т.к. в задачу мою не входит писать грамматику лопарского языка.

Необходимо лишь заметить, что живая речь лопарей содержит в себе такие звуки, которые не могут быть с точностью переданы буквами нашего алфавита. Слова они произносят, широко разевая рот, так, что все гласные слышатся очень ясно, согласные же как будто плавают в какой-то жидкости; конечные слоги они обычно проглатывают. У лопарей нет и никогда не было своей собственной азбуки, подобно тому как не было ее и у предков их, финнов. Календари, которыми они пользуются, представляют собой не что иное, как старинные шведские рунические записи, и вошли у них в употребление лишь после

того, как они теснее соприкоснулись со шведами и научились от них же различать праздничные дни.

Иоанн Бурей сообщает, что, по словам заслуживающих доверия людей, в Лапландии находили и даже теперь еще находят иногда камни с высеченными на них руническими письменами. Это, однако, еще не доказывает, что в древности лопарям была известна письменность, т.к. ни они, ни финны не могут объяснить, откуда появились и что обозначают эти надписи. Вернее предположить, что эти руны были высечены на камнях в очень отдаленную эпоху шведами, проникавшими в эти области. В наше время лопари, так же как и финны, пользуются латинским алфавитом в том его виде, в каком он принят у шведов и немцев. Однако очень немногие из лопарей умеют читать, еще меньше умеющих писать, если не считать обучавшихся в упоминавшихся нами лопарских школах.

Так как лопарский язык имеет очень ограниченное распространение – исключительно в пределах Лапландии, то мало кто желает изучать его. Поэтому при совершении различных сделок им часто приходится прибегать к помощи переводчиков. Их всюду много в Лапландии, но говорят они на иностранных языках по большей части очень скверно, за исключением лишь финского языка. Так же плохо говорят на чужих языках и все вообще лопари, им не дается правильное произношение, да кроме того они постоянно смешивают между собой разные языки.

На этом мы заканчиваем главу о лопарском языке.

О ЛОПАРСКИХ ЖИЛИЩАХ

ерейдем теперь к описанию частной жизни лопарей, остановимся сперва на важнейших предметах их повседневного обихода, познакомимся с главнейшими их занятиями и промыслами, посмотрим, чем заполняют они свой досуг, как отдыхают и развлекаются.

В первую очередь мы займемся описанием жилищ и одежды лопарей, их пищи, промыслов и т.п. Собственно говоря, лопари совершенно не имеют постоянных жилищ, какие мы видим у прочих северных народов, а кочуют с места на место, разбивая по мере надобности лишь временные, переносные жилища.

Еще Герберштейн в своем "Описании Московии" говорил о лопарях: "У них нет постоянных жилищ, они бродят с места на место, занимаясь рыбной ловлей и охотой". "Лопари часто переносят свои дома", – пишет Циглер, а Дамиан Гоен добавляет: "Они не нуждаются в домах, т.к. вечно кочуют с места на место".

В 1602 г. указ короля Карла IX положил конец свободному кочевью лопарей по всей области, отведя отдельным семьям (родам) определенные участки, в пределах которых им разрешалось переходить с места на место.

Привожу подлинные слова королевского указа: "Повелеваем произвести по всем округам Лапландии опись болот, озер, рек и прочих угодий, а также поименную запись тех лопарей, которые извлекают из них средства к существованию. Затем, сопоставив число лопарских родов с количеством вышеозначенных угодий, произвести справедливый раздел их между отдельными семьями с тем, чтобы на каждую пришлось не более того, чем она может непосредственно пользоваться. Вменяем в обязанность избрать лучших и честнейших людей для осуществления этого передела по отдельным округам без какого-либо лицепрятия и насилия. Впредь же запрещаем лопарям переходить границы отмеренного им участка и кочевать по всей Лапландии, как это было в обычае до сего времени".

С тех пор лопари получили в пользование определенные участки и принуждены были ограничить свой кочевой образ жизни его пределами. Уступать его по собственному желанию кому-нибудь другому им было запрещено. И до наших дней они остались верными своему первобытному кочевому образу жизни, но уже в пределах выделенной им территории.

"У лопарей нет постоянных жилищ, – сообщает нам Андрей Бурей, – они разбивают свои шалаши в каком-нибудь лесу, где-нибудь над рекой, у озера или горы, занимаясь там в течение нескольких дней или недель рыбной ловлей, охотой, а затем перекочевывают на другие более удобные места". Причиной этих постоянных переходов с места на место являются поиски пропитания.

Главным источником существования лопарей являются олени, нуждающиеся в подножном корме, лесная и бо-

лотная дичь, рыба, которой неисчерпаемое множество водится в озерах и реках Лапландии. Разумеется, не всегда все это удастся найти в одном и том же месте: в поисках за новыми пастбищами, рыбными угодьями и еще не распуганной дичью они и переходят с места на место. Рыба собирается в определенных местах метать икру, разные виды рыб делают это в разное время, а также часто меняют места, так что и рыболовам приходится следовать за ними. Кочуя таким образом, лопари обходят весь свой участок и иногда через год возвращаются вновь на старые места.

"Лопари перекочевывают из лесов в горы, а затем вновь возвращаются в леса в поисках подножного корма для своих оленей", – пишет Самуил Реен. Это относится к лопарям, живущим в горных областях, лесные же жители и до истечения года часто возвращаются на прежнее место, т.к. использованные оленями пастбища быстрее восстанавливаются там. Поэтому, говоря о лопарских жилищах, сооруженных на берегах рек и озер, Самуил Реен замечает что, "несколько раз в году они возвращаются к ним", очевидно в зависимости от надежд на успешную охоту и богатый улов рыбы. При этом лопари, занимающиеся преимущественно рыболовством, бродят вдоль озер и рек, стараясь уловить момент, когда рыба идет метать икру; оленеводы же зимой блуждают по лесам, а летом уходят в Норвежские горы.

Самуил Реен дает подробное описание всех перипетий этой бродячей жизни: "Зимой лопарям нельзя оставаться на горных вершинах из-за свирепствующих там бурь и громадных снегов, тем более, что в этих местах совершенно нет леса, необходимого для топлива. Поэтому зимой вместе со своими оленями они переходят в леса, где легче уследить за стадом, и остаются там почти на одном и том же месте от самого Рождества до Благовещения. С началом таяния снегов они понемногу подаются по направлению к горным областям, но весьма осторожно, чтобы не дать рассеяться оленям, которые как раз к концу этого периода, т.е. около дня св. Эрика (18 мая. – Прим. ред.) начинают тельиться. Ввиду этого они вновь задерживаются на одном месте до самой середины лета, т.е. до Иванова дня (24 июня. – Прим. ред.). К этому времени горы и особенно пересекающие их долины покрываются сочной и пышной растительностью, куда лопари теперь и направляют свои стада, следуя за ними со всей семьей и со всем домашним скарбом. В горах они поднимаются иногда даже на высокие плоскогорья и вершины, т.к. там олени спасаются от сильно надоедающего им летом "гнуса", т.е. мелкой мошкары и комаров. Блуждая в горах и горных долинах, лопари остаются там до праздника св. Варфоломея (25 августа. – Прим. ред.), после чего начинают постепенно спускаться с гор и медленно возвращаться в леса, приходя к Рождеству вновь на свои старые, прошлогодние места".

В этом подробном описании с достаточной полнотой

указаны как причины, заставляющие лопарей кочевать все время с места на место, так и отдельные периоды их кочевой жизни.

В связи с тем, что одни лопари передвигаются преимущественно вдоль рек и озер, среди лесов, главным образом сосновых, другие – в горах, шведы и норвежцы зовут первых Graanlapper (т.е. сосновые лопари, graan – сосна), а вторых Fiaellapper (горные лопари; fiaell – фьельды, т.е. плоскогорья).

Зимние и летние передвижения лопарей значительно отличаются друг от друга: кочуя зимой, они пользуются санями, о которых подробнее я буду говорить ниже, летом же идут пешком, навьючивая весь домашний скарб на оленей. "Все свои зимние путешествия, – пишет Иоанн Торней, – лопари совершают на оленях. Упряжка состоит из одного лишь хомута, от которого идет постромка под брюхом животного, пропущенная меж его задних ног и прикрепленная к саням... Летом они шествуют пешком, навьючивая на оленей в особого рода переметных сумках домашний скарб и детей".

Это описание дополняет Самуил Реен: "Свои жилища лопари разбирают, складывают и зимой укрепляют на санях, на другие сани укладывают всю домашнюю утварь и так перевозят их с места на место. Летом разобранные свои жилища они взваливают на седло оленя, подкладывают под него одежду, называемую *tobbis*, чтобы не повредить оленю спину, и сверху нагружают кладь, уложенную в мешки и тюки".

Шесты, о которых говорил Реен, очень тонки и скорее могут быть названы прутьями, т.к. делаются обыкновенно из еловых ветвей и располагаются в зарубке, сделанной в другой; будучи полукруглой формы, они охватывают плотно тело оленя и под животом его связываются вместе. Продолговатые тюки, о которых также была речь выше, изготавливаются из ели, выдолбленной или согнутой таким образом, что получается некоторое подобие барабана, но не круглого, а продолговатого. Дно этой клади делается из березовых прутьев, переплетенных накрест в виде решетки, и покрывается сверху куском полотна, в который и укладываются вещи. Все это, во избежание выпадения поклажи, завертывается в бересту, в одежду или в оленью шкуру. Получившиеся таким образом тюки увязывают веревками и прикрепляют к верхнему краю вышеупомянутых деревянных шестов так, что они висят с обеих сторон по бокам оленя.

Таким способом лопари навьючивают своих оленей не только домашней утварью и вещами, но усаживают туда и детей, еще не умеющих ходить. В такой погрузке и пере-

возке лопари настойчиво соблюдают определенный порядок, от которого никто из них никогда не отступает. Впереди каравана шествует обыкновенно сам глава семьи и ведет за собой навьюченных – описанным выше способом – оленей, за ним следует его жена тоже с оленями. Далее дети или работники гонят оленье стадо. Шествие замыкает тот, кому поручена переноска волшебного барабана.

Вьючные олени идут не беспорядочным стадом, а один за другим, вытянувшись в одну линию, причем первого оленя идущий впереди лопарь ведет за веревку, обвязанную вокруг его шеи. Так двигается весь караван, пока не достигнет подходящего для стоянки места. Там делается остановка на несколько дней или недель, тотчас же разбирается палатка, заменяющая лопарям жилище.

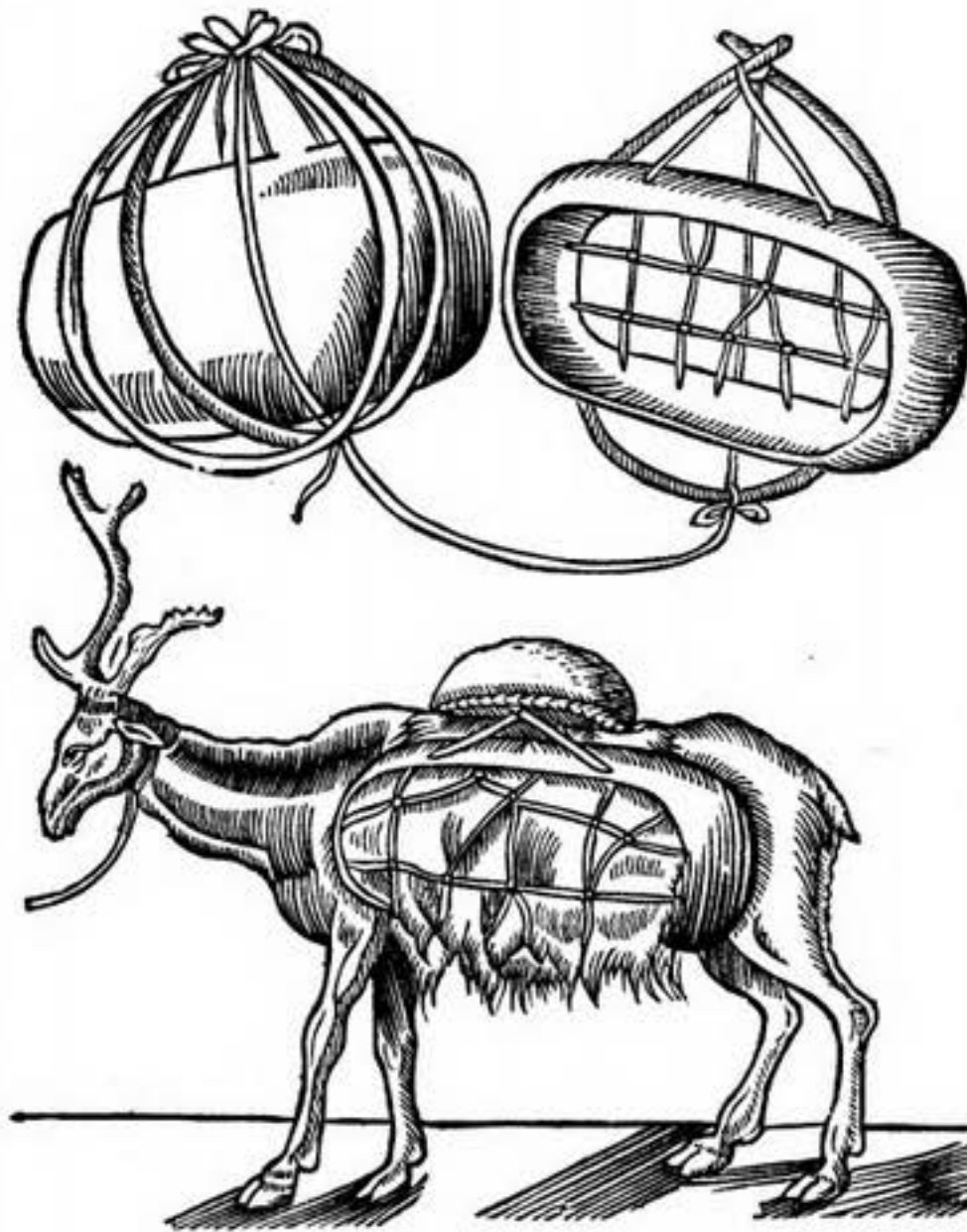
Горные лопари (Fiaellapper) устраивают свою стоянку иначе, чем лесные (Granlapper). Первые, возвращаясь на

старое место лишь через год, не очень заботятся об ее прочности, вторые же стараются придать ей вид постоянного жилища. Горные лопари, уходя, разбирают ее, лесные оставляют в полной сохранности, рассчитывая скорее вернуться.

При постройке жилища сначала делается его остов. Для этой цели вбивают в землю четыре шеста по углам четырехугольника, соединяют их между собой тремя перемычками, т.е. с боков и сзади, оставляя переднюю часть, где будет вход, свободной. К этим перемычкам прикрепляют затем более длинные жерди, располагая их так, чтобы они почти сходились кверху, образуя таким образом подобие четырехгранной пирамиды. Когда такой остов готов, его затягивают специально сшитым, соответственно его форме, куском дешевой шерстяной материи (сукна, войлока), известной в продаже под названием *Waldmar*. У более зажиточных лопарей поверх нее натягивается еще холстина для лучшей защиты от дождя и непогоды. Так устраивают свои шалаши горные лопари, которые складывают их, перекочевывая на новые места, и увозят с собой.

Лесные лопари поступают несколько иначе. Иногда они вбивают шесть сходящихся наверху шестов и кроют, образовавшуюся таким образом коническую постройку еловыми и сосновыми ветвями или же корой этих деревьев. О лопарских жилищах, крытых корой, упоминает Герберштейн: "Лопари покрывают свои шалаши древесной корой". Андрей Бурей, напротив, видел жилища, сделанные из бересты: "Вместо домов они строят себе шалаши, крытые берестой", – замечает он.

Олаф Петерсон подтверждает заявление Бурея, добавляя, что кора предварительно подвергается длительной вар-

ке для придания ей большей гибкости и податливости. Олаф Магнус прибавляет ко всем этим материалам еще звериные шкуры: "Жилищами служат им палатки, покрытые выдубленными звериными шкурами или древесной корой". То же подтверждает в описании своего путешествия и граф Ломений. Этот род построек отличается от предыдущего не только тем, что в виде покрытия никогда не употребляются ткани, но также и формой, которая в противоположность первым четырехугольным, бывает обыкновенно шестигранной.

Самуил Реен так описывает жилища лесных лопарей: "Лесные лопари (Graanlapper) строят жилища, обычно шестигранные, из жердей. Покрывают их еловыми и сосновыми ветвями, древесной корой или шкурами животных".

В дополнение к этому Вексионий сообщает о восьмисторонних жилищах, которые, по его словам, особенно часто встречаются у кемских лопарей. "Шалаши их, — пишет он, — сделанные из кольев, восьмиугольной формы. Они расширяются к основанию, а в высоту достигают пяти аршин (локтей)".

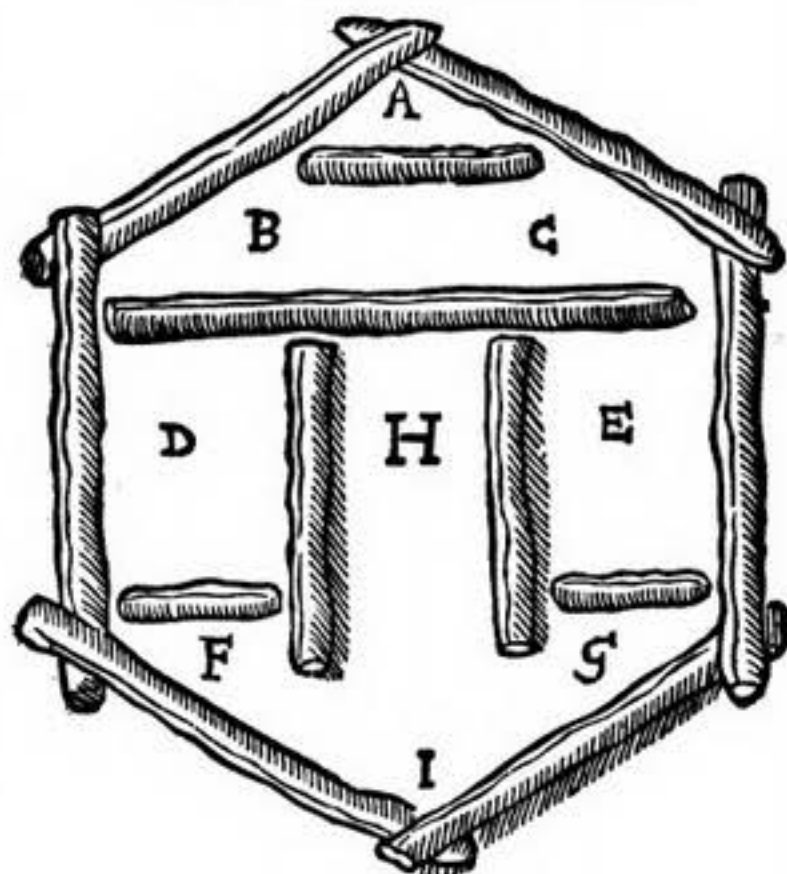
Подобные же сооружения встречаются, по-видимому, и у питеоских лопарей. "Остановившись на более долгое время, — говорит о них Олаф Петерсон, — они строят шалаши, имеющие восьмиугольное основание (фундамент), высотой около аршина".

Жилища описанного нами типа лесные лопари не разрушают, уходя в кочевье, и не увозят с собой, а оставляют на месте, чтобы воспользоваться ими на обратном пути. Для большей сохранности они лишь плотнее прикрывают их ветками, корой или шкурами. "Такие строения, — говорит Самуил Реен, — остаются стоять на берегах озер и рек в тех местах, где лопари занимаются рыболовством и охотой".

Кроме описанных нами здесь двух типов лопарских жилищ, некоторые ученые упоминают еще и о других. Так, например, Олаф Магнус пишет о них следующее: "Часть лопарей строит дома также и на деревьях, растущих в виде четырехугольника, чтобы не быть занесенными глубокими снегами и спрятаться от диких зверей, рыскающих зимой громадными стаями".

Что подразумевает он под словами "на деревьях, растущих в виде четырехугольника", мне непонятно. Вероятнее всего, он имел в виду деревья, растущие группой, расположенной так, что стволы их могут служить четыремя ребрами для жилища, устроенного на их ветвях. Однако из других источников мне не приходилось ничего слышать о таких жилищах. У одного лишь Тацита есть указание на то, что "финны живут на ветвях деревьев", что, вероятно, и послужило источником таинственного сообщения Магнуса.

Циглер говорит еще о четвертом виде жилищ, а именно о телегах или кибитках, но это совершенно неверно, т.к. подобные способы передвижения вовсе незнакомы лопарям,

да и не нужны им в их странах, покрытой скользким льдом и глубокими снегами. Эта неудачная подробность была внушена Циглеру, очевидно, воспоминанием о других кочевых народах, в частности же о кочевниках по степным пространствам Скифии.

Наконец, еще и пятый вид, о котором рассказывает Павел Иовий, является лишь случайным, а не характерным для них или же распространенным среди тех только лопарей, которые живут в пределах Московии. "Логовища этих людей, — пишет он, — землянки, устланные сухими листьями, или дупла деревьев, выжженные огнем или выгнившие естественным путем". Таким образом, заканчивая

этот перечень, мы убеждаемся, что только описанные нами два типа лопарских жилищ являются достоверными и пользуются широким распространением в Лапландии.

Возвращаясь к ним, заметим, что все они имеют обыкновенно две двери, одну спереди жилища, а другую сзади. Передняя большая дверь предназначена для повседневного обихода; через нее входят в дом и выходят из него наружу, задняя же — маленькая служит для особых целей и через нее не разрешается проходить женщинам.

Самуил Реен говорит, что через нее бросают в шалаш пищу, в особенности же дичь, пойманную в лесах, убитых на охоте животных, а также улов рыбы. Пронести все это через главную входную дверь считается нечестивым. Запрещение женщинам ходить через нее объясняется тем, что задняя сторона дома считается у лопарей священной. Как было сказано выше, позади лопарского жилища помещается обыкновенно идол Тора, там же совершаются жертвоприношения. Кроме того, лопари считают, что присутствие женщины приносит неудачу в охоте.

Несомненно, об этой же двери говорится и у Циглера: "Женщине не полагается выходить через ту дверь, из которой мужчина отправился на охоту". Вексионий называет ее "окном", т.к. она, действительно, по большей части бывает открыта и через нее в дом проникает дневной свет. "Дверь жилища невелика, — сообщает он, — и тотчас зашивается за входящим. Напротив нее находится окно, через которое входят мужчины, возвращающиеся с охоты, таща за собою туши убитых оленей. В загородке под окном, ширина которой один аршин, а длина около трех, они складывают все свое охотничье снаряжение, и в нее не разрешается входить женщинам".

Ввиду известного уже нам поверья о неудаче, приносимой женщиной, понятно, почему она не допускается в эту часть дома. Что касается употребленного им слова "загородка", то его не следует понимать в нашем смысле — ограниченное со всех сторон пространство, т.к. ничего подобного нет в лопарских жилищах, это просто часть жилища, отграниченная от остальной почти условно — одними только прутьями. Здесь будет уместно сказать несколько слов о внутреннем устройстве лопарского дома. В центре его расположен очаг, укрепленный со всех сторон камнями.

Самуил Реен останавливается на этом несколько подробнее: "Посередине их дома на очаге постоянно поддерживается огонь, за исключением полуночи. Во избежание пожара он ограждается со всех сторон камнями".

Позади очага в направлении, противоположном входу, часть жилого помещения отгораживается тремя шестами, образуя тот запретный задний угол, о котором мы только что говорили. Там же находится и малая дверь, через которую входят охотники, называемая лопарями "posse". Отгороженный угол носит у них название "lops".

В противоположной стороне открывается главная входная дверь – "ох". Главная дверь обыкновенно обращена на юг, а малая (posse) – на север. "В доме две двери, – пишет Олаф Петерсон, – одна, предназначенная для всеобщего пользования, обращена к югу, другая – к северу. Боковые части жилища называются "doide". В них помещаются постели, с одной стороны, хозяина с женой и их детей, с другой – слуг и служанок.

Продолжая свое описание, Олаф Петерсон говорит: "В таком доме спит вся семья, с одной стороны отец с матерью и дочерьми, с другой – слуги и служанки". Как видно, он упоминает здесь лишь о дочерях, спящих вместе с родителями, вероятно, оттого, что, оберегая их целомудрие, родители стараются держать их поближе к себе и не спускать с них глаз, сыновья же спят вместе со слугами.

Пространство, остающееся между очагом и входом, отдается в распоряжение женщинам. В нем же во время родов помещается и ложе роженицы. Для большей ясности сделанного нами описания мы прилагаем набросок внутренности лопарского жилища.

Пол жилища устилается обыкновенно березовыми ветвями, чтобы он не так размокал от дождевой воды. На них кладут оленьи шкуры, на которых лопари и сидят, и спят. "Взамен пола, – отмечает Самуил Реен, – лопари устилают свое жилище березовыми ветвями во избежание грязи, а

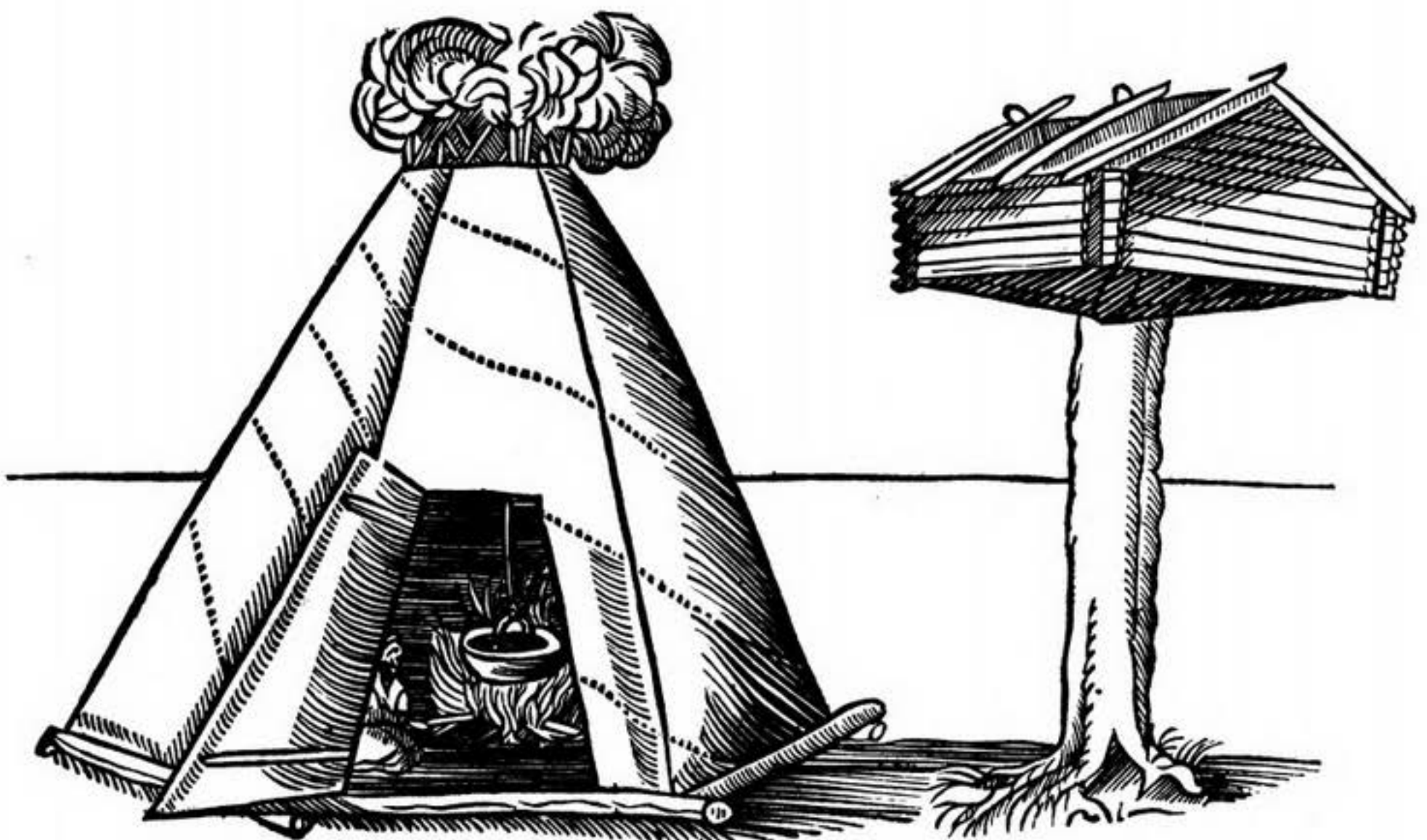
поверх веток кладут одну или две оленьи шкуры, на которых и возлежат".

Таковы жилища лопарей, в которых они проводят большую часть своей жизни и которые сохранили свое первобытное устройство вплоть до наших дней. Кроме них у лопарей есть еще некоторые сооружения, служащие для хранения запасов пищи, главным образом рыбы, оленьего мяса и т.п. По-лопарски они называются "kitta".

Самуил Реен описывает их устройство следующим образом: "Лопари срубают верхушку дерева, оставляя один ствол высотой около 4–5 аршин над землей, и на нем укрепляют крестообразно два бревна, на которых стоит амбарчик, крытый жердями с закрывающейся дверью". Эти амбары сильно напоминают наши голубятни, и дверь в них делается не сбоку, а в полу, наподобие люка, закрывающегося над головой спускающегося с дерева лопаря. В этот воздушный амбар они взбираются по приставной лестнице, сделанной из простого бревна с глубокими зарубками на нем вместо ступенек. К такому способу хранения своих запасов лопарям приходится прибегать потому, что медведи и росомахи очень любят лакомиться мясом и выжидают лишь удобного момента, чтобы расхитить их запасы.

Для того чтобы звери не могли вскарабкаться по стволу дерева, они обмазывают его жиром, отчего он становится скользким. "Со ствола ели или сосны, – пишет Олаф Петерсон, – на котором выстроено хранилище запасов, сдирают кору и делают его таким образом скользким, иногда же еще смазывают его жиром, чтобы ни мыши, ни дикие звери не могли по нему взобраться и проникнуть в хранилище".

Вероятно, именно эти воздушные сооружения и внушили Олафу Магнусу мысль о том, что лопари строят жилища на деревьях, спасаясь от диких зверей". Ради полной ясности в этом вопросе прилагаем изображения лопарских жилищ и амбаров.

ОБ ОДЕЖДЕ ЛОПАРЕЙ

Одежда мужчин и женщин у лопарей неодинакова, точно так же она меняется в зависимости от времени года. Летом они носят одну одежду, зимой – другую. Иногда даже домашнее платье отличается от того, которое надевают для выхода. Ознакомимся сперва с мужской одеждой. Летом она состоит из плотно прилегающих к телу длинных штанов, доходящих до самой ступни, поверх которых надевается широкая рубаша (с рукавами), ниспадающая до колен и подпоясанная поясом. "Они носят узкое, плотно прилегающее к телу платье, – пишет Циглер, – которое не стесняет свободы движений". Эта одежда надевается прямо на голое тело, без всякого исподнего белья, которое принято носить у европейцев. "Лопари никогда не носят белья, – считает Самуил Реен, – ни в детстве, ни в зрелом возрасте", а Олаф Нетерсон добавляет: "Так как у них нет ни льна, ни полотна, то все они ходят без нижнего белья, и это вошло у них в обычай".

Материалом, из которого изготавливается описанная выше одежда, служит обыкновенно дешевая самодельная шерстяная ткань серого или белого цвета, сработанная из простой некрашенной шерсти, известная под названием *waldmar*. Олаф Петерсон пишет: "Будничная одежда их состоит из штанов и рубахи, сделанных из дешевой шерстяной ткани, изготавливаемой в Швеции и привозимой в Лапландию биркарлийскими купцами".

Зажиточные лопари пользуются более дорогой материей других цветов – зеленого, синего, а чаще всего красного. Только черный цвет не пользуется у них спросом. "Они избегают носить платье черного цвета, – говорит Торней. Разумеется, и эти богачи шьют себе платье и из дешевой шерсти, но только для домашнего употребления или для работы, вне дома же ходят настоящими шеголями." Они пользуются и дешевой шерстяной тканью, называемой *waldmar* – пишет Торней, – но лишь для домашнего и рабочего платья, зато не жалеют средств на покупку более дорогой, цветной шерстяной материи, из которой делают нарядное и разукрашенное праздничное платье."

Пояса у них бывают кожаные, у богатых – отделанные серебряными, а у бедных оловянными кружками. Эти кружочки, по словам некоторых авторов, можно иначе назвать

узлами, т.к. они имеют выпуклую форму маленьких полушарий. И этому поясу обыкновенно подвешиваются кожаные ножны с вложенным в них ножом, четырехугольная сумка, длина которой несколько больше ширины, кожаный мешок и, наконец, коробка с иголками и нитками.

Ножи лопари покупают по большей части в Норвегии, ножны к ним делаются из оленьей кожи, сшитой по бокам и разукрашенной оловянными нитями с висящими внизу колечками. Сумка также из оленьей кожи, но покрытой шерстью, а не гладкой. Сверху к ней пришивается кусок кожи такой же величины, как сумка, которым она плотно закрывается при помощи трех завязок. Этот кусок кожи бывает обыкновенно расшит кусочками цветной, чаще красной ткани и разукрашен, как и вся сумка, металлическими нитями.

В сумке лопари держат огниво, не кремневое, а из особого кристалла, о котором я скажу ниже, трут и серу – для получения огня, табак и прочую мелочь. Кожаный мешочек делается из такой же расшитой и разукрашенной оленьей кожи, как и сумка, имеет продолговатую грушевидную форму и служит лопарям для хранения денег и драгоценностей.

Вместилище для иголок выглядит довольно своеобразно. Оно делается из простой материи, ради прочности подшитой по бокам кожей, имеет четырехугольную форму, но сильно суженную кверху и напоминает усеченный у вершины треугольник. Кроме всех этих вещей к поясу подвешиваются со всех сторон многочисленные железные цепочки с железными колечками на концах. Сумку лопари носят на поясе, подвешенной спереди над лобком, остальные предметы – сбоку.

На голове лопари носят шапку без обшивки, более зажиточные – обшивают ее вокруг мехом. "Богатые лопари носят только лисьи, бобровые или росомашьи шапки", – пишет Олаф Петерсон. Шапки эти напоминают по форме своей ночные колпаки и шьются из красной или иного цвета материи. Иногда их вяжут наподобие носка из белой заячьей шерсти или птичьего пуха и называют – *loom*. Иногда шапкой служит вся птица, приложенная так, что головной убор имеет оригинальный убор и по своему красивый вид.

Для большей ясности

приводим здесь изображение зимнего и летнего костюма лопаря и лопарки, где женщина, держит на руках младенца в берестовой люльке.

На другом рисунке он прикреплен вместе с люлькой у нее за спиной.

На руках носят обыкновенные рукавицы, ноги обувают в особого рода обувь из оленьей кожи, подошва которой делается из того же материала, но из двух кусков, составленных так, чтобы шерсть на них была направлена в разные стороны во избежание

скольжения. Обувь эту надевают прямо на босую ногу и закрепляют на ноге завязками. Однако для того, чтобы она не ерзала на ноге, в нее накладывают немного особым образом заготовленного сена. Самуил Реен сообщает об этом следующее: "В сапоги вместо стелек они кладут сено. Для этого собирают особого рода длинную траву, растущую в Лапландии, варят ее и хранят специально для этой цели".

Следует упомянуть еще об одном виде одежды не столь обычном, но имеющем широкое применение для защиты от комаров и мошкары. "Летом мужчины и женщины, – сообщает Реен, – носят одежду, целиком сшитую из кожи, для защиты от комаров, укусы которых не проникают через кожу".

Зимой мужчины надевают штаны из оленьей кожи, покрытой шерстью, и такие же рубахи, которые известны у них под именем *mudd* (малица). По словам Реена, "зимой для защиты от холода мужчины носят одежду из оленьих шкур, называемую "*mudd*", и теплые штаны из оленьей же шкуры, содранной с ног убитого оленя".

Эти малицы бывают очень различны по своему наружному виду и качеству. Лучшими считаются малицы, сделанные из шкуры оленьих телят, которые уже переменили шерсть, они не только нежнее и мягче, но и темнее цветом. Самуил Реен пишет также: "Телята теряют первую шерсть ко дню св. Иакова (25 июля. – Прим. ред.), после чего у них отрастает новая шерсть черноватого оттенка. Из шкуры зарезанных в это время телят изготавливаются самые лучшие малицы, нежные и мягкие".

На ноги лопари одевают зимой еще особые набедренники, на руки – рукавицы, голову покрывают чем-то вроде шлема из оленьей кожи, закрывающим и плечи, в котором оставлено лишь небольшое отверстие для лица, чтобы защитить себя от лютого мороза и непогоды.

Так как всю эту одежду они надевают прямо на голое тело, то Вексионий был прав, говоря: "Лопари ходят в одежде из оленьих шкур, прямо на голое тело они надевают лопарскую малицу (*larmudd*), доходящую почти до колен, подпоясывают ее поясом.

Нижнюю часть тела защищают от холода плотно прилегающими штанами из того же материала". Только в голенища и в сапоги, а также иногда и в шерстяные рукавицы подкладывают они сено, о котором мы уже упоминали.

Иоанн Торней так кратко характеризует одежду лопарей: "Одежда их состоит из оленьих шкур. Туника (малица), штаны, сапоги, рукавицы – все это сшито из оленьей шкуры, обращенной шерстью наружу, благодаря чему они сами напоминают каких-то диких зверей, покрытых щетинистыми волосами". Становятся понятными и слова Циглера о зимнем наряде лопарей: "Зимой они одеваются в платье, сделанное из цельных тюленьих и медвежьих шкур, искусно сшитых и завязанных узлом над головой так, что остаются открытыми

одни глаза, все же остальное тело как бы зашито в мешок, с той лишь разницей, что он охватывает плотно все члены. Вид их в этой одежде, я думаю, и послужил основанием для басен о том, что тело их все покрыто шерстью, как у животных. Одни распространили это по невежеству, другие из тщеславного желания, вопреки здравому смыслу щегольнуть своими знаниями о самых отдаленных странах". Циглер совершенно прав в своем предположении. Я думаю, что к этому же роду заблуждений можно отнести и то, что Адам Бременский поместил в Лапландию "циклопов, имеющих один только глаз во лбу". Зашитые в шкуры лопари, у которых во всей их одежде осталось лишь маленькое отверстие для глаз, легко могли дать повод для таких утверждений.

Что касается медвежьих и тюленьих шкур, о которых говорит Циглер, то я полагаю, что он ошибается. Они встречаются у лопарей не так часто и служат им для иных надобностей. Свою одежду лопари любят украшать вставками цветных тканей, расшивать ее блестящими нитями и узорами, имеющими форму звездочек, цветочков и т.п., о чем я думаю подробнее поговорить впоследствии.

Перейдем теперь к описанию женской одежды, которая также бывает летней и зимней. Летом и лопарки носят длинные рубахи (туники), покрывающие грудь, плечи и все тело и ниспадающие до земли широкими складками. Они называют их "*volpi*". Эти туники они надевают прямо на голое тело, т.к. женщины, точно так же как и мужчины, обходятся совсем без нижнего белья. Неправ Ломений, предполагавший у них нечто, заменяющее белье. "Женщины, – читаем мы у него, – кроме верхней одежды из оленьей шкуры, носят еще исподнюю, сделанную не из полотна, а сотканную из высушенных оленьих жил и расщепленных сухожилий". Это совершенно не соответствует действительности, т.к. упомянутыми им сухожильными нитями лопари пользуются для сшивания шкур, а отнюдь не ткют из них каких-либо тканей.

Летние женские туники, как и мужские, делаются из той же дешевой шерсти, у богатых – из более дорогой, цветной. "Зажиточные лопарки шьют себе платье из лучшей английской шерстяной ткани красного или пурпурного цвета и одеваются довольно красиво", – сообщает о них Олаф Петерсон.

Талию они опоясывают поясом, несколько отличающимся, однако, от мужского. Он гораздо шире его и достигает часто ширины в три пальца. Свои пояса женщины украшают не шариками, а пластинками длиной в палец и больше, имеющими форму цветов, птичек и т.п. Эти пластинки бывают наизаны друг возле друга на тонкий кожаный ремешок и тянутся по поясу вокруг всего тела. Обыкновенно они сделаны из олова, почему и пояса эти называются оловянными, но у богатых людей бывают и серебряные.

К поясу подвешивается много цепочек, на одной из которых висят ножны с вложенным в них ножом, на другой – кошелек, на третьей – баульчик для ниток, а на всех остальных – громадное количество всевозможных металлических колечек. Все эти предметы висят у них не сбоку, как было принято раньше, а спереди – на животе; вес их, по словам Олафа Петерсона, достигает иногда двадцати фунтов. Вес немалый для постоянного ношения, скажем мы, но сами лопарки находят в этом большое удовольствие и в особенности кичатся количеством колец, звон которых ласкает их слух и, по их мнению, оповещает о приближении красавицы.

"К поясу лопарки подвешивают как можно больше медных и железных колец, – пишет Иоанн Торней, – которые при ходьбе звенят, ударяясь друг о друга. Они считают этот звон приятнейшим звуком и доказательством красоты его обладательницы". О том же сообщает и Вексионий: "Лопарские женщины носят пояса, украшенные оловянными и железными цепочками и кольцами". Но об оловянных цепочках и кольцах мне не приходилось слышать: они были бы очень непрочны, да и не могли бы звенеть.

Кроме того, женщины носят своеобразное нагрудное украшение, называемое ими "краска". Оно делается из ткани красного или какого-нибудь другого цвета шириною в ладонь, украшение огибает шею и затем спускается с обеих сторон на грудь, оканчиваясь на уровне сосков острым мысыком.

Все лопарские женщины, – пишет Самуил Реен, – носят на груди род ожерелья, известного у них под названием "краска". На груди к нему прикрепляется множество мелких серебряных кружочков самой разнообразной формы, покрытых иногда позолотой, со свешивающимися с них цепочками и брелоками. "Краска" является главным и любимейшим украшением лопарки и предметом ее постоянных забот. Бедные женщины, средства которых не позволяют им покупать себе серебряные и позолоченные кружочки, довольствуются медными и железными".

Иоанн Торней также дает нам описание этого женского убора, по своему обыкновению кратко и образно: "Лопарки увешивают грудь позолоченным серебром так, что

она сверкает как щит. Так как не всем доступны серебряные и позолоченные украшения, то взамен их часто украшают себе шею и грудь ожерельями из медных и железных кружков и колец". Кто побогаче, тот нашивает себе эти серебряные украшения не только на ожерелья, но даже и на ту часть туники, которая прикрывает грудь, и притом в два или даже в три ряда.

Головным убором служит круглая, невысокая, плоская сверху, кичка красного цвета, которая одинаково в ходу как у женщин, так и у девушек. Очень немногие богатые лопарки в торжественных случаях повязывают сверх того голову платком из полотняной ткани. "Женщины, правда немногие, – пишет Реен, – повязывают головы платками – на ярмарках, свадьбах или каких-нибудь торжественных празднествах".

Обувь лопарок ничем не отличается от мужской, точно так же и зимняя их одежда. Они носят такие же малицы и штаны из оленьих шкур, как и мужчины, для защиты от стужи, зимней непогоды и глубоких снегов.

Голову зимой лопарки покрывают такими же оленьими шапками, наподобие шлемов с одним лишь отверстием для глаз, как и их мужья. Подобного же рода шлемы, только сделанные из ткани, они носят иногда и летом для защиты от комаров и мошкеры. Таков обычный наряд лопарки, независимо от того, замужняя она или девушка.

Нам остается еще сказать несколько слов относительно постельных принадлежностей лопарей, т.е. о том, на чем они спят и чем прикрываются во время сна зимой и летом. Пуховые перины совершенно неизвестны лопарям, и Олаф Магнус непонятным образом заблуждается, говоря, что "ложом у лопарей служит мягчайший пух птиц, а одеялами грубые шкуры".

Лопари спят на оленьих шкурах, обыкновенно нескольких, разостланных поверх березовых веток, исполняющих в их жилищах роль пола. Эти сложенные в несколько раз оленьи шкуры, брошенные прямо на землю, представляют собой подобие матраца, на котором они и спят совсем без подушек. Нет у них, разумеется, и никаких простыней. Лопари укрываются очень мохнатыми одеялами из грубой шерсти, которые называются у них "гуог" или "гаанер". Во время сна они закутываются в них с головой, спасаясь этим от укусов комаров, в неисчислимом количестве появляющихся ночью. Чтобы не задохнуться от жары и духоты под этими шерстяными одеялами, они подвешивают их летом к балкам шалаша наподобие полога. Зимой они сперва закутываются в овечьи или оленьи шкуры, а сверху покрываются упомянутыми выше шерстяными одеялами. При этом следует заметить, что зимой и летом они спят под этими одеялами голыми, как мужчины, так и женщины.

О ПИЦЕ ЛОПАРЕЙ

После описания одежды, защищающей лопарей от несовершенств сурового климата их родины и прочих вредных внешних влияний, естественно перейти к тому, что является для них, как и для всех людей, источником животной теплоты и жизненной энергии, т.е. к пище. Понятно, что характер ее в значительной степени зависит от образа жизни, и поэтому различается у горных (fiaellapper) и лесных (graanlapper) лопарей.

Источником существования горных лопарей почти исключительно являются их олени; они питаются их мясом, молоком, делают из молока олений сыр и т.п. "Горные лопари, – говорит Самуил Реен, – занимаются оленеводством и почти не прибегают к рыбной ловле, они питаются оленьим мясом, молоком и сыром".

В добавление к обычному для них обиходу они иногда еще покупают у торговцев молочный и мелкий рогатый скот, молоком которого часто пользуются летом. "Отправляясь в Норвегию на ярмарку к Иванову дню, – продолжает Реен, – они покупают там овец, коров и коз, молоком которых питаются в летнее время, к осени же режут их на мясо".

Однако не все лопари имеют возможность приобретать этих животных, да и прокормить их не всегда легко, а зимой и совсем невозможно, т.к. у лопарей, кочующих с места на место, нет для них ни подходящих стойл, ни кормов. Поэтому-то с приближением зимы они вынуждены резать этот покупной скот. Зато оленей обыкновенно лопари имеют в достаточном количестве и благодаря этому почти всегда обеспечены пищей. Зимой они питаются исключительно жареной и вареной олениной. "Осенью и зимой, – подтверждает Реен, – они питаются одним оленьим мясом".

Весной едят сыры и сушеное мясо, приготовленное так, как это вообще в ходу на севере. Мясо выставляется на мороз и под влиянием студеного воздуха теряет влагу и сохраняется от порчи. Об этом виде лопарской пищи пишет граф Ломений: "Лопари употребляют в пищу сырое мясо".

До известной степени он, конечно, прав, хотя его слова вызывают скорее мысль о дымящемся еще мясе только что убитого животного, а, в сущности, мясо, выдержанное на морозе, подвергается от этого особым изменениям, которые, отчасти, аналогичны наступающим при варке, и не является уже сырым в таком примитивном смысле слова.

Летом лопари питаются молоком и сыром, а также сывороткой, остающейся после отжимки сыров. "Любимая пища их, – замечает Иоанн Торней, – оленина. Олений жир и костный мозг считается у них лучшим лакомством". А самым лакомым куском у них считается олений язык и костный мозг.

Вексионий так описывает угощение, предлагаемое лопарями приезжим священникам: "Их потчуют жареной олениной, оленьим языком и костями, нагретыми на огне, из которых, раздробив, высасывают костный мозг". "В оленьих костях, – продолжает Торней, – самое вкусное – костный мозг. Лопари ценят его не меньше, чем мы устрицы или заморские фрукты. Кроме того у них очень распространен еще один вид пищи, а именно оленья кровь, которую они варят в воде наподобие супа".

Лесные лопари (Graanlapper) питаются главным образом рыбой и дичью. "Лесные лопари, – пишет о них Самуил Реен, – употребляют в пищу рыбу и дичь, за которой охотятся в своих лесах. Они питаются ими во все времена года".

Из этого видно, что, в противоположность горным лопарям, пища лесных лопарей не зависит от времени года, по всей вероятности, и потому, что рыба и дичь круглый год водится в изобилии. Именно к лесным лопарям относятся слова из сочинения Олафа Магнуса: "Они не едят хлеба, а живут исключительно рыболовством и охотой".

Особенно большую роль в их питании играет рыба. Недаром же Циглер сравнивал их с эфиопами-ихтиофагами (рыбоеды): "Богатейшие уловы рыбы дают им главнейшую их пищу, подобно эфиопам-ихтиофагам".

Из мяса диких зверей особенной любовью у них пользуется медвежатина. "Медвежье мясо, – пишет Олаф Петерсон, – лопари предпочитают всякому другому и считают его лучшим лакомством". А Самуил Реен добавляет: "Медвежатина считается у них самым изысканным блюдом, которым потчуют своих лучших друзей".

Кроме того, лопари употребляют в пищу и лесную дичь, как, например, куропаток, рябчиков, тетеревов. В качестве приправы к этой основной пище лопари употребляют еще всевозможные лесные ягоды: лесную малину и в особенности бруснику и морошку, а также некоторые коренья; что же касается соли и хлеба, то употребление их почти неизвестно лопарям. Это отметил еще Герберштейн: "Ни хлебом, ни солью, ни другими обычными вкусовыми веществами лопари почти совершенно не пользуются".

"Лопари не сеют и не жнут, – говорит Иоанн Торней, – поэтому хлеб и мука являются для них непривычной пищей, до сих пор еще не вошедшей в обиход. Раздобыв их каким-либо образом, они пользуются ими так скупно и бережно, как будто это какие-то заморские редкости; соли тоже почти не видят и изредка лишь солят свою пищу, да и то очень недостаточно".

Самуил Реен также отмечает скудость этого рода продуктов в обиходе лопарей: "Пища лопарей почти исключительно мясная, она состоит из оленины, из мяса диких зверей и птиц, рыбы и т.п. И зимой и летом лопари

едят ее совсем без хлеба и даже почти без соли". Хлеб и даже отчасти муку лопарям заменяет сушеная рыба, измельченная в порошок.

Об этом упоминал еще Циглер, говоря: "Лопари выставляют на мороз рыбу и затем растирают ее, превращая в муку". "Вместо хлеба лопари круглый год едят сушеную рыбу", – подтверждает это и Самуил Реен.

Иногда для той же цели они пользуются еще и сосновой древесиной, рассказывает нам Олаф Магнус: "Лопари собирают в начале лета сладкую сердцевину сосновых побегов и готовят из нее нечто вроде хлеба".

Вместо соли лопари пользуются особым образом приготовленной сосновой корой. Самуил Реен довольно подробно останавливается на этом: "Лопари обыкновенно сдирают кору с сосен почти у самого корня и тщательно собирают тонкие, как бумага, внутренние оболочки, очищают их и кладут на солнце, чтобы они хорошенько подсохли. После этого их измельчают и сыпают в довольно большие берестовые коробки, которые зарывают в землю, засыпая их песком. Там они остаются целые сутки. Затем над тем местом, где зарыты эти берестовые коробки, разводят большой костер. Содержимое их таким образом проваривается в своем соку под землей и превращается в красную массу, издающую приятный запах".

Этим веществом лопари широко пользуются вместо соли, приправляя им свои кушанья, хотя некоторые и утверждают, что оно заменяет им сахар. Любопытно, что большинство лопарей по средам не ест мяса, а питается рыбой или молоком и сыром. Это относится также и к горным лопарям, несмотря на то, что в обычное время они совсем не едят рыбы. Этот обычай можно рассматривать, как отдаленный пережиток эпохи господства католичества, требовавшего строгого соблюдения постов по средам. "По средам, – пишет по этому поводу Самуил Реен, – горные лопари как будто постятся, т.е. воздерживаются от обычной своей мясной пищи и едят рыбу. Если сами они не могут добыть ее, то покупают у других лопарей. Если даже и таким способом рыбу достать не удастся, то довольствуются в эти дни молоком и сыром".

Приготовление всех перечисленных нами видов пищи происходит у лопарей довольно своеобразно. Правда, они поджаривают мясо, но делают это так недолго, как у нас жарят только рыбу, считая, что мясо от этого остается более сочным, а выделившийся из него при жарении сок они пьют как напиток с большим удовольствием. Этот способ готовки совсем недавно вошел в употребление у лопарей. Барон Сигизмунд Герберштейн, живший около 130 лет тому назад, писал о варке пищи, как об обычае, едва лишь начавшем прививаться среди лопарей: "Лопари становятся культурнее, они уже не едят сырым мясо, а начинают поджаривать его."

В тот же котел, в котором варится мясо, лопари кладут варить и рыбу, такая смесь их несколько не смущает. Что касается мяса, высушенного на воздухе, о котором мы уже говорили выше, то его едят без какого-либо дальнейшего приготовления, что и дало повод графу Ломейну говорить о том, что лопари питаются сырым мясом.

Даже молоко лопари обычно кипятят с небольшим количеством воды или выставляют на мороз, от чего оно свертывается, образуя напоминающий сыр сгусток, и до-

вольно долго сохраняется в таком виде. "Оленье молоко лопари выставляют поздно осенью на мороз в особого рода больших сосудах. Там оно замерзает и свертывается, превращаясь в плотную массу, напоминающую сыр, которую они потом режут на части."

Подобным же образом они заготавливают и рыбу. Часть ее варят, частью же едят в сушеном виде. Рыбу, однако, сушат обыкновенно весной и летом прямо на воздухе. Для этого только что выловленную рыбу тотчас потрошат и развешивают на особого рода подставках под навесом, который должен защищать ее от дождя, т.к. иначе, намокнув, она загнивает. Под действием солнечных лучей и ветра рыба вялится и сохраняется потом годами. По словам Вексиония, те же результаты достигаются и действием холода: "На морозе лопарям удается вялить рыбу даже без применения соли".

Ту часть улова, которая не предназначается для сушки, лопари едят тотчас же, чтобы не дать ей испортиться. Едят ее или в вареном, или в жареном виде, иногда отдельно, иногда вперемешку с мясом дичи, олениной и т.п., как уже было нами сказано выше.

Приправы, которые за неимением яблок, орехов и т.п. они готовят из всевозможных ягод, делаются следующим образом. Морошку, например, известную у шведов под названием *hiortron* или норвежской тутовой ягоды, лопари варят совсем без воды, в собственном соку, прибавляя немного соли, и затем зарывают ее в землю.

"Когда созреет морошка, – пишет Реен, – ее собирают и варят совсем без воды, в собственном соку, на медленном огне до тех пор, пока она не размягчится. Тогда к ней прибавляют немного соли и приготовленную таким образом ягоду кладут в берестовый сосуд, плотно запаковывают его и зарывают в землю. Осенью или зимой, по мере надобности, выкапывают сделанные летом запасы и находят ягоду такую свежую и спелую, как будто она только что была собрана".

Морошкой, приготовленной таким способом, лопари питаются тогда, когда уже нет никаких других ягод. Со свежей морошкой они любят есть рыбу и из этой смеси готовят еще одно очень странное блюдо. Сваренную в воде рыбу очищают от костей и, перемешав с морошкой, растирают деревянным пестиком так, что получается нечто вроде похлебки, которую затем хлебают ложками.

Кроме морошки, также поступают и с другими ягодами, о чем сообщает тот же Самуил Реен, у которого мы позаимствовали описание упомянутого нами блюда.

Другое лакомое блюдо лопари готовят из дягильника (*angelica*), очищая его мясистый стебель от тонкой кожицы, кладут мякоть на угли и, когда она пропечется, едят ее. Иногда вместо этого варят его с сывороткой оленьего молока до тех пор, пока варево не станет красным. Самуил Реен так описывает этот способ приготовления: "Мясистый стебель дягильника срезают и, очистив, варят вместе с сывороткой оленьего молока до тех пор, пока все не станет красным, как кровь. Такое варенье сохраняют на зиму в берестовых сосудах". По словам Реена, вкус его очень горек, но в силу привычки оно, тем не менее, настолько приятно лопарям, что слышит у них не только желанным лакомством, но и считается очень полезным для здоровья.

Упомянем, наконец, уже известное нам вкусовое ве-

щество, изготовляемое ими из сосновой коры и заменяющее им соль, которое, как было сказано выше, они зарывают в землю и варят там, разводя над ним огонь. Сами лопари называют его "santopelzi".

Остается сказать еще не сколько слов о масле, не причисляемом обыкновенно к основной пище лопарей, т.к. они пользуются им в очень ограниченном количестве, а по мнению некоторых ученых, его даже нельзя получить из оленьего молока. Впрочем, Реен категорически отрицает это: "Из того же оленьего молока лопари сбивают масло, для этого добиваются свертывания молока в большом котле, дающего сгусток, напоминающий по виду сыр; размешивая содержимое котла палочкой, получают некоторое количество масла темного цвета, которое слегка солят и хранят затем в особом сосуде".

Перейдем теперь к наиболее употребительным в Лапландии напиткам. На первом месте стоит, конечно, вода. Хотя Ломений и говорит, что лопари утоляют жажду растопленным льдом, но я не верю этому, т.к., несмотря на льды, покрывающие зимой поверхность вод, в стране столько озер, рек и ключей, что добыча воды не может представлять в большинстве случаев никаких затруднений. Воду все же держат обыкновенно в котле над очагом, чтобы она не замерзла.

"В котле над очагом, — пишет Реен, — они всегда держат приготовленную для питья воду". Желаящий напиться черпает ее оттуда плоской. В силу того что котел с водой висит над очагом, на котором поддерживается постоянно огонь, лопарям приходится пить не холодную, а теплую воду, это им, однако, нравится, особенно зимой.

По словам Олафа Магнуса, кроме воды пьют еще часто так называемую "laebma", т.е. отвар или бульон, в котором варилась рыба: "Съевши мясо или рыбу, они пьют затем круговую отвар, в котором варилось кушанье, и называют его "laebma". К обычным напиткам относится также сыворотка — в противоположность молоку, которое считается у них пищей.

Пиво, так широко распространенное у всех северных народов, совершенно не встречается у лопарей, т.к. в их стране нет ни солода, ни хмеля, а привозное им нелегко хранить за неимением погребов, что особенно необходимо в зимнее время. Это справедливо отметил Вексионий в своем "Описании Швеции": "Пиво из-за страшных морозов здесь совершенно неупотребительно. Для утоления жажды лопари предлагают воду в берестовых сосудах".

Что касается опьяняющих напитков, служащих не для утоления естественной жажды, а для развлечения, то охотнее всего лопари пьют водку, особенно французскую, и ничем кроме нее нельзя так скоро приобрести их благоволение и дружбу. Водку лопари добывают на больших ярмарках в Иванов день. "В этот день, — сообщает Самуил Реен, — они покупают себе на ярмарке табак и французскую водку".

Пьют ее главным образом на праздниках, во время торжественных пиров, на свадьбах и т.п. Еще более чем к водке лопари питают пристрастие к табаку. Поэтому мы постоянно встречаем его в списках товаров, привозимых в Лапландию иноземными купцами. Этот народ, почти совершенно лишенный хлеба и соли, не может обойтись без индейской (Вест-Индия, Америка) травки. В этом удивительном факте я вижу знамение нашей эпохи.

Местом принятия пищи зимой служит их жилище, и притом правая от входа часть его, занимаемая главой семьи, его женой и дочерьми. Летом лопари едят прямо на земле среди природы. Иногда они обедают сидя вокруг очага и висящего над ним котла. При этом лопари не соблюдают никакого особенного порядка, у них нет почетных мест, и каждый садится, где ему понравится.

Во время еды, где бы она ни происходила, лопари сидят прямо на земле или на оленьих шкурах, поджав под себя ноги. Усевшись в кружок, они едят с некоего подобия стола, которым подчас служит грубая доска или просто колода. Многие лопари не имеют и этого и ставят еду на ту же оленью шкуру, на которой сидят. Пищу вылавливают из котла руками, рыбу и мясо кладут перед собой на кусок грубой шерстяной материи. Более зажиточные люди подкладывают полотняную. Ни блюда, ни тарелки, ни другие столовые принадлежности, включая и скатерти, им совсем неизвестны.

Жидкую пищу, как, например, молоко, похлебка и т.п., наливают в особого рода большой и продолговатый берестовый сосуд. Свою порцию каждый держит в руках — будь то рыба или кусок мяса. Часто бывает, что обедающий сам черпает себе из котла и, за неимением под руками другой подстилки, кладет еду на рукавицу или на шапку. Некоторые лопари пользуются для этой цели круглыми деревянными тарелочками. Жидкую пищу и напитки черпают деревянными ложками, заменяющими у них и бокалы.

Иногда напитки подаются в берестовых сосудах, как мы уже сказали выше со слов Вексиония. Следует заметить, что лопари необычайно прожорливы, что не мешает им, однако, в случае нужды стойко переносить самый невероятный голод и лишения. Олаф Петерсон пишет по этому поводу: "Хотя в дни изобилия они и едят самым невоздержанным образом, но тем не менее, будучи лишены самого необходимого, стойко выносят отчаяннейший голод... Они весьма далеки от умеренности и прожорливы, как медведи и другие дикие лесные звери, они едят постоянно — и днем, и ночью, и не было случая, чтобы они спрятали или отложили что-нибудь, что можно поглотить немедленно".

Окончив обед или ужин, они никогда не забывают поблагодарить Бога и призвать друг друга ко взаимной любви и верности, протягивая сотрапезникам правую руку в знак связи, которая должна объединять всех обедающих за одним столом и членов единого домашнего очага.

"Покончив с едой, — пишет Реен, — воздают благодарность Богу, моют руки и произносят примерно такую молитву: "Благодарим тебя, Боже, за пищу, которую ты нам дал". Это торжественное выражение благочестивых чувств сопровождается поднятием рук к небу. Таков обычай особенно распространен среди питеоских лопарей.

В Торнеоском округе смысл благодарственной молитвы несколько иной. По-лопарски она звучит так: "Piaomaos Immel laegos kitomatz piergao odest adde mied moaen uniekanieggan taide komiglaek iegn stan", что значит: "Добрый Боже, благодарим тебя за пищу, дай, чтобы она увеличила наши силы".

ОБ ОХОТЕ В ЛАПЛАНДИИ

писав в предыдущих главах одежду и пищу лопарей, перейдем теперь к основным их занятиям. Все они могут быть разделены на две большие группы: обычные, повседневные занятия, и специальные, исключительные, совершающиеся в особо торжественной обстановке. В свою очередь, некоторые из повседневных занятий свойственны одним лишь мужчинам, другие только женщинам и, наконец, третьи в одинаковой мере присвоены тем и другим.

В числе исключительно мужских занятий на первом месте должна быть поставлена охота, от которой женщины совершенно отстранены. "Женщины работают у них наравне с мужчинами, им запрещается лишь занятие охотой", – говорит Торней.

У Олафа Магнуса, однако, можно прочитать совершенно обратное: "В лесах Крайнего Севера водится такое множество диких зверей и дичи, что одним мужчинам не хватило бы сил справиться с ними. Поэтому женщины приходят к ним на помощь и охотятся наравне с мужчинами, а иногда даже с еще большей ловкостью". Как и все ошибочные сообщения, оно, несомненно, основано не на личном наблюдении автора, не на достоверных показаниях бывалых людей, а на ложном истолковании старинных писателей, подавивших его своим авторитетом.

Источник этого заблуждения заключается в словах Проккопия из "Истории готв", относящихся к скритофиннам: "У них мужчины, не обрабатывают полей, женщины не знают домашних рукоделий, одна охота составляет главное занятие тех и других". Или у Тацита в его "Германии", где говорится о финнах: "Охотой добывают средства к существованию и мужчины и женщины: они отправляются вместе и каждый имеет свою часть в добыче".

Не вдаваясь в подробности о том, верно это по отношению к финнам и скритофиннам или нет, скажем только, что про лопарей мы знаем достоверно, как строго запрещают они женщинам не только охотиться, но даже и прикасаться к охотничьим принадлежностям или к убитым на охоте животным и входить через заднюю дверь, предназначенную для охотников.

Кроме того, с охотой у лопарей связано вообще множество всевозможных предрассудков и примет. Прежде всего, они верят в счастливые и несчастные дни. Таковыми днями, губительными для охоты, кроме некоторых других, они считают особенно день св. Марка, известный у них под названием *Santeraiwe*, и св. Климента, о чем сообщает, например, Самуил Реен: "Некоторые дни славятся у них несчастными для охоты, как, например, Катеринин день, день св. Марка "*Santeraiwe*" и св. Климента.

В эти дни никто из лопарей не охотится, т.к. в противном случае, по распространенному среди них поверью, в течение целого года его будет преследовать неудача в охоте или с ним приключится какая-нибудь на-

пасть, например поломка лука и т.п.". Во-вторых, лопари не приступают к охоте, не справившись о воле божества при помощи лопарского барабана, на поверхности которого для этой цели сделаны изображения всевозможных животных.

В-третьих, отправляясь на охоту, они выходят из шалаша не через главную входную дверь, а через маленькую заднюю, называемую у них "*passee*". Это делается, вероятно, для того, чтобы избежать встречи с женщинами, которые, по их поверью, приносят охотнику неудачу. Этот же предрассудок является одной из причин, почему женщины не допускаются на зады жилища, куда выходит вышеупомянутая дверь, как только что объяснил мне наш упсальский студент Олаф Маттисен, лопарь по происхождению.

Довольно темно и расплывчато выражено это у Циглера: "Женщине не позволено выходить из шалаша через ту дверь, через которую в этот день мужчина отправился на охоту". Не только в "этот день", а никогда не дозволяется ходить через специальную дверь, которая предназначена для охотников. Все эти правила должны соблюдаться перед началом охоты. Дальнейший порядок ее зависит от времени года и вида дикого зверя, на которого собираются охотиться.

Летом охотник пешком порядком преследует дичь вместе со своей охотничьей собакой. У лопарей много хороших собак, приученных не только выслеживать дичь, но и нападать на нее. С этой целью они постоянно держат их на привязи возле шалаша.

Зимой охотники выслеживают на снегу следы зверей и настигают их, со страшной быстротой двигаясь на прилаженных к ногам лыжах. "Лопари гонятся за дикими зверями, – пишет Олаф Магнус, – приладив к ногам узкие доски (лыжи), при помощи которых они с необычайной легкостью и быстротой скользят по занесенным снегами равнинам, замерзшим болотам и даже горным вершинам. На мелких животных они охотятся с луком и стрелами, на крупных выходят с копьями и пищалями (*bombarda*)".

Охота на каждого зверя имеет свою особенность, так, например, горностаев они ловят обыкновенно в западни, напоминающие обыкновенные мышеловки. "Горностаев, – читаем мы у того же Олафа Магнуса, – лопари ловят в западню, устроенную так, что над входом в нее на тоненькой бечевке держится поперечный брус, который от малейшего прикосновения забегающих в западню горностаев (они ходят стайками в две, три, а то и до восьми штук) стремительно падает и замыкает выход". Иногда их травят собаками, которые, по словам того же Магнуса, настолько быстры, что настигают зверьков и давят их без особых затруднений.

На белок охотятся главным образом с дротиками,

конец которых вместо обычного острия несколько пригнуты, чтобы не попортить шкуру.

Подобным же способом убивают и других ценных пушных зверей. "Куниц, соболей и белок лопари бьют особыми деревянными стрелами с тяжелым и тупым наконечником", – пишет Олаф Магнус. В некоторых случаях куниц, так же как и лисиц, бобров и т.п., убивают обыкновенными стрелами с острыми железными наконечниками, но при этом, как и во всех случаях, когда желают сохранить в целости ценный мех, так ловко направляют удар, что мех при этом вовсе не страдает.

В этом отношении мастерству и меткости лопарей удивлялся еще Герберштейн: "Они мастерски владеют луком, что в особенности заметно во время охоты на ценных пушных зверей. Все они так ловко и метко посылают стрелы, что мех зверя остается совершенно неповрежденным".

Лисиц также часто ловят в ямы, прикрытые сверху хворостом и замаскированные снегом, или же капканами, расставленными в таких местах, где они обыкновенно появляются. Иногда пользуются также отравой, подмешанной к приманке. Для приготовления отравы лопарям служит особый вид мух, о котором я буду говорить ниже.

Зайцев ловят силками, подвешенными к веточкам кустарников, так же и других мелких животных. По этому поводу нелишне будет привести слова Иоанна Торнея о существующем у лопарей обычае не брать зверя, попавшегося в чужой силки, а отдавать его владельцу силка.

Перейдем теперь к крупным хищникам. Волков так же, как и в других странах, загоняют в волчьи ямы, но нередко убивают и свинцовыми пулями из пищали.

С волками лопарям постоянно приходится вести упорную борьбу, т.к. громадные волчьи стаи причиняют немалый ущерб их стадам. Олаф Магнус говорит о капканах, раздробляющих волкам лапы в тот момент, когда они набрасываются на положенную около них пищу.

Почти теми же приемами лопари пользуются и при охоте на рысей и росомах. Об этих последних Олаф Магнус сообщает любопытные подробности: "Когда прожорливая росомаха испражняется, протискиваясь с туго набитым брюхом между двумя деревьями, охотники ловко поражают ее стрелами.

Иногда прибегают и к другому способу: прилаживают петлю к двум согнутым веткам так, что просунувшаяся в нее росомаха неосторожным движением затягивает ее и удавливается петлей. Кроме того, их ловят иногда в ямы, прикрытые сверху ветками".

В наше время лопари чаще пользуются для этой цели пищалами (мушкетами), из которых убивают также и лосей, хотя за последнее время лоси в Лапландии встречаются все реже и реже. Но ни на одного зверя лопари не

охотятся с таким упорством и охотою, как на дикого оленя и медведя. "Диких оленей, – пишет Самуил Реен, – они ловят силками, убивают камнями, стрелами, пулями пищалей".

На оленей охотятся главным образом осенью и весной. Осенью, во время спаривания оленей, лопари прибегают иногда к хитрости, подставляя оленью самку из прирученных домашних животных, самец – дикий олень кидается на нее, а в это время охотник убивает его. "Диких оленей осенью ловят при помощи самки, – пишет Иоанн Торней, – которая заманивает дикого самца на расстояние выстрела к спрятавшемуся охотнику". То же рассказывает и Самуил Реен: "Осенью, около Матвеева дня (21 сентября. – Прим. ред.), когда наступает время случки, лопари привязывают самок домашних оленей в тех местах, где, по их сведениям, бродят дикие олени, и сами прячутся поблизости. Когда дикий самец приблизится к самке, они убивают его из засады из лука или из пищали".

Во время весенней охоты, когда повсюду еще лежат глубокие рыхлые снега, в которых олени вязнут, лопари пользуются своим преимуществом, настигая их на лыжах. Иногда они загоняют оленей собаками в силки или же в особые, сплетенные из ветвей и кольев загоны, охватывающие со всех сторон значительный участок леса, в которые попадает иногда целое стадо. Так охотятся лопари на оленей.

Другой серьезнейшей и опасной охотой является охота на медведя. Она обставлена у лопарей определенным ритуалом и связана со множеством примет, предрассудков и поверий. Еще осенью выслеживают охотники медвежье логово и замечают место, где он залегает на зиму. Про человека, получившего эти сведения, говорят *hafwa ringet bioern*, т.е. "он обошел медведя", и во время предстоящей охоты он является руководителем, которому должны

подчиняться все остальные. "Лопарь, выследивший медвежью берлогу, – пишет автор одной анонимной рукописи, – о котором говорят, что он обошел медведя, т.е. еще осенью, когда ложится первый снег, высмотрел следы зверя, должен идти впереди всех, когда охотники выйдут на медведя". Этот следопыт после своей первоначальной разведки, обыкновенно ликуя, является к своим друзьям и родственникам и приглашает их на предстоящую охоту, как на какое-нибудь торжественное празднество или на пир, потому, вероятно, что медвежатина и на самом деле считается у лопарей изысканнейшим лакомством.

Сама охота происходит, обыкновенно, не раньше марта или апреля, когда снега еще достаточно глубоки и особенно удобны для бега на лыжах.

Олаф Петерсон, рассказав о выслеживании зверя в октябре, замечает: "Только лишь в марте или в апреле, когда лежит всюду глубокий снег, по которому удобно ходить на лыжах, подымают зверя из берлоги, натравливая на него охотничьих собак".

После приглашения принять участие в охоте на медведя выбирают человека, который искуснее других умеет гадать на лопарском барабане, и при его содействии пытаются узнать все, что только возможно о предстоящей охоте. Получив ответ на свои вопросы и благоприятные предсказания, выходят в лес на охоту, шествуя в определенном порядке, как солдаты в цепи.

Впереди всех идет лопарь, первым открывший медвежью берлогу, все его оружие заключается в палке, к которой привязано медное кольцо, за ним следует тот человек, который гадал на барабане, далее охотник, которому поручено первому нанести удар медведю и, наконец, за ним все остальные в таком же строгом порядке. На каждого из них возложена какая-нибудь определенная роль — один должен зажарить мясо убитого зверя, другой разрезать его на части, третий принести дрова и воду, необходимые для варки и т.д. При этом строго следят за тем, чтобы никто не вторгнулся в область, порученную другому, а с точностью выполнял возложенные на него обязанности. Приблизившись в таком порядке к медвежьей берлоге, они смело нападают на медведя и поражают его копьями и пулями из пищалей.

Убив медведя, все хором поют припоровленную к этому случаю победную песню, слова которой приводятся в анонимной рукописи: "Убив медведя, поют сначала такую песню: "Kittulis rougga, kittulis iiskada, soubi jaella Zaiiti". Этими словами они благодарят убитого медведя за то, что он не причинил им ничего дурного, не поломал их рогатин и копий, с которыми они на него напали, и объявляют, что приход его был им приятен". Запевалой этой песни, а также и всех других, припоровленных к этому случаю, должен быть всегда тот человек, который первым выследил медведя и шел впереди охотников с деревянной рогатиной и медным кольцом на ней.

Отпраздновав таким образом победу, вытаскивают медведя из берлоги и бьют его при этом палками, затем взваливают его на сани и на олене везут его в тот шалаш, где предполагается устроить пирушку.

Все участники охоты следуют за саями и, ликуя, поют следующую песню: "Ii raha talki oggio, ii raha talki phagonis", т.е., как говорит анонимный автор, молят медведя, чтобы он не насылал непогоды или каких-нибудь бедствий на тех, кто убивал его.

Все это говорится, вероятно, в шутку, как и поздравление медведя с приходом, хотя, впрочем, многие из лопарей считают, что убийство зверя может иногда принести несчастье охотнику. Самуил Реен вкладывает другое содержание в победную песнь: "Убив медведя, они начинают петь песню, в которой благодарят Бога, создавшего для них диких зверей и даровавшего им силы и мужество справиться с таким громадным и страшным зверем". Мне кажется, однако, что обе эти песни не исключают друг друга и может быть иногда поются даже вместе.

Оленем, который вез тушу медведя, запрещается после этого пользоваться женщинам в течение целого года, да и вообще он долгое время не употребляется для перевозки чего-либо другого. Анонимный автор утверждает, что не только женщинам, но и кому бы то ни было другому в течение целого года запрещается возить что-нибудь на этом олене.

Часто на том же самом месте, где был убит медведь, спешно строят шалаш, в котором и варят разрубленную

тушу, содрав с нее шкуру. Если на этом месте трудно добыть нужный для постройки материал, то шалаш строят в другом, более удобном месте. Вскоре туда сбегаются жены охотников, с большим волнением ожидавшие исхода охоты. Когда женщины приближаются к охотникам, те начинают петь новую песню, в которой просят жен, чтобы они, пожевав во рту ольховую кору, выплюнули ее им в лицо. Слова, этой песни, по свидетельству анонимного автора, таковы: "Laeibi ja tuolo suoso". Причина такой странной просьбы заключается в том, что всякий, входящий в палатку, где устраивается пир, должен быть встречен так своей женой. Дело в том, что ольховая кора, измельченная зубами, окрашивает слюну в красный цвет и лица мужчин, оплеванные ею, должны казаться вымазанными кровью медведя в знак того, что они храбро сражались с ним и обливаются кровью.

В шалаш охотники возвращаются не через главный вход, а через заднюю дверь. Каждый охотник, показавшийся в ней, тотчас окропляется своей супругой вышеуказанным образом. Анонимный автор говорит, что при этом женщины смотрят, сощурившись одним глазом через медное кольцо, как бы прицеливаясь, куда плюнуть. То же сообщает и Самуил Реен с той лишь разницей, что, по его словам, плюет в лицо мужу только одна женщина, а именно жена того человека, который был предводителем на охоте и шел впереди всех.

Таким образом, по-видимому, дело происходит следующим образом: устраиваются два шалаша, один для мужчин, другой для женщин. В первый втаскивается убитый медведь, с него сдирается там шкура, туша разрубается на части и варится в котле. После этого мужчины переходят во второй шалаш, где и устраивается торжественное пиршество. При этом они входят в женский шалаш через заднюю дверь и вот тут-то, при появлении их в узком отверстии заднего хода, женщины и плюют им в лицо, чтобы они казались обагренными медвежьей кровью.

Когда, наконец, все соберутся в этом шалаше, женщины, в свою очередь, начинают петь, благодаря мужей за принесенную добычу. "После того, как мужчины войдут в шалаш, — продолжает анонимный автор, — женщины несколько пониженным голосом поют: "Kittulis rougga toukoris", т.е. "Благодарим вас, дорогие мужья, за чудную забаву, которую устроили вы, убив медведя".

После этого начинается пир, в котором участвуют все — и мужчины и женщины, и во время которого подаются самые лучшие блюда, но только не медвежатина. Когда этот пир оканчивается, мужчины уходят в свой шалаш и устраивают новый пир, в котором участвуют одни мужчины. После этого участникам охоты в течение трех ночей воспрещается спать со своими женами, а предводителю охоты даже в течение пяти ночей.

Шкура убитого медведя становится собственностью того, кто первым выследил медвежью берлогу и указал на нее остальным. В медвежьей туше лопари ценят мясо, жир и кровь. Все это варится в котле, а плавающий на поверхности жир снимается и собирается в деревянный сосуд, к которому прикреплено столько медных пластинок, сколько было убитых медведей во время данной охоты, мясо которых варится в котле.

Во время варки все участники охоты сидят вокруг очага в том же порядке, в каком они шествовали к берлоге.

Первое место занимает открывший местонахождение медвежьей берлоги и бывший предводителем на охоте, по правую руку от него сидит гадатель по барабану, затем охотник, нанесший удар, и т.д.; по левую руку – сперва тот, кто добывал дрова, за ним – таскавший воду, и т.д. Сваренное мясо делится между мужчинами и женщинами так, что и они получают свою долю мяса и жира. При этом строго соблюдается, чтобы женщинам не достались окорока медведя, т.к. они считают законной долей одних только мужчин. "Женщинам ничего не дается из задних, а лишь из передних частей", – отмечает Самуил Реен.

По окончании дележа двум лопарям поручается отнести предназначенную женщинам долю добычи в их женский шалаш. Эти два посланца, перенося медвежатину в женский шалаш, поют такую песню: "Oimai potti Sverigislandi, Polandi, Engelandi, Frankichis", т.е. "Вот идут лопари из Швеции, из Польши, из Англии, из Франции", притворяясь, будто из дальних стран они несут дары женщинам. Услышав эту песню приближающихся к шалашу людей, женщины выходят им навстречу и в свою очередь поют: "Oimai potti Sverigislandi, Polandi, Engelandi, Frankichis, kalka kaubsis laigit toutitiadnat", т.е. "О, люди, пришедшие из Швеции, из Польши, из Англии и из Франции, мы повяжем вокруг ваших ног тесемки красного цвета", что они и исполняют, когда мужчины входят в шатер.

Мясо между мужчинами распределяет гадатель по барабану (барабанщик). По крайней мере, это утверждает Самуил Реен: "Барабанщик является распорядителем пира и распределяет мясо и жир". Все это раздается не только перечисленным выше участникам охоты, а вообще всем принимающим участие в пире. "После того, как все мясо, кровь и жир сварятся, распорядитель пира распределяет их между всеми, пирующими так, чтобы каждому досталось вдоволь мяса и жира, – говорит Реен".

Когда все мясо и жир съедены, собирают кости, из которых не высасывают костяной мозг, подобно тому как делают это с костями всех прочих животных, а собирают их в одно место и зарывают в землю.

После этого владелец медвежьей шкуры вешает ее на шест и предлагает женщинам с закрытыми глазами стрелять в нее из лука, как в мишень.

Глаза женщины прикрывают одеждой и при этом поют: "Batt olmai kutti Sverigislandi, Poland!, Engelandi, Frankichis potti kalka wuocki", т.е., как переводит анонимный автор, теперь мы поражаем тебя стрелами того, кто пришел из Швеции, из Польши, из Англии, из Франции. Та женщина, которая первую попадает в цель, всячески восхваляется присутствующими, т.к., по их поверью, этим она предрекает своему мужу удачную охоту на медведя в ближайшее время и раньше, чем это удастся всем остальным. "Этой женщине вменяется в обязанность вышить на кусках ткани столько крестов, сколько было убито медведей на данной охоте и повесить эти вышивки на шею всем участвовавшим в ней охотникам. Это украшение они должны носить до вечера третьего дня", – так пишет С. Реен.

По словам вышеупомянутого анонимного автора, эту обязанность разделяют с ней и все остальные жены охотников, он говорит также, что эту повязку носят не три, а четыре дня. Он добавляет, что такое же украшение с вышитым на нем крестом надевают на шею и тому оленю, который вез медвежью тушу. Оно должно оста-

ваться на нем до тех пор, пока не разорвутся тесемки, которыми оно было привязано к шее животного.

Мне не удалось узнать точно, какой смысл заключается в этом обычае, но я думаю, что эти кресты должны играть роль амулета, предохраняющего охотников от несчастий, которые могут наслать на них лесные духи в отмщение за убитого медведя. По очень распространенному у лопарей взгляду, лесные демоны считаются покровителями диких зверей, а медведь слывет у них царем всего животного царства.

По истечении трех дней, в течение которых им запрещено половое общение с женщинами, охотники возвращаются в женский шалаш. Войдя в него, они сперва несколько раз трогают цепь, на которой подвешены над очагом котлы, затем трижды скачут вокруг огня и выбегают через общий для мужчин и женщин вход в шалаш. Женщины при этом поют песню, в которой грозят посыпать их ноги пеплом, и одна из них, действительно берет с очага золу и сыплет ею ноги мужчинам.

Слова этой песни таковы: "Todno kalka kaino", т.е. "Прими горсть пепла на ноги свои". Самуил Реен говорит, что этот обычай имеет смысл окончательного очищения мужчин, ставших нечистыми вследствие убийства медведя, и служит внешним знаком того, что с этого момента мужчинам вновь разрешается спать со своими женами. Вот сколько различных обрядов, суеверий и предрассудков связано у лопарей с охотой на медведя.

Многое из рассказанного здесь соблюдается вообще при всякой охоте, как, например, запрещение женщинам прикасаться к добыче охотника и его охотничьему снаряжению, вход охотника в шатер обязательно через заднюю дверь, через которую точно так же вбрасывается внутрь шалаша и вся добыча не только после охоты, но и после рыбной ловли. Лопари не вносят ее, а швыряют через заднюю дверь в середину шалаша тоже вследствие суеверного желания, чтобы казалось, будто она свалилась прямо с неба по специальной милости какого-нибудь божества. Смысла многих обычаев уже не могут объяснить сами, т.к. слепо переняли их от отдаленных предков.

Самым славным подвигом для лопаря считается убить медведя. Поэтому, по словам Олафа Петерсона, они даже делают на шапке нашивки блестящими нитями по числу убитых данным охотником медведей, чтобы доблесть его сразу бросалась в глаза при встрече.

Поговорим теперь кратко о птицеловстве, которым также занимаются одни только мужчины. Виды этого промысла также чрезвычайно разнообразны. Летом птиц бьют из луков и пищалей, зимой чаще ловят силками.

В Лапландии водится несколько видов куропаток, известных у шведов под названием "Snioeriper", которых лопари ловят очень своеобразным способом. "Лопари ловят их силками, – подтверждает Самуил Реен, – приготовляя для этой цели из березовых прутьев нечто вроде выпуклой большой сети с несколькими входами, к которым, в свою очередь, прилажены силки, ловко сплетенные из нитей. Говорят, что эти птицы почти не летают, а больше бегают по земле и потому часто забредают в эту западню и попадают в силки". Насколько нам известно, этот способ не применяется нигде, кроме Лапландии.

Мы изложили в этой главе все главнейшие виды охоты лопарей, что касается остального, то оно вряд ли заслуживает внимания.

ОБ ОРУЖИИ И ОХОТНИЧЬЕМ СНАРЯЖЕНИИ ЛОПАРЕЙ

Как видно из предшествующей главы, охотничье оружие лопарей довольно разнообразно. Чаще всего они пользуются луком и стрелами. Луки у них большие, толщиной в палец, длиной до трех локтей, сделанные обыкновенно из двойного дерева, плотно пригнанного одно к другому. Для этой цели употребляются березовые и сосновые ветки, последние, благодаря обилию в них смолы, очень гибки и придают луку значительную упругость. Для защиты от дождя и непогоды весь лук обертывался тонким слоем бересты.

Полученные откуда-то графом Ломейном сведения о том, что луки у лопарей делаются будто бы из оленьих костей, совершенно ни на чем не основаны и нелепы, т.к. всякая кость тверда и неспособна сгибаться, а от лука (я думаю это ясно всякому) требуются совсем иные качества. Если бы слова его относились к дротикам или стрелам, то этому, пожалуй, еще можно было бы поверить, но по отношению к лукам в них, несомненно, кроется какое-то недоразумение. Я подозреваю, что Ломейн был введен в заблуждение неправильно истолкованной им фразой Олафа Магнуса, из трудов которого он многое позаимствовал в своих трудах.

Перечисляя все выгоды, извлекаемые лопарями из оленей, Магнус говорит: "Оленьи кости и рога охотно вымениваются у них мастерами луков и самострелов". Из этих слов Ломейн, по-видимому, и заключил, что кости идут у лопарей на изготовление луков, на самом же деле Олаф Магнус имел в виду совсем другого рода луки, снабженные ложем для вкладывания дротика, известные у немцев под названием *Armbrust*, а у французов *arbalestre* (арбалет, род самострела или примитивного ружья с тетивой. – Прим. ред.). Несомненно, что и они делаются не из кости, а только вышеупомянутое ложе и рукоятки, украшаются в европейских странах слоновою костью, перламутром и т.п., вместо чего в северных странах лучники (мастера луков) пользуются иногда и оленьей костью.

Но луков подобного рода, или арбалетов, совсем мало в Лапландии; лопари, как уже было нами сказано выше, пользуются простыми деревянными луками без всяких костяных украшений, тетива которых натягивается голой рукой, а не каким-нибудь искусственным приспособлением.

Я говорил уже, что эти луки изготовляются из двух сортов дерева, соединенных вместе, теперь же добавлю, что эти половинки скрепляются при помощи рыбного клея. Для получения его лопари сдирают со свежеловленных рыб кожу вместе с чешуей и кладут ее в сосуд с горячей водой, где она и остается пока не отпадает чешуя; после того кипятят ее с небольшим количеством воды, постоянно помешивая палочкой, растирая и раздробляя до тех пор, пока не получится нечто вроде гус-

той похлебки, затем остуживают ее, сушат и сохраняют до наступления надобности. Когда им приходится что-нибудь клеить, они отмачивают этот твердый клей до желательной густоты и пользуются им, как и всяким другим клеем.

Кроме описанных нами простых луков, за последнее время появились в Лапландии и арбалеты, для которых в качестве приспособления используется железный крюк с кольцом, упираясь в которое ногою, изо всех сил натягивают тетиву, зацепляя ее за курок, который потом спускается при стрельбе.

От луков перейдем к метательным снарядам, т.е. к дротикам и стрелам. Они бывают у лопарей двух родов: с железными наконечниками и с тупыми деревянными концами; первые предназначаются для крупных хищников, а вторые для мелкого зверя – белки, соболя, горноста.

Кроме железных наконечников часто встречаются у лопарей еще костяные и роговые, образчики которых имеются в моей собственной коллекции.

Дерево на конце дротика прожигают каленым железом и в получившееся отверстие втыкают острый кусок кости или рога, закрепляя его иногда еще клеем, а затем обтачивают его и заостряют еще больше ножом.

Кроме этого оружия большое распространение среди лопарей получили пищали. В наше время почти нет лопаря, который бы не умел владеть ими. Лопари пользуются ими главным образом при охоте на крупных и опасных зверей. По своему обыкновению, перед пользованием пищалью лопари произносят всяческие заклинания – для предупреждения осечки или промаха. Впрочем, в этом отношении они следуют примеру многих других охотничьих племен.

Пищали лопари получают из города Судергамна (*Soederhambn*), расположенного в соседней Ботнии, или Гельсингии, где находится знаменитый оружейный завод. Граждане Судергамна продают оружие ботнийцам, а те, в свою очередь, лопарям. Оттуда же лопари получают порох, а также свинцовые пули или просто свинец, из которого уже сами льют пули для пищалей. Иногда все это получают также из Норвегии.

Лопари пользуются еще копьями и рогатинами, преимущественно, когда ходят на медведя. Так как они ничем не отличаются от принятых повсюду, то нет надобности останавливаться на их описании.

Перейдем к рассмотрению прочих охотничьих принадлежностей и, в частности, к описанию деревянных лыж, которыми они широко пользуются для передвижения и погони за зверем. Олаф Магнус так описывает их: "Привязав к ногам планки или широкие бруски, или узкие доски, лопари скользят на них с отчаянной быстротой по снежным равнинам, холмам и горам в погоне за добычей".

Северные народы называют их *Skider* или *Skier*, что соответствует немецкому *Scheitte* – полозья, лыжи. Иногда называют их также *Andreg* или *Ondur*.

Магнус Олаф Исландец, цитированный Саксоном Грамматиком по комментариям Стефания к "Эдде", говорит о них следующее: "Нацепив их на ноги, можно легко скользить по глубочайшим снегам". Далее он пытается описать внешний вид лыж: "Это длинные, узкие доски, слегка приподнятые спереди, длиной в пять-шесть локтей, а в ширину не превосходящие поперечника ступни". Те экземпляры, которые мне пришлось видеть самому, а также и находящиеся в составе моей коллекции, несколько шире описанных Исландцем и много короче. Таковы же образцы, хранящиеся в музее Вормия (*Museum Wormianum* в Копенгагене, коллекция ученого Вормия. – Прим. ред.) и в Лейдене, по свидетельству Фриза в его письме к Бальдуину: "Самые обыкновенные лыжи – длиной около семи футов, шириной в четыре пальца и шире".

Олаф Магнус описывает их следующим образом: "Одна доска короче другой приблизительно на один фут, причем длина одной доски должна равняться росту мужчины или женщины, которые пользуются ею, а другая должна быть на фут длиннее".

Хранящиеся в моем собрании образцы вполне соответствуют этому описанию, но лейденский экземпляр состоит, по словам Фриза, из двух лыж одинаковой длины, Олаф Вормий в своем описании своего музея также ничего не говорит о некоторой разнице в длине лыж. Форма лыж описана Исландцем совершенно правильно, они действительно бывают совсем равными со слегка приподнятым передним концом.

Художник, иллюстрировавший сделанное Вормием описание его музея, нарисовал лыжи с приподнятым зад-

ним концом. Это, по-видимому, недоразумение. На своих образчиках я заметил еще некоторое углубление посередине, вроде неглубокого желоба, сделанное, очевидно, для ноги. Даю здесь изображение лопаря, бегущего на лыжах.

В латинском языке (на котором была написана эта книга. – Прим. ред.) даже нет совсем подходящего слова для определения такого способа передвижения, который, конечно, совершенно не был знаком римлянам. Шведы и соседние с ними народы называют это скольжение на лыжах по льдам и снегам словом "*skriid*", откуда возникло и название скридфинны (*skriidfinni*), встречающееся у старинных авторов.

"Их зовут скритобинами (*scritobini*), – отмечает в своем сочинении Павел Варнефрид, – от варварского слова, обозначающего скольжение, т.к. они носятся по снегам за дикими зверями на изогнутых деревянных планках". Далее он подробно описывает оленей, которые, по-видимому, всегда играли громадную роль в жизни лопарей, и из всего этого становится ясным, что именно лопари в древности были названы скритобинами. Отсюда и Адам Бременский, нигде не упоминавший о лопарях, говорит, однако, о скритобинах или, как он называет их, скритофиннах: "В полярных странах живут скритофинны, о которых рассказывают, что в беге они перегоняют диких зверей".

Надо думать, что он имеет в виду не обычный бег, а тот бег на лыжах по льдам и снегам, о котором писал Варнефрид и от которого они получили свое название скритофиннов. Ведь это скольжение на языке северных народов называлось *skriid*, что в связи их с финским происхождением и дало повод назвать их скридфиннами.

Удивительнее всего, что лопари передвигаются на лыжах не только по равнинам, но и по неровным и горис-

тым местностям. Еще Саксон Грамматик в предисловии в своем труде восхищался проворством скрикофиннов (так он называл их): "На Крайнем Севере живут скрикофинны – народ, пользующийся необычайными средствами передвижения, с помощью которых в пылу охоты они взбираются за зверем на самые недоступные вершины. Выбегая из глубоких долин, они стремительными зигзагами и обходами пробираются между скал и обрывов и с поразительным проворством поднимаются на громадную высоту". "Необычайные средства передвижения" – это, конечно, лопарские лыжи, или skrider, как называют их шведы, что ясно и из описаний Олафа Магнуса, относящихся к тем же скридфиннам. На них они взбираются на вершины гор, ловко лавируя между скал и пропастей, чему, по словам Олафа Магнуса, никак не мог поверить Папа Павел III.

Но еще более поразительно их умение с не меньшей быстротой и ловкостью спускаться с горных круч, минуя пропасти и провалы. "Почти все лопари быстры и проворны, – говорит Самуил Реен. – Лопарь бегущий на лыжах, называемых skrider, может стремительно спуститься с высочайших гор, находящихся у норвежской границы, с такой неустрашимой ловкостью, что только диву даешься". И, действительно, трудно себе представить, как можно сделать это там, где все покрыто скользкими льдами и снегом, а со всех сторон грозят пропасти. Однако кроме искусства, приобретенного многолетним опытом и упражнениями, лопари несколько облегчают себе эту задачу тем, что обивают нижнюю поверхность лыж шкурой оленьих телат таким образом, что лыжи, обращенные против шерсти, удерживаются ею от скольжения.

Олаф Магнус так объясняет это: "Эти доски (лыжи) обиты снизу нежнейшей шкуркой оленьих телат. Смысл этого приспособления объясняется по-разному: с одной стороны, чтобы сделать лыжи еще более скользкими и бы-

стрыми во время бега по снегам, с другой стороны, чтобы легче можно было удержаться от падения в пропасти и провалы, повернув лыжи в обратную сторону, т.к. при этом волоски шерсти поднимаются как иглы ежа и препятствуют дальнейшему скольжению".

Об этих приспособлениях упоминает и Олаф Вормий при описании своих лыж, но только он говорит о тюленьей шкуре, что объясняется, вероятно, тем, что его лыжи принадлежали кому-нибудь из сиефиннов, т.е. приморских лопарей, у которых олени встречаются редко.

Лыжи являются главной принадлежностью охотника, хотя, конечно, они часто служат лопарям и для других надобностей, т.к. зимой это самый удобный способ передвижения. На лыжах лопари развивают такую скорость, что обгоняют даже диких зверей. "Выходя на лыжах зимой на охоту, они движутся с такой быстротой, что в глубоких снегах перегоняют лесных оленей и волков". Отсюда же и отзыв Адама Бременского о скритофиннах: "В полярных странах живут скритофинны, о которых рассказывают, что в бегах они перегоняют диких зверей".

Другим способом передвижения являются сани (типа кережки. – Прим. ред.), которыми часто пользуются не только для зимних поездок и перевозки клади, но и для охоты, главным образом за оленями. Олаф Магнус, описав устройство ездовых саней, добавляет: "Усевшись на них, охотники, вооруженные луками и стрелами, обыкновенно отправляются на охоту за дикими лесными оленями.

Более подробное описание саней я намереваюсь сделать в другом месте, т.к. они имеют лишь отдаленное отношение к охоте и охотничьим принадлежностям, которым посвящена эта глава.

О ЗАНЯТИЯХ И РЕМЕСЛАХ У ЛОПАРСКИХ МУЖЧИН

Главнейшим занятием мужчин у лопарей является охота, но кроме нее на них лежит еще много забот и обязанностей, связанных с поддержкой существования семьи и домашнего очага. В противоположность тому, что принято у всех других народов, у лопарей на мужчин возлагается приготовление пищи, по крайней мере той, источником которой является охота и рыбная ловля. Все добытое этими путями должно быть сварено и зажарено самими мужчинами, а не женщинами. "В обязанность мужчин входит, — пишет Самуил Реен, — варка и приготовление пищи... Пищу у них готовят не женщины, а мужчины".

Женщины-лопарки в большинстве случаев крайне неискусны в этом отношении и только в виде исключения заменяют мужчин.

Вторым занятием мужчин является сооружение лодок для плавания по рекам и озерам. Лопари делают их из сосновых досок, но не сколачивают их, как всюду принято, гвоздями, а сшивают жилами и сухожилиями — подобно своим древним предкам.

"При постройке лодок, — пишет Циглер, — они совсем не пользуются гвоздями, а скрепляют доски жилами и расщепленными сухожилиями. На этих челноках они стремительно спускаются по быстрым горным рекам Лапландии, летом совершенно нагие, чтобы легче было спастись вплавь в том случае, если челнок перевернется".

Олаф Магнус упоминает еще о древесных корнях, как о материале, служащем для сшивания досок, а также об оленьих жилах: "Свои суденышки, на которых они занимаются рыболовством, лопари строят из тонких сосновых или еловых досок, скрепленных, за неимением железных гвоздей, тонкими корнями деревьев и кустарников, только что извлеченными из земли и вполне заменяющими им пеньковые веревки. Иногда с той же целью они пользуются оленьими жилами, высушенными на ветру и на солнце. Это же подтверждает и Иоанн Торней: "Свои челноки лопари сшивают оленьими жилами".

Именно этими высушенными оленьими жилами гораздо чаще, чем скрученными наподобие каната тонкими корнями, они сшивают свои челноки совершенно таким же способом, каким в других странах сшивают полотна или другие ткани. Щели проконопачивают мохом, чтобы вода не просачивалась внутрь челнока, и снабжают такой челнок одной или двумя парами весел, устроенными так, чтобы один человек мог грести двумя сразу.

В-третьих, мужчины заготавливают на зиму всевозможного вида сани — одни служат для езды, другие — для перевозки клади. Оба эти вида саней не только значительно различаются по форме, но даже носят у лопарей совершенно разные названия: первые называются "pulca", вторые — "achkio".

Ездовые сани (pulca) походят на челнок, разрезанный пополам, с высоко вздымающимися вверх носом и тупо срезанной плоской кормой, сделанной из одной прямой доски. Корпус этого челнока (у саамов XVII–XIX вв. кережки. — Прим. ред.) сшивается из тонких гибких досок, равных ему по длине и укрепленных на остоле из четырех или более ребер и сколоченных деревянными гвоздями, которые отходят от более крепкого и толстого деревянного килья. Этот киль, толщиной в руку, поднимается спереди кверху, переходя в нос. Под этими санями нет никаких полозьев. Нижняя часть их, совершенно напоминающая лодку, не плоска, а слегка закруглена так, что они могут легко наклоняться то на один, то на другой бок, что представляет большие удобства при быстрой езде по очень глубокому снегу.

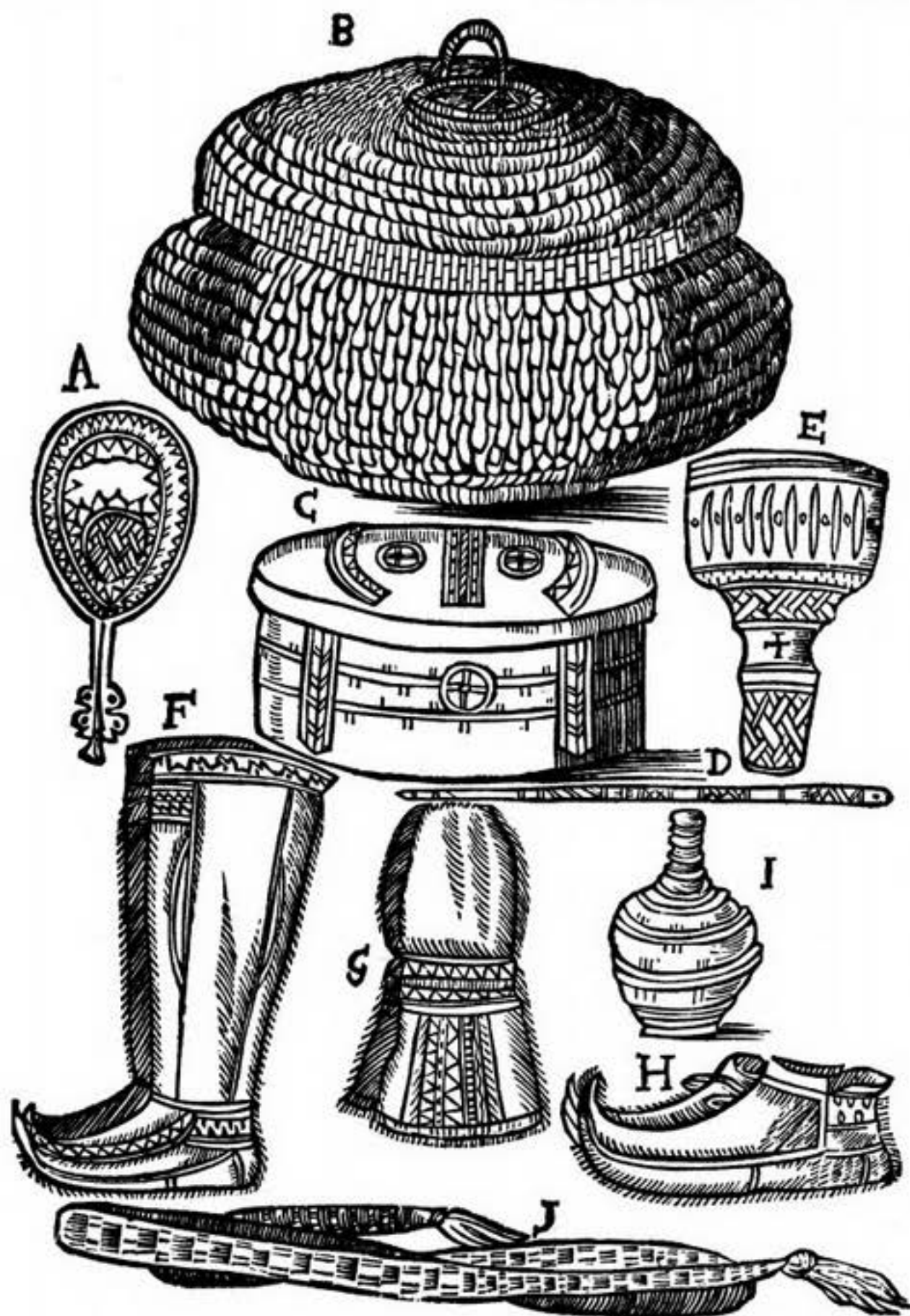
Данное здесь точное описание лопарских ездовых саней вполне отвечает тем образцам, которые хранятся в моем личном собрании. Уже Герберштейн упоминал об этих санях: "В сани, напоминающие по виду челнок, они впрягают оленей". Олаф Магнус дополняет его, говоря: "Лопарские сани не похожи ни на какие другие. Впереди они загнуты вверх и сужены наподобие башмака, чтобы лучше рассекать снег, как нос корабля, разрезающий волны".

Для того чтобы стремительно рассекаемый снег не попадал на ноги едущего, передняя часть саней приблизительно на аршин или несколько более затягивается обыкновенно тюленьей шкурой поверх полукруглых деревянных обручей, прикрепленных к бокам саней. Образовавшееся под ней пространство, в которое ездок протягивает ноги, наполняется обыкновенно тем сеном, о котором мы уже говорили (оно кладется в башмаки), или мохом, что во время езды защищает ноги от холода.

Второй вид саней (achkio), употребляемый для перевозки клади, делается несколько иначе. По внешнему виду эти сани ничем не отличаются от предыдущих, но обычно они размером больше и, кроме того, лишены какого бы то ни было покрытия. Вексионий в своем "Описании Швеции" дает прекрасное описание саней обоюродного рода, делающее вполне ясным различие между ними: "Сани у лопарей бывают двух родов; одни наподобие ботнийского челнока, разрезанного пополам плоской кормой, длиной около двух с половиной аршинов, с приподнятой вверх и закрытой передней частью — так называемые "pulca".

И другие, предназначенные для перевозки домашней утвари и называемые "achkio", достигают в длину пяти аршинов, имеют ту же форму, но совершенно открыты сверху, а нагруженная на них клада для защиты от снега прикрывается грубым холстом". Все это совершенно правильно, за исключением холста, которым лопари почти вовсе не пользуются, т.к. лен не растет в Лапландии.

Лопари большие мастера по изготовлению различной домашней утвари. Материалом для этого им служат кор-

ни деревьев, размоченные в воде и расщепленные поколачиванием на тонкие длинные и очень гибкие полоски. Корзины плетутся лопарями не так, как это обычно делается. Они готовят кольца величины, соответствующей предполагаемым размерам корзины, и затем крепко подвязывают их один над другим, плотно перехватывая вышеупомянутыми полосками из корней, пока они не достигнут требуемой высоты.

При тщательной работе и известном старании корзины получаются настолько прочные и плотные, что в них, как в сосуде, можно держать даже воду. Они бывают разной величины и формы, чаще всего круглые с крышкой, другие полуоткрытые с полукруглой ручкой, за которую их можно вешать на руку, наконец, некоторые имеют продолговатую четырехугольную форму.

Эти корзины, сделанные лопарями, получили, благодаря своей прочности и изяществу, широкое распространение в Швеции и даже за границей. Изображение одной из таких круглых, наиболее часто встречающихся в Лапландии, корзин мы даем на рисунке под литерой "В".

Помимо этого мужчины мастерят из кости и дерева еще множество мелких вещей, необходимых в хозяйстве.

Сюда относятся, например, ложки из оленьего рога, о которых упоминает Самуил Реен: "Некоторые из лопарей чрезвычайно искусно вырезают ложки из оленьего рога, делают на них ножом всевозможные насечки и затем окрашивают эти бороздки в черный цвет".

В моей коллекции есть одна такая ложка, мастерски разукрашенная резьбой, с пластинками на ручке, вырезанная вся из одного куска рога или кости. Изображение ее я даю под литерой "А". Там же у меня хранится костяная игла длиной несколько более двух дюймов, круглая, резная, с отверстием на конце, которая изображена на рисунке под литерой "D".

Стоит упомянуть еще о костяном гребне величиной с ладонь, используемом лопарями для расчесывания шерсти (литера "Е"), а также о табакерке, сделанной также из кости в высшей степени изящно, с разными украшениями, разбросанными по ее поверхности в виде кружков, колечек и других узоров (литера "С").

Все эти предметы заставляют нас переменить взгляд на лопарей как на грубый и бездарный народ и согласиться с тем, что вполне справедливо говорит о них Иоанн Торней: "То обстоятельство, что лопари с таким искусством собственными руками изготавливают такие художественные вещи, подает надежду, что, получив достаточное образование, они могли бы стать более способными и деятельными людьми".

Наконец, следует еще упомянуть о том, что некоторые лопари научились вырезать из кости формы для отливки из олова колечек и пластинок с выгравированными на них изображениями цветов, животных, звездочек и т.п., которыми затем мужчины и женщины украшают свои пояса.

Таковыми формами они пользуются не только для выделки украшений из олова, но даже и для отливки свинцовых пуль, которыми заряжают свои пищали. "В случае надобности, — говорит по этому поводу Торней, — они недурно отливают разные мелочи из металла".

Из дерева мужчины делают еще множество вещей, необходимых в хозяйстве, на охоте и для других промыслов. Многие деревянные вещи они украшают затем костяными пластинками так же, как мы видели на примере описанного мною ларчика. Циглер упоминает о деревянной посуде, кубках, блюдах и т.п., Вексионий — о берестовых сосудах для воды и других жидкостей. Я не буду перечислять всего, что выделяется искусными лопарями. Скажу лишь, что они не обучаются этому искусству у каких-нибудь мастеров, а обычно узнают все это от своих родителей, передающих потомству полезные навыки, широко распространенные почти среди всех лопарей.

Поэтому справедливо будет закончить эту главу словами Андрея Буряя: "Лопари деятельны, подвижны и очень искусны во всяких рукоделиях и ремеслах".

Глава XXII

О ЗАНЯТИЯХ ЛОПАРСКИХ ЖЕНЩИН

Главным занятием лопарских женщин является, конечно, шитье одежды и обуви не только для себя, но и для мужчин. Об этом согласно говорят почти все известные мне авторы. "На обязанности женщин, — пишет Олаф Петерсон, — лежит шитье одежды". "Всякую одежду, а также обувь из оленьих шкур шьют женщины, — добавляет Иоанн Торней, — т.к. у лопарей нет ни особых портных, ни башмачников". "Лопарские девушки, — говорит Самуил Реен, — учатся шить одежду, набедренники, башмаки, рукавицы, лопарские малицы и т.п., т.к. никто из мужчин не умеет делать этого. Шитье одежды является исключительной обязанностью женщин".

На женщин у лопарей возлагается также изготовление всего, что относится к упряжи домашних оленей, шитье сбруи, постромок для саней, украшений для седла и т.п. Поэтому Самуил Реен, перечислив разные виды платья, шитье которого поручается женщинам, добавляет: "На них же возлагается обязанность изготовлять оленью упряжь". Как подсобное по отношению к этим главнейшим занятием, можно рассматривать приготовление женщинами нитей из оленьих жил. "Так как в Лапландии не сеют льна, — пишет Андрей Бурей, — то вместо него женщины пользуются высушенными оленьими жилами, которые они затем расщепляют на тонкие нити и шьют ими одежду". Образчики подобного рода нитей хранятся в моей коллекции.

Олаф Магнус также упоминает: "Вместо льняных нитей, которых нет в Лапландии из-за холодного климата, делающего невозможным разведение льна, лопари пользуются жилами для изготовления одежды".

Употребляя здесь менее точное, чем у Бурей, выражение "для изготовления одежды", Олаф Магнус, по-видимому, и дал повод графу Ломейну превратно истолковать его в том смысле, что жилы

употребляются не для сшивания одежды, а как материал, из которого ткют какие-то особые ткани, идущие на выделку платья.

Я заключаю это из того, что Ломейн, видимо, охотно пользовался данными Олафа Магнуса во всем, относящемся к описанию Лапландии, занимающему в его "Путевых заметках" очень небольшое место и умещающемуся у него на одной страничке. Однако вывод, сделанный Ломейном из вышеприведенных слов Магнуса, основан все же на недоразумении.

У Магнуса нигде ничего не говорится о тканях из оленьих жил, напротив, в одном месте он упоминает о том, что оленьи жилы обрабатываются особым образом и затем расщепляются на тонкие нити, служащие для шитья. Факт этот совершенно достоверен, и до настоящего времени вся одежда лопарей, будь то малица, штаны или сапоги и рукавицы, сшивается тонкими нитями. Они бывают разной толщины, начиная от довольно толстых и кончая тончайшими нитями, на которые лопари часто наво-

дят тонкий слой олова, о чем я скажу далее, при этом все эти нити, в противоположность обычным льняным и пеньковым, длина которых достигает иногда многих аршинов, коротки и не превышают в длину двух-трех аршин, соответственно размерам тех жил, из которых они сделаны.

Предварительная обработка жил для получения из них нитей заключается в следующем: жилы тщательно очищаются и освобождаются от всяких узлов и затвердений, затем высушиваются и треплются, как лен. После этого к ним прибавляют немного рыбьего жира, чтобы сообщить им большую гибкость и мягкость. "Женщины, — пишет Вексионий в "Описании Швеции", — прядут нити из сухих оленьих жил, выколоченных, растрепанных и смазанных рыбьим жиром".

Кроме этих своеобразных нитей, лопари прядут иногда овечью шерсть, из которой затем ткут тесемки, повязки и пояса, а также мягкую белоснежную заячью шерсть, идущую на выделку шапок и рукавиц. Эти последние предметы они вяжут (strichen) при помощи трех или четырех железных спиц, подобно тому как в Европе вяжут чулки. Шапки из заячьей шерсти нежны и мягки, как лебяжий пух, которым пользуются чаще женщины, и притом необыкновенно теплы. Подобным же образом лопарки вяжут и рукавицы, необходимые всем жителям Лапландии для защиты от страшных морозов.

Пояски и повязки, о которых мы упоминали выше, лопарки ткут очень недурно при помощи довольно примитивных ткацких станков, сделанных из кости, и вышивают на них всевозможные узоры, как видно из образца одного из этих поясов, хранящихся в моей коллекции, изображение которого приведено мною в предыдущей главе под литерой "J".

Кроме изложенных здесь женских рукоделий, в которых главную роль играют веретено и прялка, а также железные спицы для вязки шерстяных изделий, лопарки занимаются еще и тем, что сплетают вышеописанные нити из оленьих жил тончайшими ниточками, вытягиваемыми из расплавленного олова наподобие того, как в Европе делают это с сусальным золотом. "Олово, — пишет Андрей Бурей, — они вытягивают, как золото, в тончайшие нити и ими обволакивают описанные уже мною нити, приготовленные из оленьих жил". Это делается следующим образом: расплавленное олово вливается в рог с пробуранными в нем отверстиями различной ширины и затем выступающие из них узкие кусочки олова вытягиваются зубами до желательной нитевидной тонкости.

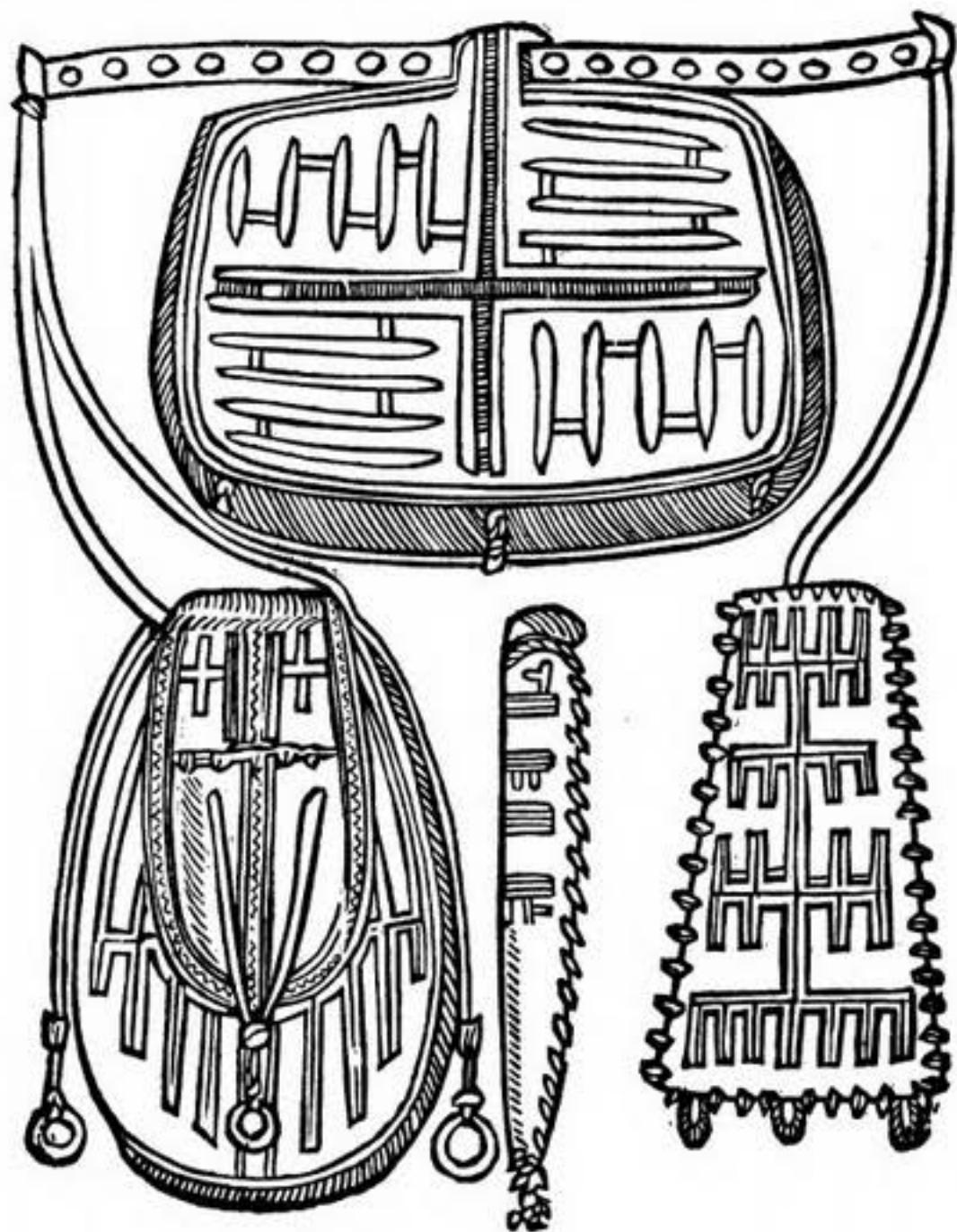

Самуил Реен так описывает эту процедуру: "Кроме того лопарки умеют вытягивать из олова через рог с широкими и узкими отверстиями тонкие нити; когда влитое в него расплавленное олово застывает, выступая приблизительно на аршин из этих отверстий, они вытягивают его зубами сначала через широкие, а потом и через узкие отверстия, пока не добьются желательной для них тонкости нити".

Так как полученные таким своеобразным способом нити круглы и потому непригодны для сплетения других нитей, не будучи в состоянии плотно прилегать к ним, то лопарки стараются сделать их, с одной стороны, плоскими и для этого затыкают тонкой косточкой половину отверстия в роге и, продолжая вытягивать оловянную нить, придают ей нужную форму. Таким образом, первоначально круглая нить превращается в полукруглую, уплощенную с одной стороны. Прилагаем здесь изображение того, как все это делается у лопарей.

Следующая часть операции сводится к тому, чтобы обмотать полученную таким способом металлическую нить вокруг другой. Это достигается при помощи веретена, к которому прикрепляют обе нити и затем так переплетают их, что нитка из оленьих жил совершенно покрывается оловянной. Чтобы длинно вытянутая оловянная нить не запуталась и не свернулась, тотчас по вытяжке ее заматывают или вокруг головы, или нацепляют на кончик ноги. Самуил Реен, у которого очень подробно изложено все, относящееся к этому своеобразному рукоделию, так описывает дальнейшую обработку нити: "Когда оловянная нить вытянута уже на несколько аршинов, ее обматывают вокруг головы или вокруг ног, чтобы она не сбилась в клубок. Затем при помощи маленького веретена прядут обе нити, тесно переплетая их между собой, чтобы таким образом получалась одна плотная оловянная нить".

Изготовленные таким способом нити заменяют у лопарей серебряные и золотые, которые с древних времен в ходу у прочих народов. Они находят у лопарей очень широкое применение для украшения одежды и вышивок. Уже Циглер упоминает об этом:

"Часть лопарей искусно рукодельничает, дивно расшивая серебром и золотом свои одежды". Мне лично ничего не известно о применении для этой цели золота и серебра, по крайней мере в наше время ничего подобного не встречается среди лопарей. Кроме того, не может быть и речи об одежде, вытканной золотом и серебром, т.к. никаких тканей – ни шерстяных, ни полотняных – лопари сами вовсе не ткут, а шерстяную одежду свою покупают или выменивают у ботнийских и норвежских купцов. Они лишь вышивают на своей одежде всевозможные узоры вышеупомянутыми оловянными нитями. "Для украшения своего парадного платья, – сообщает Андрей Бурей, – лопари вытягивают наподобие золота тончайшие оловянные нити, оплетают ими нитки из оленьих жил и ими затем расшивают одежду, выводя на ней всевозможные красивые узоры".

По словам Вексиония, у лопарей постоянно видишь оленьи сапоги и рукавицы, искусно вытканые оловянными нитями. Речь идет, конечно, о вышитых на них узорах. Почти всякая одежда лопарей бывает разукрашена этими узорами, и женщины, достигшие совершенства в этом искусстве, пользуются в их среде большим уважением.

"Женщины, искусные в изготовлении оловянных нитей и вышивке узоров на одежде, высоко ценятся у лопарей за свое тонкое искусство. – пишет Самуил Реен и далее перечисляет те виды одежды, которые чаще других расшиваются узорными вышивками, – Этими оловянными нитями на фригийский манер они расшивают рубахи, малицы (mudd), штаны, рукавицы и сапоги, а также всю оленью сбрую".

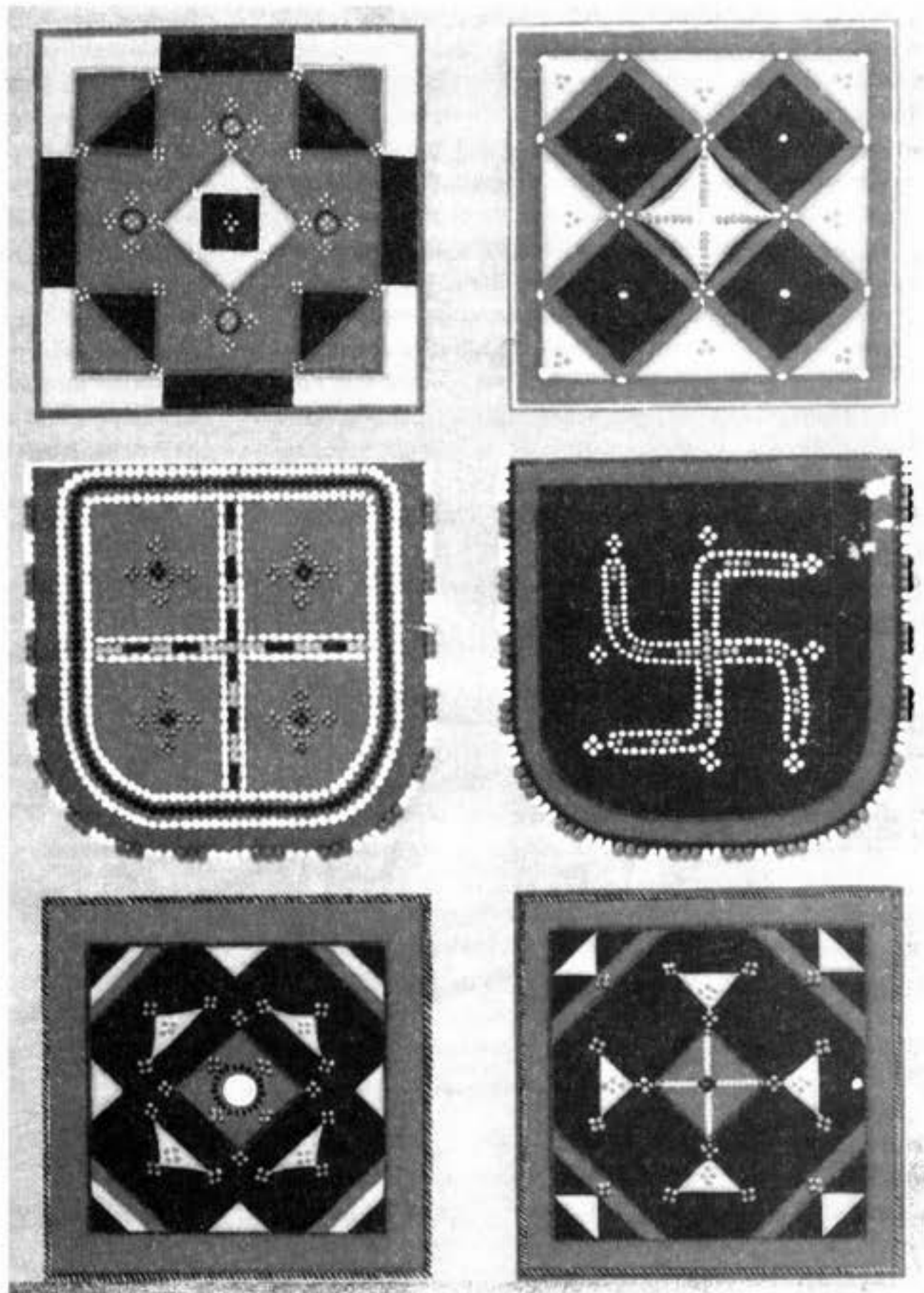
Эти узоры и вышивки делаются не прямо на оленьей шерсти, из которой сшита одежда, а на оторочках и вставках, сделанных на ней из голубой, темно-зеленой или чаще красной шерстяной ткани. Такая оторочка имеется обыкновенно на малицах у ворота и на обшлагах рукавов, а также спускается в виде полос на груди и по бокам; на рукавицах она занимает не ту их часть, которая покрывает самую кисть руки, а вышерасположенную, натягиваемую поверх рукава, на штанах – у колен, на сапогах – вокруг отверстия, в которое входит нога или у носка.

Узоры этих вышивок, действительно, очень искусны и своеобразно красивы. На них изображаются не только всевозможные фигуры, звездочки, цветы, но также и птицы, звери, особенно олени. Все это вместе взятое представляет очень приятное зрелище. Для придания этим украшениям еще большего блеска к этим вышивкам прибавляют часто еще небольшие оловянные кружочки или колечки, расплюснутые молотом, которые сверкают на солнце, как вспышки мол-

ний. Далее следуют ленты, повязки, перевязи и т.п., висающие там и сям подвески, украшенные теми же оловянными нитями, с пришитыми к ним сверху клочьями или полосками разноцветной шерстяной ткани. Образцы всех этих украшений я дал в конце предыдущей главы: сапоги с голенищами под литерой "F", рукавицы под литерой "G" и обувь под литерой "H".

Лопари заботятся не только об украшении своей собственной одежды, но стараются разукрасить также и сбрую своих ездовых оленей. Вся она бывает, обыкновенно, расшита металлическими нитями и разукрашена по краям бахромой из шерстяной ткани. Да и вообще все, что так или иначе бросается в глаза, лопари стараются приукрасить резьбой, узорами, вышивками.

В моем собрании есть, например, разукрашенные подобным образом сумки, баулы для иголок, ножны, ложки и т.п., глядя на которые нельзя удержаться от восхищения. Чтобы слова мои не показались преувеличенно восторженными тем, кому никогда не приходилось видеть образчики лопарского искусства, я привожу здесь тщательно нарисованные мной изображения некоторых предметов из моего собственного собрания.

О ЗАНЯТИЯХ, ОБЩИХ ДЛЯ МУЖЧИН
И ЖЕНЩИН

Кроме изложенных уже нами занятий, изначально присвоенных у лопарей представителям того или другого пола, все остальные работы в равной мере распределяются между мужчинами и женщинами. Именно это имел в виду Иоанн Торней, говоря о лопарях: "И мужчины и женщины носят у них штаны, что вызывается глубокими зимними снегами, непогодами и трудностями пути во время переездов, так как женщины наравне с мужчинами делают всякую работу, за исключением лишь охоты, которой занимаются одни мужчины".

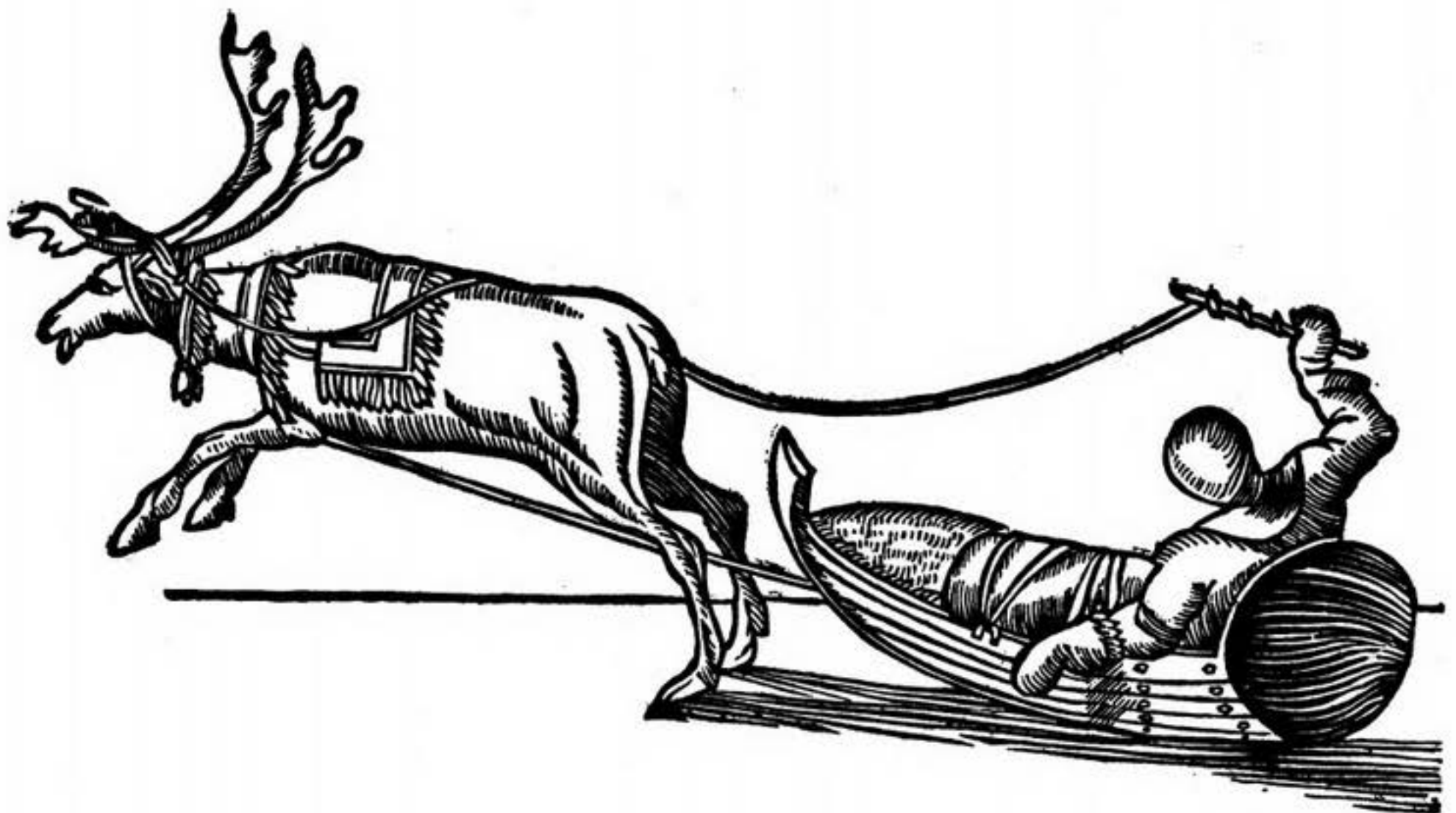
В этой общей фразе он выделил одну только охоту, как наиболее важное и существенное занятие, не касаясь тех более мелких обязанностей, которые, как мы видели выше, возлагаются, в свою очередь, на одних только женщин. В особенности он подчеркивает тут, что во время постоянных кочевий и переходов с места на место, лопарки разделяют со своими мужьями все труды и заботы, связанные с этим образом жизни, почему и нуждаются в соответственной более удобной и теплой одежде.

В уже описанном нами со слов Самуила Реена порядке следования лопарской райды (каравана) мы видим, что впереди шествует глава семьи с навьюченными оленями, а за ним следует его жена, подобным же образом ведя за собой нагруженных кладью животных. Летом оба идут пешком, зимой едут на оленях, способ передвижения на которых уже был нами описан выше.

Ездок обыкновенно привязывается веревками к обоим бокам саней, особенно, когда ему предстоит трудный и неровный путь. Просунув ноги под закрытый передок саней, он полулежит в них, опираясь спиной в заднюю доску так, что наружу выступает лишь его грудь и руки, остающиеся свободными. "Задняя часть саней, — пишет Вексионий, — замыкается плоской колодой наподобие кормы, к ней ездок (а в каждом санях ехать может только один человек) прислоняется спиной. Он погружен по пояс во внутреннюю часть саней и привязан к ним с обеих сторон пеньковыми веревками или ремнями". А Иоанн Торней добавляет: "Лопарь в своих санях запеленат, как ребенок, веревками и ремнями, так что только верхняя половина тела и руки выступают из саней".

Упряжь оленей, впрягаемых в сани, очень отличается от обычной упряжи лошадей. На шею оленя надевается широкая повязка вроде хомута, от которой между передними и задними ногами под животом животного тянется к передку саней крепкая веревка. "От поднимающейся кверху передней части саней, — пишет Вексионий, — в которой для этой цели сделано отверстие, тянется под брюхом оленя привязь, проходящая между его передними и задними ногами, чтобы лучше можно было управлять его движениями. Спереди она прикрепляется к хомуту из мохнатой оленьей шкуры, одетому на шею животного".

"Вся сбруя оленя, — констатирует Торней, — состоит из одного хомута и привязи, идущей от него под брюхом

животного к саням, ее одной рукой легко поднимает даже ребенок". Поэтому необычайно отклонился от действительности злополучный иллюстратор сочинений Олафа Магнуса, давший вымышленное им самим изображение оленей, запряженных в сани совершенно так же, как обыкновенно запрягают лошадей, т.е. с чересседельниками и подпругами с обеих сторон, да кроме того еще под дугой, с которой часто запрягают лошадей в сани и телеги, чтобы слегка раздвинуть ими оглобли, между которыми приходится бежать животному.

Такую именно дугу, называемую "lochgarcka", он нарисовал над своими оленями, хотя она и может иметь смысл лишь там, где есть оглобли, олени же запрягаются не в оглобли, а при помощи простой привязи, как было сказано выше.

Этот же иллюстратор изобразил летнюю лопарскую упряжку в виде двух оленей, впряженных в телегу, что уже совсем ни с чем не сообразно, т.к. никаких повозок на колесах вовсе не встречается в Лапландии и летом всю кладь перевозят прямо на спинах оленей, навьючивая их посредством особых седел.

Но самое невероятное у него – это рисунок лопаря, едущего верхом на олене, взнузданном уздечкой, и с поводьями. Ничего подобного никто еще не видал, ибо уже Циглер категорически утверждал, что "лопари никогда не ездят верхом, а привязывают оленя к саням".

Как мы уже говорили, летом лопари путешествуют пешком с навьюченными оленями, зимой же впрягают их по одному в сани, в которые и садится каждый ездок по отдельности. Едучи на санях, лопарь правит оленем при помощи одной единственной вожжи, прикрепленной совсем не к уздечке, а привязанной к голове и рогам животного, и держит ее свободный конец в правой руке. В свою очередь, этот конец подвязан к короткой палке вроде кнутовища, которую ездок перекладывает по желанию из правой руки в левую, причем вожжа ударяет по спине оленя то справа, то слева и направляет его в надлежащую сторону.

Итак, одной рукой лопарь правит, другой же выравнивает сани, которые, будучи полукруглой формы, вроде килевой лодки, постоянно наклоняются то на один, то на другой бок; перевешиваясь на противоположную сторону и двигая рукой, ездок не дает им перекувырнуться.

"В сани, напоминающие по виду челнок, – сообщает нам Герберштейн, – лопари запрягают оленей. Человек, едущий в санях привязывается к ним веревками, чтобы не выпасть во время быстрой езды. Левою рукой он держит вожжи, которыми сдерживает оленя, а правою рукой палку, которой подпирается, если сани накренились слишком на один бок, и не дает им перевернуться". Следует лишь заметить, что к палке, находящейся в правой руке, и привязана вожжа, другой конец которой завязан вокруг головы и рогов животного. Ездок, сидящий очень низко на дне саней, при помощи ее перекидывает вожжу через спину животного то направо, то налево, управляя таким образом движением оленя. Совсем не этой палкой, а тяжестью собственного тела, наклоняясь то в одну, то в другую сторону и двигая при этом свободной рукой, он удерживает сани в равновесии.

Все это вы видите на рисунке, изображающем лопаря, едущего в санях на олене. Так лопари путешествуют зимой, когда вся страна бывает покрыта глубочайшими

снегами. Нет недостатка во всевозможных украшениях, которыми покрывается несложная оленья упряжь. На шею оленям вешают колокольчики, звук которых, видимо, доставляет оленям большое удовольствие; вся сбруя расширяется оловянными нитями, а по краям украшается разноцветными кусочками ткани в виде бахромы.

Смотря по надобности, лопари ездят на оленях то очень быстро, то медленно. Так, например, переключивая на новые места, обыкновенно двигаются неторопливо, движение замедляется еще и тем, что в таких случаях везут с собой весь свой домашний скарб, нагруженный на описанный уже нами другой вид саней, называемых ashkio, в которые, несмотря на их величину, впрягают тоже по одному оленю.

Впереди на легких санях обыкновенно едет лопарь или лопарка, а за ними тянутся грузовые сани, привязанные друг за другом вереницей или же едущие свободно. Домашние олени, даже не будучи привязаны, ровно бегут друг за другом со своими санями и весь обоз вытягивается в одну линию. Едучи по своим делам без клади, они мчатся обыкновенно с громадной скоростью. "В 24 часа, – пишет Циглер, – они покрывают расстояние в полтораста тысяч шагов, или 30 скен (schoep – шведская мера, равная 1 миле), что на их языке называется "трижды изменить горизонт", т.е. трижды достигнуть отдаленнейший пункт, видимый на самом горизонте".

Герберштейн в своем сочинении о Московии говорит о двадцати милях в день, подразумевая под этим светлую часть суток. Тем не менее, представляется маловероятным, что на одном и том же олене можно покрыть такие громадные расстояния; даже и двадцать миль одним духом может пробежать только очень крепкий олень при хорошей дороге и скользкоукатанном снеге. Обычно олени пробегают двенадцать-шестнадцать миль в течение 10 часов. И это следует считать хорошей скоростью и порядочным расстоянием для оленя, бегущего без передышки. Если удвоить его, то и получается цифра, приводимая Циглером, т.н. тридцать миль в 24 часа, но, повторяю, трудно допустить, чтобы один и тот же олень мог пробежать сразу такое расстояние, что подтверждали в разговорах со мною и сами лопари. В таком же смысле высказывается и Олаф Петерсон: "Настаивать на такой исключительной скорости и выносливости оленя, а именно, чтобы он мог везти сани с человеком без передышки за один день по двадцать миль, представляется мне нелепым. Достоверно известно, что если и удастся в течение одного дня совершить такой пробег, то на следующий день олень обязательно должен хорошенько отдохнуть, так как в противном случае он неизбежно падет".

Такие разезды одинаково совершаются и мужчинами и женщинами, о чем мы знаем не только со слов Олафа Магнуса, а – что гораздо важнее – из повседневного опыта. Олаф говорит, что женщины выезжают на санях на охоту, от которой, однако, как нам известно, женщины у лопарей совершенно отстранены. Тем не менее и помимо охоты женщины часто выезжают на санях по разным надобностям.

Но не только в разездах и при переходе на новые места женщины равняются с мужчинами, а и во многом другом исполняют ту же, что и они, работу, помогая им при пастьбе скота и рыбной ловле. Оленей, как известно, пасут и мужчины и женщины, они же и доят их. "Оленей

доят у лопарей и мужчины и женщины, – говорит по этому поводу Самуил Реен, – старики и юноши”.

Что касается рыболовства, то женщины занимаются им, пожалуй, даже чаще мужчин. Нередко в отсутствие мужчин лопарки отправляются далеко на рыбную ловлю, иногда на целые недели, ловят много рыбы, тут же потрошат ее, вялят и заготавливают впрок на зиму. Способы ловли мало отличаются от обычных, рыбу ловят неводом, ставят сети, загоняют в мережи, закидывают удочки.

Мне непонятно, что подразумевал Павел Иовий, говоря в своем "Описании Московии" о "нелепых, но удачных приемах рыболовства у лопарей". На мой взгляд, ничего нет нелепого в тех способах, которыми пользуются лопари при ловле рыбы. Мой взгляд подтверждают слова Олафа Петерсона: "Мне ни разу не приходилось слышать о каких-нибудь особенных рыболовных снастях у лопарей, кроме тех, которые употребляются повсюду".

Может быть, Иовий имел в виду деревянные крючки удочек, которые часто встречаются у лопарей вместо обыкновенных железных. Для этой цели заостряют наподобие крючка раздвоенный сучок можжевельника и подвязывают его на длинной бечевке к палке, которую втыкают на определенное место в реке. Когда крупные рыбы схватят приманку, насаженную на крючок и дернут палку, она начинает колебаться, но, воткнувшись в землю, держится крепко и пойманная рыба не может никуда уйти. Много таких палок одновременно втыкается в берег, или дно реки.

Здесь следует заметить что, распространенный у нас вид рыбной ловли на гибкое удище с тонкой нитью из конского волоса и железным крючком, на который насаживается приманка, и при этом, когда рыба клюнет, она тотчас вытаскивается удильщиком, лопарям почти совершенно не знаком

Способы рыбной ловли меняются в зависимости от времени года. Летом ловят рыбу мережками, раскидываемыми меж двух челноков, которые затем приближаются друг к другу, загоняя рыбу в сети. Иногда пользуются еще своеобразной острогой, напоминающей трезубец, с которым изображают Нептуна, с той лишь разницей, что зазубрин на нем часто бывает не три, а гораздо более. Этой острогой пронзают главным образом щук, когда они из глубин поднимаются на поверхность понежиться на сол-

нце и попадаются на глаза рыболовам. С острогой охотятся также и ночью, разводя огонь из сухого хвороста на носу челнока, на свет которого сплывається рыба, которую, пользуясь этим, и бьют рыбаки.

В зимнее время тянут неводы подо льдом, прорубая в нем в определенных местах проруби, через которые опускаются сети. К ним прикрепляются палки такой длины, чтобы можно было протянуть сеть от одного отверстия к другому вплоть до противоположного берега. Когда это сделано, поднимают на льду шум, вспугивают им рыб и загоняют их таким образом в расставленные сети. Даже и это нередко выполняется одними женщинами.

Чтобы рассказ мой не показался невероятным, я должен заметить, что в реках и озерах Лапландии рыбы водится великое множество.

Кроме этих главных промыслов, можно было бы еще перечислить немало всяких мелких домашних работ, как, например, соби́рание хвороста, рубка дров, постройка загонов для оленей и т.п., в которых женщины-лопарки принимают участие наравне с мужчинами, но их так много, что я ограничусь уже сказанным.

Глава XXIV

О ДОСУГЕ И ИГРАХ ЛОПАРЕЙ

ознакомившись с главнейшими занятиями лопарей, перейдем теперь к описанию игр и развлечений, которыми они заполняют свой досуг. Прежде всего следует отметить, что лопари вообще очень склонны к безделью. Они принимаются за работу лишь под гнетом крайней необходимости, побуждаемые к тому недостатком пищи или другими насущными потребностями. К этому присоединяется также их холодный темперамент, обусловленный особенностями сурового климата. Это обстоятельство обыкновенно способствует развитию лени. Вспомним еще и о долгих ночах и длительном сне, в свою очередь действующем расслабляюще на человека.

Не углубляясь далее в описание их природных недостатков, скажу лишь, что лопари с трудом переносят длительную и упорную работу, они любят досуг и страстно к нему стремятся. Но чем же они заполняют его. Самым обычным для них препровождением времени являются взаимные посещения друг друга, хождение в гости и сопровождающая эти визиты дружеская болтовня. Живя по большей части очень уединенно, исключительно в кругу семьи, населяющей редко разбросанные по обширной

стране одинокие жилища, они особенно ценят общество посторонних людей и беседу с ними.

"Лопари часто ездят друг к другу в гости, – говорит о них Самуил Реен, – почти все свободное время у них заполняется посещением родных и знакомых". Главным содержанием этих визитов являются разговоры о всякой всячине, по большей части о будничных делах и происшествиях, о здоровье, семейных новостях и т.п.

Часто темой для разговоров служат еще рассказы о жизни соседних народов, знакомых им по торговым сношениям или другим деловым связям, которым они при этом любят давать насмешливые прозвища. "Как только сойдутся двое или трое лопарей, – пишет Самуил Реен, – так тотчас же и начнут осуждать своих ближних, а особенно охотно представителей чужих народностей, давая им при этом шуточные прозвища."

Более зажиточные лопари предлагают при этом своим гостям угощение из любимых в их среде и лакомых блюд. "Хозяин, – продолжает Реен, – заботится о том, чтобы хорошенько угостить всех своих гостей и принять их как можно лучше". Кроме хождения в гости лопари заполняют свой досуг играми, в особенности зимой, когда они живут не

так разбросанно и уединенно, как летом, а иногда даже съезжаются вместе на ярмарки, места сбора налогов и т. д. В одних играх принимают участие только мужчины и юноши, в других и мужчины и женщины вместе.

Игры мужчин и юношей заключаются обыкновенно в следующем. В снегу проводят линию и на некотором расстоянии от нее ставят какую-нибудь вежу. От этой вежи все играющие бегут к черте и, достигнув ее, прыгают как можно дальше, причем выигравшим считается тот, кто превзошел в этом отношении всех прочих.

Очень распространена среди лопарей и другая игра, суть которой в прыжках уже не на расстояние, а в высоту. Двое мужчин или юношей стоят неподалеку друг от друга и держат в руках веревку или палку на условленной между играющими высоте, иногда чуть ли не на высоте человеческого роста. Состязающиеся пытаются перепрыгнуть через эту палку, и сделавший это лучше всех считается победителем. Еще одна игра состоит в стрельбе из лука или метании дротиков в установленную цель. Выигравшим считается тот, кто первым попал в цель, или же попавший в нее больше, чем другие, число раз.

Все эти игры представляют собой чистое соревнование, в котором наградой служит успех и слава, а не какая-нибудь материальная выгода. Однако иногда назначается при этом какая-нибудь ставка, редко денежная, чаще это или меха, главным образом беличьи, или что-нибудь подобное. Ставка кладется на виду посреди поля, на котором происходит состязание.

К числу игр, в которых принимают участие также и женщины, относится игра в мяч, сделанный из кожи и набитый сеном, величиной с кулак. Все играющие разделяются на две партии, из которых каждая занимает предназ-

наченное ей поле, отделенное от другого свободным пространством. После этого по очереди члены одной партии подбрасывают мяч кверху и ударом палки мечут его по воздуху по направлению к полю другой партии, которая должна подхватить мяч на лету, прежде чем он коснется земли. Если это им удалось, то роли играющих меняются и уже члены другой партии поддают мяч палкой. Этой игрой одинаково забавляются и мужчины, и женщины, и дети, как мальчики, так и девочки, причем женщины в ловкости и проворстве не отстают от мужчин.

Другая игра в мяч состоит в следующем. На замерзшем плотном снегу проводят на некотором расстоянии друг от друга две черты. Играющие разделяются на две группы, и каждая берет на себя защиту одной из них. Выйдя на лежащее между ними пространство, играющие стараются палками и шестами загнать мяч за одну из линий, которую яростно защищают представители противоположной партии. Та группа играющих, которой удалось загнать мяч палками (руками его касаться не разрешается), считается выигравшей.

Во всех здесь мною перечисленных и достаточно подробно описанных играх принимают участие и взрослые и дети. В той же игре, о которой я сейчас намереваюсь рассказать, участвуют обыкновенно одни мужчины, и притом вполне взрослые. Все они точно так же разделяются на две партии, выстраивающиеся стеной или строем одна против другой, затем оба ряда сходятся и крепко берут друг друга за пояса, которые при этом должны быть плотно два или три раза окружены вокруг туловища. Ухватившись за пояса, состязающиеся со всех сил натуживаются, стараясь повалить своего противника на землю. При этом строжайше воспрещается прибегать к хитрости или каким-нибудь нечестным приемам, как, например, подножка и т.п., и замеченный в таком нарушении правил борьбы, как недостойный обманщик, исключается из состязания.

Таковы основные и самобытные игры лопарей. Кроме них встречаются, конечно, еще и другие, главным образом заимствованные от соседних народов. К их числу следует отнести, прежде всего, карты, которые, распространившись по всей Европе, через соседних купцов проникли и в Лапландию, где пользуются большой любовью лопарей.

Карточные игры у них, разумеется, те же, что и во всем остальном мире и поэтому не представляют для нас никакого интереса.

Почти то же можно сказать и об игре в кости, которые у лопарей делаются из дерева и отличаются от обычных еще и тем, что цифры на них поставлены не на всех сторонах куба, а только на одной и расположены в форме буквы "X". Выигравшим считается тот, кто, бросая пару костей, выкинет их так, что на обеих цифры окажутся сверху.

В эти игры лопари играют с азартом, причем ставкой служат часто беличьи меха и всякие мелкие вещи, а за неимением их даже свинцовые пули от пищалей. Случается иногда, что, желая отыгаться, лопарь, уже проигравший свои пули, без которых ему невозможно или трудно охотиться, проигрывает и остальное свое добро.

Таковы излюбленные способы препровождения времени у этого народа, по словам торнеоского лопаря Олафа Маттисона, с которым я беседовал по этому предмету.

СВАТОВСТВО И СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ЛОПАРЕЙ

осле всего сказанного нами о повседневных, будничных занятиях и развлечениях лопарей своевременно будет поговорить о разных торжествах и празднествах, прерывающих обычное течение жизни. Видное место среди таких торжественных событий занимают свадьбы со всеми относящимися к ним обрядам и увеселениями.

Собираясь вступить в брак, лопарский юноша прежде всего старается найти богатую девушку, владеющую многими оленями. Дело в том, что по лопарскому обычаю при самом рождении детям дарят некоторое количество оленей, весь приплод которых считается в дальнейшем личной собственностью детей, а не родителей. Невеста, имеющая достаточное количество этих животных, легко находит себе жениха. Мужская молодежь мало заботится о прочих достоинствах невесты, ни о ее добродетели, ни о красоте, ни о прочем, что привлекает мужчин на всем свете.

"Когда лопарь задумал жениться, – пишет Самуил Реен, – он заботится прежде всего о том, чтобы найти богатую невесту, т.е. такую, олени которой имели особенно многочисленный и удачный приплод. Поэтому, если у лопаря несколько дочерей с разным достатком, то именно за той которая имеет больше оленей, чем ее сестры, особенно настойчиво ухаживают юноши, не обращая никакого внимания на то, добродетельна она или нет, красива или безобразна".

Нет ничего удивительного в том, что люди, живущие в таком суровом климате, среди скудной природы, больше заботятся о пропитании, источником которого являются главным образом олени, чем о всем прочем. Владение большим стадом кажется им вернейшей гарантией избежать в дальнейшей жизни ужасов бедности и сопряженных с ней страданий, холода и голода.

Присмотрев подходящую девушку, что делается обыкновенно во время съездов лопарей на ярмарки или для уплаты податей, юноша отправляется к ее родителям, захватив с собой своего отца, чтобы при их содействии добиться согласия на брак. Приблизившись к шалашу, все, кроме жениха, входят в него, он же должен оставаться снаружи, делая вид, что занимается какими-нибудь мелкими работами, например сбором хвороста и т.п., до тех пор, пока его не позовут. Войти в шалаш без приглашения считается у них большим невежеством.

Иоанн Торней так рассказывает об этом: "Намереваясь вступить в брак, лопарь отправляется к жилищу девушки, которую он присмотрел, со своим отцом, сватом и другими людьми, на обязанности которых лежит вести переговоры с ее родителями или опекунами. При этом он берет с собой обыкновенно одну или несколько бутылок водки. Сват с прочими спутниками входит в жилище будущего тестя, отец же жениха стоит у входа с

четвертью водки в руках и потчует ею присутствующих. Сам жених не должен входить в шалаш, а дожидаться снаружи, наподобие привратника или дворовой собаки. Если он дерзнет войти без приглашения, то совершает этим, по их понятиям, величайшую грубость и непристойность и может таким поступком расстроить все дело".

Выпив немного водки, сват приступает к делу, объясняя тестю цель их прихода, и просит его отдать дочь замуж за юношу. Получив согласие, он осыпает тестя самыми лестными эпитетами, какие только может придумать, и падает перед ним на колени, как перед каким-нибудь князем или властелином.

Продолжая свой рассказ, Торней говорит: "Он называет его великим и достопочтенным отцом, лучшим из всех отцов, славнейшим и мудрейшим, брякаясь все время перед ним на колени. Если ему (свату) случайно известен королевский титул "Величество", то он, не задумываясь, долго называет тестя и этим титулом. Мне лично приходилось присутствовать при всем этом и непосредственно все это видеть и слышать".

Выпивку, сопровождающую сватовство, они называют *pourist wiin*, т.е. вином счастливого посещения или "soubo wiin" – вином жениха. "Приходя к родителям невесты, – пишет Самуил Реен, – жених приносит с собой водку, чтобы почтить ею будущего тестя и тещу, что носит у них название "pourist wiin", т.е. "вином счастливого прихода" или "soubo wiin", т.е. жениховым вином, которым он выпрашивает разрешение переговорить с их дочерью и снискать ее расположение и любовь".

Строго соблюдается такой порядок, чтобы с невестой жених не смел говорить, не согласившись предварительно с ее родителями и чтобы на разговор с ней каждый раз спрашивал их согласия. По словам лопаря Олафа Маттисона, жених, войдя в шалаш невесты, должен сперва поздороваться с ее родными, которые позвали его, а потом уже с ней, после чего ему предлагается угощение.

Часто сама невеста во время сватовства удаляется из шалаша, чтобы ее не могли увидеть ни сам жених, ни его спутники. "На время этих переговоров, – пишет Иоанн Торней, – сама будущая невеста отсылается подалее в лес, где пасутся олени, или в другой шалаш, чтобы никто из гостей не мог ее увидеть".

После того как невеста или другая присутствующая в шалаше женщина получит разрешение говорит с женихом, он выходит наружу к своим саням и берет из них парадное платье из шерстяной материи, в которое лопари наряжаются в торжественных случаях, и остальные необходимые ему для дальнейшего предметы. "Закусив в шалаше, – продолжает Торней, – жених выходит к своим саням, берет оттуда парадное шерстяное платье, надевает его и спешит к своей подруге, чтобы приветствовать ее".

Это приветствие заключается в поцелуе, при котором лопари не только прижимают губы к губам, но еще и носы к носам. Без этого поцелуй считается у них ненастоящим. Поцеловавшись с невестой, жених делает ей подарки, преподносит изысканнейшие, по их мнению, лакомства – оленин язык, бобровое мясо и т.п.

Невеста обыкновенно отказывается принимать их в присутствии всех окружающих. Тогда жених, имеющий уже основание думать, что его предложение принято, тайком вызывает ее из шалаша и там спрашивает ее, позволит ли она ему спать с нею. Если невеста отвечает утвердительно, то считается, что соглашение о браке состоялось, и жених тут же и преподносит свои подарки, которые до этой минуты он прячет у себя за пазухой.

В случае отрицательного ответа, он бросает их к ее ногам. Однако окончательное заключение брака оттягивается иногда после этого еще на долгое время – на год, на два, а то и на три.

Причина столь долгого жениховства заключается в том, что за этот период времени жених одаривает подарками родителей и всех родственников своей будущей жены, стараясь снискать их расположение. Самуил Реен так говорит об этом: "Жених, ухаживающий за дочерью богатого человека, должен одарить ее родителей и всех влиятельных родственников, каждого в определенной доле. Эта доля называется у них "реск". Самая меньшая доля равняется 2 серебряным маркам, т.е. 6 унциям серебра, но есть и гораздо большие – до 20, 40 или даже 60 унций". В чем заключаются эти подарки я расскажу далее, т.к. они никогда не делаются деньгами, а разными вещами и тому подобным.

Понятно, что пока жених справится со всеми этими подношениями, уйдет немало времени. В ожидании свадьбы жених часто навещает свою возлюбленную и по дороге к ней часто услаждает себе дальний путь любовными песнями. Эти песни поются не на какой-нибудь определенный мотив, а каждый раз по-новому, как кому за-благорассудится, да и слова их каждым певцом подбираются по собственному желанию и вдохновению.

Образчик одной любовной песни сообщил мне лопарь Олаф Маттисон. Вот эта песня.

Олень мой, Кульназатц,
 Маленький мой олень,
 Надо нам спешить,
 Предстоит нам дальний путь
 По болотам и просторам равнин,
 И песен не хватит нам.
 Не томи меня, болото Кайга,
 Тебе, топь Кайльви, кричу: "Прощай".
 Много мыслей теснится во мне,
 Когда я еду по болоту Кайге.
 побыстрее и полегче несись, олень мой,
 Чтобы скорее добраться туда,
 Где увижу я милую мою.
 Смотри хорошенько вперед,
 Олень мой Кульназатц,
 Неужели не видишь ты, как она умывается?
 Какими любовными песнями
 Они подгоняют в пути оленей влюбленным?
 Всякая дорога кажется бесконечной и несносной.

Другие песни поются в разлуке с любимой девушкой; в них оживляется в памяти ее образ и восхваляется

ее красота. Тот же Олаф Маттисон сообщил мне и другую песню.

Солнце ясное, озари болота Орре.
 Если б мог я,
 На вершины пихт взобравшись,
 Вновь тебя увидеть,
 О болото Орре,
 Я бы не замедлил,
 Ведь среди цветов его
 Гуляет моя дорогая.
 Я б туда помчался,
 Разрубая ветви, зеленые ветви.
 Вслед за облаками я б туда помчался
 К заветному Орре,
 Если б мог,
 На крыльях я б туда помчался.
 Но, увы, нет крыльев,
 Нет чирковых крыльев,
 Нет и ног гусиных,
 Чтоб могли помочь мне
 До тебя добраться.
 Ты ждала так долго,
 Столько дней прекрасных,
 Лучших твоих дней.
 Ты меня искала милыми глазами
 И любимым сердцем.
 Если убегаешь от меня далеко,
 Все-таки тебя наконец достигну.
 Что сильнее вяжет, чем стальные цепи?
 Так любовь нам вяжет мысли и желанья.
 Мотыльков желанья –
 Это только ветер,
 Юноши желанье – в неотступных думах.
 Если бы я думам этим предавался,
 Я сошел бы скоро с верного пути.
 Но одно я знаю, я придумал способ,
 Как тебя найти.

Эти песни лопари называют "Morsefaurog", т.е. свадебными песнями, и поют их, как я уже говорил, не на какой-нибудь определенный мотив, а как кому заблагорассудится.

При каждом посещении жених привозит с собой водку и, как особенно ценный подарок, табак. В случаях, когда родители невесты уже после обручения откажут жениху, он обращается в суд, требуя с них возвращения ему всех расходов, связанных со сватовством и раздачей подарков. Не подлежит возвращению лишь стоимость той водки, которою жених потчевал присутствующих при начале сватовства.

Подобный иск со стороны жениха о возмещении убытков не представляется лишь в том случае, если он сразу получил отказ от родителей девушки, за которую он сватался. Впрочем, такие категорические отказы встречаются редко, в большинстве же случаев родители, не собирающиеся выдать свою дочь за данного человека, лишь оттягивают окончательный ответ с года на год.

"Часто случается, – пишет Иоанн Торней, – что отец девушки вовсе не собирается выдать ее за данного жениха, но тем не менее прямо не отказывает ему, рассчитывая попьанствоваться на его счет, и оттягивает окончательный ответ с года на год, словом, до тех пор, пока

одураченный жених не поймет, что его морочат и не станет требовать возвращения ему напрасно понесенных расходов. В таких случаях дело обыкновенно доходит до суда, который и приговаривает родителей к уплате жениху всей требуемой им суммы или ее половины, смотря по обстоятельствам дела. Следует, однако, заметить, что расходы, связанные с угощением всех присутствующих водкой в самом начале сватовства, не подлежат возвращению и падают исключительно на жениха.

Если же жених сразу получил от родителей невесты категорический отказ и, несмотря на это, пытается сломить их упорство щедрыми подарками и т.п., то делает это уже на свой страх и риск и без права требовать какого бы то ни было возмещения убытков".

Когда согласие на брак дано и выполнены все описанные нами обрядности, родители назначают день свадьбы. Накануне этого дня в то место, где живет семья невесты, собираются все родственники и близкие невесты и жениха, и последний подносит всем условленные ранее подарки. "Жених, – пишет Самуил Реен, – должен подарить тестю в знак уважения серебряный кубок, первый из свадебных подарков, называемых у них "stykke".

Второй подарок – большой котел, медный или чугунный, третий – постель, т.е. оленьи шкуры, из которых устраивается у них постель. Теще жених подносит: во-первых, серебряный пояс, во-вторых, парадное платье, так называемое "volpi", в-третьих, ожерелье, украшенное серебряными кружками и шариками, которое лопарки носят на шее и на груди, известное у них под названием "krake". Кроме того, братьям, сестрам и родственникам невесты он дарит серебряные ложки, украшения, серебряные шарики и т.п. Каждый из них обязательно должен получить что-нибудь от жениха, т.к. в противном случае за него не выдадут девушку". На следующий день играют свадьбу, сначала венчаются у священника, а затем устраивают свадебный пир. Жених и невеста наряжаются в свое лучшее платье, сшитое специально к этому случаю. Пользоваться чужой одеждой, взятой напрокат, считается у них неприличным и позорным. То же относится и к прочим украшениям – кольцам, цепочкам и т.п..

Олаф Магнус так описывает наряд жениха: "Жених, разодетый в рысьи или собольи меха, шествует как какой-нибудь венецианский патриций, причем ценность мехов также говорит о его богатстве, как в других странах драгоценные камни и золотые цепочки".

Костюм, расписанный Олафом Магнусом, может быть, и соответствовал обычаям современной ему эпо-

хи, хотя сильно сомневаюсь, чтоб лопари вообще когда-нибудь одевались в собольи и рысьи меха. Во всяком случае, в наше время они не носят ничего, кроме оленьих шкур, парадное же их платье, как мы уже говорили раньше, делается из шерсти. "Лопари так любят цветные шерстяные ткани, – говорит Иоанн Торней, – что покупают их, насколько позволяет им достаток, и шьют из них свое парадное платье".

Из этих слов современного нам автора ясно, что и во время свадьбы лопари наряжаются в шерстяное платье, а не в меха. Разряженный в свое лучшее платье жених подпоясывается серебряным поясом.

Невеста распускает по спине волосы, связанные до этого на голове лентой, которую она дарит девушке – родственнице. На голову поверх распущенных волос она

надевает одну или две серебряных, позолоченных перевязи, напоминающие венцы, употребляющиеся в других местах при венчании, и стягивает талию серебряным же поясом. Изредка невеста прикрывает голову еще и полотняным платком, что делают иногда и другие женщины, желая казаться особенно нарядными. Так выглядит наряд современной лопарской невесты.

Старинное описание Олафа Магнуса и тут отличается от нашего. "Невесту, – пишет он, – убранныю в горностаевы и собольи меха, усаживают на оленя". В наши дни жених и невеста, оба в подвенечном платье, отправляются венчаться в церковь или к священнику.

В старину дело было иначе, если верить Олафу Магнусу, так как, по его словам, венчание происходило дома и совершалось не священником, а родителями. "В присутствии друзей и родственников, – пишет он в своем сочинении, – родители сочетали браком своих детей огненным обрядом, т.е. высекая железом огонь из кремня". По-видимому, эти сведения были позаимствованы им у Циглера, у которого встре-

чаются такие строки: "Сами сочетают их браком, символизируя это высеканием огня из кремня при помощи огнива, т.к. считают, что нет ничего, что бы лучше выражало сущность брачного таинства. Как в кремне таится невидимо скрытый огонь, который вспыхивает при ударе, так и в обоих брачующихся дремлет скрытая жизнь, пробуждающаяся при совокуплении и передающаяся потомству".

Как видно из этого сопоставления, Олаф почти в точности повторяет слова Циглера. Он прибавляет лишь, что невесту усаживают затем на оленя: "Обвенчавшись вышеописанным огненным обрядом, невеста, убранный в горностаевы и собольи меха, усаживается родственниками

и теснящимися вокруг нее близкими друзьями на прирученного домашнего оленя и с пляской и песнями, сулящими ей здоровье и плодовитость, отвозится на брачное ложе".

Боюсь, что все это Олаф почерпнул из досужей молвы, не проверено фактами, потому что, во-первых, на оленях, как мы уже неоднократно говорили, никогда не ездят, как на верховых лошадях, и, во-вторых, потому, что он не указывает, откуда увозят невесту.

Дело в том, что увозить ее из дома родителей не имеет смысла, т.к. именно там начинается и заканчивается все торжество, да и само брачное ложе находится там же. Нельзя также предположить, что невесту увозят из какого-нибудь другого жилища, т.к. каждая семья живет обыкновенно только в одном, а не в нескольких, допустить же, что ее увозят не из родительского дома, а из другого места, нет оснований. Главное же, такой увоз не имеет смысла потому, что, как мы уже сказали, само брачное ложе находится в том же самом жилище.

В наше время зимой невесту действительно увозят из родного дома, но только в церковь или к священнику, если до них далеко, и притом не верхом на олене, а в санях, запряженных оленями. Свадебный поезд, направляясь в церковь, строится в определенном порядке. Впереди идут мужчины, за ними женщины. Во главе всего шествия идет лопарь, называемый у них "outomwatze", т.е. предводитель шествия, за ним следует жених, а затем все остальные. Несколько девушек идут впереди невесты, за ними следует она сама, влекомая под руки мужчиной и женщиной, а дальше все остальные.

При этом, по Самуилу Реену, невеста должна упираться и делать вид, что ее насильно тащут венчаться, лицо ее должно выражать отчаяние и горе. Так же описывает свадебное шествие и Иоанн Торней, но только, по его словам, невесту ведут не мужчина и женщина, а двое мужчин, обыкновенно отец ее и брат, если они живы, в противном случае ближайшие родственники. "Следует заметить, – пишет он, – выражение тоски и печали в лице девушки, которую отрывают от отца с матерью и отдают под власть мужа. Ее ведут отец и брат или, если она сирота, ближайшие родственники. Она идет повесив голову, как жертва на заклание. Когда в церкви священник спрашивает ее, согласна ли она выйти замуж за того человека, с которым она венчается, она стоит как немая и молчит, пока родные не уговорят ее дать ответ. Но даже и тогда она произносит его таким тихим и робким голосом, что священник едва слышит ее.

Соблюдение всего этого считается у лопарей признаком чистоты и невинности невесты, несмотря на то, что в действительности она, может быть, очень любит

своего жениха и рада выйти за него замуж".

Привожу здесь изображение невесты, которую двое мужчин ведут в церковь.

За венчанием следует свадебный пир. Он устраивается в доме родителей невесты. Каждый из его участников сам приносит с собой угощение для этого пира накануне, т.е. к моменту раздачи женихом подарков.

Пища поступает в распоряжение хозяев в сыром виде, и они уже должны позаботиться о том, чтобы приготовить ее к пиру. Все же большая часть ее доставляется родителями жениха и невесты.

Во время пира на первом месте сидят молодые, а по бокам от них – остальные родственники и друзья. Угощение пирующие берут не сами, а получают из рук лопаря, играющего роль повара и распределителя пищи. Каждым кушаньем он потчует сперва молодых, а потом уже и всех остальных присутствующих.

Мальчики и девочки, не помещающиеся в тесном шалаше, взбираются на крышу и оттуда, через отверстие в ней, закидывают вниз удочки с крючками, на которые им нацепляют куски мяса и т.п., чтобы и они могли насладиться пиром. Покончив с едой, пирующие, по своему обыкновению, благодарят Бога и протягивают друг другу руки.

Пир заканчивается выпивкой. "После этого, – пишет Самуил Реен, – начинают покупать водку у того, у кого она есть, сперва родители жениха, потом невесты, а там и все остальные". Впрочем, это бывает обыкновенно только у более зажиточных лопарей или же в случае, если среди пирующих находится человек, у которого запасена водка для продажи; остальные взамен этого улаждаются оживленной беседой.

То, что сообщает Олаф Магнус о струнных инструментах и танцах, по-видимому, совсем неправильно. "Народ этот, – пишет он, – живущий под сумрачным и холодным небом севера, устраивает шумные пиры, увеселяя пирующих игрой на гусях, под звуки которых они пляшут и поют на родном языке песни и сказания о подвигах великанов и героев, о доблестях предков, изображая древние события с таким воодушевлением и жаром, что певцы иногда со слезами и стоном валятся на землю".

Многим может показаться, что это описание скорее относится к древним норманнам, а не к лопарям. По крайней мере в наши дни у лопарей не сохранилось ни малейших воспоминаний о чем-либо подобном. Гусли и вообще какие бы то ни было музыкальные инструменты лопарям совсем неизвестны; над танцами же и плясками они смеются, как над величайшей нелепостью. Что касается сказаний о древних героях и великанах, то не только этого, но даже вообще каких-либо пре-

даний о том, что было хотя бы за сто лет до нашей эпохи, и в помине нет у лопарей, по словам студента-лопаря Олафа Маттисона.

Мне совершенно непонятно откуда взял это Олаф Магнус, тем более, что ни о чем подобном, насколько мне известно, кроме него не упоминает ни один автор.

По окончании свадьбы молодой еще не имеет права увести свою жену из родительского дома, а должен отработать у тестя в течение целого года. По истечении этого срока он, если пожелает, может основать свой собственный отдельный домашний очаг. Тогда отец выдает уходящей из дому дочери ее приданое, т.е. всех оленей, которыми она владеет с детства, с их приплодом, а также и много разных других вещей, необходимых молодым, как, например, домашняя утварь, новое жилище, постели, серебро, медь, чугун и т.п.

Нередко девушка получает сотню, а то и больше оленей. Родственники же вслед за отцом также одаривают теперь жениха за сделанные им при обручении подарки

ранцам. Так, по крайней мере, говорит Герберштейн в своей "Московии", слова которого я приведу в следующей главе.

Но даже и в наше время один пример подобного рода приводит Иоанн Торней, хотя тут же сам и выражает сомнение в его подлинности. "Мне рассказывали, — пишет он, — что при моем предшественнике один распутный лопарь из Лулеоской Лаппмаркии воспользовался гостеприимством другого — жителя Торнеоской области, человека в высшей степени честного, грамотного и настолько добродетельного, что насмешники в шутку называли его "епископ Цуан". Остановившийся у него лулеоский лопарь, напившись, пьяным попытался ночью пробраться к его жене и вступить с ней в половые сношения. Заметив это, Цуан позвал случившихся тут же коронных целовальников (торговцев водкой) и рассказал им о всем происшедшем. Услышав это, они взяли лопаря, вытащили его из шалаша и привязали его там к дереву, где он полуголый и провел всю ночь, коченея от

с таким расчетом, что получивший от него одну или две серебряных марки дает ему взамен их одного или двух хороших оленей. Таким образом, лопарь, женившийся на дочери богатого человека и в свое время хорошо угодивший своими подарками родственникам невесты, получает иногда за женой очень хорошее приданое.

Мы изложили здесь главнейшие свадебные обряды и обычаи, распространенные среди лопарей. Остается лишь заметить, что у лопарей запрещается вступать в брак с близкими родственниками, а также брать вторую жену при жизни первой или вообще иметь несколько жен одновременно. Развод также совершенно неизвестен им. "Про многоженство и разводы, — пишет И. Торней, — ничего не слышно у лопарей и никогда не было слышно даже еще и в языческую эпоху. Брак они соблюдают свято и нерушимо, как подобает всем христианским народам".

Впрочем, в отдаленные времена у них, кажется, существовал обычай уступать своих жен гостям и чужест-

холода, т.к. дело было зимой. Боясь совсем замерзнуть, лопарь этот пытался откупиться деньгами и в извинение свое говорил, что у них в Лулеоской Лаппмаркии существует такой обычай, согласно которому хозяин, пригласивший к себе гостя, дает ему спать со своей женой".

Приведя этот рассказ, Торней справедливо замечает, что, по его мнению, этот распутный человек мог просто выдумать все это для оправдания своего поведения, тем более, что никто другой не замечал ничего подобного у лулеоских лопарей.

Что касается других, то у них и речи не может быть о подобном обычае, т.к. многие из них, напротив, настолько ревнивы, что не терпят даже, если жена их просто взглянет на кого-нибудь другого.

"Лопари, живущие по реке Торнео, в сторону Норвегии, — пишет тот же Торней, — такие ревнивцы, что сразу же начинает подозревать жену в чем-нибудь дурном, если она, встретившись с кем-нибудь по дороге, перемолвится с ним двумя-тремя словами".

О РОДАХ И
ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

После описания брачных обрядов естественно перейти к рождению и воспитанию детей. Следует заметить, что плодovitость в браке считается у лопарей величайшим счастьем и заветной радостью. "Ни один народ, кажется, не жаждет с такой страстью плодovitости и умножения себя в потомстве, как лопари", – пишет о них Самуил Реен.

Я думаю, что это происходит от повышенной склонности их к половым наслаждениям, о чем я уже упоминал выше. Однако, несмотря на страстное желание иметь детей, лопари редко отличаются сколько-нибудь значительной плодovitостью, среди них почти не встречаются семьи, имеющие более восьми детей.

"По большей части, однако, – продолжает Реен, – народ этот не отличается плодovitостью; семь, восемь детей представляют у них высший предел, в большинстве же случаев в семье лопаря бывает один, два или три ребенка".

Может быть, этим обстоятельством объясняется и тот древний обычай, о котором упоминает Герберштейн, а именно представление своих жен гостям и чужестранцам: "Они охотно оставляют своих жен с приезжающими к ним купцами и другими иноземцами, а сами уходят на охоту. Если, возвратившись домой, они находят жену веселой и, видимо, довольной гостем, то одаривают его подарками, в противном же случае выгоняют его с позором".

Впрочем, Олаф Магнус утверждает о лопарях совершенно обратное: "Женщины и девушки этих стран отличаются плодovitостью". По-видимому, того же взгляда придерживается и Торней: "В отношении плодovitости лопари походят на все другие северные народности, благодаря чему род их быстро размножается." Однако, как мы уже неоднократно указывали, сведения Магнуса о лопарях бывают чрезвычайно неточны и малодостоверны.

Что касается Торней, то в своем утверждении он, видимо, исходил из предвзятого мнения о быстром росте лопарского народа, считая первоначальное количество их предков-переселенцев очень незначительным, тогда как исторические факты совершенно не согласуются с его выводами.

Известно, что при Карле IX был проведен земельный кадастр и произведена перепись всех самостоятельных лопарских семей, занимающих определенные участки. В настоящее же время некоторые участки оказались занятыми, т.к. число семей, по-видимому, не только не возросло, а скорее уменьшилось.

То же доказывает и наблюдение за лопарями, блуждающими кое-где по Швеции, среди которых никогда не встретишь многодетных. Самуил Реен видит причину такой пониженной плодovitости в суровом климате Лапландии, что я, со своей стороны, считаю вполне правильным. Он усматривает в этом обстоятельстве также и

проявление гнева Божия, в силу которого население страны, хотя и пощаженное чумой и войнами, не только не увеличивается, а скорее идет к вырождению. По мнению Реена, лопари навлекли на себя гнев Божий своей упорной приверженностью к языческому нечестию и всяческим суевериям.

Как во всех прочих делах, так и в отношении родов лопари неизменно любопытствуют о будущем и стараются раскрыть его наперед суеверными гаданиями. Прежде всего их занимает вопрос о поле ожидаемого ребенка, поэтому тотчас по наступлении беременности они гадают об этом по месяцу (они считают его прообразом беременной). Если при взгляде на луну они замечают на небе звезду над нею, то думают, что это предвещает рождение мальчика, если видят звезду под нею, то ждут девочку.

Я затрудняюсь объяснить, почему ими устанавливается эта странная связь между луной и беременной женщиной. Быть может, потому, что, подобно беременной, вынашивающей плод, луна пребывает в нове, а затем последовательно убывает, как женщина, уже разрешившаяся от бремени.

Вернее, пожалуй, видеть в этом пережиток древних языческих верований, считавших у всех народов луну божеством, покровительствующим беременным и рожавшим женщинам. Полузабытый и утраченный смысл этих далеких верований сохранился лишь в чисто внешнем уподоблении луны беременной женщине.

Вторым вопросом, занимающим лопаря, на который также должно дать ответ гадание, является здоровье и процветание ожидаемого ребенка. Луна и тут должна помочь разгадать его. Если какая-нибудь звезда, находящаяся на небе поблизости от луны, движется впереди нее, то это служит знаком здоровья, процветания и успеха в жизни будущего ребенка, если же она следует за нею, то ребенок будет болезненным, слабым и умрет вскоре после рождения на свет (Самуил Реен).

Когда наступает время, женщина-лопарка рождает в жилище достаточно холодном, как можно судить из описания его устройства. "Если время родов, – говорит Торней, – приходится на зиму, то женщина принуждена рожать в ледящем холоде". Хотя посередине шатра и горит огонь, но он не может достаточно нагреть его, т.к. излучаемая им теплота ничтожна по сравнению с царящим снаружи лютым морозом.

Для подкрепления родильницы ее поят растопленным китовым жиром, доставляемым из Норвегии. "Тотчас после родов, – пишет Торней, – женщина делает большой глоток растопленного китового жира, который лопари достают из Норвегии. Вкус его напоминает вкус тюленьего сала".

Новорожденного младенца лопарки тотчас же обмывают сперва холодной водой или снегом, и лишь когда он

начнет дышать, погружают в теплую воду. При этом, обмывая тельце ребенка, стараются не поливать головы, которую не моют до тех пор, пока он не будет окрещен священником. "Согревают воду в котле, – пишет Самуил Реен, – и погружают в него стоймя младенца по самую шейку. Голову стараются не мочить до тех пор, пока он не будет окрещен священником". После этого, по словам Бурея, новорожденного младенца вместо полотняных пеленок закутывают в мягкую заячью шерсть.

Разрешившаяся от родов женщина до тех пор, пока совсем не оправится, лежит в шалаше на определенном месте, а именно около входа, несколько влево от него, т.к. там ее меньше беспокоят остальные члены семьи. Впрочем, я склонен дать этому еще и другое объяснение: место у входа отводится женщинам потому, что в послеродовом периоде она считается у лопарей нечистой.

Лопарки очень быстро оправляются после родов и тотчас хлопчут о том, чтобы окрестить ребенка. С того времени, когда христианство глубже внедрилось в сознание народа, лопари прилагают все усилия к тому, чтобы возможно скорее сделать это. В старину дело обстояло несколько иначе, и нередко крестить приходилось вполне взрослых детей, т.к. крещение оттягивалось лопарями с года на год.

В рескрипте Густава Адольфа, относящемся к 1634 году, дается такая характеристика состоянию этого вопроса в Лапландии: "Таинство крещения совершается не чаще, чем в указанное выше время. (Зимой это бывало дважды: на Новый год и в Благовещение, т.к. в эти дни в определенных местах произносились священниками проповеди и совершались требы.) Поэтому, если младенцы доживают до этого момента, то их удается окрестить, если же нет – умирают некрещеными. Многие из детей, приступающих к таинству св. крещения, уже почти взрослые, т.к. родители их не заботятся должным образом, чтобы своевременно совершить над ними этот христианский обряд".

В эпоху, предшествовавшую царствованию Густава Адольфа, положение было еще более тяжелым, и лопарям приходилось возить своих младенцев в ближайšie храмы шведских городов Ангерманландии и Ботнии. В этом смысле следует понимать слова Олафа Магнуса: "Один или два раза в год они посещают "крещенские" церкви (Ecclesiae baptismales), куда приносят крестить грудных младенцев, привязанных за спиной в берестовых коробах".

В наше время не позже четырнадцатого дня с момента родов, если этому не препятствует какая-нибудь тяжкая болезнь, лопарки несут своих младенцев крестить священнику, в чем можно усмотреть благодатное действие проповедей, произносимых уже не на чуждом, а на родном для лопарей языке, и того, что христианские церкви выстроены в самой Лапландии.

"Лопари спешат как можно скорее окрестить своих младенцев, – пишет Самуил Реен. – Мать-лопарка, едва оправившись от родов, уже на восьмой или самое позднее на четырнадцатый день спешит со своим младенцем к священнику, пробираясь через высочайшие горы, громадные озера, дремучие леса, не страшась долгого и трудного пути".

Здесь следует обратить внимание на то, что обязанность эта возлагается на женщину и выполняется ее

доблестными усилиями. Лопарки крепки и выносливы, даже боля, при самых неблагоприятных условиях, они быстро поправляются. "Лопарские женщины, – пишет Реен, – от природы крепки и выносливы. Поэтому, несмотря на то, что во время болезни им приходится питаться грубой и скудной пищей и пить одну воду, они быстро выздоравливают".

Летом они прикрепляют младенца к седлу оленя, зимой кладут его с собой в сани. "Путешествуя летом, – отмечает Торней, – лопари навьючивают своих оленей, прикрепляя им на спину и по бокам кладь и укладывая туда же запеленатых младенцев".

Ребенок, конечно, не прямо усаживается на оленя, а прикрепляется к седлу вместе со своей колыбелью (как показано на рисунке, помещенного в конце предыдущей главы. – Прим. ред.). Олаф Магнус, как видно из вышеприведенных его слов, помещает лопарских младенцев в коробах или корзинах за спиной родителей; на рисунке, приложенном к его сочинению, и лопарь и лопарка несут своих детей за спиной, упакованных в такие приспособления. Кажется, что и тут Олаф Магнус или его иллюстратор были введены в заблуждение, т.к. изображенные там корзины, ничего общего не имеют с обычными изделиями лопарей.

При крещении лопари любят давать детям имена близких и уважаемых родственников, а иногда выбирают и старинные языческие имена, как, например, Тор, Гуттарм, Финне, Пагге, от чего священники с трудом отговаривают их.

К числу особенностей лопарей можно отнести и то, что они часто заменяют данное при крещении имя другим, которое им больше нравится, особенно же именем какого-нибудь дорогого умершего родственника, чтобы таким образом сохранить память о нем в семье. Торней рассказывает, что часто такая перемена крестного имени делается в случае тяжелой болезни ребенка, особенно это касается мальчиков. Крестное имя при этом остается в виде прозвища.

Как было уже сказано, лопарки благодаря своему крепкому здоровью быстро оправляются от родов настолько, что пускаются в дальний путь и принимаются за свои обычные занятия. Несмотря на то, что они при крещении ребенка побывали в церкви, мужья еще в течение 6 недель продолжают считать жен нечистыми и воздерживаются от половых сношений с ними.

Своих новорожденных младенцев лопарки кормят грудью. Ни о каких кормилицах лопари даже понятия не имеют. Грудное кормление затягивается иногда очень долго – до двух, трех, а временами даже до четырех лет. Если вследствие ли болезни или других причин мать лишена возможности сама кормить своего ребенка, то его вскармливают на оленьем молоке, которое дается ему с ложечки, а не в рожке, как всюду, т.к., будучи более густым и жирным, оно не проходит через него.

Кроме того, уже с самого раннего возраста матери приучают детей и к другой пище, так, например, младенцу дают сосать кусок вареной оленины.

Грудных детей лопари кладут в люльку, сделанную из выдолбленного куска дерева, обтянутого кожей. В изголовье делают ему полукруглую крышу из бересты. Люльку наполняют особо собираемым для этой цели нежным и мягким мхом, укладывают в нее голенького ребенка и

накрывают его с боков и сверху мягкой шерстью оленьих телят. Мох для люльки красноватого цвета, мягкий и нежный, обильно растет по всей Лапландии. Летом его собирают, высушивают и сменяют всякий раз, когда вынимают ребенка из люльки.

По-видимому, именно эти люльки и имел в виду Олаф Магнус, называя их ошибочно коробами или корзинами, в которых лопари носят за спиной маленьких детей. Лопарки, действительно, и теперь делают это, прикрепляя вышеописанную люльку с запеленатым в ней ребенком за спину таким образом, чтобы изголовье было несколько выше, чем противоположный конец ее.

В обычное время ребенка не носят в люльке, а подвешивают ее на веревке к потолку дома и укачивают в ней ребенка, чтобы он легче заснул.

Лопари любят забавлять своих детей всякими игрушками. К люльке от них подвешивают металлические колечки, звон которых развлекает детей. Кроме этих колец люльку снабжают иногда еще и игрушечными предметами, цель которых внушить ребенку любовь к его будущим занятиям.

Так, мальчикам кладут игрушечный лук, стрелы или оленьи рога в знак того, что в будущем он должен стать ловким и смелым охотником; девочкам – крылышки, лапки и клюв очень распространенной в Лапландии белоснежной куропатки, известной у шведов под названием *Smoggrä*. Это должно быть символом чистоты, ловкости и подвижности, которой должна в будущем отличаться девочка.

Когда дети немного подрастут, их начинают обучать всяким полезным навыкам, отцы – мальчиков, матери – девочек. Других учителей, кроме самих родителей, у лопарских детей не бывает. "Лопари не обучаются ничему у специальных учителей, – пишет Самуил Реен, – все свои знания и навыки они получают от родителей, которые заботятся о том, чтобы их дети основательно научились делать все то, что необходимо для жизни в их родной стране".

Мальчики усиленно упражняются в стрельбе в цель и метании копья, т.к. главным средством к существованию у лопарей служит охота. Для того чтобы заставить мальчиков с большим рвением упражняться в этом искусстве, лопари насаживают на длинный шест березовую щепку, которая служит целью при стрельбе из лука, и не дают им есть, пока они не попадут в нее. "Лопарские мальчики, – пишет Реен, – ежедневно упражняются в стрельбе в цель из лука и не получают пищи, пока не попадут в нее". Благодаря таким длительным упражнениям из них вырабатываются впоследствии отличные стрелки.

Еще Олаф Магнус восхваляет меткость лопарей, рассказывая о виденных им собственными глазами образчиках их искусства. Он говорит, что лопари попадали в монету на таком большом расстоянии, что ее едва было видно. "Мальчиков в особенности лопари обучают, – подчеркивает он, – как держать, натягивать лук и пускать из него стрелы. Чтобы приохотить их к этим упражнениям, они выдают им в награду за меткость блестящие пояса и новые луки, от которых те приходят в восторг. Таким путем из них выходят поразительно меткие стрелки, попадающие в маленькую монету на громадном расстоянии, в чем я мог убедиться собственными глазами, будучи в их стране в 1518 году". Кроме того, Олаф сообщает, что и девоч-

ки иногда упражняются в стрельбе из лука, и даже дает соответствующий рисунок, но все, что известно нам об устранении женщин от занятий охотой, заставляет нас усомниться в этом.

Во всяком случае, в наше время ни девочки, ни женщины этим не занимаются. "Лопарские девочки обучаются шитью обуви, рукавиц, малиц и оленьей сбруи, – пишет Самуил Реен". Таковы девичьи и женские занятия у лопарей; как видим, к ним не относится стрельба из лука.

Обучая своих детей необходимым для жизни навыкам, лопари и в другом отношении стараются обеспечить их будущее. Так, мы уже говорили, что девочкам сразу после рождения и крещения они дарят оленью самку, приплод которой также становится их собственностью. "Когда у лопаря родится девочка, – сообщает И. Торней, – сразу после крещения родители дарят ей оленью телушку, на ушах которой вырезают тотемный знак девочки в доказательство того, что это ее собственность".

Здесь следует обратить внимание на этот характерный прием, которым метят оленей, чтобы не возникало споров о их настоящем владельце.

Следующего оленя дарят девочке, когда у нее прорежется первый зуб. "Среди прочих лопарских обычаев, – пишет Самуил Реен, – заслуживает упоминания один, заключающийся в том, что, когда у детей их прорезываются зубы, им дарят оленью телушку. При этом дарит ее тот, кто первым заметил зуб во рту ребенка, будь то отец или мать или кто-нибудь из родственников. Такого оленя называют "Pannikeis", что значит – олень зуба". Иоанн Торней говорит, что это должна сделать женщина, первая обнаружившая зуб.

Смысл этого обычая заключается, вероятно, в том, что с прорезыванием зубов дети уже нуждаются в более существенной пище, а главной пищей лопарей является оленьина.

Как уже было сказано выше, весь приплод от подаренного оленя также становится собственностью девочки. По словам Самуила Реена, вскоре после этого родители дарят ребенку еще и третьего оленя, называемого лопарями "Waddom", т.е. дарственным оленем: "Вскоре после этого родители дарят сыну или дочери вторую самку оленя, которая называется у них "Waddom", т.е. подаренная. Весь приплод от этих оленей принадлежит ребенку, точно так же в случае, если он будет зарезан и продан или обменен, полученные за него деньги, серебро, медь, одежда и т.п. обращаются в пользу ребенка".

Самуил Реен, по-видимому, несколько обсчитался, т.к. говоря "вскоре после этого ("зубного оленя"), он должен называть своего оленя не вторым, а третьим. Хотя возможно, что торнеоские лопари дарят вышеупомянутого оленя вслед за тем, который был подарен при крещении, и он оказывается вторым, а другие лопари – после второго оленя, подаренного при прорезывании зубов, и тогда он будет третьим.

Так представляются нам главнейшие заботы лопарей о своем потомстве; в случае смерти родителей забота о малолетних детях, как и в других странах, возлагается на опекунов, избираемых обыкновенно из числа ближайших родственников. "В случае смерти родителей, – пишет И. Торней, – опекунов, по обычаю всех прочих народов, выбирают из числа ближайших родственников.

О БОЛЕЗНЯХ, СМЕРТИ
И ПОГРЕБЕНИИ

Несмотря на грубую и суровую жизнь, лопари отличаются прекрасным здоровьем. "Туземцы, – замечает о них Олаф Петерсон Ниурений, – отличаются крепким здоровьем. Среди них нет врачей, да они и не нуждаются в них". То же говорит и Самуил Реен: "Лопарский народ от природы очень здоров и крепок. Они почти совсем не болеют, не в пример прочим народам".

Лопари почти не знают болезней, даже таких, которые в других местах опустошают целые страны. Ни изнурительные лихорадки, ни страшные эпидемические заболевания почти не встречаются в Лапландии. Мало того, даже в случае заноса к ним извне какой-нибудь заразы губительное действие ее быстро ослабляется под парализующим влиянием холода. Олаф Петерсон Ниурений приводит такой пример: "Несколько лет тому назад в Лапландию была занесена заразная болезнь *Pestilens lues* (по терминологии того времени *lues* не есть сифилис, а вообще эпидемическое заболевание, подобно тому, как *pestilens* и *pestilentia* не есть обязательно чума. – Прим. ред.). Эта зараза была занесена к ним вместе с привозной коноплей, однако никто, кроме женщин, которым приходилось пряхать ее, не заразился ею. По-видимому, полярный холод этого сурового климата уничтожал вредоносные миазмы".

Наиболее часто встречающиеся среди лопарей заболевания – болезни глаз и гноетечение из них (по всей вероятности речь идет о трахоме. – Прим. ред.), следствием чего бывает полная слепота. Вероятной причиной этого бедствия является то, что с малых лет им приходится постоянно жить в дымной атмосфере своего жилища. "Чаще всего лопари болеют глазами, – говорит все тот же Олаф Петерсон Ниурений, – т.к. дома их постоянно полны дымом, разъедающим глаза, вследствие чего на старости лет многие из них совершенно слепнут".

Того же взгляда придерживается и Эрик Плантин, добавляющий к этому еще и непосредственное вредное действие, оказываемое пылающим огнем очага. Отец Эрика Платина, Олаф Петерсон Ниурений, пишет по этому поводу следующее: "Самым большим несчастьем для лопарей является частое наступление у них на старости лет полной слепоты. Она встречается среди них гораздо чаще, чем у других народов. Все зло происходит оттого, что с малых лет и на протяжении всей своей жизни – зимой и летом, ночью и днем – им приходится иметь перед глазами постоянно поддерживаемый огонь очага, находящегося посредине жилища".

Иногда лопари болеют еще плевритами, воспалением легких, болями в спине и пояснице, а также головокружением, как видно из ответов того же самого Платина на обращенное к нему мною письмо с рядом вопросов. Изредка их навещает эпидемия оспы.

Ввиду крайней редкости у них тяжелых заболеваний им почти неизвестно и врачебное искусство. От многих внутренних болезней лопари лечатся корешками одного мха, называемого ими "Jerth", или же, за неимением его, стеблями дягильника (*Angelica*), известного среди них под названием "Fadno". Дягильник при этом варят в сыворотке оленьего молока и пьют этот взвар вместо лекарства.

При болях в отдельных членах прижигают больное место зажженным на огне трутом, чтобы образовавшаяся от ожога язва оттянула дурные соки и тем уменьшила боль. (Так называемая заволока, или фонтанель, весьма распространенная в старинной медицине. – Прим. ред.). Плантин так рассказывает об этом: "Большим распространением у лопарей пользуется следующее средство: берут трут, т.е. сухой гриб (древесный наплыв), срезанный с березы, и, зажегши его на огне, прикладывают к больному месту. Если горящий трут приложен удачно, то он тотчас отваливается и боль уменьшается вследствие образовавшейся на коже язвы". Вместо мазей раны лопари смазывают еще и древесной смолой.

В случае отморожения конечностей с успехом применяют олений сыр, в который втыкают сперва кусок раскаленного железа, отчего из сыра вытапливается нечто вроде маслянистой густой жидкости, которою и смазывают раны вместе с тонко нарезанными пластинками из сыра, предварительно награв их. Тот же сыр, вываренный в молоке, употребляется в качестве лекарства от кашля и других простудных заболеваний грудных органов. Взвар этот пьют в таких случаях обязательно горячим. По мнению лопарей, этот же сыр чрезвычайно полезен для желудка, предохраняет его от заболеваний, вызываемых постоянным питьем сырой воды.

Вообще говоря, ввиду редкости тяжелых заболеваний многие лопари доживают до очень преклонного возраста. Самуил Реен говорит, что среди лопарей не редкость встретить 70-, 80- и 90-летних стариков, а иногда даже и переваливших за сто. При этом даже в таком исключительно пожилом возрасте они сохраняют бодрость и энергию, вполне достаточную для того, чтобы продолжать свои обычные занятия, бегать на лыжах по лесам и горам, совершать большие переходы и т.п. Тот же автор отмечает с изумлением, что лопари очень редко теряют волосы, среди них почти нет лысых. Таким образом, большая часть лопарей умирает не от болезней, а от старости. Когда лопарь чувствует приближение смерти – от старости, или от какой-нибудь другой причины, он обязательно обращается к волшебному барабану и гадает на нем об исходе болезни, о чем уже было сказано выше в главе об языческих обрядах лопарей. Матвей Стерух (*Matthias Steruchius*) писал мне, что лопари считают возможным с точностью узнать при помощи барабана не только день своей смерти, но и то, при каких обстоятельствах она их настигнет. Ког-

да лопарь убеждается таким путем, что смерть его близка, все окружающие его, если они благочестивые и добрые люди, начинают увещевать умирающего, чтобы он памятовал о Христе и молился Богу.

Если близкие умирающего лопаря недостаточно проникнуты христианским вероучением, то они оставляют его в покое и больше заботятся о том, чтобы приготовить все необходимое к посмертному пиру, т.е. тризне, к которой приступают, иногда даже не дождавшись его смерти. Возмутительный пример такого отношения к умирающему сообщил мне тот же Стерух, причем следует заметить, что все это произошло в самое недавнее время. Подобные случаи доказывают, как нужна основанная Густавом Адольфом лопарская школа, имеющая целью распространить христианское просвещение, и вполне справедливы слова ее основателя, болящего душой об отсутствии духовной помощи умирающим: "Больные, если они живут в отдаленных и малодоступных горных местностях, умирают без всякого утешения, без приобщения Св. Тайн, без исповеди, напутствия и отпущения грехов". Злой дух научает близких, пренебрегая всем этим насущно необходимым для умирающего, дать волю низменным заботам о своем чреве и устройстве языческого пира.

Когда человек умрет, остальные лопари покидают жилище, в котором лежит покойник. Как мы уже говорили, по их поверьям, после смерти человека от него остается нечто невидимое, подобное тому, что древние римляне называли манами, и это нечто чаще бывает враждебно живым людям, окружающим умершего, и может даже причинить им вред. Поэтому лопари боятся мертвецов и в тот же день покидают место, где умер кто-нибудь из их семьи. Труп умершего завертывают в полотняную одежду, если он был достаточно богат при жизни; в противном случае в старую шерстяную, причем покрывают его этим саваном с головой. Так поступают главным образом лопари, соблюдающие христианские обычаи. Другие одевают покойника в лучшее платье, которое он носил при жизни, и затем укладывают тело в гроб, который изготавливается кем-нибудь по специальной просьбе ближайших родственников умершего. Человек этот получает от них медное кольцо и подвязывает его к правой руке на все время работы. "Перед тем как уложить в гроб усопшего, — пишет Самуил Реен, — его ближайшие родственники дают медное кольцо тому человеку, который делает гроб и укладывает в него покойника. Во время этой работы вышеупомянутое кольцо должно быть привязано к его правой руке". По-видимому, это кольцо служит амулетом, защищающим его носителя от зла, которое грозит ему от манов покойного. Поэтому он носит его до тех пор, пока тело не будет предано земле, т.к. с этого момента, по их поверьям, маны становятся менее опасными. Все это чрезвычайно похоже на древнейшие языческие суеверия греков и римлян. Гроб делается обыкновенно из выдолбленного дерева. Если лопарь умирает в таких местах, где совершенно нет деревьев, как, например, на голых вершинах Норвежских гор, то вместо гроба пользуются легковыми санями (achkia), в которые и укладывают тело покойника.

В древнее время излюбленным местом погребения были леса. "До принятия христианства и даже в более позднюю эпоху, — отмечает Торней, — лопари хоронили своих покойников в лесах". Так же поступают и теперь, если поблизости нет христианской церкви. Иногда зарывают

тело в землю вместе с саями на совершенно открытом месте, что делается главным образом в безлесных скалистых местностях. Иногда гроб или сани с телом покойного со всех сторон заваливают в могиле стволами деревьев, чтобы затруднить доступ к нему диким животным. Матвей Стерух писал мне также, что некоторые лопари труп погребают в пещере, заваливая вход в нее крупными камнями.

Что касается сообщения Пейцера о том, что существует обычай закапывать покойника в землю под очагом, находящимся посередине жилища, с целью избегнуть таким путем преследований манов, то ни о чем подобном мне никогда не приходилось слышать. Насколько мне известно, лопари всегда стараются унести тело как можно дальше от своего дома. Привожу здесь соответствующее место из сочинений Пейцера: "Так как лопари больше всего боятся манов умерших родственников, то во избежание преследований с их стороны зарывают тело покойного в землю под самым очагом. По их поверьям, только этим способом и можно оградить себя от преследований и козней злых духов. Тени умерших при этом уже не появляются среди живых и не пугают их, в противном же случае беспрестанно преследуют всех ранее живших с ним".

Следует отметить еще одну любопытную подробность, которая особенно ревностно соблюдается лопарями, менее проникнутыми христианским духом: в гроб покойного они кладут топор и трут с огнивом. Они объясняют смысл этого обряда тем, что в момент воскресения из мертвых покойному может понадобиться свет в том непроглядном мраке, которым он будет окружен, топор же должен пригодиться им в поисках пути на небо, в особенности во время блужданий по дремучим лесам. Такое объяснение, разумеется, уже придумано ими в более позднее время под некоторым давлением христианства, обычай же этот, несомненно, гораздо более древний, восходит к седым временам глубокого язычества. У светлейшего королевского казначея Стена Биельке мне пришлось видеть точно такой же кремень с огнивом, вырытый из древнего надгробного кургана неподалеку от Упсалы. По-видимому, мысль о том, что духу умершего приходится долго странствовать во мраке, прежде чем он достигнет обители вечного блаженства, является обычным и весьма распространенным языческим верованием, и неудивительно, что страх этой тьмы оказался особенно силен у народа, живущего в стране, где ночной мрак особенно продолжителен и непригляден.

Что касается топора, то и это лишь осколок древнего обычая хоронить мертвеца со всем принадлежавшим ему оружием, топор же является неразлучным спутником лопаря на протяжении всей его жизни. Кроме того, современные лопари, по словам Олафа Петерсона, снабжают топорами покойников еще и потому, что представляют себе загробную жизнь прямым продолжением земной со всеми присущими ей занятиями: "Они тайком кладут в могилу покойного огниво, лук и стрелы, думая, что когда он воскреснет, то сразу будет нуждаться в этих предметах для продолжения того же образа жизни, который он вел на земле". Так поступают лопари, живущие вдали от христианских церквей и еще недостаточно проникнутые истинным просвещением. Остальные хоронят своих умерших на церковных кладбищах, на чем усиленно настаивают работающие среди них священники. Некоторые из

них, более зажиточные, освоившись с христианскими обычаями, не жалеют денег для того, чтобы похоронить своих близких в самом храме.

Никто из лопарей по доброй воле не берется за роль могильщика, кроме самых нищих бедняков, которых и нанимают для рытья могил более богатые лопари. "Придя на кладбище, – пишет Реен, – богатые лопари ни за что не соглашаются сами рыть могилу и приводят с собой для этого нанятого за деньги шведа, если такой случится, или какого-нибудь беднейшего лопаря". На кладбище усопшего погребают по христианскому обряду, а близкие провожают гроб с плачем и воем, одетые в самое потасканное и ветхое платье. К числу особенностей этого погребения относится еще и то, что лопари оставляют на кладбище всю одежду, в которой лежал покойник, и сани, на которых везли гроб. Торней, у которого мы заимствовали эти подробности, добавляет, что под этой одеждой подразумевается не только то платье, которое было на покойном во время болезни, но также и его постель и одеяла. Все это они сваливают на могилу, опасаясь, вероятно, что на всех этих предметах может задержаться какая-нибудь вредоносная зараза, которая могла впоследствии повредить тому, кто продолжал бы ими пользоваться.

Похоронив покойника, обыкновенно на третий день после погребения устраивают по нем поминки. Во время этого пира едят мясо того оленя, на котором гроб был отвезен на кладбище. "На третий день после погребения, – пишет Самуил Реен, – устраивают пир в честь покойного и режут того оленя, на котором гроб был отвезен на кладбище. На пир этот приглашаются все близкие и родственники покойного". Во время этого пира лопари старательно отбирают все кости зарезанного животного и складывают их в особый ящик, который затем зарывают в землю. Если пирующим удалось раздобыть водку, то ею в честь покойного обносят всех присутствующих, называют эту выпивку "Saliga wiin", т.е. вином блаженного. В ящик с костями оленя кладут вырезанную из дерева фигурку, изображающую покойного, большой или малой величины в зависимости от того, какого он был роста. Таковы в общих чертах погребальные обряды лопарей. Более зажиточные устраивают иногда поминальный пир ежегодно в годовщину смерти покойного, соблюдая при этом все описанные выше обрядности. "Если умерший был богат, – продолжает Самуил Реен, – то, поминая его, убивают нескольких оленей зараз, повторяя это в течение двух или даже трех лет в годовщину его смерти. Кости съеденных оленей закапывают каждый раз в землю вышеописанным образом".

Из этих описаний ясно, что зарезанный олень нужен не только для угощения пирующих, но также и для жертвоприношения манам, для умиловления которых и предназначаются зарываемые в землю кости. Одновременно с этим мы видим, как долго длится у лопарей траур по покойнику, он бывает особенно долог в случае смерти одного из супругов и при потере детей. "Лопари особенно долго оплакивают умершего супруга и детей", – пишет Эрик Плантин". Печаль по усопшим (траур) не выражается у них какими-нибудь внешними знаками или траурной одеждой, как принято у других народов, а просто таится в душе.

Перейдем теперь к наследованию и разделу имущества, которые обыкновенно имеют место после смер-

ти главы семьи или вообще лица, владеющего самостоятельным хозяйством. Собственность лопарей заключается в оленях, серебре, чугунной и медной посуде, оружии и т.п. "Главные богатства лопарей, – пишет Самуил Реен, – заключаются в движимом имуществе, к которому следует отнести оленьи стада, а также серебро, деньги, медные и чугунные вещи и одежду". Ничто не дает лучшего представления о степени состоятельности лопаря, чем количество принадлежащих ему оленей. Некоторые лопари владеют сотней, другие же тысячей, а то и более оленей.

Олаф Магнус называет лишь вдвое меньшее количество как предельное: "Некоторые жители Лапландии владеют десятью, пятнадцатью, тридцатью, семьюдесятью, четырьмястами, а то и пятьюстами оленей, которые поручаются заботам пастухов, сгоняющих стада на пастбища". По-видимому, однако, величина стад, принадлежащих одному человеку, бывает действительно громадна. Иоанн Бурей рассказывает о некоем Оровейне, который даже не знал точно, сколько у него оленей. Когда другой лопарь Арент Иоедин украл у него сотню оленей, он даже не заметил этого, т.к. стадо его почти не уменьшилось от такой потери.

Предметы повседневного обихода они держат при себе в шалашах, запасы в описанных нами выше особых амбарах, а серебро и деньги зарывают обыкновенно в землю, называя такое место "Roggai". Делается это по большей части так: серебро и деньги кладут в закрытый на замок ящик, ставят его в медный котел, который прикрывается сверху деревянной доской, и все это зарывают в землю, поверх которой насыпается мох, чтобы постороннему глазу нельзя было заметить ничего подозрительного. Все это делается в большой тайне, скрытно даже от жены и от детей, поэтому иногда в случае внезапной смерти весь клад остается в земле и не достается не знающим о его местонахождении наследникам. Остающееся после усопшего наследство делится обыкновенно так, что брат его получает $\frac{2}{3}$ движимости, сестра – $\frac{1}{3}$, как установлено шведскими областными законами. Из этого дележа бывают изъяты только те подаренные детям олени со всем их приплодом, о которых мы уже много говорили раньше.

Недвижимое имущество, т.е. земельный участок, отведенный для кочевья, озера, холмы и т.п., без всякого раздела переходит в пользование всех детей покойного без различия пола, на равных основаниях. Поэтому они считают своей собственностью участок земли, леса, горы, озера и реки, где жили обыкновенно их родители. Что это представление не есть простая претензия, а имеет под собой юридическое основание, доказывает раздел земельных участков Лапландии между отдельными семьями, осуществляемый, как было уже сказано, при Карле IX. Я тоже думаю, что недвижимое имущество и не подлежит разделу между наследниками и должно оставаться во владении всей семьи. Тем не менее, это имущество не является их собственностью в строгом смысле слова, а представляет собой лишь нечто отданное им в пользование шведской королевской казной, за что ими и уплачивается ежегодно определенная дань. Впрочем, об этом уже было сказано нами в другом месте, почему и нет надобности здесь делать еще какие-нибудь добавления.

Глава XXVIII

О ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ ЛОПАРЕЙ

акончив изложение особенностей верований и быта самих жителей Лапландии, перейдем теперь к описанию животного и растительного мира страны, а также ее природы.

Прежде всего, остановимся на домашних животных, из которых одни не представляют ничего особенного, т.к. встречаются и в прочих странах, другие же не водятся нигде, кроме Лапландии. В свою очередь, в Лапландии вовсе нет лошадей, коров, овец и коз. Лошади совершенно бесполезны в этой стране, и поэтому лопари никогда не пользуются ими. Что же касается остального перечисленного нами крупного и мелкого рогатого скота, то коров, овец и коз лопари покупают иногда в Норвегии, но держат их при себе только летом, пользуясь их молоком, а на зиму режут ради их мяса и шерсти.

К характерным для Лапландии животным, и притом не встречающимся где-либо вне ее пределов, следует отнести в первую очередь северных оленей (*rangiferi*). Пейцер называл их буйволами (*tarandus*) по совершенно непонятной мне причине. В своем сочинении "De dirinationuni generibus" (О разных видах гаданий) он говорит следующее: "Они (лопари) не обрабатывают полей и не разводят никаких домашних животных, кроме буйволов (*tarandus*), которыми пользуются в качестве вьючного животного, в особенности зимой, когда вся страна покрывается толстым снежным покровом, а реки и озера сковываются льдом".

Но, конечно, всякий, кто задумал бы сравнить описанного Плинием буйвола с северным оленем, убедился бы, что между ними нет ничего общего. Буйвол, как известно, величиной с быка с гораздо более крупной головой, чем северный олень, и покрыт при этом довольно длинной шерстью разнообразных оттенков, напоминающей медвежью. Ничего подобного мы не видим в северном олене. Кто первым дал ему современное его название (*rangifer*) недостаточно ясно. Это был не Герберштейн, не Циглер и не Дамиан Гоен, т.к. все они называют оленей в своих сочинениях словами "rhen", "reon", "rengi". Вернее всего, что оно исходит от Олафа Магнуса, т.к. он приводит и кое-какое объяснение этому названию: "Северные олени (*rangiferi*), названы так по двоякой причине: во-первых, потому, что имеют на голове пару рогов, напоминающих ветви (*rami*) деревьев, во-вторых, от слова "locha" или "gancha", которым обозначается ярмо, надеваемое им на шею для прикрепления к нему в зимнее время саней". Это объяснение нельзя, однако, признать удовлетворительным. Если бы название оленей происходило действительно от их ветвистых рогов, то их называли бы *ramiferi* (*ramus* – ветвь, *fero* – несу), т.е. *ramiferi* – ветвеносцы, тогда как речь идет о слове "rangiferi". То же самое можно сказать и относительно ярма (*gancha*), тем более, что мы старались доказать выше, ограничиваясь при этом лишь описанием мягкой и широкой петлей.

Вернее всего, пожалуй, предположить, что латинское название северного оленя *rangifer*, произошло от шведского слова *rengi*, *gangi*, употребляющегося наравне с более употребительным *gheen* для обозначения этого животного. Слово *gangi* или *gaengi* нелопарского происхождения, как ошибочно думают некоторые авторы, т.к. олень по-лопарски называется "Herki" или "Puatze".

Все прочие объяснения так же неудовлетворительны и фантастичны, как и Магнусово.

Как бы то ни было, но первое, хотя и беглое, описание северного оленя принадлежит Павлу Диакону, называемому также Варнефридом, жившему около 1270 г. от Р.Х., записавшему в своей "Истории Лангобардов" следующее по поводу скритофиннов: "У них часто встречается животное, близко напоминающее нашего оленя (*Sceriris* – благородный олень). Я видел одежду наподобие туники, доходящей до колен, сшитую из его мохнатой шкуры, которую, как мне говорили, носят скритобины (*Scritobini*).

Почти не возникает сомнения, что описанная Варнефридом одежда есть не что иное, как лопарская малица (*mudd*), сшитая из оленьей шкуры. А скритобины, которых он здесь говорит – предки нынешних лопарей, о чем мы уже упоминали неоднократно в предшествующих главах.

Герберштейн, Олаф Магнус и Дамиан Гоен, говоря о северном олене (*rangifer*), называют его часто просто оленем (*scerugis*), хотя между обыкновенным оленем и его северным собратом есть и существенная разница. Северный олень крупнее, что подтверждает и Олаф Магнус, говоря: "Это животное принадлежит к семейству оленей, но гораздо больше нашего". О том же говорит Джонстон, а также Герберштейн.

Так как многие другие писатели отрицают этот факт, то нелишне будет заметить, что следует отличать высоту животного от общей массы его тела. Благородные олени действительно бывают иногда более высокого роста, благодаря своему стройному сложению и длинным ногам, но в длину туловище северного оленя, а равно и величина его обыкновенно больше таковой благородного оленя.

К числу важных отличий относится и то, что северный олень, в противоположность благородному, имеет не двое, а трое рогов. "Кроме пары больших рогов, – констатирует Олаф Магнус, – растущих на том же месте, что и у обыкновенного оленя, у северного оленя есть еще рога поменьше, с более короткой ветвистостью по середине головы надо лбом, так что вся голова его со всех сторон снабжена рогами, которыми он с успехом пользуется для защиты от диких зверей, главным образом волков".

Многие не согласны и с этим, но, думается мне, только потому, что превратно истолковывают слова Магнуса. На самом деле у северного оленя, конечно, нет какого-то отдельного третьего рога, торчащего изо лба, как изобразил бестолковый иллюстратор, и Олаф имеет в виду со-

всем не это. Он хочет указать лишь на то, что у северного оленя действительно от двух главных рогов отходит вперед как бы отросток, менее ветвистый, образующий некоторое подобие третьего рога.

Правда, еще чаще бывает так, что от каждого из пары отклоненных назад рогов вперед отходит наклонно по одному ветвистому отростку и получается таким образом как бы четыре рога, из которых одна пара закинута назад, а другая низко над самым лбом выступает вперед, что особенно характерно для северных оленей.

Все сказанное нами об оленьих рогах относится только к самцам, т.к. у самок рога обыкновенно бывают меньшей величины и притом делятся на меньшее количество отростков и ветвей. "Самец олень, – замечает Торней, – имеет большие, раскидистые и ветвистые рога, а самка малые".

Рога оленей бывают часто покрыты особым пушком, хотя это по большей части заметно лишь тогда, когда они меняют их, т.е., сбросив старые, отращивают новые рога. "Весной, – говорит об этих молодых рогах Олаф Петерсон, – они начинают прорастать – мягкие, мохнатые, изнутри налитые кровью. К осени, выросши до обычных размеров, теряют покрывающий их пушок".

От благородного северный олень отличается еще более короткими и толстыми ногами, очень похожими на ноги коров. Копыта у них раздвоены и закруглены, как это бывает у быков. При ходьбе суставы конечностей довольно громко хрустят, напоминая звук, получающийся при раздавливании ореховой скорлупы, как удачно подметил Дамиан Гоен.

Олаф Магнус говорит, что этот хруст настолько отчетлив, что по нему даже издали можно догадаться о приближении животного.

Цветом северные олени тоже отличаются от обыкновенных: он чаще пепельно-серый с беловатыми подпалинами не только на животе, но также на боках и на холке. Этим северные олени больше напоминают ослов, чем оленей. Недаром Дамиан Гоен говорит: "По размеру и цвету они походят на осла". Олаф Магнус приписывает им еще и гриву наподобие лошадиной, но я не могу согласиться с ним.

У северных оленей, действительно, на нижней части шеи растет довольно длинная шерсть, так же как и у коз и козлов, но ее ни в коем случае нельзя сравнивать с конской гривой. При этом, будучи парнокопытным, северный олень не может быть назван жвачным животным.

К числу его анатомических особенностей следует отнести и то, что вместо желчного пузыря имеется у него только какой-то черный проток в печени, из которого выделяется жидкость, не обладающая свойственной обыкновенной желчи горечью.

Прилагаю к этому описанию сделанный мной самим с натуры рисунок (помещен в начале следующей главы. – Прим. ред.), изображающий северного оленя.

Северные олени по природе своей – дикие животные, и большие стада их и поныне дико бродят по лесам и болотам Лапландии. Лопари постепенно приручили их. "Вместо лошадей, – пишет Циглер, – они приручают животных, называемых у них Reen, т.е. олени". Потомство таких прирученных оленей вполне превращается в настоящих домашних животных, послушных и кротких. По всей Лапландии они мирно пасутся на пастбищах.

Кроме диких и домашних оленей попадает иногда еще третий вид, представляющий собой помесь дикого и домашнего животного. Как мы уже говорили выше, лопари, охотясь на диких зверей, нередко заманивают диких самцов, привязывая в лесу прирученную самку. Приплод ее в этом случае отличается несколько более крупным ростом и значительной выносливостью. Таких оленей лопари называют kattaigiag или reurach. Они особенно пригодны для дальних поездок на санях, хотя и сохраняют еще унаследованную долю дикости, будучи норовисты и злы, часто стараясь лягнуть сидящего в санях человека. Единственная защита от этого маневра заключается в том, чтобы быстро перевернуть в снегу сани и скрыться под ними, оставаясь там до тех пор, пока животное не утомится. О свирепости их говорят также И. Торней и С. Реен.

Случка оленей происходит обыкновенно осенью около Матвеева дня (21 сентября. – Прим. ред.). Мясо животных, убитых в это время, обладает неприятным запахом, напоминающим запах козла. Поэтому лопари избегают резать их в это время.

Самки оленей, которых лопари называют waiiag, вынашивают плод в течение 40 недель и телятся в мае, когда уже вновь, под влиянием солнечных лучей, появляется зеленая трава, которую они очень любят. Самка рождает только одного теленка, но вообще они довольно плодовиты: из сотни едва лишь десятков самок оказываются бесплодными. Их лопари называют Raone. Самки особенно хороши и сочны бывают осенью – во время течки. В это время обыкновенно лопари и режут их.

Отелившаяся самка кормит своего теленка молоком, все время оставаясь под открытым небом. Благодаря тому, что олени почти совсем не требуют за собой никакого ухода, большие стада не причиняют хозяину никаких забот. Каждый теленок знает свою матку, а матка теленка, притом не только узнает его в стаде, но даже и по голосу. "Телята постоянно бегают за матками, – отмечает Самуил Реен, – и переговариваются ржанием, так что даже в очень большом стаде матка и теленок всегда узнают друг друга; удивительнее всего, что иногда они узнают друг друга через два-три года".

Когда телята подрастут, их переводят на пастбища, где они щиплют траву, листья и мох. Телята бывают сперва рыжеватого-желтого цвета, а затем, после Якова дня (25 июля. – Прим. ред.), линяют и темнеют. Предельного роста они достигают лишь на четвертый год. Для каждого возраста у лопарей есть особое название: годовалый теленок называется Mees, двухгодовалый Orach, трехгодовалый Worsu, четырехгодовалый – Kosott и, наконец, дальше оленя зовут Namiloppin, т.е. безымянный, при этом, если это самец, то добавляют еще Niguas – по словам И. Торнея, или Herki – Самуила Реена.

Взрослый олень приучается к разным домашним работам; одни, называемые лопарями Vaiomhherki, идут в упряжку, другие – Dykamherki приспособляются для перевозки вьюков, причем для этой цели отбираются более покладистые животные. "Олень – кроткое и полезнейшее животное, – пишет Олаф Петерсон, – особенно холостые самцы. Некастрированные животные более дики и норовисты".

Оленей холостят сразу по истечении первого года жизни. Это делается прямо зубами, как описывает Самуил Реен: "Оленей, которые предназначаются для домаш-

них работ, лопари холостят откусывая зубами кровеносные сосуды, идущие к половому члену, чтобы таким образом остановить его естественное развитие".

Остальные олени, остающиеся в стаде для приплода, называются у них *Servi*. На стадо в сто самок оставляют обыкновенно не более 20 самцов. Самки дают лопарям молоко, из которого затем готовят сыр. Оленей доят в равной мере и мужчины и женщины, становясь при этом на колени и держа в свободной руке деревянную посудину, в которую собирается удой. При доении самку иногда привязывают к дереву.

Доят оленей только раз в день, около 2 или 3 часов пополудни. Молоко, накапливающееся в остальное время суток, должно идти на кормление телят. Больше удои бывает у самок, кормящих телят. При этом лопарями соблюдается правило, не выдаивать молока за один раз более полутора шведского штофа.

Оленьё молоко густо, жирно и очень питательно. Оно составляет существенную часть пищи лопарей. Молоко варят и делают из него сыр. Самуил Реен так описывает способ его приготовления: "Лопарки дают молоку свернуться, затем вычерпывают из котла сгусток плоской и наполняют им одну за другой шесть форм, которые ставят друг на друга, подержав их таким образом, затем перевертывают их, чтобы нижняя теперь оказалась наверху, и так, не отжимая совершенно руками, заставляют сыр отдавливаться сыворотку своей собственной тяжестью".

На каждый такой сыр идет молоко, полученное от десяти удоев; он представляет собою большой плоский круг толщиной в два пальца. "Сыр, приготовляемый лопарями из оленьего молока, – продолжает Самуил Реен, – необычайно жирен, т.к. ко времени его изготовления самки оленей дают очень жирное молоко, питаются сочной травой, растущей летом в горных долинах".

Несмотря на это, лопарям не удается получить масло из оленьего молока, хотя некоторые из них и пытались сбивать его. Вместо масла они употребляют нечто вроде сала, о чем мы уже говорили в главе, посвященной описанию пищи лопарей.

Лопари очень дорожат оленями, играющими такую существенную роль в их жизни, приискивая для них подходящие пастбища и защищая их от нападения диких зверей. "Они неусыпно стерегут своих оленей, – пишет Реен, – не спуская с них глаз ни днем, ни ночью, из боязни лесных хищников".

Для лучшей охраны оленей лопари пасут их со всеми своими чадами и домочадцами, следя за отбившимися от стада животными и загоняя их ко времени дойки в особые загоны, устраиваемые в лесистых местах и огораживаемые вбитыми в землю кольями с поперечными перекладинами на них. В безлесных горных местностях во время доения оленей привязывают к небольшим колышкам, чтобы они стояли спокойнее.

Летом олени кормятся сочными травами, в изобилии покрывающими горные долины, листьями и молодыми побегами кустарников, в остальное время года щиплют особого рода белый мех, растущий повсеместно по лесам и горам Лапландии. Даже зимой, когда вся страна бывает занесена снегом, олени умудряются, разрывая снег копытами, добираться до этих своеобразных кормов.

"Пищей этим животным, – замечает Олаф Магнус, – служит горный мох белого цвета, в особенности зимой,

хотя он бывает покрыт в это время толстым слоем снега. Несмотря на это, олени, побуждаемые инстинктом, разрывают снег копытами и щиплют этот скудный корм. Летом они питаются зелеными листьями и побегами, которые щиплют на ходу или стоя, предпочитая их траве и цветам, к которым надо наклоняться, а делать это им мешают слишком выдающиеся вперед рога". Самуил Реен с удивлением отмечает, что, несмотря на скудную пищу зимой, состоящую почти исключительно из этого мха, именно в это время олени откармливаются и выглядят особенно хорошо. "Осенью и зимой, – пишет Олаф Петерсон, – олени выглядят очень хорошо и бывают покрыты гладкой мохнатой шерстью, зато весной имеют жалкий вид".

По-видимому, олени с трудом переносят летний зной, т.к. именно летом от них остается одна кожа да кости. Очень неустойчивы они также и в отношении к свойственным их виду заболеваниям; так что, когда падежом поражаются отдельные олени, он обязательно охватывает все стадо. "Среди оленей распространена одна заразная болезнь, напоминающая чуму, от которой часто вымирают до последнего оленя целые стада", – отмечает в своих записках Иоанн Бурей.

Впрочем, эти эпизоотии встречаются, к счастью, сравнительно редко. Зато другое заболевание, менее губительное, но также довольно мучительное, почти ежегодно поражает оленей. Олаф Петерсон так описывает это: "Обыкновенно с марта месяца в спине оленей заводятся черви, пробуравливающие затем кожу, которая, если еще намочнет от дождя, превращается в какое-то решето, что делает животное непригодным ни для какой работы".

Опасными врагами оленей являются также волки, хотя олени и защищаются от них рогами, но, во-первых, это не всегда спасает от хищника, а во-вторых, не следует забывать, что олени ежегодно меняют рога, сбрасывая как раз наиболее ветвистые и большие; новые же отрастают лишь постепенно. Насколько мне известно, олени защищаются от волков не столько рогами, сколько ногами и копытами, нанося ими могучие удары. В некоторых случаях, когда этому не препятствует слишком глубокий снег, они предпочитают спастись от волков бегством, пользуясь при этом изумительной быстротой своих ног.

Третья опасность заключается в том, что олени отбиваются от стада и, разбредаясь по лесу, смешиваются иногда с другими стадами. Чтобы иметь возможность опознать их и вернуть владельцу, лопари метят их особыми знаками на рогах или на ушах.

Олени, избегнувшие всех изложенных нами случайностей, умирают в возрасте около 12–13 лет.

Вот все, что мы намеревались сказать об оленях, этих единственных в своем роде животных, заменяющих одновременно лошадь, корову и овцу и дающих лопарям чуть ли не все, что им необходимо для жизни.

Благодаря этим удивительным качествам оленей, лопари, как уже было сказано, не разводят другого скота, а из домашних животных имеют еще лишь собак для охраны жилищ и стад, а также для охоты. "У лопарей мы встречаем лишь двух домашних животных, – пишет Олаф Петерсон, – охотничью собаку и оленя".

Глава XXIX

О ДИКИХ ЗВЕРЯХ, ВОДЯЩИХСЯ В ЛАПЛАНДИИ

Лапландии водится немало хищников, но первое место среди них, бесспорно, принадлежит медведю, которого лопари недаром считают царем лесов. "Медведя лопари считают первым из всех зверей и называют его владыкой лесов, т.е. повелителем всех прочих лесных хищников", – говорит Самуил Реен, – добавляя, что медведь вполне заслужил такую оценку, будучи во много раз свирепее и сильнее остальных зверей.

Медведей немало водится в Лапландии. Особенно лютыми считаются те, у которых вокруг шеи идет белая полоса наподобие цепи или воротника, а такие медведи довольно часто встречаются на Севере. Медведи причиняют лопарям много зла, нападая на оленей и расхищая их запасы мяса, рыбы и прочего, спрятанные в особых кладовых, устроенных на спиленной верхушке дерева, о которых мы уже говорили. Если медведю удастся повалить столб, на котором держится этот своеобразный амбар, то он за одну ночь уничтожает плод трудов лопаря и пропитание всей семьи, заготовленное на зиму.

Кроме медведя к числу крупных зверей следует отнести лося. Скалигер смешивает лосей с оленями, считая обоих одной и той же породой. "Лоси, – пишет он, – шкура которых напоминает ослиную, называется шведами *gandgifer*, немцами *ellend*, московитами лоси (*lozzi*). Я нашел в одних записках, что в Норвегии они известны под названием "rehen".

Что это за записки, о которых упоминает Скалигер, мне неизвестно, зато я знаю с точностью, что лося норвежцы называют отнюдь не *rehen* (олень), а *aelg* (лось). Московитское (русское) название "лось" совпадает с литовским (*lose*), о чем свидетельствует Герберштейн.

Итак, лось (*lozzi*, *loss*, *aelg*, *ellend*) есть совершенно особый вид животных, значительно отличающийся от оленя. Прежде всего, он гораздо крупнее его, достигая величины крупной лошади, рога у него более коротки, плоски и очень широки, с менее выраженной ветвистостью. Ноги гораздо длиннее оленьих, особенно передние, которыми он бьет со страшной силой нападающих на него собак и охотников, что особенно опасно потому, что копыта его узки и остры. Он отличается от оленя и строением головы, более длинной, с большими и толстыми отвислыми губами. Лось гораздо темнее оленя, и притом шкура его серовато-бурого оттенка.

При движении лося совершенно не слышно того хруста суставов, который, как мы указывали, так характерен для северных оленей. Одним словом, всякий, кто хоть однажды видел этого зверя, а мне это не раз посчастливилось, не станет сомневаться в том, что лось и олень являются совершенно разными животными. Впрочем, лось попадает в Лапландию сравнительно редко и заходит туда из других стран, главным образом из Литвы.

Согласно указу Карла IX, о котором мы говорили выше, шкура лося, убитого в Лапландии, подлежит передаче в королевскую казну.

Олаф Петерсон пишет о лосях следующее: "Лоси встречаются чаще в южной части Лапландии, загоняемые туда преследованием лопарей или охотящихся на них крестьян (шведских, финских). Вообще они попадаются очень редко. Известно лишь, что лоси дважды в год в довольно большом количестве приходят из Карелии, переправляясь через реку Ниву (*Nivae*) (Нива – река на Кольском полуострове. – Прим. ред.). Весной целыми стадами они уходят в Карелию, а осенью возвращаются обратно в Россию".

В Лапландии водятся также обыкновенные олени. Самуил Реен, перечисляя диких животных, встречающихся в этой стране, упоминает о них: "В Лапландии водятся разные виды животных: лесные (северные) олени (*rangiferi*), медведи, обыкновенные олени (*cervi*), волки, россомахи, бобры, выдры, лисицы, куницы и белки. Однако эти олени очень немногочисленны и мелки и скорее относятся не к оленям, а к диким козам или ланям (*damascervi*). Так как они ничем не отличаются от встречающихся в других странах, то мы ограничимся лишь упоминанием о них.

Больше всего в Лапландии диких лесных (северных) оленей (*rangiferi sylvestres*), но так как они лишь несколько более крупным ростом и темной окраской разнятся с домашними, то и на них мы не будем долго останавливаться, дав уже достаточно подробное описание этих последних.

Волки большими стаями бродят по Лапландии. Они светлее, белее волков, встречающихся в других местах, почему некоторые авторы дают им название "белых волков", шерсть на них длиннее и гуще.

Волки часто опустошают стада оленей, защищающихся от их нападения копытами и рогами. Андрей Бурей сообщает странную подробность, что волки будто бы никогда не нападают на оленя, привязанного к столбу или к дереву. Это происходит, может быть, потому, что, видя неподвижное животное и привязь, волк опасается какой-нибудь ловушки, будучи от природы чрезвычайно осторожным и в высшей степени подозрительным зверем. Вероятно также, что он боится в этом случае находящихся поблизости людей, которые обычно привязывают к столбу оленей, собираясь доить их.

Волки нападают не только на оленей, но и на людей, в особенности на детей и беременных женщин. Олаф Магнус посвящает этому вопросу пространное описание: "Часть лопарей живет на растущих четырехугольником деревьях, спасаясь от глубоких снегов, которые могли бы совсем занести жилище, устроенное на земле, а также защищаясь от диких зверей, рыскающих несметными стаями и пожирающих все живое. В случае приближения стаи волков особенно стараются оберегать детей и беременных женщин, которых волки чуют издали, как более нежную

и заманчивую пищу. Поэтому женщины никогда не пускаются в путь без вооруженного спутника".

Нередко встречаются в Лапландии и росомахи с круглой головой, похожими на волчи крепкими и острыми зубами и большим телом на коротких, как у выдры, ногах. мех этих животных совершенно черный, действительно, довольно красив и, по словам Олафа Магнуса, напоминает черный бархат. Некоторые даже сравнивают его с собольим, хотя надо сказать, что у соболя отдельные волоски нежнее и мягче.

Росомаха живет не только на суше, но и в воде, подобно выдре, хотя вообще гораздо крупнее и сильнее ее. Ввиду этого образа жизни некоторые сближают ее с выдрой. Она не уступает выдре в прожорливости, а скорее даже превосходит ее в этом отношении. По-шведски она называется *jerff*, а по-немецки *vielfrass*, т.е. обжора. Впрочем, Скалигер, называет ее не *vielfrass*, а *wildfrass* (*viel* – много, *wild* – дикий, *fressen* – жрать), толкуя это название в том смысле, что она питается лесной дичью. По-видимому, он неправильно усвоил смысл немецкого слова или в сочинение его вкралась опечатка, т.к. россомаха, кроме дичи питается домашними животными и даже рыбой.

Бобров в Лапландии очень много, т.к. реки повсюду кишат рыбой, служащей им прекрасной пищей. Обилие рыбы в реках и озерах Лапландии Олаф Магнус объясняет отсутствием на них судоходства. "В северных водах, – пишет он, – водится множество бобров, т.к. там не распугивает животных постоянное движение судов, как на Рейне или на Дунае". Ни о бобрах, ни о выдрах, тоже довольно

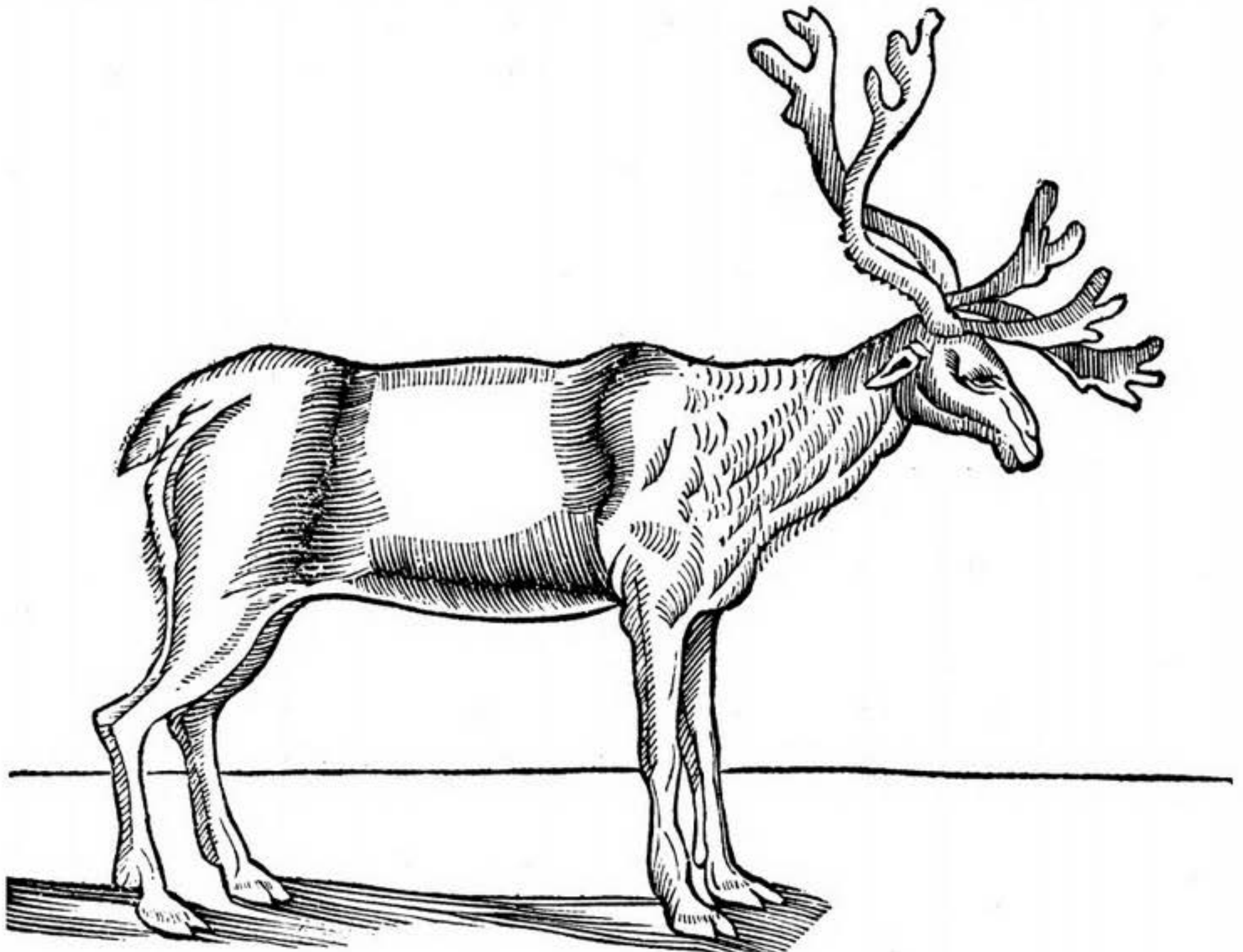
многочисленных в Лапландии, мы не будем говорить подробнее, т.к. и они ничем не отличаются от обыкновенных (последний бобр в Русской Лапландии был уничтожен в 1880 г. – Прим. ред.).

Остановимся теперь на лисах, разнообразнейшие породы которых повсеместно встречаются в Лапландии. Среди них, кроме обыкновенных, попадаются черно-бурые, серебристые, белые и меченные крестообразными полосами.

Больше всего ценятся чернобурые лисы, как наиболее редкие. У москвитов (русских) знатные вельможи носят шапки, верха которых сделаны из меха. "Лисьи меха, особенно чернобурой лисы, – сообщает нам Герберштейн, – очень ценятся в Московии, где из них делают себе шапки знатные люди, за шкурку чернобурой лисицы нередко дают десять, а то и пятнадцать золотых".

Бурые лисицы занимают среднее место между вышеупомянутыми и обыкновенными рыжими. Полосатых, которых Джонстон называет "крестоносцами", он описывает следующим образом: "От самой морды по голове и вдоль спины до хвоста у них тянется черная полоса, пересекаемая крестообразно другой такой же, идущей поперек спины к передним лапам".

Этот сорт ставится выше обыкновенных лисиц и отличается от них еще большим ростом и густотой меха. У серебристых, или пепельно-голубоватых, лис не все волоски меха одного цвета; более длинные волоски на концах темнее, чем у корня, а короткий пушок светлее, местами почти белого цвета, так как общая окраска является в ре-

зультате смешения всех этих оттенков, Олаф Магнус называет их лазоревыми, или голубыми. По его словам, они считаются менее ценными, чем другие. То же он говорит и о белых лисицах, мех которых обыкновенно очень недолговечен: "Меха бурых лисиц ценятся дешевле, так же как и лазоревых или голубых, т.к. лисицы эти водятся во множестве, да и волосы их меха скоро выпадают, будучи слабо прикреплены к коже".

Охота на лисиц легка на горных вершинах, где они бросаются в глаза, благодаря своему цвету, в лесах же на снегу их трудно заметить.

Про куниц можно сказать, что, пожалуй, ни в какой другой стране не добывается столько куных мехов, как в Лапландии. Среди них также различаются более дорогие и более дешевые сорта. Особенно ценятся куницы с желтоватым мехом на шее. Они водятся только в лесной области Лапландии и никогда не встречаются в горах. Это объясняется тем, что куницы охотятся почти исключительно за белками и лесными птицами. "Ночью, – говорит Олаф Петерсон, – пользуясь своими острыми когтями, они бесшумно взбираются на деревья и истребляют живущих в дуплах белок. Спасаясь от них, белки влезают на самую верхушку дерева или на тонкие края ветвей, куда за ними не может последовать их враг. Если и это не помогает, они скачут с ветки на ветку и с дерева на дерево."

Кроме белок, куницы ловят птиц больших и малых, дремлющих ночью на ветках деревьев. Подобрившись к ним, куницы разрывают их острыми когтями и пожирают с жадностью. Сильные птицы иногда взлетают вместе с вцепившимся в них зверьком, который даже в воздухе не выпускает свою добычу и грызет ее зубами до тех пор, пока она полумертвою не свалится на землю".

За куницами следуют белки, в невероятном количестве водящиеся в Лапландии. Они ежегодно меняют цвет – из обыкновенных рыжих летом становясь зимой серебристыми. Именно этот последний цвет беличьего меха особенно ценится охотниками. По словам Самуила Реена, оттенок его особенно чист у белок, живущих на Крайнем Севере, где зима держится дольше и, следовательно, зимний меховой покров сохраняется в неприкосновенности. Поэтому лопари охотятся на белок только зимой, а летом не обращают ни на них никакого внимания.

Несмотря на то, что белки массами водятся в Лапландии, бывают годы, когда они как будто куда-то исчезают, уходя, вероятно, на новые места. Причина таких переселений не совсем ясна. Некоторые полагают, что белки уходят из лесов, побуждаемые к тому недостатком привычной им пищи, другие – что они предчувствуют какие-нибудь иные опасности, грозящие их племени, как, например, лесные пожары, нашествие хищников и т.п.

Как бы то ни было, но иногда белки совсем уходят из данной области, переплывая при этом реки и переправляясь через озера. Олаф Петерсон так описывает одну курьезную переправу этих зверьков, виденную им собственными глазами: "Белки стайками сбегают к озеру и усаживаются на прибитые к берегу куски дерева или сосновой и еловой коры и, как на плоте, распушив поднятый вверх хвост в виде паруса, относятся ветром на середину озера. Иногда быстрое течение или порыв ветра опрокидывает их суденышко и при такой переправе они тонут массами. Тела их затем прибывает к берегу, и лопари собирают их иногда в большом количестве. Если они недолго пробыли

в воде и шкурки их не успели намокнуть, то они пускают их в дело". Олаф Магнус говорит, что таким способом они переправляются даже через реки и хотя немногие из них благополучно достигают противоположного берега, но убыль их быстро восстанавливается, т.к. самки дают в один помет четырех, пяти, а то и больше детенышей.

Кроме этих диких животных, перечисленных Самуилом Рееном в приведенном нами выше описании животного мира Лапландии, там водятся еще и некоторые другие, как, например, соболя. О соболях упоминает Олаф Магнус, а Джонстон в своей "Естественной истории животных" говорит о них: "Лучшие соболя меха находятся в Тартарии и Лапландии". Соболя меха в Лапландии носят только женщины, особенно невесты, как видно из цитированного уже нами места из сочинений Магнуса: "Невеста, разряженная в горностаевые и соболя мехи".

Соболя попадают, однако, в Лапландии довольно редко. Этот зверь размером и строением тела ближе всего напоминает куницу. Смолисто-черный цвет его меха бывает разных оттенков, из которых особенно ценится самый темный. Как большая редкость встречаются белые соболя. Я видел несколько экземпляров этого рода, поднесенных в дар шведским королям московскими послами. По-видимому, их имел в виду еще Адам Бремёнский, писавший о "белых куницах", водящихся в Скандинавии.

Самуил Реен не упоминает в своем перечне и о горностаевых, несмотря на то, что именно Лапландия была некогда главной поставщицей этих драгоценных мехов. "Лопари выменивают на разные товары, – замечает Павел Иовий, – белоснежные меха драгоценных горностаев". Горностаи эти, в сущности, не что иное, как белоснежные ласки, хвост которых оканчивается совершенно черным кончиком.

Горностаи отличаются от ласки только цветом, да и то белоснежным он бывает только зимой, а летом слегка рыжеет, подобно другим видам ласок. "Зимой на снегу совершенно невозможно заметить этого белоснежного зверька, – пишет о горностае Олаф Магнус, – но летом, в конце мая он сбрасывает свой белый мех и рыжеет".

Подобно ласке горностаи охотятся на мышей. Скалигер самого горностаи называет "шведской мышью" (*mus sueticus*), с чем я никак не могу согласиться. Скорее можно отнести к мышам другой вид мелких животных, называемых там *lemmus*, мясом которых также питаются горностаи.

"В Лапландии попадает особый вид мышей, – пишет Самуил Реен, – которых там называют горными мышами или "lemblar" (норвежские лемминги. – Прим. ред.). Олаф Вормий описывает подробно один из экземпляров этого рода зверька в своем "Музее", где даже дается тщательно нарисованное изображение его. Из этого рисунка видно, что хвост у него очень короткий и шерсть редка, так что он лишь отчасти напоминает мышь.

Самуил Реен замечает, что эти зверьки внезапно появляются целыми полчищами, сплошь покрывая землю, как птицы во время весенних и осенних перелетов, и притом чаще после сильных дождей. Вследствие этого обстоятельства Олаф Магнус высказывал даже предположение, что они зарождаются в облаках и падают вместе с дождем или наносятся ветром, в чем, однако, он, видимо, все же несколько сомневался.

Другие ученые объясняют связь дождя с массовым появлением этих животных иначе, они думают, что потоки

воды затопляют их норки и, таким образом, выгоняют их на поверхность земли. Это объяснение мне лично кажется наиболее вероятным. Следует заметить, что эти зверьки отнюдь не пугливы, а дерзки и шумливы. Двигаясь большими толпами, они пищат, кусаются, подпрыгивают, не страшась даже человека, отбивающегося от них палкой, в которую они с визгом вцепляются зубами, ослепленные дикой яростью. К счастью лемминги никогда не вторгаются в лопарские жилища, а скрываются обыкновенно по оврагам, заросшим кустарником. Иногда полчища этих странных животных сражаются между собой совсем как две неприятельские армии. Эти мышинные бои лопари рассматривают, как предзнаменование настоящих войн Швеции с какой-либо из соседних держав. Они пытаются даже разгадать, с какой именно стороны произойдет нападение врагов, судя об этом по тому, откуда появились сражающиеся между собой звери.

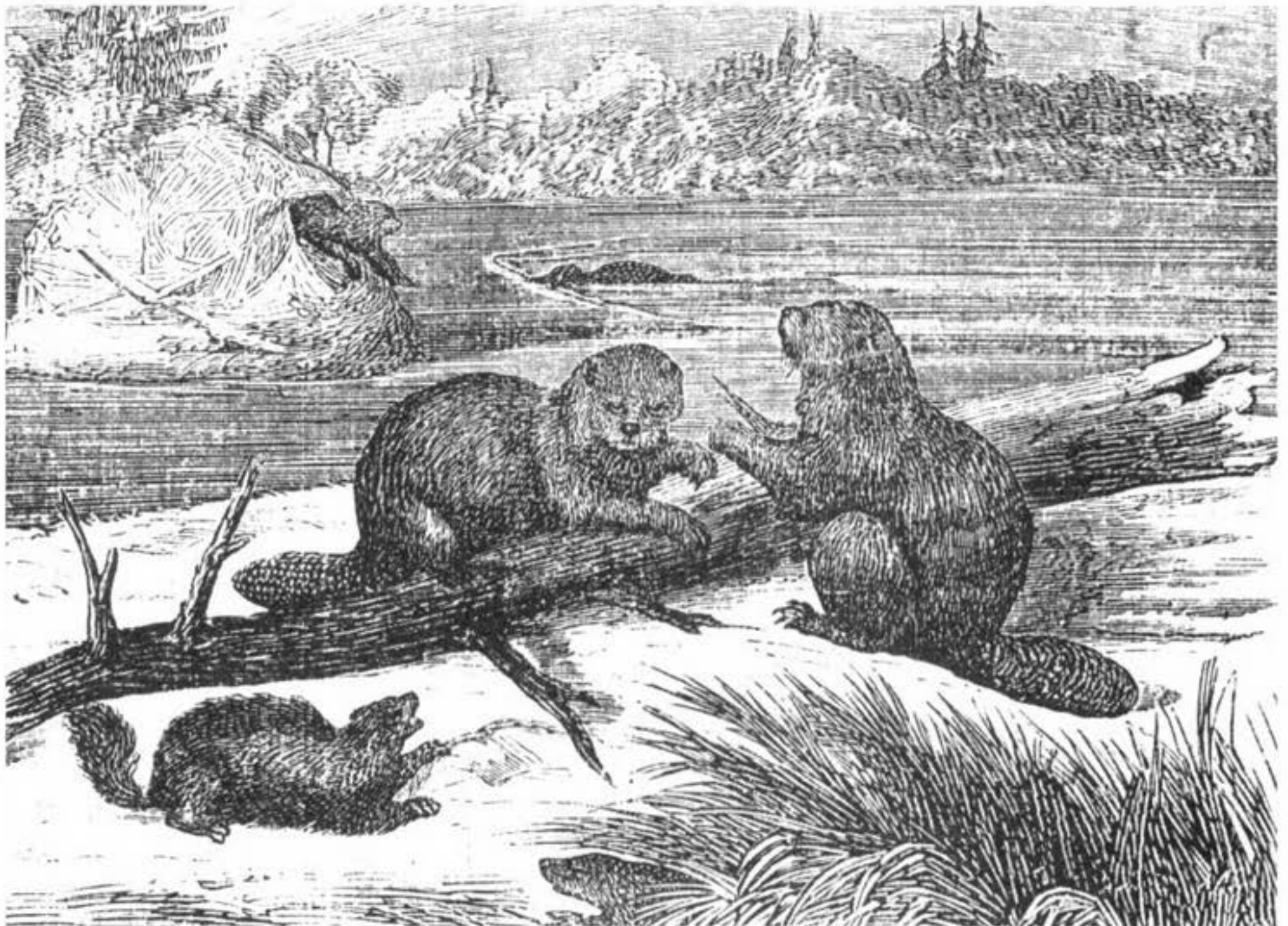
Грозой этих зверушек являются горностаи; лисицы также истребляют их немало и сотнями затаскивают к себе в норы. Насытившись ими, лисицы иногда совсем не идут на приманки, приготовленные для них лопарями возле капканов и ловушек. Как это ни странно, но, по словам Олафа Петерсона, ими питаются иногда даже олени, особенно летом, пожирая их вместе с травой, и лопарские собаки, которые, впрочем, едят только переднюю часть этой горной мыши, т.к. задняя ее часть заключает в себе какие-то вредные для собак вещества, вызывающие у них заболевания.

Помимо энергичного истребления этих грызунов всеми вышеупомянутыми животными, они сами иногда ни с того, ни с сего исчезают и гибнут так же внезапно, как и

появились. Олаф Магнус ставит их гибель в зависимость от пожираемой ими вновь пробивающейся зеленой травы, но, по-видимому, иногда это случается и по другим, не вполне ясным для нас причинам. Мыши внезапно мрут целыми массами, при этом они взбираются на деревья и подвешиваются на их ветках или же сами кидаются в воду озер и рек, где и тонут. В некоторых местах из трупов их образуются целые холмики, заражающие окрестность запахом разложения.

Следует, наконец, назвать еще зайцев, также забытых Самуилом Рееном. Их тоже немало водится в Лапландии. Лопари ценят их мягкий и пушистый мех, особенно в зимнее время, когда он белеет и своим блеском напоминает лисий. Подобно другим северным пушным зверям, зайцы, как известно, меняют шубку в зимнее время по мудрому промыслу природы, которая этим способом облегчает им возможность стать неприметными на фоне белых снегов.

Как будет видно из дальнейшего, не только мелких животных, но также и птиц природа защищает таким изменением окраски от истребления хищниками и человеком. "Достоверно известно, — пишет о зайцах Олаф Магнус, — что они вскоре после осеннего равноденствия при первом же снеге меняют мех, сбрасывая обычный для них серый и заменяя его снежно-белым". Нередко случается, что зайцы, пойманные в это время, еще не целиком вылиняли и одна половина тела у них осталась серой, в то время, как другая уже успела побелеть. В середине зимы этого уже никогда не бывает, и попадаются одни лишь белые зайцы. На этом мы и закончим главу о диких животных, которые водятся в Лапландии.

О ПТИЦАХ, РЫБАХ И ДРУГИХ ВИДАХ ЖИВОТНОГО ЦАРСТВА

роме описанных нами животных, Лапландия изобилует дикой птицей. Самуил Реен перечисляет всевозможные виды ее, встречающиеся в Лапландии: "Лебеди, гуси, утки, кряковые, нырки и всевозможные виды болотной птицы, а также и лесной, как, например, глухари, тетерева, рябчики, куропатки".

В Лапландии столько озер, рек, болот и лесов, что птицам прямо раздолье в этой обширной и дикой северной стране. Многие из поименованных выше пород хорошо известны и в других странах, но некоторые представляют собой специфическую особенность Лапландии.

Говоря о гусях и утках, Самуил Реен, конечно, подразумевает лишь диких птиц, т.к. домашних гусей и уток, а равно и вообще какой бы то ни было домашней птицы лопари никогда не заводят. Большая часть этих птиц прилетает в Лапландию из теплых стран на лето, вьет здесь себе гнезда, высиживает птенцов, а к осени стаями улетает обратно. Нигде эти птицы не встречаются в таком громадном множестве. Их привлекает на Север, по всей вероятности, большая дикость и безлюдность этих стран и обилие необходимой им пищи в виде всяких ягод и мошек, роящихся над болотами.

"Во время весеннего перелета, – пишет Олаф Петерсон, – огромные стаи птиц застилают все небо. Там, где они садятся на ночлег или для подкрепления себя пищей, земля бывает сплошь усеяна ими, а крики их слышны на полмили вокруг".

К числу таких перелетных птиц, редко встречающихся в других местах, относится так называемый "кпурет". Голова и спина у него черные, а также и большая часть крыльев, грудь и живот – белые, красный клюв длинен и зубчат, ноги коротки и также красны, с плавательной перепонкой между пальцами, как и у всех водных птиц.

К тому же виду или близкому к нему относится другая птица, повсеместно называемая там "loom" (т.е. хромой) и водящаяся в Лапландии в несметном количестве. Один экземпляр ее описан Вормием в его "Музее", где имеется и ее изображение. "Loom", по-видимому, не принадлежит к одному из видов диких уток, т.к. клюв у него не плоский, а заостренный.

Его характерная особенность заключается в том, что он совершенно неспособен ходить, а лишь умеет летать и плавать вследствие особого устройства очень плохо развитых коротких ног, расположенных притом так близко к заднему концу туловища, что, стоя на них, он не может сохранить равновесие.

Из лесных птиц на первом месте стоит глухарь (*urogallus*), самка которого, по мнению Реснера, отличается от черного самца только более светлым оперением. На самом деле глухарь совсем не черный, а желтоватый с черными крапинками. То же самое можно сказать и о тетереве

(*tetraos urogallus minor*), самки которого также значительно отличаются от самца расцветкой оперения: самец-тетерев почти весь черный, а самка желтоватая, как и самка глухаря, от которой она отличается только величиной.

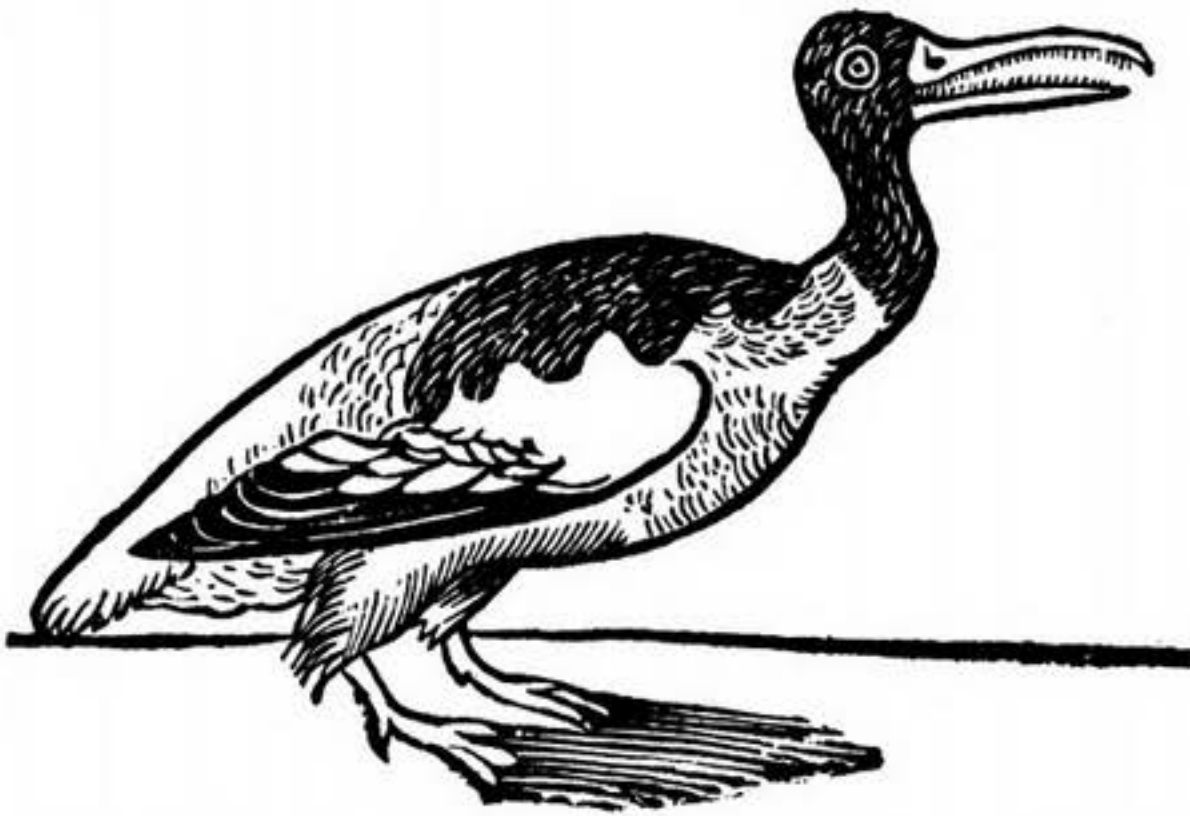
Олаф Магнус говорит, что они не желты, а серы, т.к., действительно, нередко сероватый оттенок преобладает в их оперении. Именно эту птицу описывает он под именем "лесного петуха": "В северных странах попадаются лесные петухи величиной с фазана, но с более коротким хвостом, совершенно черного цвета с немного более светлыми перьями лишь по краям крыльев и в хвосте. У самцов на голове красноватый гребешок, самки же выглядят очень скромно, будучи сплошь однообразного серого цвета".

Нет сомнения, что речь идет здесь о тетереве, что же касается гребня, то он находится у тетерева не на макушке, как у обыкновенного петуха, а с обеих сторон над глазами. По словам Самуила Реена, в последнее время тетеревов в Лапландии стало меньше. Впрочем, количество этих лесных птиц сильно колеблется в отдельные годы, что подтверждает и Олаф Петерсон: "Бывают годы, когда птица как будто куда-то исчезает. Это продолжается несколько лет, а затем вдруг ее появляется такое множество, что лопари не успевают бить ее".

Далее в нашем перечислении следуют рябчики, называемые по-шведски – *attagenes*, а по-немецки – *jaegre*. Их также немало в Лапландии, и туземцы охотно употребляют их в пищу. Но чаще всех прочих встречаются куропатки (*lagopodes*), водящиеся не только в лесах, но даже на голых вершинах гор, покрытых сплошными снегами. "Вся лесная дичь (глухари, тетерева, рябчики) водится только в лесах, – отмечает Олаф Петерсон, – поблизости рек и озер. Так как горы, прилегающие к норвежской границе, голы и безлесны и в них лишь изредка попадаются небольшие горные озера, то там дичи вовсе нет, за исключением куропаток, которых в иные годы бывает там великое множество".

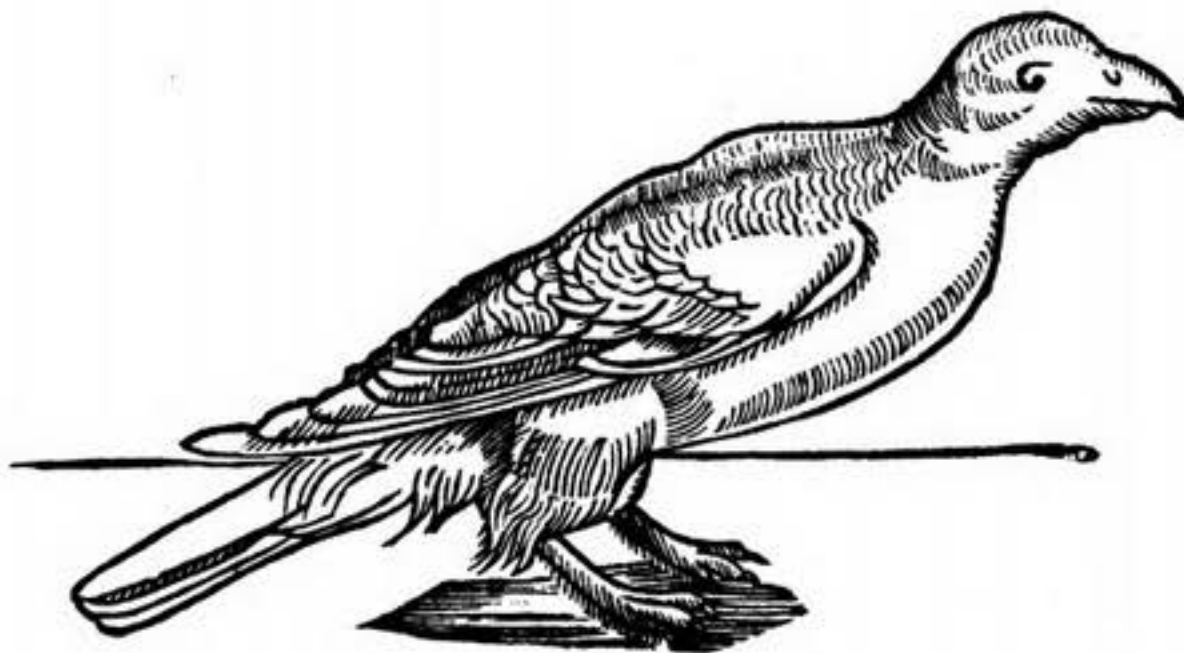
Самуил Реен называет этих куропаток по-шведски то *fiadrupog* (горная куропатка), то снежная курица, подобно тому как называют их в Швейцарии (*schneehulner*), т.к. они любят снега альпийских вершин. Лапы их похожи на заячьи и вместо перьев покрыты пухом, откуда произошло и их латинское название. "Эти куропатки зимой бывают белыми, как снег, и только у самок попадает несколько черных перышек под крыльями. С приближением весны они становятся серыми, как тетеревиные самки, и остаются такими на протяжении всего лета и осени до следующей зимы". Это замечание Самуила Реена очень ценно, т.к. у других авторов мы не встречаем упоминания об изменении цвета этих птиц.

Самуил Реен подметил также, что куропатки почти никогда не забираются на деревья, а большей частью бегают по земле. Вообще же, куропатки очень проворны и подвижны.

Перейдем теперь к описанию рыб, которыми буквально кишат реки и озера Лапландии. Еще Циглер поражался их множеством: "Уловы лопарских рыбаков бывают громадны, и, несмотря на это, рыбы остается еще такое множество, что ее держат в садках и вывозят в соседние страны". Павел Иовий, описавший лопарей, живущих в приморской области, находившейся во владении Московии, пишет: "На морском побережье лопари ловят массу рыбы". Во всей остальной Лапландии, как мы уже говорили, реки и озера кишат рыбой.

На первом месте надо поставить улов лосося (*salmo*) – самой распространенной и наиболее ценимой здесь рыбы, которая нигде во всей Европе не встречается в таком количестве, как в Лапландии: "Нигде во всей Европе, пишет Олаф Магнус, не ловится столько лосося, как в Ботническом заливе, в который несут свои пресные воды бесчисленные реки, текущие с гор и из озер Лапландии. Красивое зрелище представляют целые полчища рыб, поднимающихся по ним против течения, сверкающие на солнце своей чешуей, как полки воинов в блестящих доспехах, идущие плотными сомкнутыми рядами. Рыба идет в реки такими массами, что даже в верховьях горных речек дает богатый улов рыбакам". Слова Магнуса подтверждает Самуил Реен: "Лосось идет из моря в реки Лапландии и поднимается по ним вверх насколько только возможно до тех пор, пока путь ему не преградят непроходимые стремительные водопады, и возвращается назад только осенью, около Матвеева дня (25 сентября. – Прим. ред.)".

Промышленниками замечено, что рыба, спускающаяся осенью вниз по течению, гораздо хуже той, которая идет вверх метать икру в верховьях рек, может быть, оттого, что она ослаблена трудностями перехода или же истощила свои силы в процессе размножения.

В моем родном городе Страсбурге только идущую вверх рыбу называют *salm*, а спускающуюся по течению *lah* или *lass*, что верно отражает ее состояние (*lassus* от лат. – усталый, утомленный. – Прим. ред.). О величине улова дает некоторое представление Олаф Петерсон: "Один таможенный чиновник сообщил мне, что однажды из Лапландии было вывезено 1300 тонн этой рыбы".

Вторую по важности рыбою в Лапландии является щука. "В лапландских озерах, – пишет Самуил Реен, – водится много мелких и крупных щук (*lucii*)". О них же Олаф Магнус говорит следующее: "В горной Лапландии попадаются пресноводные озера длиной в 400, а шириной до сотни итальянских миль, в которых водится такое множество щук (и других рыб), что их с избытком хватает не только на прокормление жителей четырех обширных северных государств (вероятно, Швеции, Норвегии, России и Финляндии. – Прим. ред.), но даже и для вывоза на рынки громадной Германии". Щуки, которых Магнус называет *lupiagu atiles*, т.е. водные волки, попадаются часто громадной величины, нередко в рост человека, а иногда даже и больше.

Далее следуют сиги (по-шведски – *susk*), вес которых иногда достигает 10 и 12 фунтов. Эту рыбу очень хвалит Самуил Реен, говоря, что она нежнее и вкуснее всех прочих рыб.

С этой оценкой сига вполне соглашается Иоанн Торней: "В числе прочих рыб в Лапландии, в особенности в небольших озерах, ловят много так называемых сигов, которые часто бывают длиной в аршин. Эта рыба так жирна, нежна и вкусна, что я не знаю другой, которая могла бы сравниться с нею".

Четвертая рыба – окунь (*perco*) достигает в Лапландии также громадной величины. До сего дня в лулеоской церкви хранится высушенная голова окуня, величина которой от макушки до нижнего края челюсти более ширины двух ладоней. Водятся там также речные форели (*mustelae fluvialles*), белуги (*albumi*), впрочем, главным образом в озерах, расположенных около моря.

В свою очередь, в горных озерах, далеко отстоящих от моря, водятся два вида рыб, называемых по-шведски *goeding* и *oerlax*. Встречается ли этот вид где-нибудь в других местах и что он из себя представляет, мне неизвестно. Самуил Реен так описывает его: "Roeding получил свое название оттого, что весь он красного цвета, брюхо у него пурпурное" (вероятно, имеется в виду голец, – Прим. ред.). По виду он будто бы напоминает лосося, но значительно меньше его, так что некоторые считают его просто не достигшим зрелости лососем, что, однако, едва ли правильно, т.к. ловится эта рыба, как было сказано, в далеко отстоящих от моря и отрезанных от него озерах, куда лосось не мог бы никак проникнуть.

Кроме перечисленных нами рыб, в Лапландии водится еще множество других пород, никому почти неизвестных, к которым лопари относятся пренебрежительно, не употребляя их в пищу. Олаф Петерсон приводит названия некоторых из них: "Корюшка, пескарь (*cobitis*), барбатушка, сазан (*сургинус*) и др.

Пресмыкающихся немного в Лапландии; змей, по словам Циглера, нет совершенно. Впрочем, это относится лишь к северной части страны, на юге же, в лесах, змей иногда встречаются, хотя и очень редко. "Змей редко попадаются в Лапландии, — говорит Реен, — да и то лишь в южной, лесистой области, в северной же, гористой части страны их нет совершенно". Насекомых тоже немного. Так, например, в Лапландии совсем нет блох, но зато немалые мучения им причиняют комары. "Комары там большие и зловредные", — пишет Циглер, а Олаф Магнус добавляет: "На Крайнем Севере, где много болот и рек, летом носятся тучи комаров, досаждающих мучительно не только своими укусами, но и жужжанием".

Эти комары изводят не только людей, но и животных, особенно северных оленей, которых для спасения от них летом приходится перегонять в горы. "Летом лопари часто уходят в горы, — отмечает Самуил Реен, — спасаясь от несметного множества комаров, терзающих своими укусами и людей и животных.

Олени страшно страдают от их преследований, и единственным спасением от этого бедствия является переход на возвышенность и горные вершины, куда и принуждены

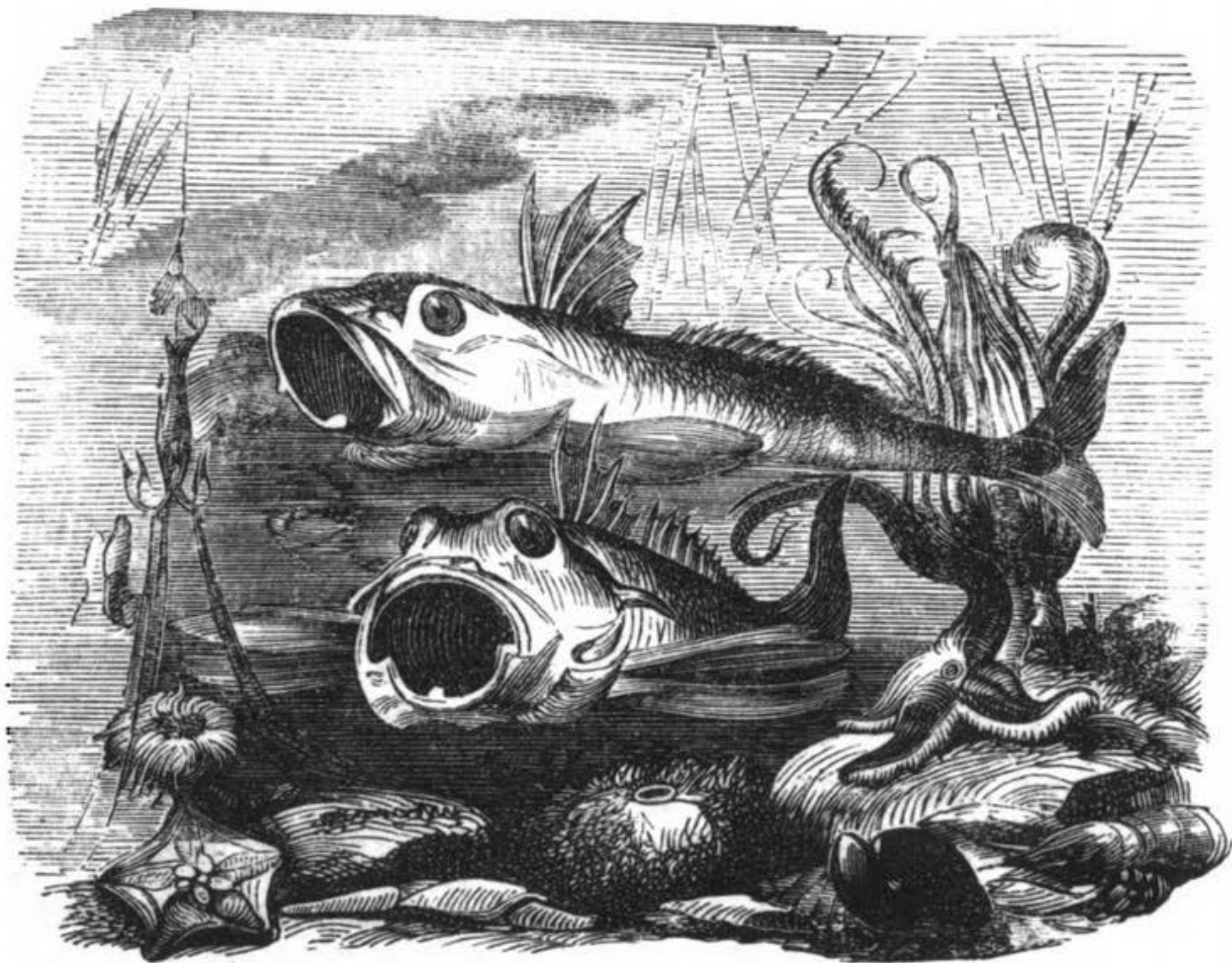
в это время года взбираться лопари со своими стадами".

В лопарских жилищах защитой от комаров служит едкий дым постоянно пылающего очага и род полога из грубой шерсти, которым покрываются с головой обитатели шалаша летом во время сна.

Вне дома для защиты от комаров мужчины и женщины носят одежду, надевая на голову шапки наподобие шлема, закрывающие все лицо, кроме одних только глаз. Иногда открытую часть лица смазывают смолой, как мне рассказывали сами лопари. "Лето в Лапландии отличается тем неудобством, — пишет Олаф Петерсон Ниурений, — что в воздухе носятся тучи мошек и комаров. Только вымазав лицо смолой, можно несколько защититься от их раздражающих и мучительных укусов".

Кроме того, летом появляется много крупных ос (*vespae*), нападающих главным образом на оленей. Они пробуравливают своими жалами кожу животных, отчего в ней долго сохраняются следы. Часто даже шкура, содранная с убитого оленя, бывает источена дырочками, как решето. Эти мелкие, как укол иголки, отверстия лопари называют "каорт". От ос лопари также спасаются дымом.

"Летом, — замечает О. Петерсон, — оленям очень досаждают насекомые и для их защиты лопарям приходится постоянно поддерживать огонь, жечь костры, чтобы дым от них давал возможность вошедшему в него оленю хоть немного отдохнуть от мучений". За неимением этого олени, чтобы спастись от мошканы и ос, погружаются иногда в воду по самую морду и часто при этом тонут.

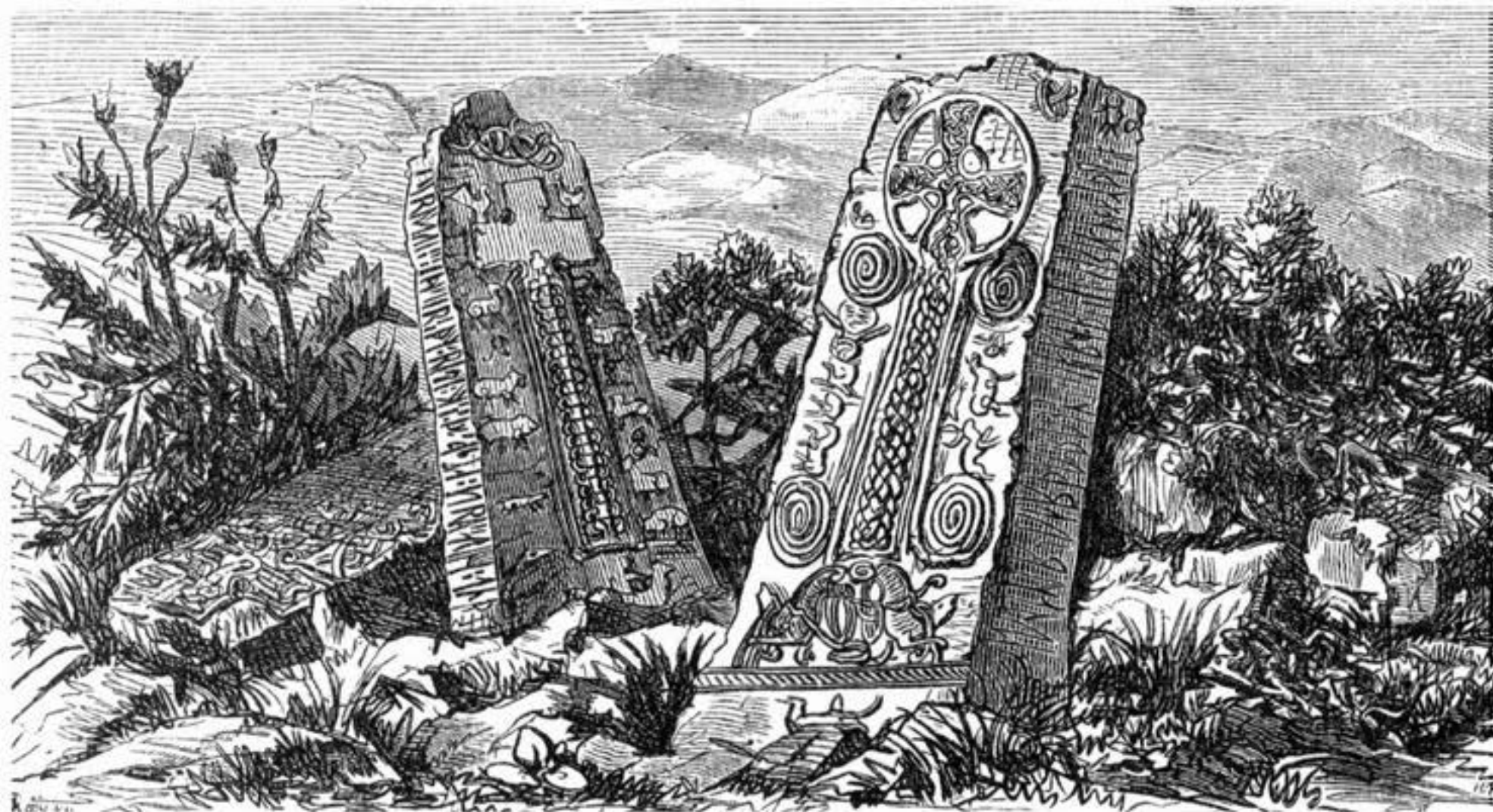
РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР
ЛАПЛАНДИИ

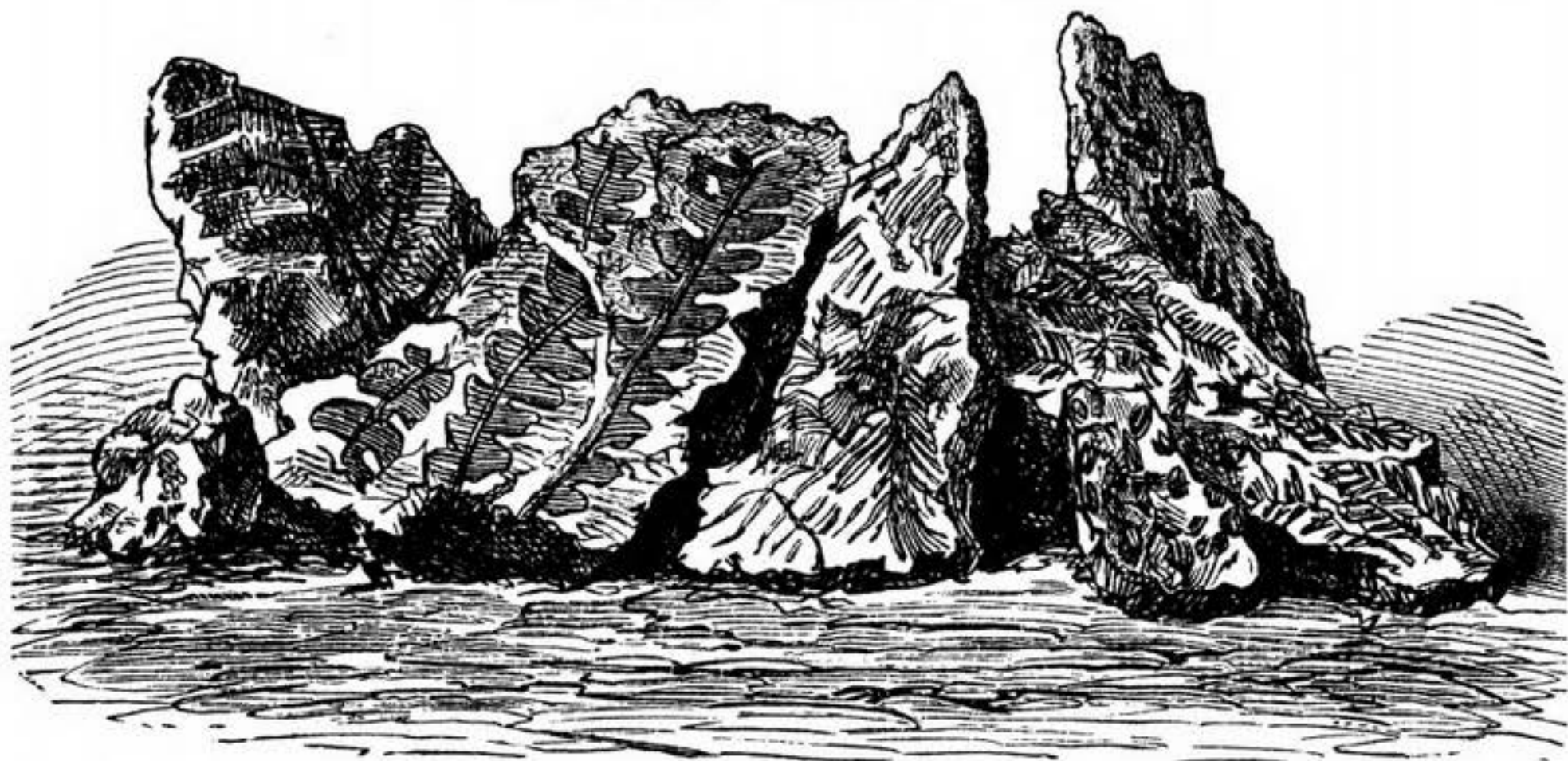
астительный мир Лапландии хотя и не очень богат, но довольно разнообразен. Прежде всего следует заметить, что в этой стране совершенно нет плодовых деревьев. Ни яблони, ни груши, ни вишни не произрастают в Лапландии. "Лопарскому народу неведомы ни овощи, ни плоды, – пишет Павел Иовий, – они не пользуются благами земли и милостями неба".

Даже лесные деревья, требующие более мягкого климата, как, например, дубы, буки, липы, совсем не встречаются в Лапландии. "Там нет ни дубов, ни тополей, ни лип, ни орешника, – отмечает Олаф Петерсон, – а только сосна, ель, можжевельник, береза, рябина, ива, осина, ольха, крушина, смородина". Но даже эти деревья не повсюду. В горах, отделяющих Лапландию от Норвегии, совсем нет лесов. "На вершинах Норвежских гор, – продолжает Олаф Петерсон, – на протяжении многих миль нельзя увидеть ни одного дерева". "Феллийские горы, – замечает Торней, – голы и безлесны". Петр Клауд приписывал это губительному действию ветров, постоянно дующих на возвышенностях со страшной силой". Я же думаю, что это объясняется лютым холодом, царящим на этих высотах, почти целый год покрытых снегами.

Ниже по склонам гор появляются леса. В верхнем поясе, ближе к вершинам, они состоят из одних берез, прекрасных и мощных деревьев, так красиво рассаженных природой, что леса эти напоминают парки. "На склонах гор начинаются леса, – пишет Самуил Реен, – причем пер-

выми появляются березы, а не сосны и ели. Березы достигают громадной величины и очень красивы, как искусственно выращенные в каком-нибудь парке. За березовыми лесами ближе к подножью гор следуют смешанные леса, где можно встретить кроме березы ель и сосну. Однако леса эти очень редки". Кроме этих трех видов деревьев, т.е. ели, сосны и березы, другие древесные породы не часто попадаются в лесах Лапландии. Зато в лапландских лесах много кустарников, особенно смородины черной и красной. "В полосе лесов, приближающейся к горным вершинам, – отмечает Самуил Реен, – растет много кустов смородины с красивыми и крупными ягодами. Однако лопари относятся к ней с пренебрежением". Также часто там встречается и можжевельник, достигающий иногда очень большой высоты. Кроме того, в Лапландии растет множество всяких ягод. Самая лучшая из них морошка (*chamaemora*), которую называют еще "норвежской тутовой ягодой". Эта ягода похожа несколько на малину; так же как и малина, морошка состоит из отдельных как бы зернышек, сначала слегка краснеющих, а затем бледно-желтых. Она растет в сырых, болотистых местах. "Лопари собирают душистую и вкусную морошку, – пишет Олаф Петерсон, – растущую на болотах в очень большом количестве". Ее короткий стебель стелется по земле и все растение не может быть даже названо кустарником. Ягоды же его не только вкусны, но и очень полезны, являясь прекрасным средством против цинги. Лопари не только едят морошку в свежем виде, но и заготавливают впрок, о

чем мы уже говорили в главе о пище лопарей. Кроме морошки, в Лапландии растет малина и ушколистный вереск с темными ягодами, называемыми по-шведски *kraokebaer*, т.е. вороньей ягодой, которые также употребляются лопарями в пищу. Растет много еще и других ягод самых разнообразных сортов, но не пользующихся таким широким распространением, как предыдущие.

В лесах цветет повсюду много лесных фиалок. Некоторые травы считаются у лопарей целебными, как, например, дягильник (*angelica petrosa*), очень любимый ими и называемый иначе "лопарской травой" "*samigraes*" или "*posko*". Другой вид этого растения (*angelica acetosa*) также нередко встречается и употребляется лопарями в пищу.

По словам Реена, кроме этих хорошо известных в Европе трав, в Лапландии встречаются еще и некоторые другие, ей одной свойственные, к числу которых следует отнести небольшое растение, известное у них под названием "лопарского башмачка" или "оленьей капусты". Так как, насколько мне известно, этот вид совсем неизвестен в остальной Европе, то я привожу здесь подлинные слова Реена, в которых он дает подробное описание этого растения: "В Лапландии встречается травянистое растение, известное у лопарей под именем "лопарского башмачка" или "оленьей капусты", т.к. цветок его действительно напоминает форму лопарской обуви, лепестки его голубые с тройным венчиком, листья большие, как у обыкновенной капусты, стебель толщиной в палец, а корень очень горький на вкус".

Это растение, по словам Самуила Реена, очень быстро разрастается, достигая в высоту трех футов. Оно слывет у лопарей ядовитым и вредным, т.к. ни одно животное не ест его. Напротив, другое растение, которое по мнению Олафа Петерсона, есть одна из разновидностей моркови, считается у них целебным: "Одним из самых распространенных в Лапландии лечебных средств является растение, называемое ими "*Mosarooth*" и напоминающее по внешнему виду и запаху анис. Оно растет главным образом в болотистых местах и достигает высоты одного фута. По моему мнению, растение это представляет собой одну из разновидностей моркови". Приводимое здесь название *mosarooth* (*mosa* – мох, болото, *rooth* – корень,

болотный корень) шведского, а не лопарского происхождения. Как оно называется по-лопарски, мне неизвестно.

Ограничиваясь упоминанием описанных здесь растений, заметим, что хотя кроме них есть еще довольно много менее известных, но в общем растительный мир Лапландии не отличается ни богатством, ни разнообразием, в чем легко убедиться при рассмотрении флоры Вестерботнии – области, наиболее приближающейся к Лапландии по климатическим условиям, где насчитывается не более 80 отдельных видов.

Перейдем, наконец, ко мхам, столь характерным для Лапландии, и ознакомимся с главнейшими их видами. Древесный мох, называемый шведами "*laaf*", свисает с ветвей деревьев, по большей части сосен, как пучки растрепанной пакли. Второй вид мха, обильно растущий по всей Лапландии, мягким ковром покрывает землю. Это он служит главной и почти единственной пищей оленям в зимнее время. Как мы уже говорили, он белого цвета с тонкими узкими листочками и стебельком длиной около фута. Третий вид мха с более коротким стеблем и мелкими листочками красивого зеленовато-желтого цвета губительно действует на лисиц. Поэтому, искрошив его мелко, лопари примешивают его к приманке, которую раскладывают при ловле их в разных участках леса. Четвертый, тоже короткий, очень нежный, красный мох употребляется для мягкой подстилки в люльки новорожденных, о чем уже упоминалось выше. Мне говорили еще и о пятой разновидности мха, называемого по-лопарски – "*fathnd*", отвар которого в виде бульона считается у них прекрасным средством против душевных недугов.

В заключение скажем несколько слов о травах, покрывающих горные долины и пастбища Лапландии. Именно в долинах Феллийских гор, отделяющих ее от Норвегии, травы особенно сочны, мягки, но низкорослы. В других местах трава отличается большей высотой, но зато суше и грубее.

Отдельного упоминания заслуживает одна удивительно тонкая шелковистая трава, которой лопари набивают башмаки и рукавицы, чтобы лучше предохранить руки и ноги от лютого зимнего мороза. Впрочем, об этом мы уже упоминали, говоря о зимней одежде лопарей.

О МЕТАЛЛАХ, И РУДАХ,
НАХОДИМЫХ В ЛАПЛАНДИИ

старину больше догадывались, чем с точностью что-нибудь знали о богатстве Лапландии полезными ископаемыми. Поэтому-то и Олаф Магнус категорически заявляет, что ни до него, ни при нем в Лапландии ничего не было слышно о каких бы то ни было рудах: "На Крайнем Севере нет ни железных, ни медных, ни серебряных копей, – категорично заявляет он, – и до сего времени нигде не обнаружено металлических руд, несмотря на то, что благочестивый Иов (в Библии) говорил, что золото появилось с Севера". Он добавляет далее, что именно ввиду этого недостатка металлов лопарям приходится сшивать свои челноки не гвоздями, а деревянными колышками или связывать прутьями.

Однако в 1635 году в царствование королевы Христины, в Питеоской Лапландии были обнаружены залежи серебряной руды в Насафьелль (Nasafiaell), т.е. в горной области, отделяющей Швецию от Норвегии. "Эта серебряная жила, – пишет Самуил Реен, – была обнаружена в расстоянии около 60 миль от Питеоского, или Скъелэфтенского (Skiaellefthensis) прихода, у истоков реки Скъелэфтео в горах, отделяющих Швецию от Норвегии". Иоанн Торней также говорит о ней: "Если верить пророчеству Парацельса, изложенному в IX книге его сочинений, то в северных областях между 60 и 70 градусами северной широты будут найдены в будущем такие богатейшие россыпи благородных металлов, что они совершенно затмят месторождение, находящееся на Востоке. Время этого открытия Парацельс пытается установить на основании Апокалипсиса, по-видимому, это относится как раз к обширной горной области, расположенной на границах Швеции и Норвегии. Обнаруженные недавно богатейшие залежи серебра в Насафьелль, в Питеоской Лапландии, доказывают, что к его предсказаниям не следует относиться с пренебрежительным недоверием".

Залежи серебряной руды в Насафьелль, первые в Лапландии, были обнаружены лопарем Лоенсом Персоном – шлифовальщиком алмазов и искателем жемчуга, бывшим жителем города Питео. Государственные копи с заводом для обработки руды были заведены на месте находки Персона светлейшим бароном Лаисским, Эриком Флеммингом, ныне сенатором Шведского королевства и президентом Коллегии горных дел.

В том же месте впоследствии был найден свинец в довольно значительном количестве, разработка которого не представляла никаких трудностей. "В тех же копиях была обнаружена богатая жила свинцовой руды, – добавляет Реен, – разработка которой была очень легка при помощи бурения горной породы с последующим раздроблением ее порохом". Способ, о котором говорит здесь Самуил Реен, состоит в том, что руду добывают не

киркой или лопатой, а вместо этого сверлят в горе отверстие буравом и затем закладывают в него порох, заваливают отверстие камнями и поджигают шнур. Когда порох взрывается, горная порода рассыпается на мелкие куски, из которых уже без труда добывается свинец.

К сожалению, эти копи разрабатывались очень недолго, т.к. во время войны шведов с датчанами в царствование Густава Адольфа они были разрушены в 1658 г. датским наместником в Норвегии Бребеном фон Анен. С тех пор они были заброшены, и отдельные попытки частных лиц восстановить их не привели ни к каким существенным результатам, т.к. связанные с этим расходы оказались непосильны для частного капитала.

Еще одни серебряные копи находятся в Лулеоской Лапландии и называются Кьедкьевари (Kietkievari). Они были открыты в 1660 году тоже лопарем Ионасом Петерсоном из Торпеняури. Эти копи расположены в 82 милях от Лулеоской приходской церкви, на высокой горе, в двух милях от горного кряжа, отделяющего Швецию от Норвегии.

Этот высочайший и почти непроходимый, в особенности в зимнее время, перевал, называемый Даорфьелль (Daorfiaell), пользуется среди лопарей широкой известностью вследствие страшных бурь, свирепствующих на его вершинах большую часть его года.

Серебряная жила, залегающая в этих местах, очень богата и дает много разветвлений. Она включена в очень твердую горную породу, состоящую из светлого гранита. Неудобство этих копий, открывающих в разных местах доступ к отдельным разветвлениям жилы, заключается в том, что в окрестности совершенно нет леса и дрова приходится таскать за полторы мили. В этих копиях также пользуются порохом, как и в предыдущих.

Завод, где плавится и обрабатывается руда, расположен ниже, на расстоянии 5 миль от копей, в красивой и лесистой местности, где берут начало многие речки, в особенности же более крупная река Квикйоки (Quickjock), а вся местность называется Даррийоки (Darrijock).

В громадном лесу, окружающем завод, растет множество кустов и ягод, особенно смородины, а также высокая и сочная трава. В реках попадает лосось, щука, окунь и много другой рыбы. В летнее время туда можно пробраться на лодке от Лулеоской приходской церкви, перетаскивая ее лишь в двух-трех местах, где слишком стремительное течение и водопады препятствуют продвижению. Поэтому все необходимые для завода материалы могут быть доставлены без особых расходов и труда, точно так же и металлические изделия завода с легкостью перевозятся к побережью Ботнического залива.

Кроме этих двух богатых копей, в Лапландии в последнее время открыто еще много других, но, к сожалению,

нию, они нигде не разрабатываются надлежащим образом, т.к. или лежат в малодоступных, отдаленных местностях, или же требуют для своей разработки значительных расходов, сопряженных с риском не получить от них значительной прибыли. Людей, способных в течение ряда лет вкладывать в них большие капиталы в ожидании непредвиденного дохода в будущем, очень немного.

Одно месторождение было указано на горе Фьерроваари лопарем Ларсом Андерсоном, другое им же – всего на расстоянии мили от вышеупомянутых копей Кьедкьевари и третье – в двух милях к востоку от предыдущего. В этом последнем сереброносная жила залегает в более мягкой горной породе, которая, однако, дальше быстро становится чрезвычайно твердой и с трудом поддается обработке.

Об открытии первого из этих месторождений в 1670 году Самуил Реен повествует следующим образом: "Прошлым летом один лопарь, по имени Ларс Андерсон, показывал лопарям большой слиток серебра, выпавший, по его словам, "из громадной скалы высотой в десять футов, на вершине горы Фьерроваари, взобраться на которую возможно лишь с крайним риском для жизни".

Остальные жилы были открыты еще раньше, и позволительно надеяться, что и впредь будут обнаружены новые месторождения металлов в разных пунктах Лапландии. "Кроме указанных уже нами сереброносных жил, – пишет Реен, – можно ожидать обнаружения в будущем еще и многих других, т.к. многим лопарям известны подобные же участки еще и в других местах".

Самуил Реен указывает и на причины, побуждающие лопарей скрывать известные им месторождения: "Несомненно, что во многих местах Лапландии существует немало месторождений всяких металлов, прекрасно известных многим лопарям. Однако, любя больше всего свободу и вольный кочевой образ жизни, они скрывают их, опасаясь, чтобы их не принудили к тяжелому рабскому для них труду по разработке открытых ими рудников".

Кроме описанных нами серебряных месторождений, в Лапландии встречается и медная руда. Медные копи есть, например, в Сваваари (Svavahard) в Торнеоской Лаппмарки, в 27 милях от городка Таорне (Taorne),

около реки с таким же названием. Они были открыты в 1655 г. лопарем-каменотесом неким Эриком Эриксоном, который и сделал заявку на них. Руда там чистая и очень богатая, но из-за отдаленности участка подвоз необходимых для разработки орудий и материалов очень затруднителен.

Другое месторождение меди отстоит на три мили к северу от предыдущего и было открыто в 1668 г. также каким-то лопарем. Там руда хуже вследствие примеси железа, почему эти копи и разрабатываются не так ревностно, как предыдущие. Это место носит название Виттанги (Wittangi). Из этих копей медная руда на судах перевозится на завод Кенгис (Koengis) для дальнейшей обработки в плавильных печах и оттуда уже в Торнео.

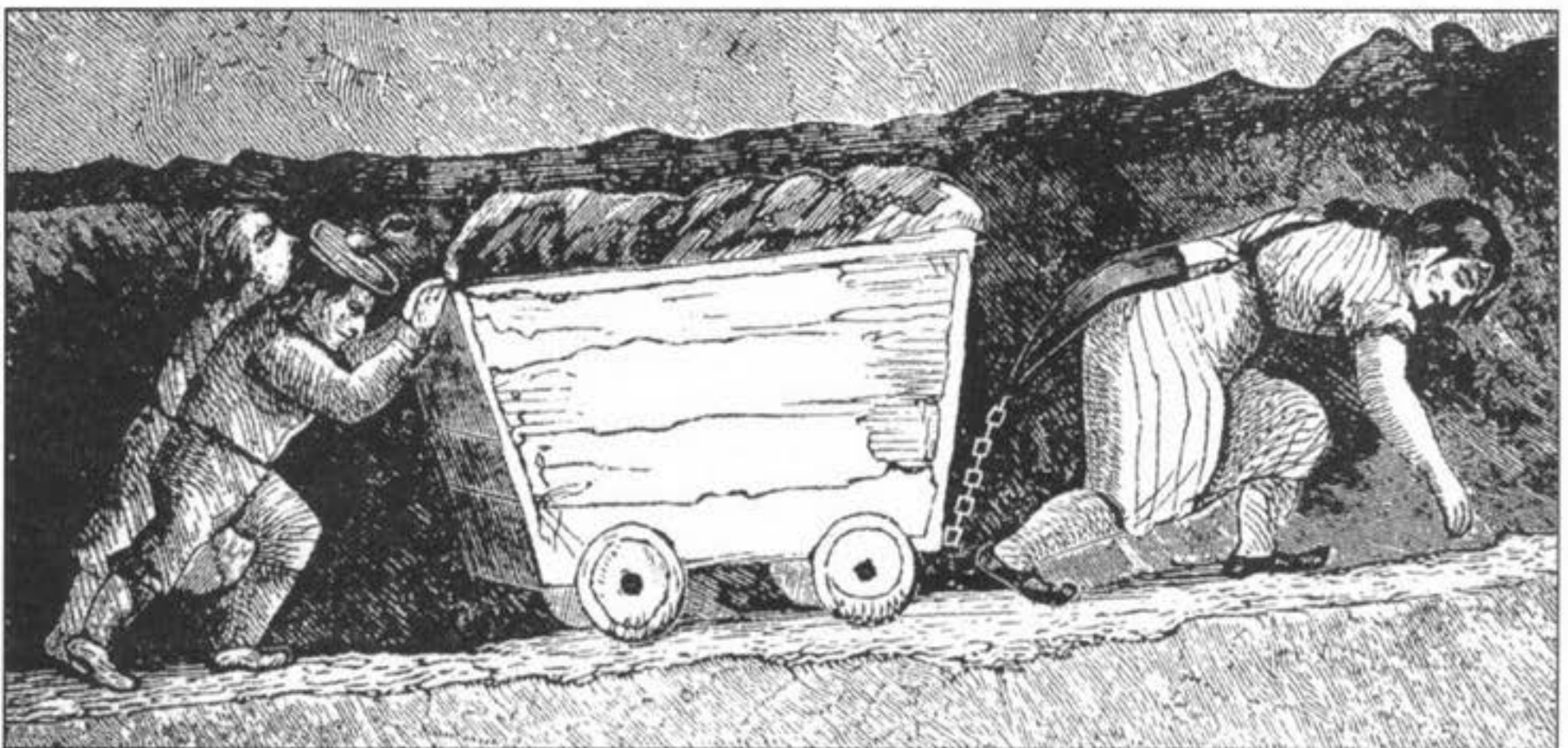
Встречаются в Лапландии и железные рудники. В упомянутом уже Сваваари добывается одновременно медь и железо, последнее прекрасного качества.

Другие железные рудники находятся в Юнесуандо в 22 милях от Торнео. Они были открыты в 1640 году одним местным жителем, неким Ларсом. Выкованное там кузнечными молотами в листы или в болванки железо отправляется затем на завод Кенгис для переплавки.

В Петциваари (Petziwaara) в Лулеоской Лапландии также имеется железная руда. "В Фуллийских горах (Fullicis montibus), – пишет Реен, – залегает прекрасная железная руда. Эта местность называется Петциваари и находится в миле с четвертью от завода Квикйоки, где она выплавляется в чистый металл".

Насколько мне известно из упомянутых здесь месторождений железной руды, надлежащим образом разрабатываются лишь два первых рудника, третий же никем еще не занят.

В 1671 году прошел слух, что в Лапландии открыты золотые россыпи. Однако до сих пор известие это не подтвердилось, и поэтому я не буду дольше останавливаться на этом. Замечу лишь по этому поводу, что в царствование Густава I кем-то была открыта золотоносная жила, но только не в Лапландии, а в пределах Швеции. Впрочем, слух этот, неизвестно кем пущенный, как кажется, не подтвердился, по крайней мере, до наших дней никому неизвестно, где собственно находятся эти россыпи.

О ГОРНЫХ ПОРОДАХ,
ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЯХ И ЖЕМЧУГЕ

Вся Лапландия усеяна громадными валунами — бесформенными, грубыми и такими твердыми, что никаким железом их невозможно обтесать для придания им желательного вида. Они бывают по большей части серого цвета, как скалы. Некоторые из них отдаленно напоминают своими формами фигуры людей и животных. Такие камни в большом почете у лопарей, они называют их Сторюнкарами и воздают им божеские почести, как мы уже говорили выше.

В Торнеоской Лапландии близ рудников Юнесандо, на берегу реки Торнео, попадаются мелкие, совершенно круглые и плоские, наподобие монет, желтоватые камни величиной с империял. На первый взгляд кажется, что они сделаны из глины, на самом же деле по твердости они не уступают кремню.

В тех же рудниках попадаются маленькие октаэдры совершенной формы, величиной с горошину, а иногда и меньше. В состав их входит очень незначительное количество меди и много серы.

Встречается ли в Лапландии магнитный железняк, достоверно неизвестно. Хотя у Олафа Магнуса можно найти упоминание о громадных магнитных горах, находящихся на Крайнем Севере и притягивающих к себе стрелку компаса, однако это едва ли может относиться к горам Лапландии. По словам Андрея Бурея, кое-где в горных местностях Лапландии попадаются драгоценные камни. Далее он поясняет свою мысль, говоря об алмазах, аметистах и топазах.

Что касается алмазов, то в данном случае Бурей следует общепринятой ошибочной терминологии. То, что здесь называют часто алмазом, представляет собой в сущности горный хрусталь. Он часто встречается в Лапландии включенным в камни и скалы в виде больших и малых кристаллов. Некоторые из них достигают значительной величины, попадаются, например, изредка кристаллы с голову ребенка. Такой экземпляр мне удалось видеть в коллекции Его светлости графа Магнуса Гавриила Деллагарди, канцлера Шведского королевства.

Форма их по большей части гексагональная, в одних более совершенная и строго выдержанная, в других несколько шероховатая и неправильная. Чистота и прозрачность великолепные, ничем не отличающиеся от кристаллов, привозимых с Востока. Правда, иногда они бывают несколько тусклы и даже изборозжены, как трещинами, пробегающими по ним жилками. По твердости они превосходят все остальное, даже так называемый богемский

горный хрусталь. Лопари иногда заменяют ими кремни, употребляющиеся для высекания огня, и я видел, что от удара по ним огнива, они дают даже большую искру, чем кремень.

В своем собрании я храню несколько таких кристаллов горного хрусталя вместе с трупом и огнивом в лопарском кисете. Лопарские ювелиры умеют так шлифовать и отполировывать эти кристаллы, что их почти невозможно отличить от настоящих алмазов и часто даже опытные люди становятся жертвами этого ловкого обмана.

Вслед за алмазами Бурей называет аметисты, которые, однако, бывают очень бледны и мутноваты и едва ли могут идти в сравнение с привозимыми к нам из Богемии. Впрочем, мне говорили, что иногда попадаются и очень красивые камни, хотя и не часто. Вообще аметисты встречаются гораздо реже, чем горный хрусталь.

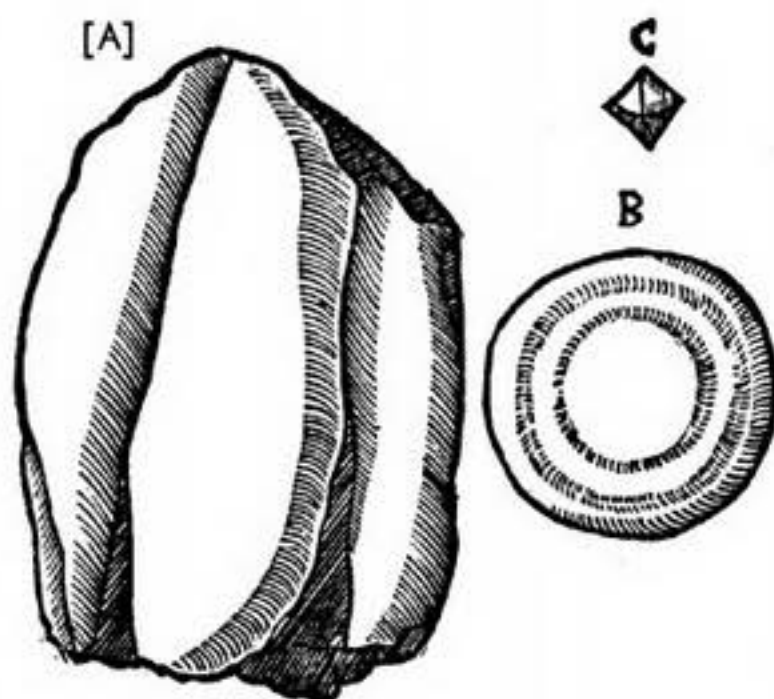
То же можно сказать и о топазах. В моем собрании есть один топаз, найденный в Лапландии. Он, в сущности, очень похож на небольшой кристалл горного хрусталя с той лишь разницей, что весь окрашен в бледно-желтый цвет. Таковы же, по слухам, и остальные лапландские топазы. В них, как, впрочем, и в большинстве лапландских драгоценных камней, нет той яркости,

блеска и игры, которая так ценится в привозимых к нам с Востока.

В эту главу я включил также и жемчуг, хотя он и не относится к драгоценным камням. Он встречается иногда в реках Лапландии. Некоторые лопари даже занимаются в виде постоянного промысла ловлей жемчуга, как, например, тот лопарь Лоенс Персон, открывший серебряную жилу в Насафьелль, о котором мы уже говорили.

Лапландский жемчуг не заслуживает пренебрежительного отношения. Правда, Олаф Магнус говорит, что он бледнее обыкновенного. "Описав рыб Лапландии, — пишет он, — не следует забывать еще и о жемчуге. В некоторых речках северных стран встречаются раковины, внутри которых образуются жемчужины, правда, несколько бледные вследствие сурового климата".

Нельзя отрицать, что в них нет той живости и блеска, который чарует нас в восточных жемчужинах. Впрочем, иногда бывают исключения. Правильность формы и величина некоторых лапландских жемчужин ничуть не хуже заморских, иногда же лапландские жемчуга быва-

ют даже крупнее. Довольно часто попадаются еще не вполне готовые жемчужины, т.е. принявшие с одной стороны прекрасную полукруглую форму, мягкий блеск и как бы полное совершенство, а с другой – плоские, неровные или очень мутные. Несколько таких образчиков я храню в своем музее.

Совсем недавно мне довелось видеть прекрасную жемчужину, доставленную в Стокгольм из Лапландии – такую громадную, такой правильной формы и с такой очаровательной игрой красок, что одна знатная дама сразу пожелала приобрести ее одну за 120 империалов.

По словам ювелира, пара таких жемчужин, в случае если бы удалось найти вторую, равную ей по качеству, стоила бы не менее пятисот империалов.

Как видно, и в этом отношении Лапландия таит в себе еще неизведанные богатства. Жемчужины формируются в Лапландии не в широких, плоских, круглых раковинах, напоминающих устричные, как это бывает на Востоке, а в продолговатых, более вогнутых, попадающихся чаще в реках, чем в море. Несозревшие жемчужины плотно прилегают к створкам раковины, а готовые лежат свободно внутри ее и легко выпадают, когда створки раскрываются.

Глава XXXIV

О ВОДАХ И РЕКАХ ЛАПЛАНДИИ

и одна страна, кажется, не орошается таким громадным количеством ключей, ручьев, рек и озер, как Лапландия. Главнейшие ее реки дали название основным областям, на которые делится эта страна: Умео, Питео, Лулео, Торнео и Кимиео (Кемь – *Kimiao*). Эти большие многоводные реки текут по большей части с Норвежских гор, принимая по пути бесчисленные притоки, и впадают в Ботнический залив.

Умео принимает приток Виндела, Питео – реку Скъэфте, Большая Лулео – Малую того же названия, Ними – Авилайоки. Каждый из этих притоков сам по себе представляет довольно крупную реку, питающуюся, в свою очередь, множеством ручейков и речек.

В быстроте и многоводности меньшие реки почти не уступают крупным. Протекая по изрезанной горами местности, все они почти на всем протяжении прерываются стремительными, шумными водопадами, изобилуя подводными скалами, водоворотами и поэтому неудобны для судоходства.

Большой водопад, называемый Мускаумонне, находится в Лулеоской области, там же есть и другой – Сао и третий – Ниомельсаски, т.е. заячий прыжок, т.к. в этом месте река Лулео несетя в таком узком ущелье, сдавленная со всех сторон горами, что ее действительно тут может перескочить быстрый заяц.

Много водопадов и в Торнеоской Лапландии: водопад Таррафорс – поблизости от Норвежских гор, Кенгебруксфорс, или Лаппиафорс, состоящий из трех водопадов, следующих друг за другом ступенями. Все вместе они называются еще Пеллофорсер. Затем Кеттилефорс и, наконец, Кукулафорс, находящийся уже неподалеку от города Торнео.

Хотя эти многочисленные водопады и сильно затрудняют судоходство, но зато некоторые из них приносят немалую пользу металлургическим заводам и притом доставляют громадное количество оглушенной стремительным падением рыбы.

Кроме рек, в Лапландии еще масса озер. Из громадного числа их мы назовем только самые значительные. В Лулеоской области находится озеро Лулеотреск, через которое протекает река Лулео, затем озеро Лугга, изобилу-

ющее лососями, и озеро Суббаип. По реке Малая Лулео лежат озера Саггат, Ритфак, Пиррияур, Скалька, Ситгийок, Вайкияур и, наконец, самое большое из них Каррагиен, – все кишат разнообразнейшими породами рыб.

В Питеоской области следует упомянуть озера Горнафвоудиявр, Арфунсиерв и особенно озеро Стоор-Афунан, такое громадное, что, по словам Торнея, на поверхности его разбросано не меньше островов, чем дней в году. Но все эти довольно крупные озера превосходит громадное северное озеро Эйнаре, или Энаретреск (*Enaretraesk*), расположенное в Кемской области. О нем упоминает Вексионий в своем "Описании Швеции": "На самом севере, почти у самого полюса, лежит громадное озеро Эйнаре, на поверхности которого рассеяно бесчисленное количество диких и необитаемых островов". В описании Вексиония нет ни малейшего преувеличения.

Иоанн Торней подтверждает его слова, говоря: "Озеро Энаретреск на севере Кемской области, усеянное бесчисленными островами, так громадно, что нет на свете ни одного лопаря, который бы на протяжении всей своей жизни успел изведать все извивы его изрезанных мысами и заливами берегов".

Кроме этих больших озер, в Лапландии есть еще много мелких. Некоторые из них буквально кишат рыбою и считаются у лопарей священными. Они называют их словом *saivo*, что значит "святой", и боятся осквернить их чем-нибудь нечистым. Некоторые из этих озер обладают той странной особенностью, что имеют, по-видимому, двойное дно, т.е. нечто вроде второго подземного озера, расположенного еще ниже – под дном первого и сообщаемого с ним. Случается иногда, что вся рыба внезапно уходит с верхнего в это подземное озеро. Суеверные лопари видят в этом козни злого духа и приносят жертвы божеству, владыке озера, чтобы умиловить его.

"Так как эти озера, – пишет Торней, – по-видимому, имеют двойное дно и рыба из них часто уходит в подземное озеро, то лопари по своему старинному суеверию, удержавшемуся еще со времен язычества, приносят на них жертвы тому демону, который, по их понятиям, является владыкой озера и, разгневавшись на них, причиняет им такую неприятность".

Глава XXXV

О ПОЧВЕ И ГОРАХ ЛАПЛАНДИИ

Почва, которой мы посвящаем эту последнюю главу, далеко не одинакова на всем протяжении Лапландии. На юге, в части, примыкающей к Ботническому заливу, она лучше, чем на севере, и пригоднее для возделывания некоторых злаков и разведения овощей. Доказательством этого могут служить, правда, немногочисленные сады и огороды, заведенные в последнее время некоторыми жителями этой части Лапландии, где с успехом удается выращивать капусту, репу, редьку и некоторые другие овощи.

В остальных местах почва или болотиста, или же камениста. Кое-где попадаются бесплодные песчаные участки, напоминающие пустыню, над которыми вихри вздымают, как пыль, мягкий песок и заносят им, как снегом, всю окрестность. Таких песчаных пустынь особенно много у подножья Норвежских гор. Олаф Петерсон Ниуренский так характеризует почвы Лапландии: "Летом вся Лапландия изрезана оврагами и почти непроходима, в одних местах на целые мили тянутся пески, в других – почва камениста или покрыта болотами".

Эти открытые равнины, занесенные в зимнее время толстым слоем снега, который вьюга мечет из конца в конец, вздымая громадные сугробы, представляют немалую опасность для путешественника, с одной стороны скрывая от его глаз обманчивым снежным покровом опасные места, с другой же – грозя погresti его под снежной массой во время бури. "На этих равнинах, – отмечает Иоанн Торней, – образуются часто громадные снежные сугробы, которые под действием солнечных лучей или случайного дождя покрываются сверху тонкой ледяной коркой. Если вьюга ночью заметет их свежавыпавшим пушистым снегом, то путешественник легко может забраться на них и, продавив своею тяжестью тонкий ледяной наст, скрытый под снегом, провалиться в глубину, иногда настолько значительную, что сугроб становится его могилой".

Далее он говорит о другого рода опасности. "Если путешественника по норвежским фьордам застанет в дороге буря, то лишь при особой удаче он выбирается живым из ее объятий. Зимой громадные массы снега обрушиваются на него и вьюга заметает вокруг все следы; летом сыпучие пески душат его своей тяжестью".

По направлению к Норвегии почва Лапландии постепенно возвышается и переходит в высокие горы, называемые старинным шведским, или вернее исландским, словом "фьельды" (fiæll). Лопари называют их по-своему – tudder, а некоторые авторы, по примеру Плиния, – севонами (sevones).

В сочинениях Плиния действительно встречается упоминание о них: "Там громадная горная цепь Севон, не уступающая кряжам Рифейских гор (Riphau – Уральские горы у древних. – Прим. ред.), тянется до самого Нимв-

рийского полуострова, образуя залив, называемый Коданским (Codanus), окруженный островами, из которых славнейший – Скандинавия". Адам Бременский называет эти горы Рифейскими, что совершенно неправильно, принимая во внимание вышеприведенную цитату из Плиния.

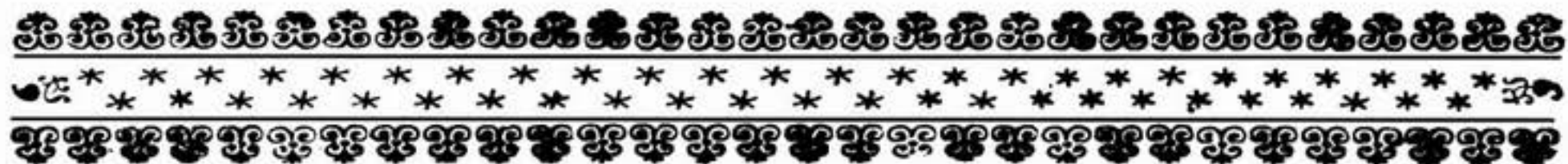
Каковы бы то ни были их разнообразные названия, но мнение Плиния о их высоте и мощи вполне правильно. Горы эти действительно громадны и, по словам Ниурения, вершинами упираются в небо. "Эти горы, – пишет Иоанн Торней, – известные у шведов под названием фьельдов, у финнов – тундр (tundur), у лопарей – туддур (tunddw), высоки и громадны. Вершины их часто бывают скрыты облаками". И дальше: "Трудно представить себе высоту и мрачность этих гор. Еще за много миль они вздымаются над горизонтом, как громадное темное облако, пугающее своим видом странника, вынужденного держать через них свой путь".

Вершины этих гор покрыты вечными снегами или же песками и голыми скалами. "В возвышенной части Лапландии, – замечает Реен, – тянутся высокие горы с обнаженными вершинами, на которых и зимой и летом лежат вечные снега". Этими горами, как неприступной каменной стеной, Швеция отделена от Норвегии самой природой. Они тянутся сплошной цепью вдоль северных берегов Скандинавии, но тем не менее в них можно различить отдельные хребты и вершины – то более высокие, то низкие. Все горные массивы у лопарей носят определенные имена. Самуил Реен называет некоторые из них, пользующиеся наибольшей известностью в Лулеоской Лаппмаркии: Вайсаваари, Насаваари, Цервиовие, Квольдаваари, Ниоттусвагт, Кейбткиваари, Зеннаваари, Фьерроваари, Кардаваари, Стейкаваари, Скалопахт, Дарраваари, Воггусаари, Нийнас, Каскаоиве, Валлаваари, Скъельваари, Гарраваари, Портаваари, Кафля, Сегток, Ультивис.

В других областях Лапландии есть свои горные хребты и вершины, и все они, в свою очередь, получили от лопарей, живущих в их окрестностях, свои собственные имена. Однако перечислять их нет надобности, т.к. это завело бы нас слишком далеко, да и само по себе перечисление названий едва ли может представлять какой-либо интерес для нашего читателя.

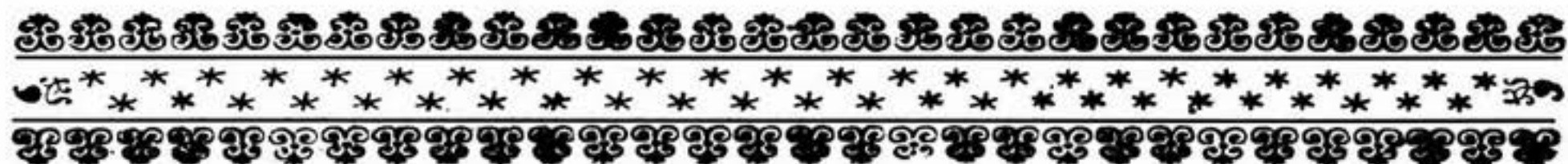
FINIS.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От составителя	3
Глава I. О происхождении термина "Лапландия"	6
Глава II. О местоположении Лапландии	9
Глава III. О климате и природе Лапландии	14
Глава IV. О подразделении Лапландии	17
Глава V. О физических и психических особенностях лопарей	19
Глава VI. О происхождении лопарского народа	24
Глава VII. О первобытной религии лопарей	29
Глава VIII. О распространении христианства среди лопарей	32
Глава IX. О некоторых пережитках язычества у современных лопарей	39
Глава X. О языческих богах лопарей и о поклонении им	43
Глава XI. Чародейство и колдовство лопарей	51
Глава XII. Общественное устройство лопарей	62
Глава XIII. О судебных установлениях и податях, платимых лопарями	65
Глава XIV. О ярмарках и торговле	68
Глава XV. О лопарском языке	71
Глава XVI. О лопарских жилищах	76
Глава XVII. Об одежде лопарей	80
Глава XVIII. О пище лопарей	83
Глава XIX. Об охоте в Лапландии	86
Глава XX. Об оружии и охотничьем снаряжении лопарей	90
Глава XXI. О занятиях и ремеслах лопарских мужчин	93
Глава XXII. О занятиях лопарских женщин	95
Глава XXIII. О занятиях, общих для мужчин и женщин	98
Глава XXIV. О досуге и играх лопарей	101
Глава XXV. Сватовство и свадебные обряды лопарей	103
Глава XXVI. О родах и воспитании детей	108
Глава XXVII. О болезнях, смерти и погребении	111
Глава XXVIII. О домашних животных лопарей	114
Глава XXIX. О диких зверях, водящихся в Лапландии	117
Глава XXX. О птицах, рыбах и других видах животного царства	121
Глава XXXI. Растительный мир Лапландии	125
Глава XXXII. О металлах и рудах, находимых в Лапландии	126
Глава XXXIII. О горных породах, драгоценных камнях и жемчуге	128
Глава XXXIV. О водах и реках Лапландии	130
Глава XXXV. О почве и горах Лапландии	131

ИНФОРМАЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

Главный редактор альманаха "Живая Арктика"
Валерий Эдмундович Берлин
Научные консультанты А.А. Киселев, Е.Я. Пация
Корректор С. Шарам
Адрес редакции:
184209, Мурманская область, г. Апатиты, а/я 73
Тел. (8-1555) 7-64-87,
E-mail: vberlin@apatity.ru;
Internet: www.arctic.org.ru
Издание зарегистрировано в
Министерстве печати и информации РФ
Регистрационный номер 016678